

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени
исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

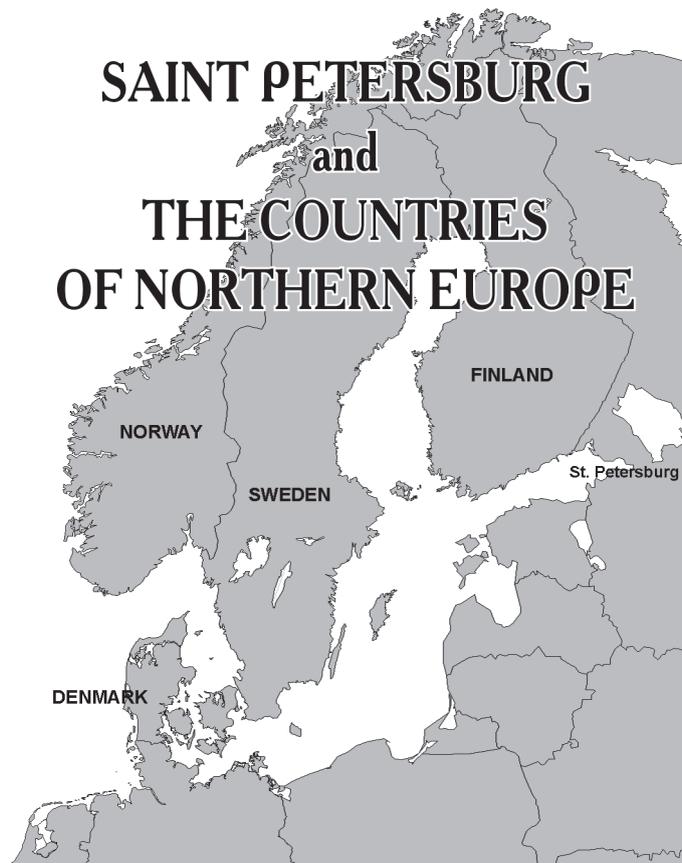
*Материалы Тринадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2012

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

*Proceedings of the 13th Annual International
Conference*

Saint-Petersburg
2012

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *В. Н. Барышников*
(ответственный редактор),

д-р ист. наук, профессор *В. Е. Возгрин*,
Т. Н. Гордецкая,

д-р ист. наук, профессор *П. А. Кротов*,

д-р. филол. наук *К. Е. Нетужилов*,

канд. филос. наук *Т. Ф. Фадеева*,

д-р филос. наук, профессор *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов*
(Российская национальная библиотека);

канд. ист. наук *А. И. Терюков*
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы
Тринадцатой ежегодной научной конференции (5–7 апреля
2011 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.:
РХГА, 2012. — 392 с.

ISBN 978-5-88812-476-5

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе ма-
териалов докладов Тринадцатой международной научной конференции
«Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Сборник посвящен
памяти профессора Н. И. Барышникова.

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отно-
шений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

ISBN 978-5-88812-402-4

© В. Н. Барышников, П. А. Кротов,
сост., 2012

© Издательство Русской христианской
гуманитарной академии, 2012

The Editorial Board:

PhD in History, professor *V. N. Baryshnikov* (managing editor),

PhD in History, professor *V. E. Vozgrin, T. N. Gordezkaya,*

PhD in History, professor *P. A. Krotov,*

PhD in Philology *K. E. Netuzhilov,*

Candidate of Philosophy *T. F. Fadeeva,*

PhD in Philosophy, professor *D. V. Shmonin*

Reviewers:

Candidate of Historical science *A. V. Likhomanov*

(The Russian National library),

Candidate of Historical science *A. I. Teryukov*

(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the thirteenth annual scientific conference (5–7 of April 2011) Edited by *V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov.* SPb. RCHGA, 2012.

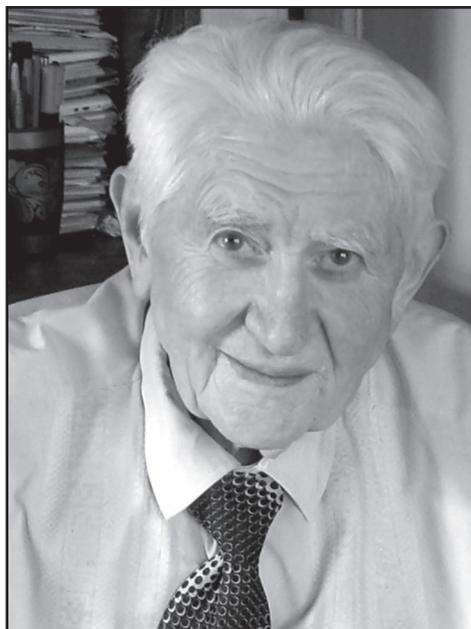
The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the thirteenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”. The collection is devoted to the memory of professor *N.I. Baryshnikov.*

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

© *V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov,* 2012

© Russian Christian academy for humanities publishing house, 2012

*Книга посвящена памяти глена редакционной коллегии
сборников «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»,
доктора исторических наук, профессора
Николая Ивановича Барышникова*

Профессор Н. И. Барышников
(1922–2011)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Тринадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 6–7 апреля 2011 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона*. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые РХГА, исторического факультета, факультета международных отношений СПбГУ, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии и Великобритании.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2011 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией. Кроме того, раздел сборника «Люди и события сквозь призму истории» целиком посвящен анализу научного и исследовательского наследия

---

* См.: XIII международная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» — http://novist.history.spbu.ru/event_26.html.

крупнейшего петербургского историка-скандинависта, профессора Н. И. Барышникова, который в течение многих лет являлся одним из главных организаторов проведения ежегодных конференций «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Также часть выступлений, включенных в сборник, были выполнены в рамках международной научной конференции «Россия и Финляндия: через века истории. К семидесятилетию начала Великой Отечественной войны (*Памяти профессора Н. И. Барышникова*)», которая прошла 30 июня 2011 г. в Историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала»**.

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающиеся *раскрытия генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях Северной Европы в эпоху Нового и Новейшего времени*.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»***. Все материалы конференций размещены на сайте <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

** См.: Конференция «Россия и Финляндия: через века истории: к семидесятилетию начала Великой Отечественной войны. Памяти профессора Н. И. Барышникова» — http://novist.history.spbu.ru/event_30.html.

*** Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the thirteenth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries».

The conference was organized by St.Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St.Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical – ethnographic museum -reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 6–7 of April 2011. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, cult urologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region*, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Finland and Great Britain.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2011. Besides the reports in the part «people and events through the prism of history are devoted to the scientific and research heritage left by one of the most significant Petersburg Scandinavian researcher professor N. I. Baryshnikov who was one of the organizers of the annual conference «Saint-Petersburg and North European countries». Some of the reports were also made on the international scientific conference: «Russia and Finland: through centuries of history. To the 70th anniversary of the beginning of the Great

---

* The thirteenth international conference Petersburg and North European countries – http://novist.history.spbu.ru/event_26.html.

Patriotic War. (To the memory of Professor N. I. Baryshnikov)» which was held on 30 of June 2011 in the Historical — ethnographic museum -reserve «Yalkala»**.

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference. They are devoted to revelation of genesis, evolution, discursive and political practice in polinational communities in Northern Europe in modern and up-to-date epoch.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»**. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

** The international scientific conference: «Russia and Finland: through centuries of history. To the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War. (To the memory of Professor N. I. Baryshnikov)» http://novist.history.spbu.ru/event_30.html.

*** Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library «Saint Petersburg 2003». SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. P. 431–490; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb. 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb, 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb, 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb, 2006.. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb, 2007. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninth annual Scientific Conference. SPb, 2008. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb, 2009. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb, 2010. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb, 2011.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Ю. В. Кривошеев

**ПРОФЕССОР-СКАНДИНАВИСТ Н. И. БАРЫШНИКОВ —
УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК**

Профессор Николай Иванович Барышников — автор около 200 научных работ, посвященных малоизвестным страницам истории Второй мировой войны, битвы за Ленинград, а также истории дипломатии и, прежде всего, истории российско-финляндских отношений. Н. И. Барышников стал одним из наиболее ярких представителей петербургской исторической науки и ведущим специалистом в России в области изучения истории Финляндии второй половины XX в.

Он родился в 1922 г. в небольшом городке Бутурлиновка Воронежской губернии в семье провинциальной интеллигенции. В 1940 г., окончив среднюю школу, Н. И. Барышников был призван в армию, оказавшись представителем именно того поколения советских людей, которые через некоторое время первыми встретили врага, обрушившегося на страну в июне 1941 г. Для Н. И. Барышникова война началась за Выборгом, на самой границе с Финляндией, где была размещена его часть: он проходил свою армейскую службу в особо секретном подразделении противовоздушных сил обороны Ленинграда — радиолокационном расчете (радаре).

Обстановка вокруг выборгской группировки советских войск на границе стремительно осложнялась, и только лишь удача позволила расчету радара вовремя покинуть уже оставляемый советскими войсками Выборг и не оказаться в окружении¹. Буквально через несколько дней немецкие войска замкнули

блокадное кольцо под Ленинградом, и Н. И. Барышникову суждено было пережить все тяготы, которые испытал город в течение 900 дней его защиты от неприятеля, который блокировал Ленинград как с юга (германские войска), так и с севера (финские войска).

Необходимо отметить, что именно радар, на котором служил Н. И. Барышников, смог обнаружить и зафиксировать последнюю попытку вражеской авиации весной 1944 г. нанести массированный бомбовый удар по Ленинграду. Самолеты противника были обнаружены на расстоянии 210 километров севернее города, они летели с территории Финляндии. Н. И. Барышников тогда сам лично смог наблюдать на экране радиолокационной станции налеты на город финской авиации, и это было важно, поскольку уже после войны в исторической литературе Финляндии подобные факты стремились всячески замалчивать. За успешное обнаружение целей, которое привело к срыву последнего массированного налета на город, Н. И. Барышников был награжден орденом Отечественной войны. А в 1980-е гг. он стал одним из прототипов героя художественного произведения писателя Валерия Волошина «Ленинград — срочно...», в котором писатель постарался в литературной форме представить героиню битвы за Ленинград и роль в ней противовоздушной обороны².

Склонность к аналитическому осмыслению фактов, а также любовь к истории, которая тогда стала проявляться, привели к тому, что Н. И. Барышников, как только закончилась война, решил поступать в Ленинградский государственный университет. При этом он был уже офицером, поскольку демобилизовывать его из армии не собирались. Таким образом, продолжая служить в системе ПВО Ленинграда, Н. И. Барышников начал учиться на историческом факультете ЛГУ, ставя для себя задачу как можно раньше его закончить, понимая, что время, которое было отобрано у него войной, нужно наверстывать. Он смог окончить университет уже в 1949 г., получив высшее историческое образование. К этому времени у него уже четко определились научные пристрастия, которые были связаны с отечественной историей, историей Второй мировой войны и, прежде всего, с проблемами битвы за Ленинград в 1941–1944 гг.

В это же время в его военной службе произошли изменения. Н. И. Барышников был переведен в Политуправление Ленинградского военного округа. Новая работа уже в большей степени носила научно-аналитический характер: молодой офицер был направлен в отдел, в задачу которого стало входить изучение и анализ военно-политической обстановки в соседней с СССР стране — Финляндии. Эта работа требовала знания финского языка, и он за достаточно короткий срок смог овладеть этим сложным языком на таком уровне, что был в состоянии также выполнять функции переводчика. Поэтому Н. И. Барышников принимал участие в первых — исторических по своей значимости — «визитах дружбы» советских военных делегаций в Финляндию. В этот момент он получил возможность лично наблюдать видных финских государственных и военных деятелей, других политиков соседнего государства, что, естественно, было крайне важно с точки зрения понимания той страны, историей которой Н. И. Барышников все больше и больше стал увлекаться.

В это же время в его профессиональные обязанности начала входить подготовка соответствующих информационных материалов для войск ЛВО, в которых верно и объективно давалось представление о международном положении Финляндии и о советско-финляндских отношениях в целом. И тогда же начали выходить его публикации, которые были не только с грифом «Для служебного пользования», — это были его первые научные работы³.

В конце 1950-х гг. он заканчивает кандидатскую диссертацию, в которой попытался проследить коренные изменения, которые произошли во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией в послевоенные годы⁴. В ней фактически впервые в отечественной историографии был дан всесторонний научный анализ послевоенного развития советско-финляндских отношений. На защите диссертации, которая состоялась на историческом факультете ЛГУ в 1962 г., первый оппонент, известный в СССР специалист в области истории Финляндии XX в., доктор исторических наук И. И. Сюкияйнен особо подчеркнул очевидную актуальность и значимость для науки достигнутых в работе результатов.

Таким образом, Н. И. Барышников к этому времени уже сложился как профессиональный историк-исследователь. В этом

смысле важным стало то, что в начале 1960-х гг. Н. И. Барышникову поручается заняться исследованием истории Ленинградского военного округа и войти в специальную группу офицеров, которые в это время готовили создание музея истории войск округа. В результате начавшейся работы он получил соответствующий допуск к ряду секретных архивных материалов, связанных с историей ЛВО, а также возможность познакомиться с известными военными и государственными деятелями Ленинграда предвоенного и военного периода. Именно им тогда была точно определена дата образования округа — 20 марта 1918 г. День, который после этого стал регулярно отмечаться как «день рождения» округа⁵.

В 1964 г. Н. И. Барышников начинает заниматься только историей. В это время он переходит на преподавательскую работу в Высшее военное инженерное строительное Краснознаменное училище им. генерала армии А. Н. Комаровского, где в 1967 г. становится доцентом кафедры истории. Начинается фактически новый этап в его научно-исследовательской деятельности, появляется ряд фундаментальных работ, написанных в соавторстве с другими исследователями, касающихся истории Второй мировой войны и истории Ленинградского военного округа⁶.

Наряду с этим продолжается глубокое изучение истории Финляндии, и прежде всего, того периода, который долгое время в Советском Союзе вообще не рассматривался. Известно, что в условиях формирования после окончания Второй мировой войны дружественных советско-финляндских отношений в СССР стали стремиться забыть все то, что было прежде, и не затрагивать в своих исследованиях время, когда вспыхивали войны между двумя государствами в 1939–1944 гг.⁷ В Советском Союзе тогда и «зимнюю войну» стали именовать не иначе как лишь «вооруженный конфликт»⁸.

Естественно, в данном случае требовалось сказать правду и коснуться советско-финляндских отношений не только с точки зрения их дружественного послевоенного характера, но и учитывая прошлые исторические периоды. Н. И. Барышников занялся именно тем, что не особенно приветствовалось в советской историографии. На основе архивных источников, а также зарубежной мемуарной и исследовательской литера-

туры он приступил к серьезному изучению проблемы безопасности Ленинграда с севера в годы Второй мировой войны. Многолетняя работа по данной теме завершилась выходом специальной монографии⁹, которая, однако, являлась лишь ведомственным изданием и поэтому имела весьма ограниченный тираж.

Тем не менее выход этой, по тем временам, безусловно, новаторской, работы открыл возможность вынести на защиту положения, которые в ней содержались, в качестве докторской диссертации¹⁰. Защита успешно состоялась в 1981 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена, и это свидетельствовало о том, что взгляды Н. И. Барышникова начинали пробивать себе дорогу, формируя принципиально новые отношения к изучению советско-финляндских отношений. Существенным становилось также и то, что о его творческой деятельности — а исследователь тогда уже приближался к своему шестидесятилетию — начали узнавать и за рубежом.

Важным явилось и предложение, поступившее от Национального комитета историков СССР, выступить с пленарным докладом на Восьмом советско-финляндском симпозиуме историков, который должен был пройти в Петрозаводске в октябре 1981 г. На симпозиуме впервые в историографии на совместное обсуждение была вынесена тема, связанная с участием Финляндии во Второй мировой войне¹¹.

Для многих не только финских ученых, но и советских историков стал большим откровением развернутый доклад Н. И. Барышникова о выходе Финляндии из Второй мировой войны, где он аргументированно раскрыл этапы этого процесса¹². Более того, на этом симпозиуме, в обсуждении сделанного им доклада, исследователи также начали касаться событий, связанных с историей советско-финляндской войны 1939–1940 гг.¹³

Тема участия Финляндии во Второй мировой войне становилась все более актуальной и злободневной. И вот в новых условиях для ученого открывалась возможность сделать то, что до него в Советском Союзе никто и никогда не делал — подготовить монографию об участии Финляндии в войне против СССР. Работа предстояла весьма серьезная, хотя ленинградское издательство для публикации этой книги предложило доста-

точно ограниченный листажный объем. Также требовалось, естественно, и учитывать требования цензуры, которая следила за тем, чтобы не допустить какой-либо «крамолы».

В 1985 г. первая изданная в Советском Союзе работа об участии Финляндии во Второй мировой войне вышла в свет¹⁴. Она получила широкий отклик в советской печати¹⁵. Заметили эту книгу и за рубежом. Что же касается Финляндии, где, естественно, весьма внимательно наблюдали за тем, как развивается советская историческая наука по «их проблематике», то там далеко не однозначно восприняли это исследование¹⁶. Несмотря на то что эта монография была переиздана на финском языке¹⁷, появились достаточно критические отзывы, поскольку содержание этой работы не соответствовало крепко устоявшимся в финском общественном сознании представлениям об участии Финляндии в войне, основанном на прежних ее пропагандистских штампах. Тем не менее в одном из ведущих финских исторических журналов подчеркивалось, что «дух книги нельзя считать на самом деле “антифинским”», что уже само по себе свидетельствовало о признании в Финляндии этой работы¹⁸.

В 1989 г. появилась новая работа, которая была написана на еще более обширном, чем прежде, историческом материале¹⁹. Но и в этом труде не был пока использован в полном объеме финский архивный материал. В Финляндии не стремились допускать советских исследователей к своим тайнам истории, блокируя даже возможность работы в финских государственных архивах. Поэтому, находясь в Финляндии в очередной раз и получив отказ в возможности работать в финских архивах, Н. И. Барышников решил по данному поводу дать развернутое интервью представителям финских средств массовой информации. После этого финские архивные чиновники вынуждены были признать, что подобная практика в отношении советских исследователей в дальнейшем будет недопустима²⁰. В итоге открылись совершенно новые перспективы для научной работы на основе новых, не исследованных ранее источников.

Тогда же для творческой деятельности Н. И. Барышникова появились и другие благоприятные условия. В звании полковника он заканчивает свою службу в армии, а в 1992 г. переходит на должность профессора-консультанта кафедры истории в Северо-Западную академию государственной службы. Теперь

он мог полностью сосредоточиться на научной деятельности. Вместе с тем, наряду с серьезным и обстоятельным изучением ранее секретных архивных материалов, относящихся ко Второй мировой войне, которые долгое время были недоступны для исследователей в фондохранилищах России и Финляндии, он начинает активную научно-общественную жизнь.

Н. И. Барышников приглашают стать членом сразу трех научных советов высших учебных заведений Санкт-Петербурга; кроме того, он становится членом проблемного совета «Российская Федерация в годы Второй мировой войны», действительным членом Академии военно-исторических наук, а также вице-президентом Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград. Н. И. Барышников также часто выступает по российскому и финскому телевидению и радио, дает интервью журналистам по проблемам советско-финляндских отношений.

Но главным все же оставалась его исследовательская деятельность. И в этом отношении тогда для него начали открываться весьма заманчивые перспективы. Дело в том, что в Институте всеобщей истории Академии наук России возникла идея подготовить совместный проект написания вместе с финскими учеными крупной научной работы, касающейся политической истории «зимней войны»²¹. Н. И. Барышников был приглашен в состав авторского коллектива, и работа в этом направлении началась. Она продолжалась несколько лет и была сопряжена с регулярными посещениями российских и финских архивов: раскрывались все новые и новые «белые пятна» истории.

Итог же этой деятельности стал уникальным. Появился совместный российско-финляндский научный труд, рассматривающий, может быть, самые сложные события во взаимоотношениях двух государств в XX в.²² «Книга “Зимняя война 1939–1940 гг.”», — отмечал по этому поводу академик Г. Н. Севостьянов, — неординарное произведение, оригинальное по замыслу и исполнению; она стала важным событием в исторической науке»²³.

Так был достигнут еще один весьма важный результат, но он только еще больше подталкивал исследователя к новым достижениям в его деятельности. Действительно, в данный период появились уже новые научные предложения — подготовка с финскими исследователями совместного издания,

в котором бы уже затрагивались вопросы участия Финляндии в войне в 1941–1944 гг. против СССР на стороне фашистской Германии.

Однако добиться прежнего творческого сотрудничества с финскими коллегами на этот раз не удалось. Именно на этом этапе у финских ученых наступил определенный пессимизм в вопросе о возможности продолжения совместной работы. Вызван он был тем, что в предполагаемом труде требовалась объективность в отношении к политике своего государства и, таким образом, отказа от господствующих в исторической науке Финляндии определенных мифов и пропагандистских штампов, которые сложились здесь еще в период Второй мировой войны. В итоге начавшаяся совместная работа стала не складываться, что не позволило сблизить позиции исследователей двух стран²⁴.

Подобное явление на рубеже XXI в., конечно, казалось уже нелепым в условиях разговоров об отсутствии прежних националистических представлений и демократии в исследовательском подходе, существовавшем в соседней стране. Поэтому Н. И. Барышников в новой обстановке прежде всего сосредоточил свою научную работу на рассмотрении тех аспектов истории участия Финляндии во Второй мировой войне, которые имели наиболее спорный характер.

Эта работа выразилась в издании еще четырех книг. Сюда вошли творческие достижения автора последнего десятилетия, подготовленные в условиях, когда Н. И. Барышников сложился как известный ученый-исследователь. Таким образом, можно говорить, что они являются очередным научным рубежом в его исследовательской деятельности.

Одна книга профессора Н. И. Барышникова была издана при поддержке редакционно-издательского совета Северо-Западной академии государственной службы²⁵, где автор книги работал на кафедре истории и мировой политики. Что же касается других работ²⁶, то они были опубликованы в Хельсинки на базе Института Йохана Бекмана.

Резонанс от вышедших монографий профессора Н. И. Барышникова был огромен. Даже министр иностранных дел Финляндии Эрkki Туомиоя вынужден был тогда признать, что «нам нужно знать трактовку событий другой стороны, чтобы понять существующие там взгляды»²⁷.

Действительно, ценность работ Н. И. Барышникова, прежде всего, заключалась в том, что в них как раз определяются наиболее острые и «неудобные» для финских историков сюжеты военного периода, дается им максимально объективная оценка.

Общей идеей, заключающейся в последних произведениях Н. И. Барышникова, было стремление автора на исключительно научном уровне показать все те проблемы, которые сложились во взаимоотношениях между двумя странами в середине XX столетия, проблемы, которые оказали влияние на дальнейшее развитие отношений России и Финляндии на последующий отрезок времени вплоть до наших дней.

Настоящим завещанием ученого стала его последняя книга: «Финляндия. Из истории военного времени. 1939–1944», вышедшая в фундаментальной серии «Русская библиотека» санкт-петербургского издательства «Наука»²⁸. Она включила в себя как лучшие работы Николая Ивановича, зарекомендовавшие себя как среди отечественных специалистов, так и финских историков. Это уже упомянутые «Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.», «Блокада Ленинграда и Финляндия», «К. Г. Маннергейм без ретуши», «Рождение и крах терийокского правительства (1939–1940 гг.)».

Книга подготавливалась в условиях известной кризисной обстановки, приходилось торопить издательских работников, и они к этому относились с пониманием. Все мы ждали эту книгу, и я помню звонок волнующегося Николая Ивановича на следующий день после ее выхода, благодарившего всех, кто участвовал в издании его работы.

Таков жизненный и творческий путь Николая Ивановича Барышникова, таковым он был, таковым остался в нашей памяти — честным, порядочным, принципиальным ученым, искренним, добрым и отзывчивым человеком.

---

¹ См.: *Барышников Н. И.* На Выборгском направлении // «Редуты» на защите Ленинграда. Л., 1990. С. 19–20, 22.

² *Волошин В.* Ленинград — срочно... Роман-хроника. М., 1986.

³ *Барышников Н. И.* Борьба вокруг советско-финляндского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи // Труды Высшего военно-педагогического института им. Калинина. Кн. XII. 1957; *Барышников Н. И.*

Финляндия // Страны Северной Европы. Л., 1958; *Барышников Н. И.* Газета демократических сил Финляндии // О советской и зарубежной печати. Л., 1964.

⁴ *Барышников Н. И.* Коренные изменения во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией в послевоенные годы (1944–1962 гг.) // Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Л., 1962.

⁵ См.: *Голубев А., Аржанов Ф., Горбань Г.* Страницы героической летописи // На страже Родины. 1968. 19.05.

⁶ Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974 (переиздана в 1977–1979 гг. в Берлине, Праге, Будапеште, Софии, Варшаве).

⁷ См.: *Амбарцумов Е. А.* Советско-финляндские отношения. М., 1956; *Похлебкин В. В.* СССР–Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975; *Бартеньев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976; *Бартеньев Т., Комиссаров Ю.* СССР–Финляндия: Ориентиры сотрудничества. М., 1978.

⁸ См.: Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование // История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. М., 1963.

⁹ *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

¹⁰ *Барышников Н. И.* Проблема обеспечения безопасности и защиты Ленинграда с севера в годы Второй мировой войны / Автореф. ... дис. доктора исторических наук. Л., 1981.

¹¹ *Шилов В. С.* Национальный комитет историков СССР (1976–1981 гг.) // Новая и Новейшая история. 1982. № 4. С. 205; VIII советско-финляндский симпозиум историков // Ленинская правда. 1981. 24.10.

¹² *Кан А. С.* Советско-финляндский симпозиум историков // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 5. Доклад был опубликован: *Baryšnikov N.* Neuvostoliitto ja Suomi: rauhan ja turvallisuuden ongelmia Pohjois-Europassa 1940-luvun jalkipuoliskolla // Historiallinen Arkisto, 1984. N 84; *Барышников Н. И.* Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985.

¹³ См.: *Historiallinen Aikakauskirja.* 1982. № 1. S. 52–53.

¹⁴ *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985.

¹⁵ См.: Новая и Новейшая история. 1988. № 1; Вопросы истории. 1986. № 4, 6; Скандинавский сборник. Т. XXXII. Таллинн, 1988; Международная жизнь. 1986. № 5; Север. 1986. № 3; Звезда. 1986. № 11; Ленинградская правда. 1986. 29.04; Neuvosto-Karjala. 1986. 2.02; Коммунист Эстонии. 1986. С. 62–63; Пограничник. 1986. 26.03; Маяк. 1986. 19.06, и др.

¹⁶ См.: *Tiedonantaja.* 1988. 10.06; *Maailma ja Me.* 1986. № 6; *Helsingin Sanomat.* 1987. 22.02; *Ulkopolitiikka.* 1986. № 2; *Historiallinen Aikakauskirja.* 1986. № 1.

¹⁷ *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N.* Suomi II maailman sodassa. Helsinki – Vaasa, 1988.

¹⁸ *Vihavainen T.* Neuvostonäkemykset Suomen poliittisesta historiasta toisen maailmansodan aikoihin // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1986. № 1. S. 45.

¹⁹ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

²⁰ *Ilta Sanomat*. 31.08; *Helsingin Sanomat*. 1988. 02.09.

²¹ См.: Интервью Ржешевского О. А. История войны без стереотипов и подтасовок // *Красная Звезда*. 1993. 6.05.

²² *Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia*. Helsinki–Jyväskylä, 1997; *Зимняя война. Политическая история*. М., 1998.

²³ *Севостьянов Г. Н.* Правда о Зимней войне 1939–1940 гг. // *Новая и Новейшая история*. 1999. № 1. С. 142, 143.

²⁴ См.: *От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.* СПб., 2006. С. 193.

²⁵ *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

²⁶ *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* К. Г. Маннергейм без ретуши. 1940–1941. СПб.; Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «тертийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

²⁷ См.: обложку книги *Varyšnikov N. I.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944.

²⁸ *Барышников Н. И.* Финляндия. Из истории военного времени. 1939–1944. СПб., 2010.

В. И. Фокин

**ОСНОВАТЕЛЬ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Одним из наиболее известных и крупных историков ленинградско-петербургской научно-исследовательской школы 1960–2000 гг. является профессор Николай Иванович Барышников. Его труды, прежде всего, были посвящены военной истории и истории международных отношений XX в., но известность и признание в научных и дипломатических кругах, среди широкой публики профессор Барышников получил благодаря его работам по истории советско-финляндских отношений, прежде всего, войн 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг. Значение его научного творчества, однако, нельзя свести только к успешному разрешению крупной научной проблемы. Нечасто в исторической науке можно встретить имя ученого, творчество которого оказало столь существенное влияние на развитие целого научного направления и на формирование общественного сознания двух стран и одновременно столь ярко вписывалось бы в контекст современной научной и общественно-политической практики.

Н. И. Барышников как ученый формировался именно в те годы, когда складывалось такое явление, как ленинградская историческая школа. Его научная карьера не похожа на типичную карьеру академического ученого, но представляется, что именно она определила характерные особенности его творчества, высокую требовательность и морально-этические качества научного стиля Николая Ивановича. После окончания Ленинградского военного училища связи, а затем, без отрыва

от службы, исторического факультета Ленинградского государственного университета он начал работать в Политуправлении Ленинградского военного округа. Содержание его деятельности было связано с изучением и анализом военно-политической обстановки в Финляндии и советско-финляндских отношений.

Совершенно очевидно, что служебные обязанности офицера превратились в серьезное увлечение историей соседней страны, а также в научный интерес к современным советско-финляндским отношениям. Естественно, что в это время большинство его аналитических исследований осуществлялись для служебного пользования. Но Николай Иванович, очевидно, ощущал потребность в решении более серьезных задач. В юности он был участником Великой Отечественной войны на Карельском перешейке. Воевавшие люди лучше многих других понимают и ценят мир и добрососедские отношения между странами. Безусловно, не только научный интерес, но и глубокое чувство гражданской ответственности фронтовика за будущее отношений двух соседних стран, тесно связанных между собой географическим положением и историческими судьбами, вдохновили молодого историка на занятие исследованиями в этой области. Свою кандидатскую диссертацию на тему «Коренные изменения во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией в послевоенные годы (1944–1962 гг.)» Н. И. Барышников посвятил всестороннему анализу советско-финляндских отношений в послевоенное время. Это было первое в нашей стране академическое исследование данной темы. Оно имело и большое практическое значение. Именно по этой работе Н. И. Барышникова изучали проблему будущие советские дипломаты.

Одновременно ему было поручено заняться историей Ленинградского военного округа и организацией его музея, что позволило приступить к архивному исследованию таких вопросов, на которые ранее мало кто обращал внимание¹. Во многом это были вопросы, также связанные с историей непростых отношений первой половины XX в. нашей страны с Финляндией. Тогда, в этой работе, Николай Иванович начал сотрудничать с военными историками И. И. Ильиным, одним из первых исследователей событий советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в СССР, Л. Г. Винницким, возглавлявшим

научно-исследовательский отдел штаба ЛВО, канд. ист. наук А. А. Мяги, с которым они вместе создавали музей Ленинградского военного округа, и историком авиации, канд. ист. наук И. Г. Ионоземцевым. В результате возникает большой творческий коллектив, где существовал уникальный сплав личных патриотических убеждений исследователей, основанный на их собственном жизненном опыте и глубоком знании научной литературы и архивных документов. Именно эти черты особенно ярко стали характеризовать отличительные особенности «фирменного» научного стиля, прежде всего, Николая Ивановича Барышникова, его последователей и учеников. К тому же нельзя исключать мысль о том, что в этот момент Николай Иванович осознал возможность, подаренную ему судьбой, пролить свет на весьма мифологизированную или утаенную политиками от двух соседних народов историю советско-финляндских отношений 1939–1945 гг. Надо сказать, что выбор такой темы в те годы требовал определенного научного и гражданского мужества. Ведь даже сегодня правда о тех событиях нравится далеко не всем, вызывает бурные эмоции и споры.

Тем временем, перейдя на преподавательскую работу, Н. И. Барышников связал уже свою научную судьбу с более широким кругом научных тем, посвященных военной истории. При его непосредственной помощи и поддержке были подготовлены и защищены несколько кандидатских и докторская диссертации. Тщательный отбор материала, его четкое построение, связь с социально-экономическими процессами, происходившими в нашей стране и за рубежом, литературная речь, образный язык, хорошая дикция, свободная манера суждений, своеобразный призыв к размышлениям, — все это было проявлением традиционной «ленинградской» интеллигентности и высокой профессиональной квалификации. Это же подчеркивал и сам облик Николая Ивановича. Доброжелательность, деликатность и стремление поощрять креативность собеседника сочетались в нем с деловой обязательностью, требовательностью к себе и ответственностью. Такое педагогическое дружелюбие и атмосфера доверия привлекали к нему людей. Эти проявления человеческой природы отражались и в стиле его научных сочинений.

Причем Н. И. Барышников всегда охотно делился своим богатейшим опытом. Его личные качества привлекали людей и невольно вовлекали молодых историков в круг его научных интересов, вызывали стремление подражать его научному стилю. Сегодня обычно, когда хотят подчеркнуть способность кого-либо быть лидером, говорят, что человек обладает харизмой. При этом подразумевают напористость, энергичность и, как правило, неразборчивость в средствах достижения цели. Харизма Николая Ивановича была принципиально иного рода. Он увлекал интеллигентностью, логикой мышления, нравственной чистотой, равнодушием к человеческой судьбе и судьбам народов, увлеченностью своим делом — историей.

Именно в это время Н. И. Барышников стал участником весьма авторитетных авторских коллективов, работавших над фундаментальной историей Великой Отечественной войны. Николай Иванович всегда считал своим долгом убедительно сказать правду о войне². Тогда научная судьба свела его в совместной работе с ведущими советскими историками Второй мировой войны А. М. Носковым и О. А. Ржешевским. Безусловно его опыт обогатился новыми красками в работе над этими трудами, позволил шире взглянуть на историю военных событий на северо-западных рубежах нашей Родины. Причем Великая Отечественная война, битва за Ленинград, блокада города были для Н. И. Барышникова не просто темы для научных исследований. Эти события были важной частью жизни Николая Ивановича, требовавшей от него проявления всех выдающихся качеств человеческой природы. Вот почему Н. И. Барышников, всегда остро относившийся к неточности в исторической науке, раньше других осознал опасность искажения истории Второй мировой войны и участия в ней советского народа. Борьбу с ними он воспринимал не только как свой научный, но и человеческий, нравственный долг.

С целью активизации изучения и популяризации истории блокады и битвы за Ленинград Н. И. Барышников явился одним из учредителей создания в Петербурге Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград. Он был избран вице-президентом этой организации. Ассоциация активно в 1990-е гг. организовывала научные конференции³ и также издала книгу «Ленинград в борьбе: месяц за месяцем 1941–1944»⁴. Его со-

ратниками стали ведущие ленинградские историки Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, А. Р. Дзенискевич, президент Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград Ю. И. Колосов, генерал Г. А. Олейников. При активном участии и большой организационной работе Н. И. Барышникова был проведен ряд международных научных конференций с участием финских, шведских, немецких, американских, английских, французских и других ученых по проблемам военной политики воюющих государств, места и роли сражающегося Ленинграда на северо-западном театре военных действий.

Однако главной сферой научной жизни Николая Ивановича оставалось исследование сложных проблем советско-финляндских отношений. Это прошло у Николая Ивановича красной нитью через все его творчество. Первой крупной научной работой Николая Ивановича явилась здесь монография 1978 г. «На защите Ленинграда: обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны», в ней он впервые в отечественной историографии раскрыл на основе советских, а также зарубежных источников непростые события, связанные с анализом попыток советского руководства добиться обеспечения безопасности Ленинграда накануне и в период Второй мировой войны⁵. Фактически тогда им также была со всей остротой затронута тема «зимней войны», тема, которая долгие годы в СССР практически не исследовалась. Стремясь раскрыть тайны исторического прошлого, Н. И. Барышников преследовал одну цель — сделать отношения между двумя народами свободными от лжи и умолчаний, а следовательно, по-настоящему доверительными. Развивая исследования истории непростых отношений нашей страны с Финляндией, Н. И. Барышников подготовил фундаментальный труд, положения которого затем вынес на защиту докторской диссертации в 1981 г., посвященной проблеме обеспечения безопасности и защиты Ленинграда с севера в годы Второй мировой войны. Она явилась началом формирования принципиально нового отношения в научной среде к изучению острых вопросов истории советско-финляндских отношений. Своей научной работой Н. И. Барышников вызвал буквально революцию в этой сфере. Его доклад на Восьмом советско-финляндском симпозиуме историков в Петрозаводске (1981 г.) о выходе Финляндии из Второй мировой войны стал

настоящим откровением для советских и финских историков. Обсуждение этого доклада прервало практику замалчивания острых проблем российско-финляндских отношений. «Позиция страуса» лишь внешне обеспечивала благополучие взаимоотношений СССР и Финляндии в своеобразных условиях 60–70-х гг. прошлого века. Каждая сторона «держала фигу у себя в кармане» по этой непростой проблеме. И если бы тогда не начался откровенный диалог на эту тему, начатый Николаем Ивановичем, трудно предположить, во что бы вылились бурные дискуссии по этому вопросу в лихие 90-е гг. Причина успеха Н. И. Барышникова заключалась в мужественности и откровенности постановки проблемы. Эти качества были особенно необходимы в те годы, когда «холодная война» демонстрировала новый виток обострения. Но Николай Иванович смело пошел на это, сознавая, что за ним сила достоверности и обоснованности выводов, базирующихся на прочной документальной основе. В то время как у его оппонентов была зыбкая почва мифов и умолчаний, за которыми в лучшем случае скрывались тенденциозно подобранные факты и умолчания.

К инициатору обсуждения пришла известность и в нашей стране, и за рубежом. В те годы он — энергичный участник также крупных международных научных конференций, круглых столов, симпозиумов. Его статьи по острым вопросам советско-финляндских отношений издаются за рубежом, публикуются в ведущих исторических журналах страны. В это время Николай Иванович активно сотрудничал с известными исследователями истории Финляндии и стран Северной Европы д-ром техн. наук И. П. Шаскольским⁶ и исследователем истории Финляндии В. Г. Федоровым⁷.

Подлинным открытием для советской научной общественности стало издание в 1985 г. в Ленинграде в соавторстве с В. Н. Барышниковым книги «Финляндия во Второй мировой войне». Это произведение являлось первым научным исследованием по истории наиболее острого периода советско-финляндских отношений, которое базировалось на широкой документальной основе. Книга затем была переведена на финский язык, а в 1989 г. переиздана в расширенном варианте. В работе над этой книгой Николай Иванович решил и еще одну важную задачу. Ему удалось увлечь делом своей жизни и сына, обеспе-

чив тем самым преемственность в исследовании темы и развив традицию изучения российско-финляндских отношений в России. Они совместно работали над несколькими научными публикациями, вышедшими как в России, так и в Финляндии⁸. Скажем откровенно: не каждому отцу удается решить аналогичную проблему.

Опора на документальные источники в исследовательской работе — характерная особенность ленинградской исторической школы 60–70-х гг. XX в. Этим она существенно отличалась от московской, которая зорко следила за сохранностью сложившихся исторических стереотипов и допускала только исследования, дополнявшие и развивавшие их содержание. Особенно болезненно в Москве воспринимали новеллы в области исследования международных отношений. Дело заключалось не только в близоруком стремлении государства законсервировать общественное развитие, но и в определенной попытке столичных коллег обеспечить себе монопольное положение в науке. Творчество Николая Ивановича самым фактом своего существования ломало установившийся порядок. Первым изучая документы, хранящиеся в фондах архивов СССР (а затем и РФ), в том числе военные, он оказывался вне конкуренции в отечественной науке. Но нередко в исследовательской работе возникали серьезные трудности и по другую сторону границы. Советские ученые зачастую не допускались до конца 1980-х гг. к фондохранилищам в зарубежных странах, в частности и в финляндские государственные архивы. Н. И. Барышников и в этом вопросе выступил в качестве первопроходца. Николай Иванович дал в финской прессе резкое интервью, привлекая внимание общественного мнения к этим рудиментам холодной войны. Лишь после этого в Финляндии было решено разрешить работать советским ученым в архивах. Работая в архивных учреждениях Финляндии, он тогда обнаружил многие документы, которые позволили значительно разнообразить его научные изыскания.

Надо сказать, что Николай Иванович был первым советским ученым, который широко использовал зарубежные архивы. До него считалось вполне уместным использовать материалы одного, максимум двух зарубежных архивных фондов. Это считалось хорошим тоном для докторской диссертации. Нередко ученые довольствовались опубликованными доку-

ментами и материалами зарубежной периодической печати. Выехать за границу было трудно, да и в архивы там пускали только по протекции. Н. И. Барышников не только в молодости прорвал блокаду Ленинграда, но и в зрелом возрасте прорвал «архивную блокаду» советских ученых. Трудно переоценить заслугу Николая Ивановича в этой области перед отечественной наукой. Сегодня и для аспирантов двери архивов открыты во многих странах мира.

Усилия Н. И. Барышникова в научной деятельности и привлечении общественного внимания к ней способствовали налаживанию российско-финляндского сотрудничества в изучении проблем истории, имеющих значение для русских и финнов. Исследования Николая Ивановича всегда пользовались повышенным вниманием в Финляндии. Близким по взглядам к Н. И. Барышникову был финский военный историк Х. Сеппяля.

Большой интерес вызвал совместный труд ведущих историков России и Финляндии, который начался в 1990-е гг. Такие крупные исследователи, как А. О. Чубарьян, О. А. Ржешевский, Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, совместно с финскими учеными О. Вехвилайненом, О. Манниненом, Т. Вихавайненом подготовили уникальную работу, посвященную предыстории и ходу советско-финляндской войны 1939–1940 гг., а также политики и стратегии двух стран. Труд «Зимняя война 1939–1940 гг.», представленный двумя книгами: первая — «Политическая история», а вторая — «И. В. Сталин и финская кампания», был издан на русском и финском языках институтом Всеобщей истории Российской академии наук и Финляндским историческим обществом в 1998 г. Этот фундаментальное исследование представляет научный труд, основанный на архивных документах, подводящий итог советско-финской войны 1939–1940 гг. в сознании русских и финнов.

Нельзя не сказать, что особую роль в распространении результатов научных изысканий Николая Ивановича в Финляндии сыграл доцент университета в Хельсинки Й. Бекман, издававший книги Н. И. Барышникова тогда, когда от этого по непонятным причинам отказывались другие финские издатели⁹. Хочется думать, что благодаря усилиям Н. И. Барышникова в этой совместной работе два народа примирились с тем прошлым,

которое оставила эта война, и окончательно перевернули эту страницу истории.

Однако, не останавливаясь на достигнутом, Николай Иванович продолжил начатую работу. Следующей задачей, которую он перед собой поставил, явилось преодоление традиционных представлений финских коллег, укоренившиеся еще в период войны. Прежде всего, пропагандистский миф о так называемой войне-продолжении 1941–1944 гг., а также всяческое преувеличение «доброжелательного отношения» или даже «любви» маршала К. Г. Маннергейма к Ленинграду/Петербургу. По мнению профессора Н. И. Барышникова, научного анализа требовали не только советские, но и финские стереотипы исторического сознания. Основываясь на архивных источниках, Н. И. Барышников дает объективную оценку всем этим утверждениям и издает уже в самые последние годы своей жизни целую серию монографий, опубликованных на русском, английском и финском языках («Блокада Ленинграда и Финляндия», «Маннергейм без ретуши. 1940–1944 гг.», «Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.»). Ценность этих работ заключалась в том, что он, затрагивая наиболее острые и неудобные для соседей — финнов — сюжеты военного времени, дает им максимальную объективную оценку. Неслучайно поэтому в 2004 г. за монографию «Блокада Ленинграда и Финляндия» Законодательное собрание Санкт-Петербурга удостоило Николая Ивановича даже Литературной премии имени маршала Советского Союза Л. А. Говорова. А на презентации этого произведения в Хельсинкском университете выступал тогда министр иностранных дел Финляндии Э. Туомиоя. Вершиной же этой творческой активности и последней монографией профессора Барышникова стала опубликованная в 2010 г. в издательстве «Наука» его фундаментальная работа «Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944»¹⁰.

Думается, что финские историки должны признать, что Николай Иванович выполнил часть работы за них, сделав доступными для финнов иногда не удобные, но правдивые факты об их собственной истории. Более того, будучи уже серьезно болен, он все же нашел в себе силы, чтобы в октябре 2008 г. участвовать в традиционной ежегодной научной конференции в Историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала».

Здесь Николай Иванович выступил с блестящим докладом, посвященным раскрытию событий гражданской войны в Финляндии в финской и отечественной историографии. Это была последняя конференция, в которой он лично принимал участие, но каждый, кто тогда присутствовал на этом его выступлении, был уверен, что профессор Барышников еще не раз поднимет очередной новый острый вопрос для дальнейшего его обсуждения в нашем научном сообществе. Таков был дух этого глубоко научного выступления.

В итоге до конца своих дней Николай Иванович не прекращал стремиться к достижению исключительно правдивого раскрытия исторических событий, свидетелем и участником которых он нередко был сам. Результаты своей творческой работы ученый желал донести до сведения широкой общественности как в России, так и в Финляндии. Он опубликовал большое количество научных статей и монографий. В том числе Н. И. Барышников подготовил и издал пять монографий, среди них 4 монографии и 25 статей, которые были опубликованы в Финляндии. Кроме того, им в соавторстве было подготовлено еще девять книг, значительная часть из которых также была переведена на иностранные языки.

Научное наследие Н. И. Барышникова не только положило начало современной эпохе в изучении истории советско-финляндских отношений и в России, и в Финляндии, оно создало новую атмосферу в отношениях между нашими народами, свободную от недосказанности и недоверия. Невозможно представить себе новые исследования по этой проблематике без влияния на них как научных результатов, полученных Николаем Ивановичем, так и духа объективности и документальной достоверности, пронизывающим произведения ученого.

Мало кому из историков удавалось преодолеть стереотипы национального сознания, формировавшиеся на протяжении десятилетий мифотворческой пропаганды. Представляется, что теперь русские и финны могут открыто смотреть друг другу в глаза, не держа камень за пазухой. Откровенное обращение к прошлому позволяет честно выстраивать свои отношения и в расчете на будущее.

Исследование проблем российско-финских отношений неизбежно будет продолжено и в дальнейшем. Но теперь невоз-

можно представить новые труды историков России и Финляндии без благотворного воздействия на них научной школы Николая Ивановича Барышникова.

---

¹ *Барышников Н. И., Ильин И. И.* Ленин и войска Петроградского гарнизона. Л., 1970; Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974 (переиздание 1984).

² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974 (переиздано в 1977–1979 гг.: Берлин, Прага, Будапешт, София, Варшава).

³ См., например: Блокада рассекреченная: Сборник. СПб., 1995.

⁴ Ленинград в борьбе: месяц за месяцем 1941–1944. СПб. 1994; Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995.

⁵ *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

⁶ Они работали над изданием материалов Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии и Трудов VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985.

⁷ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

⁸ *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне; Зимняя война. Политическая история. М., 1998; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003 и статьями: *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N.* Sota oil lyhyt mutta ankara // Sosialismin teoria ja käytäntö. 1989. № 45; *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N.* Kuusisen hallituksen muodostaminen // Punalippu. 1989. № 11; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* «Зимняя война» // Аврора. 1990. № 2, 3.

⁹ *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N.* Terijoen hallitus. Uusien asiakirjojen kertomaa. Helsinki, 2001; Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.); *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002; *Baryšnikov N. I.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Helsinki – Pietari, 2003; *Baryshnikov N. I.* Finland and the siege of Leningrad 1941–1944. Helsinki – St.Petersburg, 2005; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши. 1940–1941 гг. СПб.; Хельсинки, 2004; *Baryshnikov N. I.* Mannerheim without the mask 1940–1944. Helsinki – St.Petersburg, 2005.

¹⁰ *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944.

Б. П. Белозеров, В. Н. Моляров

**ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БАРЫШНИКОВ**

Профессор Николай Иванович Барышников является одним из тех ученых-скандинавистов, которые стояли у истоков формирования в Санкт-Петербурге центра по научному изучению истории Скандинавских стран и Финляндии. Именно он был истинным инициатором проведения здесь ежегодных конференций, объединяющих историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые вели свои исследования в рамках изучения истории отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Примечательно, однако, что столь крупный исследователь истории Финляндии, каким являлся профессор Н. И. Барышников, не сразу пришел к мысли, что именно научное изучение соседней нам страны станет главным делом его жизни. Более того, он родился вдали от тех мест, которые затем ему предстояло изучать, поскольку годы его детства были связаны с центральной частью России¹. Тогда он отнюдь не предполагал, что когда-нибудь ему будет суждено вообще заниматься историей. В тревожный 1940 г. Николай Иванович окончил среднюю школу. Его мечтой было поступление в институт связи и получение профессии инженера-электрика². Но он сразу же, не достигнув еще даже 18-летнего возраста, в ноябре был призван в Красную Армию. Как тогда Барышников считал, нужно в столь непростое время для страны, прежде всего, «отдать долг своей Родине»³. Тем не менее в своих воспоминаниях, которые он уже в конце

жизни напишет, отмечено, что «юношеские мечты довольно быстро и весьма неожиданным образом начали сбываться»⁴. Дело в том, что работники военкомата учли его пожелание и направили в учебное подразделение радиополка воздушного наблюдения Закавказского военного округа, который размещался в Баку⁵. Полк был оснащен новейшими по тем временам радиолокационными установками, позволяющими контролировать воздушное пространство нефтеносных районов Кавказа.

Пройдя в течение нескольких месяцев необходимое обучение, Н. И. Барышников получил звание сержанта и в числе других выпускников весной 1941 г. был направлен в Ленинградский военный округ, где формировалась подобная же радиолокационная часть и разворачивался 72-й отдельный радиобатальон. Этот батальон должен был разместить свои радиолокационные установки за Ленинградом вдоль государственной границы с Финляндией с целью своевременного оповещения командования противовоздушных сил о возможных налетах самолетов противника. Он стал оператором станции РУС-1, разместившейся прямо за Выборгом на самой границе. В результате война его встретила на этом боевом посту, причем именно его подразделение фактически фиксировало первые попытки налетов на Ленинград и Выборг вражеской авиации с территории Финляндии в июне 1941 г.⁶

Однако катастрофа, которая постигла советские войска летом 1941 г., не могла не коснуться частей Северного фронта. С большим трудом подразделение, где служил Николай Иванович, смогло в конце августа вырваться из окружения и прорваться к Ленинграду. В результате Барышникову суждено было пережить весь трагический и героический период обороны и блокады города в 1941–1944 гг. Как старший оператор радиолокационной станции «Редут-7», он продолжал выполнять очень ответственную работу, связанную с обнаружением на большом расстоянии самолетов противника, направляющихся в сторону Ленинграда. Советские радары должны были не допустить внезапности бомбардировки города и уберечь его от разрушений. Уже тогда в блокадном Ленинграде проявились аналитический склад мышления Барышникова и его творческое отношение к делу. В боевых условиях им была подготовлена т. н. «Золотая книга» — обобщение военного опыта в применении радиоло-

кационной техники. Это уникальное издание экспонируется сейчас в Музее истории войск Ленинградского военного округа⁷. А тогда советские радиолокационные станции стали не только обнаруживать самолеты противника за пределами расчетной дальности — на расстоянии до 270 километров (при нормативных заводских ограничениях до 120 километров), но и более точно определять количество самолетов в составе цели, вести одновременно 5–7 целей, научились по характеру импульса узнавать тип самолета. Подобных результатов в то время не могла добиться ни одна из воюющих сторон⁸. Своевременные предупреждения о появлявшихся вражеских самолетах срывали массированные налеты фашистской авиации на Ленинград.

Таким образом, пока ничто не предвещало, что когда-нибудь Н. И. Барышников станет историком. К тому же после окончания войны, в июне 1945 г., он экстерном оканчивает Ленинградское военное училище связи и становится офицером. Но служба в городе, который, как он пишет, «с первых минут пребывания... буквально очаровал меня своим великолепием и грандиозностью»⁹, очевидно, стала пробуждать в молодом человеке еще и интерес к истории. Действительно, он решает, продолжая службу, поступить на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Там тогда преподавали такие выдающиеся ученые, как В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, С. Л. Пештич, С. Н. Валк, М. И. Артамонов, М. К. Каргер и др., которые, несомненно, еще более привили студенту истфака любовь к истории. К тому же его обучение проходило на кафедре русской истории, а научный интерес, прежде всего, распространялся на историю XX в. Успешно сочетая служебную деятельность и учебу, Н. И. Барышников уже в 1949 г. получил диплом о высшем историческом образовании.

Оставаясь офицером, он после этого переводится в Политическое управление Ленинградского военного округа. Именно здесь Н. И. Барышников, собственно, и начинает глубоко изучать историю и политику Финляндии, поскольку с этого времени его служебная деятельность оказалась связана с анализом советско-финляндских отношений.

Тем не менее в 1964 г. в жизни Николая Ивановича начинается новый этап в его служебной и учебно-научной деятельности. Научно-техническая революция в военном деле привела

к коренному перевооружению всех видов Вооруженных сил. Одно из последствий этой революции — резко возросшая роль специальных объектов (боевых ракетных комплексов, пунктов базирования кораблей ВМФ, объектов противоракетной и противовоздушной обороны, узлов связи, радиоцентров и др.). Это потребовало развертывания капитального строительства оборонительных сооружений и баз СССР в небывалых ранее масштабах. Возникла огромная потребность в офицерах для комплектования военно-строительного комплекса. И с этого времени Николай Иванович посвятил около 30 лет делу обучения и воспитания нескольких тысяч военных инженеров в стенах Высшего военного инженерно-технического Краснознаменного училища (ВВИТКУ).

На кафедре истории этого училища он в короткий срок становится ведущим преподавателем. В 1967 г. ему присваивается ученое звание доцент. Его методика чтения лекций, проведения практических занятий включила огромный опыт многих замечательных предшественников и современников: тщательный отбор материала, его четкое построение, связь с социально-экономическими процессами, происходившими в нашей стране и за рубежом, литературная речь, образный язык, хорошая дикция, свободная манера суждений, своеобразный призыв к размышлениям, подтверждение педагогической истины о том, что подлинный учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. Этому способствовал сам облик Николая Ивановича, щедрость его души, распахнутость натуры, доброжелательность, готовность вдохновить обучаемого на самостоятельное добывание знаний. Такое педагогическое дружелюбие и атмосфера доверия привлекали к нему слушателей, курсантов и офицеров училища.

Н. И. Барышников всегда делился богатейшим опытом преподавательской и исследовательской работы, на кафедре оказывал огромную практическую помощь молодым коллегам в их педагогическом становлении и приобщении к научной деятельности.

В широком круге научных интересов Николая Ивановича теперь значительное место стала занимать история военных строителей, без постижения которой было невозможно преподавание в училище. Он сам выполнил ряд исследований о роли военных строителей в укреплении оборонной мощи страны.

При его непосредственной помощи и поддержке на кафедре на эту тему были подготовлены и защищены несколько кандидатских и докторская диссертация. В коллективе кафедры постоянно ощущался воспитательный аспект личности ученого-педагога — органическое неприятие им любых проявлений фальши, лицемерия, подхалимства, карьеризма.

Но в 1992 г. он заканчивает свою службу в ВВИТКУ и переходит на должность профессора-консультанта кафедры истории в Северо-Западную академию государственной службы. Одновременно он избирается в состав диссертационного совета и ведет большую работу по научному консультированию аспирантов и докторантов. Всегда питомцы его научной школы успешно защищали свои труды, и им присуждались искомые степени кандидата или доктора наук. Причем тогда особое место в жизни профессора Н. И. Барышниковой стала занимать общественная работа. Как ученый, обладающий научным видением и способностью разглядеть в собеседнике значимого для науки мужа, он активно участвовал в работе ряда общественных организаций. Долгое время являлся членом Проблемного совета Минвуза РСФСР «Российская Федерация в годы Второй мировой войны». Вместе с видными учеными В. А. Ежовым, Ф. Б. Комолом, А. А. Томашевским, И. З. Захаровым и другими он рассматривал и определял актуальные направления научной деятельности Совета, тематику диссертационных исследований, обсуждал подготовленные диссертации и рекомендовал их к защите в диссертационных советах. Именно тогда Проблемный совет ходатайствовал перед министерством о проведении научных конференций, и целый их ряд прошел в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Иванове, Красноярске, Уфе, Горьком и других городах России. По их итогам издавались сборники научных статей¹⁰. Это способствовало привлечению к научно-исследовательской работе все новых и новых способных исследователей.

В середине 1990-х гг. на одной из встреч ученых-историков была высказана мысль о том, что назрела необходимость такого объединения, которое могло бы более оперативно собираться и решать вопросы научной и исследовательской работы. Тогда и был создан «Клуб историков» при общественной организации «Духовное наследие Отечества». Николай Иванович явился одним из тридцати его участников. Члены клуба активно начали

участвовать в научных симпозиумах, в радиопередачах «Санкт-Петербургского исторического клуба», выступали на телевидении и радио с материалами о новых страницах военной истории. Особое значение имели также личные живые выступления профессора перед студентами, курсантами и кадетами военных училищ. Выступления Николая Ивановича в этих аудиториях всегда воспринимались исключительно эмоционально и заканчивались взрывом аплодисментов.

Однако одна из наиболее важных целей жизни Николая Ивановича являлась, прежде всего, научная деятельность. Особое место в ней продолжало занимать исследование острой проблемы советско-финских отношений. И в этой области он действительно становится наиболее компетентным специалистом. В 1962 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Коренные изменения во взаимоотношениях между Советским Союзом и Финляндией в послевоенные годы (1944–1962)». Далее, развивая исследования истории непростых отношений нашей страны с Финляндией, Н. И. Барышников переходит к изучению военно-политических аспектов советско-финляндских войн и готовит фундаментальный труд¹¹, положения которого затем выносит на защиту докторской диссертации, посвященной проблеме обеспечения безопасности и защиты Ленинграда с севера в годы Второй мировой войны. Эта диссертация была им защищена в 1981 г., когда ее автор уже приближался к своему шестидесятилетнему юбилею.

Творческая работа исследователя-ученого выражалась также в издании большого количества научных статей и монографий. Общий список трудов профессора составил около двухсот работ¹². В том числе Н. И. Барышников подготовил и издал пять монографий¹³; некоторые из них затем были переведены и увидели свет на английском и финском языках¹⁴. Кроме того, в соавторстве было подготовлено еще десять книг¹⁵, значительная часть из которых тоже была переведена на иностранные языки¹⁶.

Своей же первой крупной научной работой явилась публикация в 1978 г. монографии Николая Ивановича «На защите Ленинграда: обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны», в ней он впервые в отечественной историографии раскрыл на основе советских,

а также зарубежных источников непростые события, связанные с анализом попыток советского руководства добиться обеспечения безопасности Ленинграда накануне и в период Второй мировой войны. Фактически тогда им была со всей остротой затронута тема «зимней войны», тема, которая долгие годы в СССР практически не исследовалась. Причем Николай Иванович всегда стремился убедить и сказать правду о войне. Он активно участвовал в создании таких авторитетных крупных трудов, как: «Ордена Ленина Ленинградский военный округ», «История ордена Ленина Ленинградского военного округа», «Ленинград в борьбе: месяц за месяцем 1941–1944».

В те годы он — активный участник крупных международных научных конференций, круглых столов, симпозиумов. Его статьи по острым вопросам советско-финляндских отношений начинаются издаваться за рубежом¹⁷. Работы Барышникова публикуются и в таких ведущих исторических журналах страны, как «Новая и Новейшая история», «Военно-исторический журнал», «Военная мысль», «Клио» и других авторитетных научных изданиях¹⁸. Кроме того, он становится одним из авторов фундаментального исследовательского труда — 12-томной «Истории Второй мировой войны», которая была тогда издана в Советском Союзе, а затем была переведена на ряд европейских языков. Крупным событием стало издание в 1985 г. книги «Финляндия во Второй мировой войне». Кроме того, большой историко-научный интерес вызвал совместный труд ведущих историков России и Финляндии, посвященный советско-финляндской войне¹⁹. Это фундаментальное произведение представляет собой наиболее ценное научное исследование, основанное на архивных документах, которое было подготовлено в нашей стране в последнее время о советско-финской войне 1939–1940.

Именно тогда при активном участии Николая Ивановича развернулась активная работа по возрождению в Петербурге центра по изучению Скандинавских стран и Финляндии. В результате в начале XXI в. начали ежегодно проходить международные научные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Неизменно на этих конференциях профессор Барышников выступал на пленарных заседаниях с докладами²⁰, которые вызывали большой научный интерес и порождали в дальнейшем весьма активные дискуссии.

Однако, не останавливаясь на достигнутом, Николай Иванович развивал начатую работу по изучению советско-финляндских отношений в годы Второй мировой войны. В результате в 2000-е гг. он издает целую серию монографий по малоисследованным в нашей стране вопросам участия Финляндии в войне против СССР²¹. Здесь профессор Барышников предпринял попытку дать максимально объективную оценку происходившим в 1939–1945 гг. событиям, которые не во всем укладывались в традиционные представления финских историков, неизменно сохраняющие свои пропагандистские утверждения уже более 50 лет.

В целом в последние годы жизни, несмотря на тяжелую болезнь, Николай Иванович продолжал творческую, исследовательскую работу, добиваясь при этом новых научных результатов. Будучи уже серьезно болен, он даже нашел в себе силы, чтобы выступить в октябре 2008 г. в научной конференции в Историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала». Здесь он выступил с блестящим докладом. Действительно, для Николая Ивановича важным было тогда сказать что-то новое, пообщаться с коллегами, узнать, в каком направлении продолжают развиваться исследования его любимой темы, связанной с историей Финляндии. Это была последняя конференция, в которой он лично принимал участие...

Тем не менее научные исследования продолжались. Одной из последних работ профессора Н. И. Барышникова стала глубокая научно-исследовательская статья, изданная в 2008 г. в «Военно-историческом журнале» (№ 7). Она называлась весьма хлестко — «“Добиться официально от Германии, чтобы Петербург полностью уничтожить...”». Намерения К. Г. Маннергейма в отношении Ленинграда». Эта статья была признана одной из лучших опубликованных в журнале работ. Как было отмечено во врученном тогда Н. И. Барышникову Дипломе Издательского центра Министерства обороны Российской Федерации, она отличалась «глубоким теоретическим содержанием, убедительностью и ясностью изложения».

Научным же венцом в творчестве Николая Ивановича Барышникова стала изданная в 2010 г. его последняя монография — «Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944» (408 с.). Она была опубликована в наиболее авторитетной

серии Санкт-Петербургского издательства «Наука» — «Русская библиотека». В этой серии публиковались только признанные отечественные историки с мировым именем, такие как С. М. Соловьев, Е. В. Тарле, В. В. Мавродин и др. В свою работу Николай Иванович включил уже последние исследовательские достижения, которые вызвали наибольшее внимание у научной общественности как в России, так и Финляндии. Книга действительно стала весьма весомым, фундаментальным произведением, а ее презентация, которая прошла в сентябре 2010 г. в Хельсинки, вызвала весьма большой научный интерес в соседней с Россией стране.

До последнего дня Николай Иванович продолжал свою научную работу. У него уже появился замысел подготовки нового крупного научного исследования, посвященного началу блокады Ленинграда. Монография должна была называться — «25 сентября 1941 г. Апогей несгибаемой стойкости и мужества (к истории начала ленинградской эпопеи)». Профессор Н. И. Барышников хотел в ней посмотреть на драматические события лета–осени 1941 г. глазами историка-исследователя. Поэтому в одной из своих самых последних статей он прямо писал: «Давно настало время, чтобы день 25 сентября стал достойно отмечаться в нашем городе как важная веха его героической истории в минувшей войне. Весьма торжественно мы ежегодно празднуем 18 и 27 января — знаменательные даты прорыва блокады Ленинграда и полной ее ликвидации. Но следует знать и помнить также об исключительно важном событии в истории мужественной защиты города в сентябре 1941 г. Здесь у нас явно обнаруживается пробел в памяти о том, какой именно день стал рубежом, когда у стен Ленинграда враг был окончательно остановлен. Отмечается лишь факт удавшегося блокирования его противником 8 сентября. Столь трагическая дата начала блокадного периода заслонила в памяти тот день, который можно назвать победным в защите самого города, поскольку не удалось его взять стремительным ударом силами войск армий двух стран»²². Это был уже призыв, обращенный в будущее...

Думается, что то дело, которому Николай Иванович фактически служил до конца своих дней, стремясь к достижению исключительно правдивого раскрытия исторических событий, свидетелем и участником которых он нередко был сам, останется

главным для исследователей истории советско-финляндских отношений, чему ярким доказательством является деятельность возрожденного Петербургского центра по изучению истории Скандинавских стран и Финляндии, а также ежегодные петербургские конференции скандинавистов.

---

¹ См.: *Барышников Н. И.* Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 6.

² Интервью Николая Барышникова корреспонденту газеты Бутурлиновского РК ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Воронежской области «Сталинское знамя» (Сталинское знамя. 1940, 10 мая).

³ *Барышников Н. И.* 1941 год: на границе с Финляндией под Выборгом // Книга памяти. Т. 50. СПб., 2011. С. 32.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Барышников Н. И.* На страже Ленинграда — семьдесят второй... // Дни и ночи ленинградской блокады 1941–1944. СПб., 2010. С. 15–17.

⁷ Клио. Журнал для ученых. № 2 (53). С. 176.

⁸ Там же.

⁹ *Барышников Н. И.* 1941 год: на границе с Финляндией под Выборгом. С. 33.

¹⁰ См., напр.: Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб.; Пушкин, 1997; Экономика страны накануне и в годы Великой Отечественной войны. СПб.; Пушкин, 1998 и др.

¹¹ *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

¹² См.: *Барышников Н. И.* Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. С. 370–374.

¹³ *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши. 1940–1941 гг. СПб.; Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. Санкт-Петербург, 2007; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944.

¹⁴ *Baryshnikov N. I.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Helsingi; Pietari, 2003; *Baryshnikov N. I.* Mannerheim without the mask 1940–1944. Helsinki; St. Petersburg, 2005; *Baryshnikov N. I.* Finland and the siege of Leningrad 1941–1944. Helsinki; St. Petersburg, 2005.

¹⁵ *Барышников Н. И.* Ильин И. И. Ленин и войска Петроградского гарнизона. Л., 1970; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И., Барышни-*

ков В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003; *Кол. монографии* — Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988; Ленинград в борьбе: месяц за месяцем 1941–1944. СПб., 1994; Зимняя война. Политическая история. М., 1998.

¹⁶ *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N. Suomi II maailman sodassa.* Helsinki; Vaasa, 1988; *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N. Terijoen hallitus. Uusien asiakirjojen kertomaa.* Helsinki, 2001; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974 (*кол. монография*) / Переиздана в 1977–1979 гг.: Берлин, Прага, Будапешт, София, Варшава; Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Helsinki; Jyväskylä, 1997.

¹⁷ *Baryšnikov N. I. Suomen irtautuminen toisesta maailman sodasta // Historiallinen Arkisto.* 1983. № 80; *Baryšnikov N. I. Neuvostoliitto ja Suomi: rauhan ja turvallisuuden ongelmia Pohjois-Euroopassa 1940-luvun jälkipuoliskolla // Historiallinen Arkisto.* 1984. № 84; *Baryšnikov N. I. Suomen ja Neuvostoliiton väliset taloussuhteet 1940-luvun jälkipuoliskolla ja 1950-luvulla // Historiallinen Arkisto.* 1986. № 88; *Baryšnikov N. I. U. K. Kekkonen rooli Suomen Neuvostoliitolle ystavallismielisen ulkopolitiittisen suuntauksen perustan luomisessa vuosina 1944–1956 // Historiallinen Arkisto.* 1988. № 91; *Baryšnikov N. I. Sota oil lyhyt mutta ankara // Sosialismin teoria ja käytäntö.* 1989. № 45; *Baryšnikov N. I. Mika torjttiin voima 1938, tuli vuoden 1948 YVA-sopimuksen // Sosialismin teoria ja käytäntö.* 1989. № 47; *Baryšnikov N. I. Neuvostoliittolais-suomalainen sota // Sotahistoriallinen Aikakauskirja.* 1989. № 8; *Baryšnikov N. I. Neuvostoliiton ja Suomen keskinäisen turvallisuusongelmien ratkaisemiseen // Historiallinen Arkisto.* 1991. № 95; *Baryšnikov N. I. Eräitä Neuvostoliiton ja Suomen sodan 1939–1940 syntyyn ja kulkuaan liittyviä poliittisia ja sotilaallisia näkökohtia // Yksin sota — monta näkemystä.* Tampere, 1990; *Baryšnikov N. I. Pommiisku oli ennaltaehkäisevä // Turun Sanomat,* 1991, 25.6; *Baryshnikov N. I. The Soviet-Finnish War of 1939–1940 // The Soviet Union and Second World War. Soviet Studies in History.* Winter, 1990–91. Vol. 29. № 3; *Baryšnikov N. I. Yhdeksänsataa kauhun päivää // Keskisuomalainen,* 1993, 5.1; *Baryšnikov N. I. Halusiko Mannerheim Leningradin hävittämistä // Tiedonantaja,* 7.9.2001; *Baryshnikov N. I. Was There any Threat to Leningrad from the North in 1941? // The Journal of Slavic Military Studies.* 2001. № 3; *Baryšnikov N. I. Mannerheim ja Göring // Ulkopolitiikka.* Vol. 2. № 2. 2005 и др.

¹⁸ *Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и Новейшая история.* 1989. № 4; *Барышников Н. И. Трудный путь Финляндии от войны к миру (1944 г.) // Клио. Журнал для ученых.* 2004. № 4 (27); *Барышников Н. И. О действиях войск Северного фронта в начале войны // Военная мысль.* 1992. № 2; *Барышников Н. И. Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал.* 2005. № 8; *Барышников Н. И. Тайные визиты А. Гитлера в Финляндию и К. Г. Маннергейма в Германию в июне 1942 г. // Новая и Новейшая история.* 2007. № 3; *Барышников Н. И. «Добить официально от Германии, чтобы Петербург полностью уничтожить...». Намерения К.-Г. Маннергейма в отношении Ленинграда // Военно-исторический журнал.* 2008, № 7 и др.

¹⁹ Зимняя война. Политическая история; Зимняя война. И. В. Сталин и финская компания. М., 1998; Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia; Puna-armeija Stalinin tentissä. Hels., 1997.

²⁰ *Барышников Н. И.* Битва за Ленинград в исследованиях Хельге Сеппяля // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; *Барышников Н. И.* О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002; *Барышников Н. И.* Подход Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда в концепциях финских историков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004; *Барышников Н. И.* Президенты Финляндии Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен об оценке проблемы безопасности Ленинграда // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005; *Барышников Н. И.* Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006; *Барышников Н. И.* Известный финляндский общественный деятель и литератор Армас Эйкия в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007; *Барышников Н. И.* Судьба Ленинграда на карте финляндского руководства (1941–1942 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007; *Барышников Н. И.* Историческое значение перехода Финляндии от первой ко второй республике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008; *Барышников Н. И.* К 90-летию гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009; *Барышников Н. И.* Десять лет борьбы вокруг советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948–1958) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010; *Барышников Н. И.* Из истории появления в Финляндии газеты «Кансан Уутисет» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011.

²¹ *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.); *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши. 1940–1941 гг.; *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.

²² *Барышников Н. И.* Две судьбоносные даты в битве за Ленинград // Материалы научно-практической конференции «Тихвинско-Волховская наступательная операция 1941 года». СПб., 2007.

А. Л. Вассоевич

**НАУЧНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
ПРОФЕССОРА Н. И. БАРЫШНИКОВА**

19 февраля 2011 г. в Санкт-Петербурге на 89-м году жизни скончался выдающийся исследователь советско-финляндских отношений профессор Северо-Западной академии государственной службы, доктор исторических наук Николай Иванович Барышников. По счастью, незадолго до кончины Николай Иванович все-таки смог порадоваться великолепному тому своих избранных сочинений, который был напечатан издательством «Наука» в серии «Русская библиотека»¹. И вместе с тем этот том является своеобразным научным завещанием будущим исследователям как советско-финляндских отношений в XX в., так и всем историкам Второй мировой войны.

Благодаря усилиям известных петербургских историков Ю. В. Кривошеева, В. Н. Барышникова и Б. П. Заостровцева широкая научная общественность наконец имеет свод важнейших исторических исследований о советско-финляндских отношениях в 1939–1944 гг. При этом особенно ценно, что автором собранных под одной обложкой монографий являлся бывший военнослужащий, для которого Великая Отечественная война началась на самой границе с Финляндией — за Выборгом, где располагалась его часть. Таким образом, профессор Н. И. Барышников в ряде случаев оказывался не только историком, но и свидетелем некоторых драматических событий военного времени.

Первая глава тома «Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.» тождественна вышедшей в 2007 г. кни-

ге², которая опровергала не только самые распространенные, но и наиболее вредоносные для России измышления фальсификаторов истории.

В финской литературе по истории Второй мировой войны сознательно искажаются обстоятельства впуска на свою территорию, в Лапландию, немецких войск осенью 1940 г. Постоянное употребление понятия «транзит» для оправдания присутствия немецких войск в стратегически важной части Северной Финляндии — наглядный пример видоизменения прошлого ради политических удобств. Ведь в действительности немецкие войска готовились не для транзитного перемещения в Норвегию, а для последующей агрессии против СССР. Как убедительно показывает Н. И. Барышников, у истоков решения вопроса о немецком присутствии на территории Финляндии стоял К. Г. Маннергейм, к которому сугубо лично обратились из Берлина. Этого не отрицал даже сам маршал в своих воспоминаниях. Важнейшее решение, связанное с появлением на финской территории иностранных вооруженных сил, что само по себе означало нарушение принципов государственного суверенитета, было принято не парламентом, не президентом и не правительством. «Под соглашением о впуске германских войск в Финляндию, названном “техническим протоколом”, поставили свои подписи немецкий майор и финский подполковник — обращал внимание читателей Н. И. Барышников и пояснял: — Путь же скрытой операции был достаточно четким: Геринг — Вельтенс — Маннергейм»³.

Сегодня среди финских историков по-прежнему популярна стародавняя пропагандистская выдумка о «войне-продолжении», которая позволяет уходить от темы соучастия Финляндии в гитлеровской агрессии против СССР. Между тем генерал-майор Талвела, направленный Г. К. Маннергеймом накануне войны в Германию, в своих воспоминаниях написал, что Финляндии «вести вторую войну одной против Советского Союза было бы безнадежно. Германия являлась нашей единственной слабой надеждой, и мы интенсивно обдумывали способ, позволявший сблизиться с нею»⁴.

В разделе «Агрессия под видом “Войны-продолжения”» Н. И. Барышников достаточно подробно описывает обстоятельства этого сближения. В связи с тем что процесс установления

и развития негласного военного сотрудничества между Германией и Финляндией длился несколько месяцев, начиная с осени 1940 г., Н. И. Барышников выделяет три рубежа.

Первый из них связан с теми переговорами, которые вел генерал-майор Талвела с Германом Герингом и начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Францем Гальдером.

Второй этап начинается уже после того, как Гитлер в декабре 1940 г. подписывает план «Барбаросса», в котором учитывалось согласие Финляндии включиться в агрессию против СССР.

И наконец, третий, завершающий, этап германо-финских переговоров проходил уже в Финляндии 3–6 июня 1941 г.

С научной точки зрения совершенно несостоятелен и миф об «обособленной войне», согласно которому финны воевали «отдельно» от Германии. Вымысел этот, весьма популярный в официальной финской историографии даже сегодня, восходит в конечном счете к пропагандистским клише военного времени. Так, Э. Линкомиес (будучи главой правительства Финляндии) сказал 11 сентября 1943 г. журналистам: «Финляндия ведет свою войну, поэтому имеет право действовать свободно. Мы не участвуем в мировой войне, и мы не связаны ни с кем и не зависим ни от кого. То обстоятельство, что Германия ведет борьбу против того же самого государства, не наша причина, хотя мы и являемся коллегами по оружию с Германией...»⁵

Здесь уместно отметить, что Николай Иванович Барышников задолго до создания Президентской комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России в своих книгах и статьях всегда последовательно защищал национально-государственные интересы своей Родины от любых посягательств фальсификаторов прошлого (и не только с финской стороны).

Как известно, в СССР на протяжении нескольких десятилетий при публичных упоминаниях блокады Ленинграда предпочитали замалчивать тот исторический факт, что блокадное кольцо имело не только немецкую, но и финскую составляющую. И хотя такие умолчания были вызваны «благими намерениями» не омрачать дружеские отношения между Финляндией и СССР, на рубеже веков они закономерно породили новую историческую ми-

фологию, в которой «спасителем Ленинграда» вдруг оказался финский маршал Карл Густав Маннергейм (1867–1951).

В России культ личности русского офицера, ставшего затем не только маршалом Финляндии, но и ее президентом, получил широкое распространение на рубеже тысячелетий.

Социально-психологические причины подобного рода феномена лежат на поверхности: развенчание на исходе XX в. знаковых фигур советской истории потребовало их замещения фигурами антисоветского плана. Тут-то усилиями целого ряда как финских, так и российских историков-публицистов вновь была разрекламирована яркая личность К. Г. Маннергейма.

Сказанное, однако, не означает, что в Стране тысячи озер отношение маршалу Маннергейму однозначно позитивно. Нельзя забывать о том, что в 1945–1946 гг. в Хельсинки проходил судебный процесс над главными финскими военными преступниками. В отличие от Нюрнбергского трибунала, это судебное разбирательство было не международным, а сугубо национальным. Означало это, что финны сочли целесообразным сами осудить свое военное пронацистское прошлое. Поэтому неудивительно, что даже XXI в. памятник маршалу Маннергейму в Тампере мажут красной краской и пишут на нем «Lahtori» («Мясник»).

Н. И. Барышников, будучи участником Великой Отечественной войны, всегда давал резкую отповедь тем, кто начинал распространять измышления о том «благе», которое будто бы сотворили финские войска под командованием маршала К. Г. Маннергейма по отношению к осажденному Ленинграду⁶.

Уже через два дня после нападения гитлеровской Германии на СССР, то есть 25 июня 1941 г., финскому руководству стало известно о намерении фюрера уничтожить Ленинград после его захвата. «Об этом узнали, когда получили из Берлина информацию от посланника Т. М. Кивимяки, адресованную президенту Р. Рюти и доведенную до сведения премьер-министра Ю. Рангеля, министра иностранных дел Р. Виттинга, главнокомандующего финской армией К. Г. Маннергейма»⁷, — пишет Н. И. Барышников в разделе «На месте Ленинграда — граница по Неве». Необходимо отметить, что при вручении финским посланником государственной награды Г. Герингу рейхсмаршал заявил, что Финляндия скоро получит в дар «Петербург,

который все-таки, как и Москву, лучше уничтожить»⁸. Согласно записи, сделанной М. Борманом во время важного совещания у Гитлера 16 июля 1941 г., фюрер упомянул о том, что «на область вокруг Ленинграда претендуют финны», но «хотел бы Ленинград сровнять с землей, а затем передать финнам». Исходя из этой установки А. Гитлера, германский военно-морской штаб 29 сентября 1941 г. в директиве «О будущем Петербурга» записал следующее: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого населенного пункта. Финляндия также заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у новой границы»⁹. Подобного рода свидетельства, собранные в книге Н. И. Барышникова, неопровержимо доказывают, что К. Г. Маннергейм в числе других высших руководителей Финляндии был посвящен в гитлеровские замыслы уничтожения Ленинграда. Более того, маршал относился к этим планам с пониманием, что, впрочем, не помешало ему позднее в своих мемуарах повествовать о «добром чувстве» к городу на Неве.

Сегодня немногие помнят о том, что вождь Третьего рейха совершил 4 июня 1942 г. достаточно смелый поступок, перелетев на самолете через Балтийское море, чтобы поздравить «первого солдата Финляндии» с 75-летием. Естественно, что помимо вручения ценных подарков юбиляру А. Гитлер провел очень важные переговоры с финским руководством. В первом издании книги Н. И. Барышникова «Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг.» имелось 25 документальных приложений, среди которых была и расшифровка фрагмента записи секретных переговоров А. Гитлера с К. Г. Маннергеймом. Звукозапись этих переговоров была тайно осуществлена с помощью особого оборудования финскими спецслужбами. Можно лишь пожалеть о том, что при подготовке «Русской библиотекой» тома «Финляндия: из истории военного времени 1939–1944» столь интересные документальные приложения не были в него включены.

В томе избранных сочинений профессора Н. И. Барышникова переиздана и его книга «К. Г. Маннергейм без ретуши. 1940–1944 гг.». Впервые, как ни странно, она была опубликована в Финляндии на русском и английском языках Институ-

том Йохана Бекмана. В чем же причина столь парадоксальной ситуации?

Дело в том, что процесс разрушения СССР породил к началу 90-х гг. в определенных кругах финского общества иллюзорные надежды на последующий распад Российской Федерации. Следствием таких упований стал заметный рост реваншистских настроений, которые с логической неизбежностью вновь возрождали идею «Великой Финляндии» в границах, некогда согласованных с руководством нацистской Германии. Новые геополитические вожеления реваншистов состояли в том, чтобы передвинуть границу «туда, где проходит самая прямая линия от Белого моря до Ладожского озера»¹⁰, то есть далеко на территорию Российской Федерации.

Ответной реакцией на эти опасные умонастроения в финском обществе стало создание Института Йохана Бекмана, деятельность которого была направлена на публикацию объективных исторических исследований, прежде всего об участии Финляндии во Второй мировой войне. Кроме этого, руководитель института Йохан Бекман наладил издание общественно-политического и научного журнала «Ulkorolitiikka» («Внешняя политика»). К сотрудничеству в журнале привлекались известные и малоизвестные исследователи, которые стремились к объективному отражению российско-финляндских отношений. Таким образом Институт Йохана Бекмана обозначил альтернативную научную позицию как усиливающимся реваншистским настроениям, так и глубоко укоренившимся в общественном сознании пропагандистским штампам официальной финской идеологии, часть из которых была рождена еще в годы Второй мировой войны.

Поскольку Н. И. Барышников как у себя на Родине, так и за рубежом показал себя непримиримым противником любых фальсификаций истории в угоду политической конъюнктуре, его труды привлекли внимание финских антифашистов. Закономерным следствием этого стала публикация Институтом Йохана Бекмана в 2002 г. книги Н. И. Барышникова «Блокада Ленинграда и Финляндия». При этом книга была издана на трех языках (русском¹¹, финском¹² и английском¹³) и сразу же стала заметным событием в мировой исторической науке. Причем международное признание профессору Н. И. Барышникову пришло именно по той причине, что он никогда не стремился

улавливать ветерки политической конъюнктуры, подлаживаться под расхожие мнения западных историков и публицистов. Это едва ли не важнейший завет, который молодые историки могут сегодня почерпнуть из тома «Русской библиотеки» напечатанного издательством «Наука». Именно здесь содержится главное научное завещание Н. И. Барышникова. Столь же закономерно, что Решением Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 10 февраля 2004 г. (протокол № 1) профессор Н. И. Барышников и его финский издатель Йохан Бекман были удостоены литературной премии имени маршала Говорова.

Книга, особо отмеченная Законодательным Собранием Санкт-Петербурга, читается с неослабевающим интересом, начиная с первых страниц предисловия. В ней информативен каждый абзац. Вот, к примеру, небольшой фрагмент, взятый из самого ее начала: «Исторически складывалось так, что еще в августе 1918 г. на переговорах в Берлине с представителями Финляндии видный советский дипломат В. В. Воровский вносил от имени своего правительства предложение передвинуть границу на Карельском перешейке примерно до линии Выборг–Кексгольм (Приозерск). Взамен выражалась готовность предоставить Финляндии выход на побережье Ледовитого океана и, возможно, уступить часть территории Карелии. Речь шла, как указывал В. В. Воровский, «об эквивалентной уступке земельных пространств на юге Финляндии, имеющих большое значение для защиты Петрограда»¹⁴. Нет необходимости доказывать, что уже один такой исторический экскурс существенно изменяет восприятие читателями советско-финляндских дипломатических переговоров накануне «зимней войны» особенно в контексте памятной всем информации о том, что инициатором предоставления Финляндии независимости была Советская Россия.

Н. И. Барышников был великолепным знатоком финской историографии. Это помогало ему всегда опираться на труды тех исследователей из Страны тысячи озер, которые неизменно стремились к познанию исторической правды. «Х. Сеппеля был далеко не одинок в стремлении объективно оценить действия финских войск в ходе битвы за Ленинград, — читаем мы в книге “Блокада Ленинграда и Финляндия”¹⁵. — Еще задолго до него другой видный в Финляндии военный историк Вольф Халсти во втором томе своей трилогии “Война Финляндии.

1939–1945 гг.” довольно прямолинейно писал о желании в Финляндии в момент летнего наступления 1941 г. приступить к ликвидации Ленинграда»¹⁶.

Выход в свет каждой новой книги Н. И. Барышникова вызывал неподдельный интерес в Финляндии. Достаточно сказать, что на презентации русского издания книги «Блокада Ленинграда и Финляндия» в Хельсинском университете в декабре 2002 г. присутствовал даже министр иностранных дел Финляндии Эрки Туомиоя.

В сентябре 2010 г. научная общественность из нескольких Скандинавских стран собралась в Российском центре науки и культуры при посольстве РФ в Финляндии для того, чтобы отметить выход в свет тома избранных сочинений профессора Н. И. Барышникова в «Русской библиотеке»¹⁷.

Сегодня, когда Николая Ивановича Барышникова уже нет в числе действующих отечественных историков, решение редколлегии «Русской библиотеки» опубликовать в виде второй части тома книгу «Рождение и крах “терийковского правительства” (1939–1940)» кажется исключительно ценным. Это уникальное историческое исследование было создано Н. И. Барышниковым в соавторстве с сыном — доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета СПбГУ Владимиром Николаевичем Барышниковым. Таким образом, вторая часть книги «Финляндия: из истории военного времени 1939–1944» дарит читателю редкое ныне чувство уверенности в том, что замечательная петербургская традиция всестороннего изучения российско-финляндских отношений не прервалась и будет продолжена.

---

¹ Барышников Н. И. Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 409.

² Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007. С. 175.

³ Барышников Н. И. Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. С. 25.

⁴ *Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 233.*

⁵ *Vilkuna K. Sanan valvonta. Hels., 1962. S. 79.*

⁶ *Барышников Н. И.* «Оккупация Петербурга». Войска Маннергейма готовились к разграблению города на Неве // Санкт-Петербургские ведомости. № 50 (3351). 24 марта 2005. С. 4.

⁷ *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. С. 52.

⁸ *Фролов М. И.* «Салют и реквием». Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг. СПб., 2003. С. 26, 30.

⁹ Там же.

¹⁰ *Барышников В. Н.* Рождение замысла финского руководства о возвращении утраченных территорий карельского полуострова после «Зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 290.

¹¹ *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002. С. 300.

¹² *Varyshnikov N. I.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Helsinki; St. Petersburg, 2005. S. 301.

¹³ *Varyshnikov N. I.* Finland and the siege of Leningrad 1941–1944. Helsinki – St. Petersburg, 2005. P. 344.

¹⁴ Известия ВЦИК. 1918. 12 сентября.

¹⁵ *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. С. 85.

¹⁶ *Halsti W.* Suomen sota 1939–1945. Hels., 1956. S. 72.

¹⁷ *Вассоевиг А. Л.* Прорыв к исторической правде в столице Финляндии // Новый Петербургъ. № 34 (933). С. 2.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П. А. Кротов

РЕТРАНШЕМЕНТ ПЕТРА I НА ПОЛЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Полтавская победа русской армии 27 июня 1709 г. создала предпосылки для ускорения процесса превращения России в сильную военно-морскую державу Балтики. Петр I спустя всего лишь несколько дней после «преславной виктории», 4 июля, неслучайно поднял вопрос о том, чтобы он «пожалован был» не только рангом старшего генерал-лейтенанта «на сухом пути». Монарх желал также получить и «чин третьего флагмана» — контр-адмирала (то же: шаутбенахта)¹. С этого времени главный театр военных действий с неизбежностью должен был переместиться на берега Балтики. Петр I хотел и там играть заметную роль, показывать своими действиями пример подданным в качестве «обычного» человека. 18 июля 1709 г. монарх написал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину насчет предстоящего продолжения борьбы со Швецией на Балтике: «...великие знаки происходят к будущей кампании нашей на море...»²

Научная литература, вышедшая к 300-летию юбилею знаменитой битвы, явственно обозначила «белые пятна» и спорные вопросы, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Один из дискуссионных вопросов связан с устройством на поле битвы земляного лагеря российской армии (ретраншемент; «траншажмент») — столь блестящая победа во многом была достигнута благодаря использованию военно-полевых фортификационных сооружений. Ретраншемент был сооружен для размещения основной части регулярной пехоты и всей полевой артиллерии

россиян. Он являлся главной опорной позицией россиян в ходе битвы, а десять редутов, которые атаковала шведская армия Карла XII, служили передовой укрепленной позицией. В начале баталии в нем пребывали Петр I, его правая рука — командовавший в битве всей регулярной конницей кавалерийский генерал светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев и все главные пехотные генералы. Именно ретраншемент обеспечивал безопасность большей части русской пехоты и артиллерии от внезапного нападения. К ретраншементу с юга и с севера примкнула фланги отступившая от редутов русская конница. Размещенная в ретраншементе артиллерия отразила наступление на него десяти шведских батальонов генерала А. Л. Лёвенгаупта — захват ретраншемента был обозначен целью наступления шведской армии. После того как русская пехота выступила для атаки шведов, в ретраншементе осталась в резерве часть пехоты и вся полевая артиллерия. Иными словами, главная укрепленная позиция русской армии сыграла в ходе битвы большую роль для достижения победы. Тем более актуальна попытка решить остающиеся дискуссионными вопросы, связанные с его устройством.

В последней редакции «Истории свейской войны», официальном сочинении, правившемся самим Петром I, о перемещении русских войск в тесную близость к шведской армии Карла XII сказано: «...25-го числа пошли далее со всюю армиею и стали с четверть мили от неприятеля к вечеру, дабы неприятель не мог принудить к главной баталии прежде, нежели транжамент будет учинен, и дабы оной на нас нечаянно не напал»³. Важно подчеркнуть, что заключительная часть фразы после слов «к вечеру» до «учинен» приписана самим Петром I⁴. Ретраншемент был поспешно сооружен благодаря использованию заранее заготовленных фашин — перевязанных охапок сучьев и ветвей кустарника. Согласно делопроизводственным документам Семеновского гвардейского полка, в течение 22–24 июня его личный состав ежедневно получал приказания вязать фашины⁵. 25 июня 1709 г. в полку был отдан приказ: «К походу быть в готовности; взять с собою хлеба на сутки да на каждого человека по фашине; кирки и лопатки взять все с собою ж»⁶. Придворный историограф Петра I барон Г. фон Гюйссен сообщает, что царь «после малого совету» 25 июня 1709 г. указал перенести

лагерь армии к деревне Яковцы. Петр I определил и порядок движения, и боевой строй войск на случай битвы (ордер де баталии). Затем монарх поставил армию «в лагере, которой он избрал, осмотрев сперва все дороги и приходы, чтоб незапного нападения не потерпеть»⁷.

Важные подробности устройства ретраншемента сообщил пребывавший в нем перед битвой пехотный генерал Л.-Н. де Алларт. По его авторитетному свидетельству, соорудить полевой лагерь армии по всем правилам просто не успели. Насыпали только реданы, а промежутки между ними заматали рогатками. Генерал писал, что реданы «изрядно были пушками удовольствованы»⁸.

Прусский король Фридрих II Великий так оценил тот факт, что русским войскам удалось закрепиться на новой позиции вблизи шведской армии, построив глубоко продуманную военно-фортификационную систему на вероятном поле битвы: «Это была непоправимая ошибка — позволить царю выбрать позицию и дать ему время хорошо укрепиться. Он и так уже имел численное превосходство, причем большое; теперь ему было отдано преимущество на местности — и с точки зрения военного искусства это уже слишком»⁹.

Итак, следует перейти к изучению спорных вопросов, касающихся главной укрепленной позиции россиян на поле Полтавской битвы — ретраншемента.

Первый дискуссионный вопрос связан с местоположением и конфигурацией ретраншемента на местности. К настоящему времени, по существу, имеются три точки зрения на то, что он представлял собой по своим очертаниям.

Согласно первой, ретраншемент имел контур трапеции, обращенной своим основанием на восток к реке Ворскле¹⁰. Эта точка зрения имеет большое распространение. В современных российских школьных атласах и учебниках ретраншемент обычно показывается именно такой формы. Однако изображение очертаний земляного лагеря россиян в виде трапеции впервые появилось на поздних военно-исторических картах капитана Лукина (1807) и генерал-майора И. И. Хатова (1819)¹¹, и с точки зрения соответствия реалиям прошлого этот взгляд вообще не представляет интереса.

Второе утверждение восходит к ранним по времени появлениям гравюрам, основанным на рукописном «плане Алларта».

На этих гравюрах ретраншемент показан в виде несколько неправильной формы тупого угла с двумя, обращенными на запад фасадами. Современный исследователь В. А. Артамонов пишет: «Можно предположить, что ретраншемент имел форму неправильного многоугольника, как показано на первичных схемах Алларта 1709 г., а также картографа де Фера и инженер-архитектора Х. Я. Шварца, а не четкой трапеции или прямоугольника, как потом вычерчивалось на всех “парадных” схемах Полтавской баталии. Он состоял из нескольких, возможно четырех, бастионов и шести реданов (полевых укреплений из двух фасов для ведения косоприцельного огня), соединенных валами»¹².

Как сказано, видный историк Полтавской битвы В. А. Артамонов только предполагает возможность такой конфигурации российского земляного лагеря. Дело в том, что утверждать это уверенно невозможно, поскольку развернутый источниковедческий анализ «плана Алларта» отсутствует даже в новейшей юбилейной литературе, не прослежены история его создания и не выявлена надежность его фактической основы. Тем не менее возможности для выполнения такого исследования имеются.

Как и другие крупные военачальники, пехотный генерал Л.-Н. Алларт, командовавший одной из трех русских пехотных дивизий в ходе Полтавской битвы, был привлечен к сбору сведений о недавно отгремевшей баталии (столь не простой с точки зрения тактики, размещения войск). Однако этот пехотный генерал по самым свежим следам событий собрал лишь предварительные сведения, и вообще он в одиночку не мог воссоздать точную картину битвы. Монарх оговорился в письме Б. П. Шереметеву от 23 июля 1709 г.: «А которой ордер де баталии нам подал Аларт, и в том також есть многая неисправность...»¹³

Схематический план Л.-Н. де Алларта был основан на самых первоначальных, часто ошибочных, еще не проверенных сведениях. Он носит предварительный характер и отражает имевшуюся у этого генерала первичную информацию о баталии. Полтавская битва сначала изучалась самими ее участниками. Никто из них не видел всего произошедшего. Нужно было сводить сведения вместе, анализировать, проверять, отбрасывать недостоверное. Гравюры, имеющие в основе план Л.-Н. де Алларта, вышли из печати первыми, и они дают

весьма искаженную картину битвы. Так, наступление отряда генерал-майора К. Г. Рууса, двигавшегося в составе главных шведских сил, показано не у редутов, но в другом месте — вдоль Ворсклы. Остатки этого отряда, оказывается, были пленены в окопах к югу от Полтавы, но не в Гвардейском шанце к северу от крепости, как это было в действительности. Десять редутов россиян на том месте, где произошел прорыв шведов на поле, на котором состоялась решающая фаза битвы, вообще не изображены! Боевые порядки русских и шведских войск на второй фазе баталии, размещение русских полков в ретраншементе показаны условно и т. д. Сам подлинник плана Л.-Н. де Алларта не найден. Известны только прорисовки с гравюр И. Ф. Леопольда и издателя П. Хуссона, основанные на этом плане. Эти более поздние схемы-прорисовки иногда ошибочно считают самой рукописной схемой Л.-Н. де Алларта.

Рукописный план генерала Л.-Н. де Алларта был первоначально прислан чрезвычайному русскому посланнику при прусском дворе А. фон дер Литу, потом послу в Гааге А. А. Матвееву. Последний и организовал поспешное издание двух гравюр, основанных на плане Л.-Н. де Алларта. Получив первые сведения об одержанной под Полтавой победе русских войск, А. фон дер Лит, как он писал, ожидавший тогда «не токмо по вся дни, но по вся моменты особливостей о всем о том с нарочным курьером», поторопился отослать полученный им от Л.-Н. де Алларта рукописный чертеж А. А. Матвееву. Он сделал это 19(30) июля 1709 г., пребывая в Дрездене. Послание из Дрездена А. А. Матвеев получил 25 июля (ст. ст.). В нем в переводе, сделанном с немецкого языка при посольстве в Гааге, говорилось: «Се [й] здесь чертеж, каким порядком неприятели были кругом обойдены от наших трупов (войск. — П. К.); я уповаю, что сей благоугоден будет превосходительству вашему. Он прислан от стороны генерала Алларда»¹⁴.

План Л.-Н. де Алларта, как уже сказано, лег в основу двух самых ранних по времени напечатания гравированных схем битвы. Именно А. А. Матвеев заказал срочно выгравировать, используя план Л.-Н. де Алларта, офорт с надписями на французском языке. Этот офорт работы неназванного мастера был напечатан «в Гааге у Пьера Хуссона»¹⁵. Один из первых экземпляров увидевшей свет гравюры «преславной битвы

при Полтаве» посол отправил в Санкт-Петербург. Сделал это он при письме вице-адмиралу К. Крюйсу от 11 (22) октября 1709 г. Посол упомянул, что сам распорядился напечатать этот план в Голландии¹⁶. У другого плана обозначен автор — И. Ф. Леопольд. По существу названные офорты отличаются лишь тем, что на втором надписи помещены не в легенде, но непосредственно у изображений¹⁷. Возможно, оба плана выполнены одним мастером. Гравер и издатель И. Ф. Леопольд (1668–1726) работал в Аугсбурге¹⁸. Он неким образом был связан с русской темой — его резцу принадлежит гравюра молодого Петра I¹⁹. Гравюра географа французского короля Н. де Фера (1714) и акварельный план российского инженер-архитектора Х. Я. Шварца (1730-е гг.)²⁰ — более поздние материалы. Они воспроизводят с незначительными отличиями гравированные планы И. Ф. Леопольда и издателя П. Хуссона.

При тупоугольной форме укрепленного лагеря, вытянутого вдоль крутых скатов берега в низменную пойму Ворсклы, самая высокая часть пологой возвышенности на вероятном поле грядущей битвы оставалась бы за его пределами — вещь невозможная для профессионалов. При таком размещении ретраншемент был бы очень удален от гребня возвышенности, довлевшей над низиной, где стояла деревня Яковцы и протекал ручей, — далее за лесом у Полтавской крепости находились главные силы шведской армии. В этом случае лагерь не контролировал бы пространство низины у Яковцов и давал противнику возможность атаковать, сосредоточив войска на возвышенной позиции. Это было бы слишком важное упущение.

Более того, при размещении ретраншемента вдоль берегового ската в пойму Ворсклы и его тупоугольном контуре вне пределов лагеря оставлялось бы наиболее высокое место вероятного поля будущей генеральной баталии — возвышенность к северу от Яковцов. Пологие скаты этой возвышенности («горы», упоминаемой в печатной реляции о битве), как показано на картах начала XX в., тянулись к западу и северу по полю, где и произошла решающая фаза битвы. Вегеций, древнеримский автор, выдающийся труд которого по военному делу, написанный на рубеже IV–V вв., цитировал Петр I, дал проверенную временем установку: «Хороший вождь должен знать, что в большой степени победа зависит от того места, где

произойдет бой. Поэтому старайся, чтобы, собираясь вступить в рукопашный бой, ты прежде всего получил помощь от благоприятного тебе места; считается, что оно будет тем лучше, чем выше оно лежит. [...] Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой — и с местом, и с врагом»²¹.

Б. П. Шереметев, Л.-Н. де Алларт и другие участники битвы при Нарве (1700) помнили, к каким плачевным последствиям привело тогда подобное упущение. Вершина пологой горы Германсберг была оставлена вне пределов земляных укреплений россиян вокруг осажденной Нарвы. Эта господствовавшая над местностью высота была немедленно занята шведами в самом начале баталии; на ней была установлена артиллерия; именно оттуда шведы двинулись на штурм русских укреплений.

В силу всего сказанного нельзя согласиться с утверждениями, что ретраншемент имел конфигурацию в виде тупого угла. В этом случае он бы не занимал наиболее высокого места на возможном поле ожидавшейся вскоре битвы и неприятель получил бы командование над местностью, удобное место для размещения артиллерии. Столь очевидной ошибки царь и его полководцы не могли повторить вновь.

Третье существующее в литературе мнение о конфигурации ретраншемента распространено достаточно широко — он имел правильную прямоугольную форму. При этом два угловых бастиона завершали его западную сторону (фас), два полубастиона примыкали к крутым откосам, спускавшимся в низменную долину Ворсклы. Все три стороны ретраншемента были усилены реданами.

Имеет смысл изучить степень надежности сведений, на которые опирается эта точка зрения. В качестве ее документальной основы следует назвать официальный итоговый русский гравированный план битвы, к которому прикреплено изображение боевых порядков русских и шведских войск. Последний озаглавлен «Ордер де баталии войск российских и свейских». 2 августа 1709 г. царь отправил в Москву из Киева «чертеж о бывшей виктории у Полтавы». Монарх указал «вырезать доску и напечатать таких десятков пять или шесть и прислать к нам с реляциями». Петр I предписывал: «И до указа тех чертежей никому не отдавать и не кажи. Также и продавать не вели, токмо одни реляции вели продавать»²². Очевидно, царь придавал большое

значение обнародованию официального гравированного плана битвы, его соответствию и основным фактам, и пропагандистской концепции рождавшейся на востоке Европы Российской империи. Монарх желал лично ознакомиться с планом битвы, прежде чем пускать сведения о ключевом событии его правления и жизненного пути в общественный оборот.

В письме от 2 августа 1709 г., безусловно, имелся в виду официальный гравированный план битвы. К нему в последующем были прикреплены печатная схема боевых порядков войск («Ордер де баталии войск российских и свейских»), а также текст реляции²³. Царское послание было получено в Москве 10 августа. Боярин И. А. Мусин-Пушкин 4 сентября 1709 г. отписал монарху, что отправил к нему напечатанные 40 листов «Ордера» и 20 листов реляций, но «без чертежей»²⁴, которые тогда, следовательно, еще не были готовы или еще не были присланы в столицу из-за рубежа. Не имелошь чертежей в Москве и к 15 октября 1709 г.²⁵ Гравюра вышла из печати позднее. Возможно, что это произошло, как написано в ее заголовке, «в нынешнем 1709-м году», но только в самом его конце. Исполнителем офорта стал голландец Я. Кайзер. Этот гравер в начале XVIII столетия создавал офорты о победах русского оружия над шведами (взятие Дерпта, Нарвы, 1704 г.; Полтавская битва; осада Риги, 1710 г.). Некоторые полагают, что он был в России при дворе Петра I²⁶, но сюжет о личности и деятельности этого мастера резца мало изучен. Скорее, он трудился за пределами России, поскольку в российских архивах не отразились сведения о его пребывании в стране (в отличие от других граверов).

Требуется объяснения также утверждение канцлера Г. И. Голловкина в письме от 12 августа 1709 г. Тогда он послал из Киева в Москву «чертеж и четыре реляции печатные о бывшей главной со шведом баталии при Полтаве, которые во всем справедливы и верны написаны и во все окрестные государства отсюда посланы...»²⁷. Вкупе с вышесказанным ясно, что к началу августа 1709 г. в Киеве был напечатан текст реляции, но чертеж (схема битвы) был тогда послан канцлером в Москву еще только в рукописном виде (очевидно, с уточнениями).

Процесс подготовки официального гравированного плана битвы отражают сохранившиеся материалы Походной канцелярии Петра I. Среди них особенно интересны два рукописных чер-

тежа ретраншемент. Сейчас они хранятся в «Галерее Петра I» в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге²⁸. На этих чертежах укрепленный лагерь россиян показан, как и на официальном итоговом гравированном плане 1709 г. Я. Кайзера²⁹, прямоугольным. Западная сторона ретраншемента (ширина) на чертежах относится к южной (длина) как 0,66. Это полное следование совету Вегеция: «Пусть форма лагеря не ставится выше пользы, все же более красивым считается, если длина на треть превышает ширину»³⁰. Один из чертежей показывает тот ретраншемент, который реально построили. Другой чертеж раскрывает планы командования по усилению фортификационной системы на вероятном поле баталии, которые не успели воплотить. Во-первых, на втором чертеже один редан на западной стороне ретраншемента и один на южной показаны перестроенными в бастионы. Во-вторых, на наиболее угрожаемом направлении атаки со стороны шведов юго-западнее бастиона на углу южного и западного валов ретраншемента изображено новое фортификационное сооружение — линейная земляная насыпь, вал с двумя редутами на обеих его оконечностях и с реданом посередине. Именно с этого юго-западного направления и попытался пробиться к русскому лагерю с частью шведской пехоты в день Полтавской битвы А. Л. Лёвенгаупт. Этот комплекс укреплений не упоминается в описаниях баталии ее участников; его изображений нет на русских гравюрах. Именно поэтому нельзя принять предположение В. А. Молтусова, что эти сооружения стали «по всей видимости... первыми укреплениями, воздвигнутыми на поле»³¹.

Применяясь к рельефу местности, можно попытаться приблизительно рассчитать размеры прямоугольного ретраншемента. Укрепленный лагерь заключал внутри себя вершину возвышенности, которая охватывалась двумя языками оврагов, шедших от поймы Ворсклы. Северный язык не заходил столь далеко, как южный, проходивший вдоль всего южного фаса ретраншемента. Если следовать военно-топографическим съемкам 1909 г., то южный фас лагеря можно считать равным примерно 960 м, западный — 640 м. Площадь ретраншемента при таком расчете составит около шести квадратных километров. Изучение карт подводит к выводу, что кадеты Полтавского корпуса в 1855 г. правильно восстановили существующий поныне уча-

сток южного фаса Петровского ретраншемента — на некотором удалении от начала крутого склона возвышенности, на которой был сооружен ретраншемент.

Нужно подчеркнуть продуманный характер размещения войск в ретраншементе. Каждый редан, каждый бастион защищали два батальона. В большинстве случаев бастионы и полубастионы занимали отборные воинские части. Два угловых бастиона западной стороны лагеря обороняли по два батальона гренадер. На не менее опасной южной стороне примыкавший к шедшему к Ворскле крутояру полубастион тоже занимали гренадеры, но в количестве одного батальона. Средний бастион южной стороны охраняли по батальону гренадер и солдат. Даже полубастион северного фаса лагеря имел усиленную охрану — там находился батальон Астраханского полка из состава гвардейской бригады. Только средний бастион западной стороны лагеря защищался батальонами солдатских полков (Московского и Бутырского). На чертеже в ретраншементе показано 60 батальонов. Однако два батальона Белгородского полка приблизительно вечером 26 июня были выведены для строительства и обороны двух новых редутов — туда, где на рассвете атаквали главные силы шведской армии.

В год 300-летия Полтавской баталии был издан с переводом на русский язык шведский рукописный «План осады и битвы при Полтаве». Этот ценный для истории битвы источник был подготовлен в русском плену генерал-квартирмейстером и полковником А. Юлленкруком по распоряжению генерала А. Л. Лёвенгаупта. По сути, он отражает видение хода баталии одним, пусть и весьма осведомленным человеком. Если расположение, действия шведских войск изображены весьма точно, с интересными подробностями, то действия российской стороны, места расположения войск, их количество, характер и месторасположение укреплений показаны приблизительно, как бы по беглым впечатлениям и смутным воспоминаниям одного человека, оставшимся после баталии. К примеру, редутов в прогалине между Малобудищенским и Яковчанским лесами изображено не десять, но всего шесть, при этом размещены они достаточно вольно. Ретраншемент же показан, как будто бы его наблюдали издали, из неудобного местоположения и недолгое время — примыкавшее к откосам, спускавшимся в долину Вор-

склы, полукружие валов, равномерно усиленное 14 реданами и квадратным шанцем у начала крутого спуска в пойму реки³². Изображение ретраншемента А. Юлленкруком в силу сказанного следует считать условным.

Историк В. А. Молтусов, опираясь на гравюры, восходящие к плану Л.-Н. де Алларта, и более поздние схемы, поставил вопрос о наличии близ южной стороны ретраншемента других российских укреплений. По его мысли, над оврагом, южнее которого располагалось село Яковцы, были сооружены еще два редута³³. В. А. Артамонов на этот счет высказался следующим образом: «Вряд ли были сооружены еще два многоугольных шанца у южной стороны ретраншемента, которые можно обнаружить на нескольких планах и гравюрах. Скорее всего, это был неосуществленный проект»³⁴. Тем не менее мысль В. А. Молтусова о наличии вспомогательных укреплений к югу от ретраншемента, ближе к шведскому лагерю, представляется плодотворной.

В. А. Артамонов первым обратил внимание, что перед батальей царь со всей серьезностью обдумывал возможный сценарий атакующих действий шведов — вдоль дороги, шедшей по краю возвышенного плоскогорья по-над обрывом в пойму Ворсклы от шведских укреплений к северу от Полтавской крепости. Петр I спустя некоторое время после битвы, задавая вопросы пленному генерал-майору кавалерии К. Г. Крейцу, спросил, какую цель преследовали шведы, когда начали атаковать не южную сторону ретраншемента вдоль Ворсклы, но прорываться через редуты в прогалине между Малобудищенским и Яковчанским лесами. Начавшееся нападение на редуты, как показалось К. Г. Крейцу, русский главнокомандующий первоначально воспринял как ложную атаку («blindt allarm»)³⁵.

Места для атаки на этом направлении было еще меньше, чем при наступлении в прогалине между лесами. По существу, вдоль Ворсклы каролинцы могли атаковать только батальонными колоннами. Так, впрочем, нередко в то время и штурмовали земляные укрепления. Например, те же шведы при Нарве в 1700 г., атакуя в двух местах густыми построениями, имели блестящий успех. К. Г. Крейц, пожалуй, передал сомнения царя в высшей степени верно. Русскому самодержцу свойствен был расчет всех возможных (исходя из особенностей местности, расположения

укреплений, воинских частей) вариантов развития событий. Наиболее очевидному варианту действий неприятеля — бросок главных сил «горячих» шведов через линии редутов — царь из уважения к предполагаемой им полководческой мудрости противника не доверял в полной мере вплоть до того времени, когда всё ясно обозначилось.

Очевидец событий пастор Д. Крман, пребывавший при шведской армии, писал накануне битвы, что за «глубокой долиной и ручьем», которые отделяли шведский лагерь от расположения русских сил, за последним шведским постом имелась возвышенность. Ее «московиты укрепили тремя очень основательными валами»³⁶. Последний шведский пост близ деревни Яковцы составляла рота пехоты³⁷. Употребленное Д. Крманом латинское слово *aggere* (земляное возвышение, вал, насыпь и др.), по мнению автора статьи, в данном случае лучше перевести не «валами», но «земляными укреплениями». Два больших многоугольных русских шанца, прикрывавших подходы к ретраншементу с юга вдоль дороги из Полтавы по-над обрывом Ворсклы, показаны на гравированном плане П. Хуссона³⁸. На гравированном плане Я. Кайзера, основанном на официальных, проверенных материалах, тоже изображена низина с протекавшим по ней ручьем. Эта местность разделяла шведский и русский лагеря. Однако укрепления по ее северному русскому краю не изображены³⁹.

Наличие вспомогательных русских земляных укреплений у северной кромки Яковчанского леса, росшего между дорогой и прогалиной (где были возведены 10 русских редутов), не следует отрицать. Они располагались, естественно полагать, по гребню возвышенности, на большом расстоянии за которой возвышалась южная сторона русского ретраншемента. Некоторые укрепления имелись и вблизи дороги, шедшей от Полтавы вдоль крутояра по-над Ворсклой. Часть из этих сооружений наблюдали Д. Крман и Л.-Н. де Алларт. Поскольку они были вспомогательными, то не попали на официальный план битвы, выполненный Я. Кайзером, и на все сделанные по официальным приказам Петра I русские видовые гравюры Полтавской битвы. Вместе с тем эти укрепления показаны на гравированных планах издателя П. Хуссона, И. Ф. Леопольда, Н. де Фера и других, восходящих к предварительному рукописному наброску-карте генерала Л.-Н. де Алларта.

Можно предполагать, что три земляных укрепления с солдатами регулярных войск, зафиксированные Д. Крманом, а также отмеченные на ряде чертежей другие укрепления по дороге к Полтаве вдоль Ворсклы на юг от ретраншемента занимали оба батальона полков Ивангородского⁴⁰ (707 чел.), А. Ю. Инглиса (907 чел.), Каргопольского (642 чел.). Очевидно, здесь размещалось и по одному батальону Санкт-Петербургского (весь полк 708 чел.) и Троицкого полков (весь полк 937 чел.). Вторые батальоны этих полков показаны в ретраншементе. Один батальон Пермского полка защищал Полтавскую крепость, но два других из трех (всего 879 чел.)⁴¹ пребывали, по-видимому, где-то к югу от ретраншемента «при команде генерал-лейтенанта Ренцеля». Пермский полк самоотверженно бился с неприятелями. Офицеры так описывали свое участие: «А два батальона полка были под городом Полтавою при команде генерал-лейтенанта Ренцеля на генеральной баталии против неприятельских швецких людей, а был в то время при оных двух батальонах командрован за полковника Петр Роберт». Полк понес большие потери: пали капитаны И. Чичерин, А. Водов, Б. Наумов, поручик Ф. Хрущов, прапорщик Н. Плеханов, 134 урядника и рядовых. Еще 65 нижних чинов впоследствии скончались от ран⁴². Очевидно, что большие потери в ходе битвы не понес ни один другой пехотный полк!

Есть сведения о деятельном участии других перечисленных боевых частей в баталии. Шесть офицеров Каргопольского полка (расформированного в 1712 г.) вспоминали в собственных «сказках» о боевом пути полка: «...в 709 году был... под Полтавою в апрошах и на генеральной баталии под Полтавою же»⁴³. В «сказках» офицеров Ивангородского полка, пребывавшего под началом того же С. фон Ренцеля, о его действиях говорится скупно: «И в том же 709 году ... пришел полк к армии своей под Полтаву в июне месяце и был на Полтавской баталии...»⁴⁴ Один из батальонов полка А. Ю. Инглиса сражался против шведской пехоты отряда генерал-майора К. Г. Рууса (6 батальонов), другой, очевидно, остался оборонять одно из укреплений к югу от ретраншемента. Известно, что из состава полка были «на баталии Полтавской побиты» прапорщики О. А. Кубцов, В. Е. Поспелов и 7 рядовых. От ран скончались еще трое рядовых. Подполковник А. К. Коррет, всего 42 чел. были ранены⁴⁵.

Полк пребывал в отряде С. фон Ренцеля, располагавшемся на южной стороне укрепленного лагеря, поэтому его пребывание в укреплениях к югу от ретраншемента вполне естественно. Там ранним утром 27 июня 1709 г. солдаты полка и приняли бой. Офицеры полка в своих «сказках» писали об участии в битве: «В 709 году... на генеральной баталии Полтавской в 709 году июня 27-го дня был же под командою... генерала-лейтенанта Ренцеля...»⁴⁶

Все перечисленные боевые части (10 батальонов) предположительно размещались в укреплениях на южных подступах к ретраншементу — это логично с военной точки зрения, и батальоны действительно были в деле, понесли реальные потери. Названные 10 батальонов насчитывали до 3200 бойцов по спискам. Если допустить их укомплектованность в 80% (как в пехоте, выведенной на поле битвы), это составит около 2600 чел. Эти войска представляли собой серьезный барьер на пути столь вероятной атаки шведов на южную сторону ретраншемента. Сохранившиеся разрозненные данные об их потерях в баталии говорят о серьезной роли этой войсковой группы в баталии. Столь большие потери Пермского полка погибшими и скончавшимися от ран (204 чел.) подталкивают к поиску новых источников, способных пролить свет на этот загадочный острый сюжет из истории битвы.

В ретраншементе в день баталии, как упомянуто, находились 58 батальонов пехоты. Это 13 батальонов гвардейской бригады (по четыре Преображенского и Ингерманландского полков, три Семеновского и два Астраханского), также 6 гренадерских и 39 солдатских. Еще 10 батальонов были, как сказано выше, в ближайших укреплениях на подступах к ретраншементу. Количественный состав всех этих 68 батальонов пехоты, сосредоточенных в ретраншементе, можно определить, используя данные, содержащиеся в «Табели войску российскому» за подписью А. Д. Меншикова⁴⁷ (1711). Подсчеты при опоре на этот документ показывают — в ретраншементе и ближайших укреплениях в день битвы пребывало (добавляя в сумму число погибших в битве пехотинцев — свыше 712 чел.) округленно 32 600 строевых пехотных чинов по спискам. Это завышенное «списочное» число. Следует ввести рассчитанный автором для пехоты первой линии баталии 80%-й коэффициент некомплект-

ности. Получим 26 100 чел. Учтя сведения о гарнизонах редутов (13 батальонов; 4730 воинов по спискам; около 3800 чел. с учетом некомплектности) и Полтавской крепости (7 батальонов; примерно 2200 бойцов), выйдем на общую численность так или иначе задействованной в битве регулярной пехоты: 88(!) батальонов — около 32 100 воинов.

Таким образом, для генеральной баталии Великой Северной войны российский самодержец сумел сосредоточить значительные силы регулярной пехоты (о коннице и артиллерии в статье речь не идет). Количество российской регулярной пехоты, участвовавшей в Полтавской баталии, в четыре раза превышало численность пехотинцев, посланных в битву Карлом XII (около 8170 чел.). Наибольшая часть российской пехоты была размещена в ретраншементе и ближайших к нему вспомогательных земляных укреплениях с его южной стороны. При выборе места ретраншемента на местности (пологая возвышенность) и при придании ему определенной конфигурации Петр I следовал не только опыту современной военно-инженерной науки и практики, но и рекомендациям авторитетных античных и средневековых аналитиков военного дела. Изученные материалы дают основание считать, что российский ретраншемент имел прямоугольную форму с отношением ширины (западная сторона) к длине (южная сторона) строго по рекомендации древнеримского автора Вегеция (2:3 или 0,66).

---

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБИПВ). М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 242–243, 342.

² Там же. С. 302.

³ История швейцарской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 301.

⁴ Там же. М., 2004. Вып. 2. С. 120.

⁵ Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 119–120.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ [Гюйссен Г., фон] Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочиненный бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. С. 92.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 314. Л. 78 об.

⁹ [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maître. S. l. 1786. P. 53–54.

¹⁰ Трапециевидным контур ретраншемента Петра I считали следующие авторы: *Бутурлин Д. П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. План № 10; *Plater S.* Plans des sièges et les batailles qui ont en lieu en Pollogne pendant le XVIIème et XVIIIème siècle. Posen, 1828. Planche X; *Шперк В. Ф.* Инженерное обеспечение Полтавской битвы (к 230-летию Полтавской битвы). М., 1939. С. 16; Морской атлас. М., 1958. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; *Порфирьев Е. И.* Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 58; *Иванюк Я. Г., Ростовский А. Н.* Заповедник «Поле Полтавской битвы»: Путеводитель. Харьков, 1986. С. 76; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 82; *Frost P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007. S. 315; *Молтусов В. А.* Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009. М., 2009. С. 213.

¹¹ *Балтийский А. А.* Описание планов, карт и гравюр Полтавской битвы // Журнал Общества ревнителей военных знаний. СПб., 1909. Кн. 3. С. 268, 271; приложения 2, 3.

¹² *Артамонов В. А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009. С. 518.

¹³ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 308.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV.30. Л. 1–1 об.

¹⁵ Воспроизведения: 1. Полтавская битва. 1709–27 июня — 1909 / Сост. В. Е. Борисовым, А. А. Балтийским, А. А. Носковым. СПб., 1909. Прилож. I, V; 2. *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992. С. 191; 3. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. СПб., 2009. С. 103.

¹⁶ *Кап К. А., ван дер.* Неизданные письма начала XVIII столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Август. С. 451.

¹⁷ *Балтийский А. А.* Описание планов, карт и гравюр Полтавской битвы. С. 275–276, 281, 282; приложения 5, 13.

¹⁸ Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur gegenwart / Begründet von U. Thieme und F. Becker. Leipzig, 1929. Bd. 23. S. 93.

¹⁹ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3. Стлб. 1608, № 279.

²⁰ План инженер-архитектора Х. Я. Шварца опубликован: Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы. М., 2011. Вклейка иллюстраций между страницами 400 и 401.

²¹ *Грегеские полиоркеттики. Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела. СПб., 1996. С. 241.

²² ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 333.

²³ См. воспроизведения этой гравюры: 1. *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. С. 190; 2. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. С. 215.

²⁴ ПБИПВ. М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 1161, 1162, 1228.

²⁵ Там же. С. 1228, 1229.

²⁶ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XVII вв. СПб., 1895. Т. 2. Стлб. 475, 476; *Mackowski H. Keyser Jacob* // Allgemeines Lexicon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur gegenwart / Begründet von U. Thieme und F. Becker. Leipzig, 1927. Bd. 20. S. 237.

²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам на русском языке). Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 186.

²⁸ Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Галерея Петра I. Ф° 266. Т. 2. Л. 85; Т. 3. Л. 81.

²⁹ См. воспроизведения плана: 1. *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. С. 190; 2. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. С. 215.

³⁰ *Грегеские полиоркеттики. Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела. С. 229.

³¹ *Молтусов В. А.* Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009. С. 214.

³² [Юлленкрук А.] Полтавская реляция генерал-квартирмейстера Акселя Юлленкрука // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. М., 2009. С. 106–107.

³³ *Молтусов В. А.* Полтавская битва: Уроки военной истории. 1709–2009. С. 225–226.

³⁴ *Артамонов В. А.* Полтавское сражение: К 300-летию Полтавской победы. С. 621–622.

³⁵ Там же. С. 532, 533.

³⁶ *Шутой В. Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 105.

³⁷ *Артамонов В. А.* Полтавское сражение: К 300-летию Полтавской победы. С. 519.

³⁸ Воспроизведения: 1. *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. С. 191; 2. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. С. 103.

³⁹ Воспроизведения: 1. *Борисовская Н. А.* Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. С. 190; 2. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки. С. 86.

⁴⁰ Утверждение Н. П. Поликарпова, что Ивангородский полк имел в 1709 г. трехбатальонный состав, опровергается приведенным самим автором материалом. — См.: [Поликарпов Н. П.]. О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // Военный сборник (ВС). 1909. № 8. С. 239–240.

⁴¹ *Кротов П. А.* Битва при Полтаве (к 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 388–391.

⁴² [Поликарпов Н. П.] О войсковых частях, принимавших участие в генеральной баталии под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // ВС. 1909. № 9. С. 258, 259.

⁴³ [Поликарпов Н. П.] О войсковых частях, принимавших участие в генеральной баталии под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // ВС. 1909. № 8. С. 237.

⁴⁴ Там же. С. 239–240.

⁴⁵ Там же. С. 235; Игнатович Д. История 85 пехотного Его Императорского Королевского Величества императора германского, короля прусского Вильгельма II полка. СПб., 1900. Вып. 1. С. 52–53.

⁴⁶ [Поликарпов Н. П.] О войсковых частях, принимавших участие в генеральной баталии под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // ВС. 1909. № 8. С. 235.

⁴⁷ Документ опубликован: Кротов П. А. Битва при Полтаве (к 300-летней годовщине). С. 389–391.

Н. Кент

**«ЭРА СВОБОД»
И РОССИЙСКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ***

«Эра свобод», короткий период между двумя эпохами абсолютизма, начала зарождаться во время окончания Северной войны. Это произошло на фоне внезапной, катастрофической для Швеции гибели Карла XII во время его последнего похода в Норвегию (которая тогда находилась под суверенитетом короля Дании). Военная кампания потерпела крах, а уязвимость Швеции в военном, экономическом и политическом планах стала очевидной. Таковы были самые первые последствия гибели Карла XII.

Норвежцы под командованием Педера Торденшельда напали на Бохуслен. В это время в общей сумятице средства, выделенные на кампанию, исчезли без следа. Стало разрушительным и внезапное нападение России на незащищенное восточное побережье Швеции в 1719 г. Сильно пострадали города на севере (такие, как, например, Умео). Сёдертелье был сожжен дотла. Из Финляндии многие мужчины были увезены в Россию в качестве военнопленных: кого-то призвали служить, а кого-то сделали крепостным. Многие из тех, кому удалось избежать плена, перебрались в Швецию, где поселились и больше никогда не возвращались в родные края. Хотя Стокгольм во времена Рутгера Фукса (1682–1753) успешно противостоял вторжению русских, Швеция больше не могла сопротивляться.

---

* Перевод с англ. яз. Якимовой С. А. (СПбГУ).

В результате Швеция была вынуждена принять ряд условий. Она потеряла часть территорий, приобретенных в ходе Тридцатилетней войны, в том числе земли от Бремена и Вердена до Ганновера, хотя некоторая компенсация была выплачена. Воллин и Узедом, среди немногочисленных территорий Западной Померании, отошли к Пруссии. У Швеции остались лишь территории к западу от реки Пеене.

Были и финансовые сложности. Недавно полученная Швецией привилегия не платить датские таможенные пошлины за проход судов через пролив Эресунн теперь была отменена. Однако наиболее тяжелыми для Швеции были условия Ништадтского мирного договора (1721). Согласно договору к России отходила не только Ингерманландия (Ижорская земля), но и Эстляндия, Лифляндия, Карелия и Кексгольм.

Именно на фоне всех этих событий сложился новый политический порядок, связанный с партией «колпаков». С приходом нового порядка претерпел изменения и статус монархии. Когда же в 1719 г. Ульрика Элеонора (1688–1741) приняла регентство после смерти ее брата Карла XII, она была вынуждена отказаться от принципа абсолютизма для того, чтобы сохранить престол. По этой причине период, который продолжался вплоть до 1772 г., называется «эрой свобод». И только по прошествии более чем 50 лет абсолютизм снова был восстановлен правнуком Ульрики Элеоноры Густавом III (1746–1792).

В 1720 г. Ульрика Элеонора отреклась от престола в пользу своего мужа ландграфа Фридриха Гессенского, который стал королем Фридрихом I и правил более 30 лет. В этот период именно риксдаг, куда входили сословия дворянства, духовенства и бюргеров, получил наибольшее количество привилегий, становясь все более «парламентским» по своей сути. При этом сословие крестьян часто вовсе было исключено из процесса принятия основных законов. Вообще, решение самых важных вопросов теперь было сосредоточено в руках т. н. секретной комиссии (комитета), состоящего из 50 представителей дворянства и 25 представителей духовенства и бюргерства соответственно. Согласно обнародованному решению риксдага от 1723 г., законотворчество и налогообложение были отныне функциями риксдага, а не монарха. Риксдаг должен был созываться каждые три года. Новая шведская форма правления 1734 г. тоже имела

большое значение, поскольку в какой-то мере модернизировала судопроизводство.

В это время обострилась конфронтация между партиями «шляп» и «колпаков». Влияние Арвида Горна (1664–1742), особенно в должности Президента королевской канцелярии, значительно возросло. Будучи сторонником политики умеренного меркантилизма, Горн уделял много внимания развитию отечественной промышленности, особенно текстильному производству. Кроме того, он старался уберечь Швецию от военных конфликтов. Однако в каких-то вопросах его действия были недостаточно решительными. Теперь рьяные сторонники меркантилизма, чаще всего молодые офицеры, чиновники и торговцы, прозванные партией «шляп», становились намного более сильной оппозицией Горну и пожилым представителям аристократии, его сторонникам, прозванным в 1737 г. партией «колпаков». Когда партии «шляп» удалось занять доминирующую позицию в риксдаге в 1738–1738 гг., Горн был вынужден подать в отставку.

Карл Юлленборг (1679–1746), один из ведущих деятелей партии «шляп», занял пост Президента Канцелярии. Отныне, вплоть до переворота Густава III в 1772 г., в Швеции на практике существовала парламентская система. В то время как Горн был сторонником мирного урегулирования военных вопросов, Юлленборг, напротив, готов был на все, чтобы при первом удобном случае отвоевать назад территории, отошедшие к России по итогам Северной войны. После поражения Швеции Юлленборг отошел от политики, заняв не менее напряженную должность в руководстве университета.

В этот период начала значительно возрастать роль риксдага. В основном все вопросы политики Швеции решались представителями одного из четырех сословий. Дворянство, сильно пострадавшее от войн, в которые была вовлечена Швеция, теперь составляло лишь 5% всего населения королевства, духовенство составляло 9%, и бюргерство и крестьянство были в большинстве. Первое сословие было самым уязвимым относительно положения первого сословия во многих других странах Европы. Дворянство не было «закрытым сословием», и видные военные и политические деятели из горожан могли со временем войти в его ряды.

Основная власть была сосредоточена в руках Короны и дворянства, однако церковь также занимала значимое место и обладала большим влиянием как в городе, так и в сельской местности, занимаясь решением и светских, и церковных вопросов. Бессменный лидер этого сословия — архиепископ Упсальский и примаस Швеции, находящийся в подчинении государства.

В новом политическом укладе именно партия «шляп» заняла доминирующую позицию, когда в 1741 г. началась война с Россией. Предполагалось, что Франция будет выплачивать Швеции субсидии, однако это не оправдалось. Финансирование было недостаточным, а военные действия были плохо спланированы. Все это повлияло на то, что шведские войска под командованием генерала Карла Эмиля Левенгаупта (1691–1743) при содействии генерал-лейтенанта Генриха Магнуса Будденброка (1685–1743) очень скоро потерпели поражение. Вильманstrand (Лаппеенранта) пал в августе, несмотря на прибытие новых шведских войск. После небольшого перерыва в военных действиях во время восхождения Елизаветы на российский престол военные действия вновь возобновились, когда Россия снова попыталась захватить Финляндию. Военная мощь Швеции быстро ослабла. Шведы сдались в 1742 г., потери были страшные: Финляндия отошла к России. Левенгаупта и Будденброка сделали козлами отпущения и без особого судебного разбирательства казнили. Однако впоследствии итоги войны оказались не такими ужасающими — большая часть финских земель была возвращена Швеции. В свою очередь шведский король, будучи бездетным, признал наследником престола Адольфа Фридриха (1710–1771). Его женой стала Луиза Ульрика Прусская, сестра Фридриха Великого.

Недовольство этим выбором — многие предпочитали датского кандидата и его супругу — стало поводом для 4500 крестьян и солдат Далекардии (Даларны) для организации восстания (1743). Восстание, известное как «Большая даларнская пляска», было жестоко подавлено военными, а лидеры были казнены или посажены в тюрьму. Это вызвало недовольство Дании. Опасаясь нападения с запада, Швеция была вынуждена просить у своего недавнего врага — России — выслать войска для защиты побережья. Военных действий удалось избежать, но это

повлекло за собой увеличение влияния России в этом регионе. Таким образом, Россия проявила великодушие, и по мирному договору 1743 г. только Южная Карелия перешла к России.

После этого Швеция почти сразу уделила значительное внимание укреплению своих вновь приобретенных финских территорий. Для защиты Гельсингфорса, бывшего тогда небольшим рыбацким поселком, шведы начали строительство крепости Свеаборг (ранее Виапори, сейчас — Суоменлинна). Руководство фортификационными работами было поручено Августину Эренсверду (1710–1772), который стал первым комендантом крепости.

Одной из выдающихся особенностей крепости был галерный док, построенный в 1760-х гг., стоимость которого была около 6–7 тонн золота. Не менее 6750 рабочих было привлечено к этому для того времени грандиозному строительству. Шведское правительство не жалело средств на строительство крепости, так как французские субсидии покрыли эти расходы. Эта новая эра военной безопасности была в 1765 г. запечатлена на картине выдающегося шведского художника Элиаса Мартина (1739–1818). Несмотря на то что западное побережье Финляндии тоже было необходимо укрепить, развитие торговли там всячески поощрялось, и поэтому количество портов и гаваней в Ботническом заливе тоже стремительно росло.

В это время Карл Густав Тессин (1695–1770), чьи дед и отец были придворными архитекторами, проявлял большую склонность к политике, нежели к архитектуре, и являлся одним из лидеров партии «шляп». Данную политическую ситуацию, в которой Тессин занимал главенствующее положение, осложняло вмешательство России во внутреннюю политику Швеции. Это портило репутацию и отрицательно сказывалось на популярности его партии. Его оппонент Андерс Юхан фон Хёпкен (1712–1789) выказал недовольство по этому поводу. Во время заседания риксдага 1746–1747 гг. он выступил с «Национальным объяснением», критикуя Тессина и осуждая вмешательство России во внутреннюю политику Швеции. Несмотря на это партия «шляп» продолжала занимать доминирующую позицию, а отношения России и Пруссии продолжали укрепляться.

Адольф Фридрих и Луиза Ульрика видели, что политическое недовольство возрастало и что их контроль над государством

ослабевает — вокруг них было создано политическое окружение, в котором активно сопротивлялись требованиям, насаждаемым партией «шляп», об отказе от претензий на Гольштейн-Готторп. Это привело в 1756 г. к неудачной попытке государственного переворота, который поддерживала королевская семья. Не относящиеся к королевской семье участники переворота были казнены, а король и королева были практически изолированы. Партия «шляп» по-прежнему продолжала оставаться у власти и теперь использовала неудачную попытку переворота как повод и орудие для того, чтобы победить своих противников.

Тем не менее и они были вынуждены участвовать во вспыхнувшей Померанской войне, а затем преодолевать ее последствия. Поскольку Франция тоже начинала более активно вмешиваться в дела на Балтийском море, то в 1757 г. против Пруссии развернулась эта Померанская война. Частично она была следствием союза Швеции с Францией, в то время участвовавшей в Семилетней войне, начавшейся за год до этого.

Стремление Швеции вернуть утраченные немецкие территории принято связывать с французскими интересами. Тем не менее субсидии от Франции не были получены, и военная мощь Швеции была значительно слабее войск Фридриха Великого. Таким образом, в 1762 г. война завершилась заключением в Гамбурге мира на условиях статус-кво. Внутриполитическая обстановка, однако, уже значительно изменилась, так как в связи с ослабленной экономикой и растущей инфляцией партия «шляп» была вынуждена уйти в оппозицию, поскольку партия «колпаков» снова одержала верх в риксдаге в 1765–1766 гг.

Правительство партии «колпаков» при этом взяло курс на сближение не только с Россией, но и с Англией, отдаляясь от Франции. Финансы страны были перераспределены, поскольку шла борьба с принципами меркантилизма, о чем говорили Андерс Норденкранц (1697–1772) и Андерс Хидениус (1729–1803). Бюрократические расходы были сокращены, что повлекло за собой сокращение рабочих мест, запрет на импорт, изготовление и приобретение дорогих товаров, особенно кофе, шоколада, вина и дорогостоящих тканей. Укреплялся военноморской флот, и в 1763 г. был построен первый сухой док в Карлскруне. Что касалось банков, взять новые кредиты было нельзя, а по долгам требовались выплаты. Это привело к деф-

ляции в экономике. В политике поощрялась открытость. Как результат, представителям четырех сословий удалось вытеснить секретную комиссию, которая ранее, как известно, изолировала представителей крестьянства от принятия решений. Затем, когда в 1766 г. была отменена политическая цензура, Швеция смогла похвастаться тем, что была одной из самых либеральных стран в Европе наряду с Великобританией.

На этом фоне Адольф Фридрих угрожал отречением от престола и партия «шляп» вновь вернулась к власти. Она должна была справиться с тем плачевным положением, в котором находилась экономика Швеции, общей стагнацией государства и недовольством среди широких масс населения. Когда король отказывался от созыва риксдага, под угрозой отречения от престола, на него оказывала влияние партия «шляп». Представители этой партии, в свою очередь, опасались, что представители партии «колпаков» начнут против них судебные разбирательства. Король же полагал, что, если партия «колпаков» вновь займет доминирующее положение, его позиции будут укреплены. В результате в 1771 г. «колпаки» вновь пришли к власти. Однако они были не в состоянии вернуть королю те прерогативы, которые обещали. Также они не могли содействовать тем, кто хотел добиться больших прав для рабочих и чиновников, которые были недовольны недоступностью привилегий дворянства. Как результат — контрреволюция.

Смерть Адольфа Фридриха в феврале 1771 г. создала такие условия, при которых Густаву III удалось совершить переворот. Возвращаясь в Стокгольм в мае, он остановился в Пруссии, у своего дяди Фридриха Великого, для обсуждения политических вопросов. Он знал, что партия «колпаков», получающая субсидирование из России, восстановила свою власть после смерти его отца. Общее недовольство, усугубленное неурожаем, не позволило партии «колпаков» прочно укрепить свои позиции. Густав воспользовался общим хаосом и поддержкой со стороны Франции. 19 августа 1772 г. король и его сторонники совершили бескровный переворот, восстановив прежний абсолютизм.

В. Е. Возгрин

**ИСЧЕЗНУВШИЕ ОСТРОВА
(СКАНДИНАВСКАЯ ВЕСТ-ИНДИЯ)***

Возникновение, расцвет и упадок скандинавского колониализма тесно связаны и во многом напоминают соответствующие процессы в истории других европейских стран. Тем не менее колониальное прошлое Дании и Швеции имело лишь ему присущие черты, своеобразность которых наиболее четко проступает при отдельном рассмотрении истории обеих стран в этом аспекте.

Известно, что датская компания Вест-Индия для заокеанской торговли в Новом Свете по своей прибыльности стали идеалом для европейских купцов и предпринимателей XVII в. В 1621 г. была учреждена голландская Вест-Индская компания, чьи доходы быстро стали общеизвестными. В Скандинавии внимание на этот источник денег первым обратили датчане — конкретно Кристиан IV (1588–1648), постоянно нуждавшийся в средствах на бесконечные войны и обширное дворцовое строительство. Через три года он отправил вместе с голландским караваном, направлявшимся в Вест-Индию, и пару датских судов. Этот опыт оказался удачным, и еще через год король издает патент

---

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 г.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

на создание датской Вест-Индской компании. Впрочем, пока это не привело ни к каким результатам.

Лишь в 1652 г., после долгого перерыва, удачно завершился рейс датского торгового судна к берегам Вест-Индии. «Фортуна» доставила в Копенгаген колониальные товары, принесла немалую прибыль ее владельцам и казне. Это и стало побудительной причиной для основания в том же году Карибской компании, созданной предпринимателем Я. Виллумом и несколькими его коллегами.

Но для успешной коммерции нужна была точка опоры, и выбор пал на остров Св. Фомы (один из Виргинских островов, ныне Сент-Томас). Ранее он принадлежал испанцам, потом голландцам, но это обладание со временем стало чисто формальным — в середине XVII в. они не имели там даже своей администрации. Поскольку остров был «бесхозным», датчане стали заселять его явочным порядком, и в 1666 г. над ним взвился датский флаг. Собственно, там имелись жители европейского происхождения, однако они никому не подчинялись. Теперь пастор Къельд Йенсен Слагельсе привел их к присяге верности государю Датско-Норвежского Королевства.

Остров прекрасно подходил для предназначенной ему роли, так как обладал обширной, защищенной от океанских штормов бухтой, вполне годившейся для оборудования здесь портового хозяйства. Но освоение богатств острова Св. Фомы шло медленно, с перерывами. Остров был покрыт лесом, который перед устройством плантаций необходимо было вырубать или выжигать. Немногочисленные колонисты страдали местными болезнями, многие умирали. Кроме того, их постоянно беспокоили английские пираты. Наконец колонисты предпочли вернуться на родину, а остров стал на три года прибежищем морских разбойников. В 1671 г. Кристиан V (1746–1766) передает его в распоряжение второй Королевской датской Вест-Индской компании, образованной специально для эксплуатации этой колонии¹.

Для предстоящей экспедиции было выделено два военных корабля, а губернатором острова назначается датский чиновник Йорген Иверсен Дюббёль. Вскоре здесь уже был построен крупный порт, а губернатор обеспечил регулярный ввоз на Св. Фому черных рабов для использования их труда

на плантациях сахарного тростника. Поскольку смертность рабов, возделывавших плантации, была чрезвычайно высокой, то, хотя бы для поддержания стабильного контингента рабочей силы, ежегодно приходилось ввозить до 1/5 новых африканских невольников². Их поставкой занималась Датско-Африканская компания, скупавшая для этого рабов в Гвинее³. В 1675 г. губернатор Й. И. Дюббёль присоединяет к датским владениям расположенный недалеко от Св. Фомы необитаемый остров Сен-Жан (ныне о. Сент-Джон). Укрепление Кристиансфорт на Св. Фоме к этому времени превратилось в типично датский городок (многие старинные строения на нем сохранились доныне). Это колониальное поселение получило новое имя в честь королевы Дании: Шарлотта-Амалия.

Со временем тростниковый сахар приобрел в колониальной экономике Дании важное значение. В отличие от американских табака и кофе, сахарный тростник происходил из Южной Азии, а на островах близ Американского континента он был культивирован европейцами. И уже в XVII в. именно оттуда Дания получала основную часть этого ценного продукта. В XVIII в. основные плантации тростника находились на о. Св. Фомы, являясь важнейшим экспортным товаром колонии. Кроме того, оттуда вывозились табак и хлопок; в обратном направлении шли зерно, средства производства и другие товары европейского происхождения.

Вначале здесь денежная экономика практически отсутствовала, господствовал простой товарообмен, причем расчетной единицей служил фунт сахара. Так, 1 фунт датского сыра стоил 4 фунта сахара, литр датской водки — 8 фунтов и т. д. Постепенно Св. Фома стал торговым центром для всех близлежащих островов, причем не только датских. Их разноязычные жители получали при этом все товары, которые не могли быть им доставлены из стран Старого Света. И наоборот, они свозили на остров продукцию, которую не было возможности отправить в метрополию, особенно во время войн. Шкипера же датских кораблей, ходивших под нейтральным флагом и обладавших иммунитетом для каперов враждующих сторон, охотно брались за фрахтовые перевозки.

Больших доходов сахарный вывоз колонистам не приносил, главным образом по причине плохого качества товара. Сахар-

сырец был не очищен, часто попорчен соленой водой и корабельными крысами. Поэтому уже при Кристиане IV делались попытки создания установок для рафинирования сырья, но они заработали лишь в 1657 г., да и то не в колонии, а в Копенгагене. Сама торговля с островами велась в скромных размерах. Для снаряжения судна требовались свободные деньги, в которых компании часто ощущали острую нехватку. Поэтому к Св. Фоме отправлялся пока всего один корабль в год⁴. И лишь на рубеже XVII и XVIII вв. в вест-индской торговле наметились перемены к лучшему.

Эти перемены были окончательно закреплены за Данией международными актами лишь в начале правления Кристиана VI. Несколько позже учрежденный в Копенгагене Наличный банк (Kurantbanken) значительно облегчил как валютные операции, так и получение кредитов (ранее Данию обслуживал Гамбургский банк). В Вест-Индии датские промышленники еще в 1717 г. начали закладывать новые сахарные плантации на необитаемом французском острове Сен-Круа (ныне Санта-Крус); но значительно расширить торговлю с островными колониями долго не удавалось, отчего их жители испытывали немалые трудности. Тем не менее в 1733 г. группе предпринимателей во главе с Ф. Хольмстедом удалось выкупить Сен-Круа у французов за 160 000 рд. Расчет строился на экономических перспективах будущего: по размерам остров превосходил совокупную площадь Св. Жана и Св. Фомы, обладая к тому же плодородной почвой.

Со временем прибыли датчан на Вест-Индских островах возросли. Это объяснялось, помимо прочего, условиями жизни, гораздо лучшими, чем в индийских или африканских колониях Дании. Здесь был сухой, более здоровый климат, а особенность сырья позволила наладить безотходное производство сахара. Сок из тростника давили на прессовальных мельницах, затем его сушили и использовали для выпаривания патоки, причем в качестве топлива использовались сухие стебли отжатого тростника. Получался рыхлый, коричневатый сахар-сырец, который рафинировали в Копенгагене. Кроме того, из патоки на Сен-Круа гнали ром, который сбывали в соседние США или отправляли в Гвинею в обмен на рабов.

Доходы королевской казны при этом росли, и компания, как правило, без задержки получала очередную лицензию на моно-

полную торговлю и полную свободу действий на островах. Однако вскоре колонистов поразил непредвиденный удар, подобного которому они никогда ранее не испытывали.

Скупость метрополии по отношению к колониям (экономили даже на количестве солдат, посылаемых для охраны администрации, не говоря уже о солдатском провианте) в какой-то момент поставила под вопрос само существование последних в Вест-Индии. В 1733 г. на острове Сен-Жане вспыхнуло восстание рабов, с которым не смогли справиться немногочисленные датские отряды (белое население в целом составляло лишь 10% от общего числа рабов). Местный форт Фредериксвэрн был взят мятежниками, а его жители перебиты — как и остальное белое население острова. На следующий день войска, прибывшие с острова Св. Фомы, а также вспомогательный французский корпус с Мартиники (на острове были и французские частные плантации), оттеснили восставших в горную часть острова. Но лишь через полгода колонисты смогли начать восстановление сожженных строений и разоренных плантаций⁵.

Между тем оживление экономики Вест-Индских островов в первой трети XVIII в. к середине его сменилось новым упадком. Он был вызван, прежде всего, монопольным правом компании, которое давно уже вызывало недовольство как среди потребителей островов и метрополии, вынужденных покупать товары по монопольно высокой цене, так и колонистов, которым дирекция компании назначала столь же произвольные цены за плоды их труда. Именно эти настроения стали первопричиной планов о национализации компании государством. А когда в начале 1750-х гг. колонии поразили неурожайные годы, то ни в руководстве компании, ни среди ее акционеров не нашлось противников такого решения проблемы. Что же касается датского правительства, то и здесь нашлось немало сторонников установления более жесткого централизованного контроля над островной экономикой.

Наконец, имелись планы превращения Копенгагена в главный северо-европейский центр рафинирования и перепродажи сахара, а портового города Шарлотты-Амалии — в ведущий коммерческий (в том числе и транзитный) пункт для обслуживания океанской торговли между Европой, Вест-Индией и Северной Америкой. По совокупности перечисленных причин

в 1755 г. датские Вест-Индские острова переходят в безраздельную собственность государства и тут же становятся зоной свободной торговли. При этом компания получила компенсацию в 22 бочонка золота, что равнялось 2 240 000 рд⁶. Формально острова превратились в часть Датского Королевства, верховная власть на них была передана генерал-губернатору, а гражданское управление — государственным чиновникам-амтманам, как это было в самой Дании.

При этом в Вест-Индии торговая монополия компаний ликвидируется — совершенно в духе фритредерства. В 1764 г. Шарлотта-Амалия становится главным центром островной коммерции. Именно сюда доставляют рабов из Гвинеи, отсюда отгружается сахар, здесь идет перевалка грузов, доставлявшихся из стран — участниц той или иной войны, на датские нейтральные суда. Это, прежде всего, кофе, табак, хлопчатобумажные ткани и индиго — всё из американских владений французской короны. Отсюда же европейские товары распределяются на другие острова архипелага. Была достигнута и первая из целей вышеупомянутого плана — в 1790 г. Копенгаген по объему торговых операций уже занимал почетное второе (после Лондона) место среди коммерческих центров Европы.

Дальнейшему развитию колониальной промышленности Вест-Индии содействовал стабильный спрос на сахар в Европе, а в середине XVIII в. цены на этом рынке скачкообразно подскочили. Поэтому плантации ширились, как и ввоз рабов, и вывоз продукции. Так, за 1755–1764 гг. экспорт сахара из Сен-Круа возрос более чем в 10 раз. И если до того к островам приходило 3–4 судна в год, то в 1766 г. из Копенгагена сюда было отправлено 36 судов, груженных 23 600 бочками сахара. За этот же период число рабов на островах удвоилось, достигнув 17 000 человек⁷.

Впрочем, на положении рабов эти перемены никак не сказались, и в 1759 г. на острове Сен-Круа вспыхивает новое восстание, жестоко подавленное. Как только порт на острове Св. Фомы объявляется свободной гаванью (1764), вооруженные силы датских Виргинских островов получают подкрепление, правда в количестве всего лишь двух пехотных рот⁸.

Очевидно, необходим небольшой экскурс в историю датской работорговли этого периода. Во время всех упомянутых дра-

матических событий, да и позже, никаких мер по облегчению положения рабов проведено не было. Наоборот, в 1765 г. крупный копенгагенский купец Хеннинг Баргум основывает новую компанию — Общество работорговли (Slavehandels societeten), которое должно было существенно содействовать расширению этого вида коммерции⁹.

И лишь в 1792 г. в отношении работорговли в Дании начинается своего рода переходный период. По инициативе министра финансов графа Э. Шиммельмана, опиравшегося на тогдашнюю творческую интеллигенцию, обсуждение этой проблемы широко велось в датской прессе. В результате король издает постановление, запрещающее ввоз рабов в колонии и метрополию. С другой стороны, оно должно вступить в силу лишь через 10 лет, а пока казна выделяет с этой целью крупные кредиты для плантаторов Вест-Индии, так что они по-прежнему могут обеспечить себя рабочей силой. Что же касается эксплуатации рабов и условий их жизни в целом, то здесь абсолютно ничего не изменилось — и в 1790-х гг., и позже на островах Вест-Индии велась «внутренняя» торговля «черным деревом», нередко при этом цветные семьи насильственно разлучали и т. п. Единственной переменной в первые годы XIX в. стало прекращение использования на плантациях труда беременных рабынь. Причины понятны. Во-первых, дети цветных вскоре должны были стать единственным источником возобновления рабочей силы, а во-вторых, всё более сказывалось влияние общественного мнения в самой метрополии — наступал век гуманизма¹⁰.

Но вернемся в середину XVIII в., когда датские острова Вест-Индии получили фритредерское право и перешли в собственность государства. После этого производство сахара резко увеличилось. Если во время перехода колонии к новым коммерческим законам (1755) стоимость этого продукта, доставленного в Данию, не превышала 100 000 рд, то уже через 11 лет она возросла до 2,5 миллиона рд¹¹. Это обильное поступление сырья благоприятно сказалось на структуре экономики метрополии. В Дании создаются один за другим сахарные заводы, где сырец рафинируют, в том числе для продажи за рубеж, главным образом в европейские страны. Появляются крупные предприниматели вроде упомянутого графа Э. Шиммельмана,

как скупающие плантации в Вест-Индии, так и строящие сахарные заводы в Дании.

Однако этот расцвет колониальной экономики имел и свои темные стороны. Датские корабли, отправлявшиеся в Вест-Индию, были обязаны брать с собой продуктовые грузы лишь отечественного происхождения. Но при этом образовывался относительный избыток датско-норвежских продуктов, появлялся соблазн продавать их на сторону. Поэтому в 1764 г. ответственность за снабжение колоний была возложена на владельцев плантаций, причем вся доставка товара должна была осуществляться на датских судах. Дозволялся и прием иностранной продукции (за сравнительно небольшую пошлину в 5%), но зато для покрытия этого расхода можно было часть сахара вывезить в Америку.

Поэтому через некоторое время в полном соответствии с законом конкуренции почти весь ввоз на острова стал обеспечиваться кем угодно, кроме Дании, — как и вывоз, в том числе и капитала. Так, если из Копенгагена в Вест-Индию в 1763 г. было вывезено товара на 186 000 рд, то через 6 лет — всего 32 000 рд¹². Это объяснялось тем, что, в отличие от Дании, Голландия предоставляла колонистам выгодные кредиты для нужд плантаций, а за это большая часть вест-индского сахара шла напрямую в Амстердам. Такое падение колониальных доходов нужно было как-то остановить, — и в 1777 г. правительство Кристиана VII (1766–1808) практически ликвидировало для островов статус франко-порто. Отныне вся торговля и мореплавание колоний становились монополией даже не Дании, а исключительно Копенгагена — для удобства контроля. Таким образом, для крупного торгового капитала Дании были созданы все условия к использованию высокого конъюнктурного спроса, создавшегося в странах Атлантики с началом американской Войны за независимость 1775–1783 гг.

Впрочем, почва для этого экономического успеха была создана несколько ранее. По ряду причин в королевстве началась инфляция. Явление это считается губительным для благосостояния обычных потребителей — но не всегда для крупных предпринимателей. Сконцентрировав в своих руках крупные суммы «новых» денег, они пустили их в оборот там, где датский ригсдалер еще ценили по-старому. То есть в судостроение

за рубежом и в Норвегии. Целью увеличения тоннажа были рыбный и китобойный промысел, ставший особенно выгодным в начале 1770-х гг., но вскоре корабли пригодились для куда более прибыльного использования.

С началом Американской войны за независимость традиционно нейтральная Дания не в первый и не в последний раз с выгодой использовала этот свой статус. Перевозки грузов воюющих стран давали прекрасную прибыль в условиях, когда весь флот последних неподвижно стоял в своих портах, опасаясь многочисленных каперов противника — ситуация известная. С началом войны датский флот стал расти еще быстрее, так как воюющие страны, пытаясь избавиться от бесполезных и приносящих убыток судов, сбывали их нейтралам по бросовой цене. Достаточно сказать, что общий тоннаж кораблей под датским флагом с 1766 до 1784 г. почти утроился, а копенгагенский порт пришлось срочно расширять — имевшейся причальной стенки и складских помещений стало катастрофически не хватать¹³.

В 1778 г. государство приняло еще более деятельное участие в разделе прибылей военного времени, организовав Вест-Индское торговое общество, пользовавшееся массой преимуществ, важнейшими из которых была свобода от налогов и пошлин, бесплатное использование казенных пакгаузов, причалов и пр. Оно имело статус открытой акционерной компании, но основной пакет принадлежал королю — из 500 000 рд, которые стоил совокупный пакет акций, доля монарха составляла 200 000 рд — ответственными были и его доходы. Он же назначал директоров Общества, определявших экономическую политику последнего.

При этом в грузообороте Общества доминировал ввоз и вывоз именно вест-индских товаров. Их стоимость в 1782 г. составляла никогда не бывалую сумму в 2,7 миллиона рд из общей в 3,1 млн¹⁴. Эти цифры показывают, что основной частью грузов, обрабатывавшихся в главном порте страны, были транзитные товары, поступавшие именно из вест-индской колонии или отгружавшиеся туда. То есть это были грузы, принадлежавшие колониям воюющих стран, таким путем пытавшихся сохранить необходимую для них связь с европейскими рынками.

Отсюда нетрудно сделать вывод, что вест-индские владения Дании сыграли выдающуюся роль в пору, которая в датской

историографии носит имя «Блестящего торгового периода» (Den glimrende Handelsperiode). Причем заслуженно — далекая колония содействовала бурному росту имперского коммерческого мореплавания и уникальному подъему национальной денежной экономики. А также превращению довольно скромного по европейским масштабам Копенгагена с его небольшой гаванью в торговый порт мирового значения.

К этим годам относится начало многолетней эпопеи шведского колониализма в Вест-Индии. Его история с самого начала оказалась переплетенной с событиями во Франции второй половины XVIII в. В эту непростую для обеих держав эпоху Швеция и Франция тесно сотрудничали. Так, в 1779 г. шведский флот (12 линейных кораблей и 14 фрегатов) доставил в Америку крупную группу французских добровольцев, желавших участвовать в Войне за независимость; со своей стороны французы изредка помогали Стокгольму деньгами. Можно сделать вывод об основных мотивах шведско-французской дружбы тех лет: Франция нуждалась в политической и военно-морской поддержке Швеции, а последняя — в денежных субсидиях французской казны.

После окончания американской Войны за независимость в 1779 г. в Париж был послан видный шведский дипломат граф Аксель Ферзен Младший, в инструкции которого значилось: купить у французов любой остров близ берегов Америки, причем за любые деньги. Для Густава III это было необходимо по двум причинам. Во-первых, остров мог стать опорным пунктом и военно-морской базой для действий в Новом Свете, неизбежность которых в будущем была ясна всем. Во-вторых, даже небольшое владение в регионе Карибского моря поставило бы Швецию на равную ногу с великими европейскими державами, имевшими колонии в Вест-Индии. Однако план этот провалился. Шведский посланник с задачей своей не справился.

Тогда Стокгольм снова предложил Франции свой военный флот для использования его в борьбе с Англией, а в качестве оплаты этой услуги французы должны были передать Швеции какой-нибудь остров, захваченный ими в Новом Свете у англичан. Такое соглашение было в 1783 г. заключено, и шведам был предложен остров Святого Варфоломея (*фр.* Сен-Бартелеми) — один из принадлежащих к Антильскому архипелагу в Карибском

море. Взамен Стокгольм просили дополнительно предоставить французским купцам складочное право в самой Швеции, в Гётеборге. В июне 1784 г. Густав III во время личного визита в Париж обязался удовлетворить эту просьбу. Тогда же был заключен секретный союз, согласно которому королю была обещана вся необходимая помощь против любого агрессора. Если же Франция подвергнется нападению с моря, то такую помощь должна была оказать Швеция. Эти результаты визита короля стали, несомненно, его крупной дипломатической и политической победой — такое мнение разделяли многие в Европе¹⁵.

Некоторое сопротивление при утверждении новых соглашений с Францией оказал шведский Королевский совет (риксрод). Однако его членов удалось убедить доводами не только касавшимися перспектив шведско-французского политического сотрудничества, но и несомненной материальной выгодой обладания островом. Оказывается, там из местного сырья производилась дорогостоящая краска индиго, имелись хлопковые плантации, выпаривалась соль. Кроме того, небольшой островной порт Лориент можно было легко расширить, так как он располагался на берегу великолепной гавани, хорошо защищенной от гигантских океанских волн — а это давало возможность транзитной торговли между Европой и Америкой, а также работоторговли. Наконец, имелись планы превращения Лориента в свободную гавань. И Швеция, получив желанный остров, тут же приняла участие в заокеанской колониальной войне на стороне Франции.

В декабре 1784 г. из Гётеборга к острову Св. Варфоломея отправился корабль, на борту которого находился весь штат будущей колониальной администрации во главе с губернатором. В марте 1785 г. французы передали им всю казенную инфраструктуру острова и главное его оборонительное сооружение, которое тут же получило новое имя — форт Густав III. Прибывшие в том же году на остров два шведских купца, Я. Рёль и А. Ф. Хансен, имели королевские полномочия на создание торговой фактории, к чему они и приступили, располагая капиталом в 2000 далеров, полученных от казны. И тогда же на берегу упомянутого залива в западной части острова был заложен городок Густавия, а осенью весь остров был объявлен зоной порто-франко сроком на 10 лет¹⁶.

Время, которое Густав III выбрал для этой экономической акции, было как нельзя более удачным, так как остальная Вест-Индия на несколько десятилетий оказалась ввергнутой в борьбу между великими державами Европы. В 1783 г. США объявили независимость, после чего вход американских судов в гавани на островах, принадлежащих Англии, был закрыт. Ситуация еще больше обострилась с началом Наполеоновских войн. Англичане не только оккупировали французские владения в Новом Свете, но и блокировали датские и голландские островные гавани. Таким образом, остров Св. Варфоломея остался единственным свободным портом в этом регионе и вскоре, естественно, превратился в крупнейший международный центр торгового обмена в Западной Атлантике.

Но настоящий экономический и социальный расцвет острова наступил чуть позже, в 1790-х гг., когда революционное парижское правительство декларировало отмену рабства в Новом Свете. Во французских колониях Атлантики возник мятежный хаос, от ужасов которого многие европейские семьи бежали на остров Св. Варфоломея, единственный, кого совершенно не затронули социальные бури далекой Европы. Население его стало поэтому быстро увеличиваться, как и число горожан Густавии. Если на этом ранее совершенно необитаемом острове через два года после высадки шведов уже насчитывалось 348 постоянных жителей, то в 1788 г. их было 656, в 1796 г. — 2051, а в 1800 г. город поднялся до уровня Упсалы (5000 чел.). То есть заокеанская Густавия стала одним из крупнейших городов шведской колониальной империи.

Слух о новом шведском владении, расположенном в райском уголке Земли с его тучными землями и благословенным климатом, быстро распространился по всему королевству. Наибольший, хоть и весьма неожиданный резонанс он получил в Финляндии, где в ту пору крестьяне хронически голодали. Отсюда понятно, почему финнов быстро охватила настоящая переселенческая лихорадка (она так и называлась — *St. Bartelemy feber*). В шведские и финские портовые города хлынули тысячи крестьян, распродавших скудные пожитки и недвижимость в надежде попасть на любое судно, идущее к заокеанскому острову. Это были добровольные колонисты, готовые претерпеть тяготы морского путешествия и любые трудности первых лет на новой

земле. Однако правительство было попросту не готово обеспечить столь массовые перевозки и, главное, трудоустройство северных крестьян в тропиках. Поэтому с «Варфоломеевской лихорадкой» пришлось искусственно бороться, убеждая несостоявшихся колонистов вернуться домой, к привычным трудам на каменистой финской земле.

Несколько позже население острова все же стало расти за счет иммиграции — но на совершенно иной основе. Первые шведские чиновники застали там сравнительно малочисленное население: 458 европейцев различных национальностей и 281 цветного. Но как только Густавия получила статус свободной гавани, туда устремились не только коммерсанты, но и европейские ремесленники, мелкие торговцы, держатели кабаков и т. д., уверенные в том, что близ нового транзитного центра они внакладе не останутся. И впоследствии эти надежды вполне оправдались. Рост населения был отмечен уже в первый год нового статуса острова — к осени 1785 г. там осело уже 542 свободных граждан и 408 рабов. Пройдет совсем немного времени, и в 1800 г. общее число островитян превысит 6000 человек.

Социальный состав островитян был пестрым, то есть приблизительно соответствующим населению среднего торгового европейского города. Известно, что среди густавиан было 40 купцов-оптовиков и всего 17 розничных торговцев, что говорит о преобладании в коммерции главного города острова крупных торговых операций. Имелось 3 магазина, торговавших корабельными принадлежностями и 17 продуктовых, 8 гостиниц, 22 таверны, 5 школ. Лечили горожан 6 врачей, не считая фельдшеров-цирюльников. Это был цветущий город-порт. В 1800–1810 гг. сюда ежегодно заходило не менее 1330 судов, а товарооборот достигал 3 млн испанских талеров¹⁷. Такая динамика экономического роста напоминала золотую лихорадку американского Запада — и она была столь же переходяща.

Экономика города и острова не могла быть пущена на самотек. С первых лет перехода Св. Варфоломея во владение Швеции была ясна необходимость создания какой-то структуры, которая могла бы контролировать и направлять коммерцию и хозяйство колонии, заботясь о ее доходности для метрополии. Поэтому уже в 1786 г. королевская лицензия со сроком действия в 15 лет была дарована новой компании, по стандарту названной Вест-

Индской. Компания получила право на торговлю не только с островом Св. Варфоломея, но и с остальным Новым Светом, а также на участие в управлении островом. Она представляла собой акционерное общество, куда мог вступить любой швед. Цена общего пакета акций составила 80 000 рд, их приобрело 113 чел. Самым крупным акционером стал кронпринц (10% акций); число акций короля неясно, но известно, что он получал 25% от доходов компании. Впрочем, в чистом виде ему доставалось меньше: монарх нес значительные траты, обязавшись содержать за счет своей казны губернатора и чиновников, а также небольшой гарнизон Густавии.

Имелись определенные обязательства и у компании. Часть своих доходов она должна была расходовать на развитие инфраструктуры города и порта, его оборонительных сооружений, следить за исправностью плотин у солеварен, чистотой улиц и фасадных стен. Из привилегий компании основной было монопольное право на работорговлю, осуществлявшуюся между островом и Западной Африкой (главным образом Гвинеей). Этот вид коммерции был самым прибыльным, достаточно сказать, что если в Африке невольник стоил около 3 далеров, то в Вест-Индии покупатели платили 255 равноценных испанских талеров (цены 1815 г.). Как и в других компаниях, занимавшихся работорговлей, вместо денег шведы расплачивались с африканскими поставщиками «черного дерева» ромом и табаком, которые производились на острове.

Важно подчеркнуть, что эта отрасль островной коммерции носила почти исключительно реэкспортный характер. Эксплуатация рабского труда на остров Св. Варфоломея никогда не была особо значительной. Доставленных из Африки рабов тут же отправляли на Кубу. Именно там среди всех островов Карибского моря установился наивысший спрос на них и, соответственно, цены.

Шведская Вест-Индская компания занималась и более привычными для Европы коммерческими операциями. Из них наибольший доход королевской казне приносила торговля в военные годы. Так, в период с 1791 по 1799 г., в истории войн чрезвычайно богатый на события, чистая прибыль компании составила 1 993 724 талера. Но Густавии приносила доход и нелегальная торговля оружием, которая развернулась во время

англо-американской войны 1812–1820 гг. не менее, чем в годы южноамериканского национально-освободительного движения тех лет¹⁸.

Число судов, стоявших в тот же период у причалов Густавии, достигло 1500 — и это не считая множество тех, кто из экономии производил погрузо-разгрузочные работы на рейде, не выплачивая, таким образом, портовых сборов. Именно по причине возросшей доходности торговли в 1806 г. она целиком перешла к государству. При этом Вест-Индская компания утратила все свои привилегии, ее лидеры лишились мест в Государственной канцелярии, а права королевского губернатора острова значительно возросли. Государство начало использовать остров как дойную корову — в смысле экономики, которая неожиданно расцвела¹⁹.

Первая угроза правам Швеции на обладание островом Св. Варфоломея имела внешнеполитический характер. Как известно, в 1800 г., в условиях войны североамериканских колоний за независимость, Россия заключила с Данией, Швецией и Нидерландами конвенции о вооруженном нейтралитете для защиты торговли нейтральных стран любыми товарами (кроме оружия). Через год принципы вооруженного нейтралитета признали все европейские страны, кроме Великобритании, против господства которой на море он, собственно, и был направлен. Англичане вели себя так, как будто этой международной договоренности не существует. Они блокировали с моря Францию и ее колонии, разгромили датский флот в Зунде, а в марте 1801 г. подошли к острову Св. Варфоломея, предложив губернатору капитулировать.

Силы были неравны. Шведская казна, озабоченная прежде всего выколачиванием из острова прибылей, отпускала на его оборону буквально крохи. Поэтому в 1801 г. Густавия располагала «вооруженными силами», состоявшими из 35 солдат армии и 18 инвалидов гарнизона, а устаревшие крепостные орудия давно пришли в негодность. Поэтому перед лицом военного флота со многими сотнями морских пехотинцев на борту пришлось капитулировать. Высадившись на берег, англичане методично разграбили город. На корабли были погружены не только все товары, хранившиеся на складах компании, но и имущество частных лиц, купцов, владельцев магазинов. На торговых судах,

очутившихся на тот момент в гавани Густавии, были подняты английские флаги — теперь и они принадлежали королевскому флоту.

Правда впоследствии, параллельно с англо-французским Амьенским мирным соглашением 1802 г., Стокгольм и Лондон договорились о прекращении оккупации острова. Англия даже возместила связанные с ее нападением убытки, выплатив 9000 фунтов стерлингов. Но островитяне, осознавшие свою полную незащищенность в грядущих вооруженных конфликтах Европы, стали возвращаться на старую родину. Причем довольно массово — за 1802 г. население острова сократилось от 6000 до 5000 чел.

Однако в дальнейшем подобные инциденты не повторялись ни разу, даже во время войны Англии и США 1812–1815 гг., когда морские битвы происходили в непосредственной близости от колонии. Напротив, именно в эти годы Вест-Индская компания, ведя нейтральную торговлю с обеими воюющими сторонами, получала беспрецедентно высокие доходы — до 139 627 испанских талеров в 1815 г. Достаточно сказать, что в 1812–1814 гг. 1/5 всего экспорта США шла через Густавию — и это уже не говоря о прибылях государства от местных контрабанды и работорговли.

Впрочем, это был последний взлет колониальной экономики перед окончательным ее угасанием. В начале 1820-х гг. в связи с войнами С. Боливара Англия открыла свои вест-индские порты для американцев. Монопольное положение Густавии сошло на нет, и в 1823 г. Вест-Индская компания заработала лишь жалкие 1253 талера.

А затем начались природные катаклизмы в виде тайфунов, сокрушительных ураганов, уничтожавших плантации и постройки острова. Собственно, они случались и раньше, но были гораздо слабее. Достаточно сказать, что катастрофы 1837 и 1840 гг. унесли с собой сотни погибших. Поднялась новая волна эмиграции, вскоре население острова снизилось до 2500 чел. Их благосостояние падало. Это было связано с удешевлением сахара в Европе — его научились получать из собственного сырья, свеклы. К тому же во весь рост встала проблема рабочей силы для островных плантаций, связанная с рабовладением вообще.

В самой Швеции рабство было отменено в незапамятные времена. Тем не менее шведы-островитяне довольно быстро переняли обычаи соседних островов и Америки, не считая зазорным использовать людей в качестве рабочего скота. И самые образованные чиновники не составляли исключения — так, Х. Багге, губернатор Св. Варфоломея начала XIX в., сам имел 16 рабов и не препятствовал аукционным торгам, на которых выставлялись африканские невольники, бежавшие с других вест-индских островов. Причиной их притока были более человечные условия жизни в шведской колонии.

Итак, ранее рабочая сила была дешевой, так как рабов нужно было лишь кормить. Но в связи с общей либерализацией европейской общественной мысли первой половины XIX в. в Швеции поднялось движение за освобождение рабов. Решить эту проблему империи было непросто, так как невольники находились в частной, то есть неотчуждаемой, собственности плантаторов. Поэтому риксдаг принял решение об освобождении рабов путем их выкупа за казенные деньги. Эта кампания началась в 1846 г., когда за 241 раба их хозяевам было выплачено 19 991 рд, через год свободу получили еще 282 раба — за 24 699 рд. Немногочисленные оставшиеся невольники были выкуплены в 1847 г. Все эти люди пребывали пока на старых местах жительства и были согласны продолжать работать, но уже за деньги. Однако сахарное производство, и без того подорванное конкуренцией европейского продукта, новых расходов нести не могло и быстро свернулось.

Тем не менее колонисты упрямо пытались спасти свои хозяйства. Они стали высаживать ямс, бананы, ананасы, табак, расширять хлопковые поля. Все эти продукты успешно сбывались в Европе до середины 1850-х гг., когда цены на колониальные товары безнадежно упали, теперь уже из-за американской и азиатской конкуренции. И уже в 1862 г. губернатор Карл Ульрих шлет в Стокгольм доклад о пугающем росте обнищания всего островного населения. К тому же в 1852 г. Густавия почти полностью выгорела, а в огне погибло полтысячи человек. Это было грозное предвестье грядущих несчастий: в те же годы после почти 20-летнего перерыва возобновились природные катастрофы, начались вспышки эпидемий. Для помощи их жертвам государственное казначейство выплатило в 1858 г. 23 312 рд, через год — 21 684 рд, а в 1860 г. — 38 779 рд.

Это были весьма крупные суммы, и в 1868 г. риксдаг обратился к королю с предложением продать остров как приносящий убытки в среднем равные 20 000–25 000 крон в год. Прошло еще несколько лет, в течение которых империя пыталась найти путь к спасению своего тропического владения, впрочем безуспешно. Теперь с острова уезжали и шведы — если в 1831 г. здесь жило 2460 чел., то к 1876 число их сократилось до 793²⁰. Поэтому уже в 1877 г. Оскар II обратился к старому владельцу, французскому правительству, с предложением выкупить остров. Франция ответила принципиальным согласием. Оставалась последняя, но важная формальность — выяснение мнения на этот счет самих островитян.

К этому времени шведскоязычное население по большей части вернулось на старую родину, отчего увеличилась относительная доля католического элемента французского происхождения. Поэтому активная пропаганда в пользу Франции, которую среди островных франкофонов вели католические пасторы, находила живой отклик. В пользу именно такого исхода будущего плебисцита говорила и близость соседних островов архипелага — все они были французскими. Наконец, даже та часть шведов, что осталась на острове Св. Варфоломея, предпочла Францию своей скандинавской родине, которая явно стремилась от них избавиться. Результат выбора был, таким образом, предreshен. Из 352 чел., получивших право на голосование (из 2300 чел. населения) против перехода к Франции выступил лишь один человек²¹.

Новые хозяева острова выплатили в шведское государственное казначейство 320 000 франков. Эти деньги частью покрыли расходы на репатриацию шведов, частью были вложены в пенсионный фонд шведских чиновников, не пожелавших покинуть бывшую колонию. Сверх указанной суммы еще 80 000 франков были выделены Францией на неотложные ремонтные расходы в Густавии, которая в последние годы пришла в упадок.

Окончательная передача острова Франции произошла 16 марта 1878 г. В этот день на флагштоках городского совета (теперь уже мэрии) и форта Густав III был спущен желто-синий шведский флаг и под звуки Марсельезы поднят французский триколор.

Последняя заморская колония Швеции прекратила свое почти столетнее существование.

Закат же датской Вест-Индии был несколько иным. После кризиса 1783 г. большую часть торговых компаний было невозможно спасти. Но, поскольку правительственная и финансовая элита страны входила в число акционеров, то было решено погасить их убытки за государственный счет. И в 1786 г. Вест-Индская компания переходит в государственную собственность с целью ее ликвидации. При этом со всеми акционерами казна расплачивается государственными облигациями²². Такого заботливого отношения не было проявлено к рядовым колонистам, которых предоставили самим себе — в том числе в отношении снабжения и проблем, связанных с иностранной иммиграцией на острова.

К началу XIX в. число иностранных плантаторов постоянно росло, как и их экономическое и политическое влияние. Так, в 1821 г. они оказались в состоянии сместить датского губернатора Адриана Бенжамина Бентсона, который пытался передать все плантации исключительно в руки датчан²³. В то же время Шарлотта-Амалия, со своими 14 тысячами этнически крайне пестрого населения, теперь занимает по величине все еще шестое место среди датских городов. Островная колония после окончания Наполеоновских войн быстро возрождает свою экономику, чему не могло помешать даже монопольное право Копенгагена на вывоз всего сахара, производившегося в датской Вест-Индии. А в начале 1820-х гг. колонисты получили право сбывать сахар в Северную Америку без каких-либо налогов. К этому времени Дания получала ежегодно из этой колонии около 10 000 тонн сахара и множество иных колониальных товаров²⁴.

Но европейский экономический кризис 1820 г. хоть с опозданием, но докатился и до заокеанской колонии. Как упоминалось выше, в мире стало производиться много сахара (в Европе — свекольного), и цены на него упали вчетверо. Поэтому производство вест-индского тростникового сырца перестало окупаться. Владельцы плантаций стали разоряться: почти ни у кого из них не хватало средств даже на закупку продовольствия в США, — и рабы оказались на грани голодной смерти. Лишь теперь датская казна предоставила колонистам кредит на закупку питания, а островной губернатор А. Б. Бентсон самовольно повысил таможенные пошлины, что также давало какие-то средства. Кроме того, он выступил против чрезмерно

жестких условий копенгагенского кредита, публично заявив, что проценты будут выплачиваться по возможности, иначе основное (цветное) население островов вымрет, чего он допустить не может²⁵.

На островах было решено перейти к пастбищному животноводству. Иного выхода не было, но, как известно, скотоводство начинает оправдывать расходы не так быстро, как земледелие. Кроме того, оно требует значительных начальных инвестиций для закупки молодняка. Дания была не в состоянии предоставить дополнительных кредитов колонии, чей бюджет из доходного превратился в расходный. И если ранее необходимые средства давал вывоз рафинада, то теперь в Копенгагене остановилось большинство сахарных заводов. И тогда было принято более реальное решение: для того чтобы колония из убыточной вновь стала приносить прибыль, оставалось окончательно освободить коммерцию, сделав ее международной.

И в 1833 г. ликвидируется монополия на вест-индскую торговлю, что стало жестоким ударом по капиталу Копенгагена — город навсегда утратил свою функцию крупнейшего реэкспортного центра. Но это решение пошло на пользу государственной экономике. Впрочем, оставалась еще одна проблема. В 1834 г. Англия отменяет рабство в своих вест-индских владениях. Это становится причиной волнений (пока умственных) в датской Вест-Индии. Возможно, не без влияния этого фактора новый вест-индский губернатор Петер фон Шольтен старается по мере сил смягчить участь рабов — и это ему удается. В 1837 г. он установил границы, в которых рабовладельцы могут физически наказывать рабов. Негры же получили право собственности, а само понятие «раб» заменяется новым: «несвободный» (*дат. den Ufri*).

Предпринимаются попытки улучшить систему школьного образования для детей черных невольников. Уже через год копенгагенское правительство издает указ, согласно которому на всех трех датских островах Вест-Индии учреждаются школы для негритят. Все школьные заботы передаются датской общине протестантской секты гернгутеров, прекрасно с этой задачей справившейся без сколько-нибудь значительной помощи от казны. В 1847 г. король издает указ, согласно которому все дети рабов, родившиеся после его опубликования, объявляются

свободными, а через 12 лет рабство как таковое должно быть запрещено вообще.

Тем не менее положение «несвободных» цветных оставалось, очевидно, крайне тяжелым — об этом говорят волнения 1848 и 1878 гг. Первое из них началось на острове Сен-Круа и быстро переросло в открытый мятеж. Утром 3 июля 1848 г. тысячи рабов стеклись к стенам Фредерикстеда с требованием немедленного и полного их освобождения. Они захватили главное здание полиции и буквально снесли его, а затем блокировали город. После чего к ним вышел губернатор и, опасаясь разгрома города, объявил всем свободу. Тем не менее некоторые отряды восставших осадили Кристиансстед, но были рассеяны артиллерийским огнем²⁶.

Таким образом, мятеж был подавлен. Однако это не означало, что были потушены все искры тлевшей неудовлетворенности цветного населения своим положением. Формально отношение «раб–рабовладелец» сменилось иным — «рабочий–работодатель». В реальности же к новой ситуации еще не созрели ни рубщики тростника, ни плантаторы. Поэтому без каких бы то ни было королевских указов или правительственных положений на островах установился порядок, схожий с крестьянским «выходом» в Московском государстве XI–XVII вв. То есть работник мог сменить место жительства и труда лишь раз в году. И даже внешне новая ситуация напоминала старую — среди резчиков тростника постоянно расхаживали надсмотрщики, и палки в их руках являлись отнюдь не только символами административной власти. На плантациях и перевозке тростника широко использовался детский труд.

Кроме того, если раньше хозяин был вынужден кормить раба, предоставлять ему жилье и минимальную медицинскую помощь, то теперь бывшие невольники должны были обеспечивать себя сами, получая совершенно недостаточные для этого средства. Результат можно было предвидеть: почти постоянное недоедание и эпидемии (желтой лихорадки и холеры) вели к стабильному падению численности цветной части населения. К середине XIX в. по этой причине, а также из-за нерентабельности производства на острове Св. Фомы плантации были ликвидированы. Причем создавалось впечатление, что с каж-

дым годом тревожная эта ситуация волновала официальный Копенгаген все меньше. Острова, конечно, ценили — но как заморскую территорию, которая еще может пригодиться. О людях же никто не заботился — к тому же из 40 000 островитян этническими датчанами были лишь члены нескольких десятков плантаторских семей, личный состав 2–3 солдатских рот, да еще более ограниченный контингент чиновников. И даже язык общения уже стал английским²⁷.

Поэтому идея продажи островов возникла вполне естественно при первом же серьезном затруднении, с которым встретились в очередной раз датская монархия. Речь идет о поражении во Второй шлезвигской войне 1864 г. На мирных переговорах прусская сторона настаивала на крупных территориальных уступках Дании в Шлезвиге и Южной Ютландии. Тогда немцам и было предложено отказаться от этих требований ценой уступки им Вест-Индских островов или Исландии, также входившей в состав датской монархии. Сделка эта не состоялась, но отнюдь не по вине датской стороны.

Через год схожее по смыслу предложение поступило от США. Президент А. Линкольн объяснил датскому послу В. Рослёфу, что в ситуации Гражданской войны северяне нуждаются в опорном пункте где-нибудь в районе Карибского моря, для чего как нельзя лучше подошел бы остров Св. Фомы, тем более почти обезлюдивший и датчанам реальной прибыли не приносящий. Если же Копенгаген уступит и остров Сен-Жан, то может рассчитывать на 5 млн долларов; соответствующая сумма предлагалась и за Сен-Круа.

Эта идея обдумывалась около 2 лет, а затем В. Рослёф, к тому времени ставший военным министром, добился согласия короля и правительства, доказав им, что деньги, которые можно выручить за острова, как воздух нужны для армейской реформы. Трактат был подписан в 1867 г., но сделка снова сорвалась. Теперь, при полном согласии риксдага и островного населения, против ратификации договора в 1869 г. выступили новый американский президент У. С. Грант и поддержавший его сенат.

В последующие годы еще более очевидным стал бесспорный факт: датская администрация островов не была в состоянии решить ни социальные, ни экономические проблемы насе-

ления. Администрация и Колониальный Совет, созданный еще в 1852 г., не могли справиться даже с последствиями ряда серьезных природных катастроф, нередких в этой части Атлантики. И заседания Колониального Совета не приводили ни к каким серьезным результатам — если не считать принятого в 1877 г. закона об обязательном школьном образовании для детей всех островитян — в том числе и цветных.

В 1878 г. на острове Сен-Круа вспыхивает очередное восстание. Крупные негритянские массы подавили полицейскую часть во Фредериксстедте и подвергли штурму местную цитадель, откуда по ним открыли ответный огонь. Город подвергся разрушению, поджогам и разорению частных жилищ. Белые колонисты искали убежища в храмах или на кораблях, стоящих в гавани. Мятежники, вооруженные оружием, найденным в арсенале Фредериксстедта, пытались занять форт, но солдаты гарнизона Кристиансстедта пришли на помощь осажденным и вытеснили мятежников из города.

Датским колонистам предлагали вооруженную помощь англичане, французы, американцы и испанцы, но королевская администрация от нее отказалась, полагая, что справится сама. Мятежников немилосердно преследовали, многие вооруженные группы были ликвидированы до последнего человека. Однако восставшие продержались до последних чисел ноября, когда из Дании прибыл фрегат с армейской поддержкой, что и решило их участь.

Между тем на колониальную политику все большее влияние оказывала активность датского общества. Очередной ее подъем был отмечен в 1901 г. В октябре этого года в Копенгагене собрался представительный форум из ученых, политиков и предпринимателей, на котором было создано общество Датские атлантические острова (*De danske Atlanterhavsoer*). Однако это был скорее просветительский, чем экономический или политический институт. Но на его заседаниях высказывались весьма гуманные идеи о необходимости социальных реформ и мер. Это было необходимо, подчеркивали они, для гарантии принадлежности островов Дании. Но эти меры были нужны и для прекращения негативных демографических процессов, так как за полвека численность населения упала с 40 000 до 30 000 чел., среди которых европейцы составляли

2%, а доля датчан среди последних по-прежнему оставалась вообще ничтожной²⁸. К этим рекомендациям прислушалось датское правительство; в результате в 1902 г. начались новые переговоры с американцами на старую тему.

Теперь США предлагают те же 5 млн долларов, но не за два, а за все три острова. Предварительный договор был подписан в том же году в Вашингтоне датским послом Константином Бруном. Однако и на этот раз трактат не был ратифицирован по результатам голосования уже не американского сената, а датского ландстинга (нижняя палата парламента). Причина была достаточно простой — депутаты находились под влиянием крупных акционеров и правления сравнительно молодой (1897), но перспективной Восточно-Азиатской компании.

Эта компания была организована судовладельцем и коммерсантом Х. Н. Андерсеном, занимавшимся поставками ценных пород дерева из Бангкока в Англию и другие страны. Ее владельцы и акционеры многого ожидали от строящегося Панамского канала, мечтая, что после этого Шарлотта-Амалия, оказавшись на скрещении атлантических торговых путей, станет неким Западным Сингапуром.

Причем это были не пустые мечтания. Восточно-Азиатская компания уже имела свои отделения практически по всему свету, включая Южную Африку, Австралию и Америку. И к тому времени, как Панамский канал вступил в эксплуатацию (1914), порт Шарлотты-Амалии был модернизирован по последнему слову техники, а через датскую Вест-Индию уже пошли суда компании, направлявшиеся из Европы к тихоокеанским портам США по Панамскому каналу. Товары из Америки снова, тем же путем, что и в старые времена, направлялись к берегам Африки, и не только Африки. Казалось, возродилась датская колониальная торговля, в которой по-прежнему не последнее место занимали Виргинские острова.

Однако жизнь островитян по-прежнему оставляла желать много лучшего — прежде всего потому, что именно они оказались вне международно-торгового процветания Шарлотты-Амалии, а отчасти и других вест-индских портов. Среди бывших рабов уже имелись свои лидеры. Один из них, Гамильтон Джексон, прибыл в 1915 г. в Копенгаген, где выступал в либеральных кругах, — тщетная попытка привлечь

внимание датского правительства к бедственному положению негров, среди которых вновь зрели мятежные планы. Единственным результатом этой поездки было откомандирование в Вест-Индию крейсера «Валькирия» с заданием находиться там, пока угроза бунта не исчезнет.

А осенью того же года к датскому правительству обратился Вашингтон с новым предложением купить острова. На этот раз заинтересованность американцев носила не столько экономический, сколько военно-политический характер. Дело было в том, что с открытием Панамского канала неизмеримо возросло стратегическое значение островов, и в США не без оснований опасались, что в условиях мировой войны (которой конца не было видно) немцы, так или иначе, попытаются овладеть датской Вест-Индией. Вашингтон, конечно, не мог допустить и не допустил бы появления близ американских берегов и Панамского канала такого опасного хищника, каким была кайзеровская Германия. Но это означало бы вступление США в войну, в чем они были отнюдь не заинтересованы²⁹.

Начались переговоры между двумя правительствами — естественно, тайные, как того требовало военное время. И в январе 1916 г. уже был готов предварительный договор, согласно условиям которого американцы должны были в обмен на владение тремя островами признать неотъемлемое право Дании на Гренландию (ряд американских радикальных политиков требовал передачи величайшего острова мира Соединенным Штатам, поскольку географически он относится к Американскому континенту). Кроме того, датчанам было гарантировано солидное возмещение за утрату островов — теперь уже 25 млн долларов.

Относительно других пунктов трактата разногласий не возникало — за исключением того, что американская сторона не признавала права датчан провести на островах плебисцит среди местного населения по поводу передачи его под эгиду Вашингтона. Впрочем, от этого пункта датчане отказались довольно легко — им было прекрасно известно, что островные негры проголосуют в пользу сделки. Они, как и белые, ждали от нее благоприятных для себя перемен: в последние десятилетия колонисты и жили-то почти исключительно на доллары, которые им платили за сахар-сырец американцы. Таким образом, переговоры близились к благополучному исходу.

Однако когда о самом их факте узнали политические круги Дании, разразился грандиозный скандал. Министры и лидеры крупнейших партий сочли себя глубоко оскорбленными тем, что уступка законных территорий королевства готовилась за их спиной и без внимания к мнению масс. В правительстве, руководстве политических партий и прессе участники переговоров именовались «лжецами», а вся начавшаяся бурная протестная кампания получила впоследствии в датской историографии имя собственное: «Вест-индский шторм». Он не утихал почти год, при этом четко определились позиции правящих партий: Консервативная и Народная партии были против сделки, Социал-демократия и Радикалы — за, а Левая партия Венстре вообще раскололась не две несогласные друг с другом части.

Дошло до того, что в нескончаемый скандал был вынужден вмешаться Кристиан X, монарх весьма терпимый и в политических конфликтах традиционно занимавший нейтральную позицию. Теперь он согласился взять на себя роль посредника, но при этом призвал оппонентов прекратить взаимные оскорбления и прийти к соглашению о «гражданском мире». Однако конфликт угас лишь после того, как в королевстве была принята новая конституция, согласно которой 14 декабря 1916 г. в стране был проведен плебисцит по вест-индской проблеме. В результате за продажу островов отдали голоса 283 000 избирателей, против — 158 000. После этого договор, получивший статус конвенции, был одобрен ригсдагом. Официальная же передача датской колонии США состоялась лишь 1 апреля 1917 г.

В этот день в истории Дании завершилась колониальная эра, длившаяся 250 лет.

---

¹ *Vibæk M.* Den danske Handels Historie fra de ældste Tider til vore Dage. København, 1932. S. 186 (далее — *Vibæk M.*, 1932).

² *Покшишевский В. В.* География населения зарубежных стран. Экономико-географические очерки. М., 1971. С. 39.

³ Подробнее о практике завоза рабов на остров см.: *Дридзо А. Д.* Датская Вест-Индия в конце XVII в. (остров Сент-Томас и его губернаторы) // Скан-

динавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 244.

⁴ *Vibæk M.*, 1932. S. 189.

⁵ *Cedergreen Bech S.* Oplysningen og Tolerance, 1721–1784. København, 1965. S. 365–366 (далее — *Cedergreen Bech*, 1965). В целом мятежи аборигенов в колониальных владения Дании в Вест-Индии и Африке, начиная с первого из них (1664, в Гвинее), до последнего (1878, на Сен-Круа), продолжились, в общей сложности, 29 лет (*Petersen K.* Danmarkshistoriens Hvornår skete det fra istiden til 1960 år for år. København, 1969. S. 383 (далее — *Petersen*, 1969).

⁶ Danmarks Riges Historie 1699–1814 af E. Holm // Danmarks Riges Historie. Bd. V. København, 1903. S. 245 (далее — *Holm*, 1903).

⁷ *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1933. S. 297 (далее — *Nielsen*, 1933).

⁸ *Petersen*, 1969. S. 237.

⁹ *Petersen*, 1969. S. 238.

¹⁰ *Vibæk J.* Reform og fallit, 1784–1830. København, 1964. S. 117–119 (далее — *Vibæk J.*, 1964).

¹¹ *Vibæk M.*, 1932. S. 243.

¹² *Ibidem.*

¹³ Старый порт, находившийся тогда между столичной цитаделью и жилыми кварталами города, к тому времени обмелевший и технически устаревший, ликвидировали. Взамен было принято дерзкое решение развернуть строительство нового порта в акватории, находящейся между основной частью города и островом Амагер, расположенным к востоку от столицы. Отметим, что в дальнейшем, вплоть до нашего времени, копенгагенский порт сохранился в границах, очерченных в блестящем конце XVIII в. как бы «на вырост». Его площадь и через два с лишним века вполне достаточна для современных экономических потребностей страны и ее крупнейшего торгового центра, — факт в мировой истории портового строительства едва ли не уникальный (*Cedergreen B. S.* Københavns historie gennem 800 år. København, 1967. S. 145, 614).

¹⁴ *Vibæk M.*, 1932. S. 249.

¹⁵ *Платен К. Х. ф. Стединк.* Курт фон Стединк (1746–1837) — космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб., 1999. С. 153.

¹⁶ *Sjögren B.* Ön som Sverige sålde. Uddevalla, 1966. S. 27 (далее: *Sjögren*, 1966).

¹⁷ *Ibid.* S. 30.

¹⁸ *Swärd O.* Latinamerika i svensk politik under 1810–1820-tiden. Uppsala, 1949. S. 49–52.

¹⁹ Svenskstad i Västindien. Gustavia på Saint Barthelemy i språk- och kulturhistorisk belysning av Gösta Franzen // Acta academiae regiae scientiarum upsaliensis. Bd. 16. Upsala, 1974. S. 13–14 (далее — *Franzen*, 1974).

²⁰ *Franzen*, 1974. S. 19.

²¹ *Sjögren*, 1966. S. 50.

²² *Hansen S. A.* Økonomisk vækst i Danmark. Bd. I: 1720–1914 // Københavns Universitetets Institut for økonomisk historie. Publikation № 6. København, 1972. S. 69 (далее — *Hansen*, 1972).

²³ *Petersen*, 1969. S. 262.

²⁴ *Nielsen*, 1933. S. 364.

²⁵ *Vibæk J.*, 1964. S. 446–447.

²⁶ *Skovmand*, 1964. S. 526.

²⁷ *Ibid.* S. 527.

²⁸ *Dybdahl V.* De nye klasser. 1870–1913. København, 1965. S. 503–504.

²⁹ *Rasmussen E.* Velfærdsstaten på vej. 1913–1939. København, 1965. S. 112.

А. Г. Шкваров

**НАСЕЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ И РУССКИЕ ГАРНИЗОНЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918):
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Наиболее серьезное исследование истории пребывания русских войск в Финляндии, в том числе и в период Первой мировой войны, принадлежит финскому историку П. Лунтинену¹. Большое количество архивных материалов с комментариями опубликовано другим финским историком — Х. Халеном. В отечественной историографии данная проблема исследована еще недостаточно. Тем не менее в первую очередь следует отметить труды петрозаводских исследователей Е. Ю. Дубровской и И. М. Соломещ². Большое количество неопубликованных материалов хранится в Национальном архиве Финляндии в фондах «Канцелярии генерал-губернатора» и «Русские военные бумаги»³.

Необходимо отметить, что в целом огромное влияние на отношения населения к расквартированным в Финляндии русским гарнизонам и отдельным воинским командам оказал период с 1710 по 1809 г., на который пришлось четыре войны. Трижды русские войска в ходе боевых действий полностью оккупировали территорию шведской провинции, устанавливая соответствующий режим. В народной памяти все это осталось как годы лихолетья, беды, и эти названия даже закрепились в официальной финской историографии.

Периоды оккупации давали о себе знать длительными посттравматическими психологическими синдромами в самых различных формах — от полной депрессии, передававшейся

даже в поколениях, до открытой ненависти как к русским, так и к тем, кто сотрудничал с ними, входил в состав временной администрации, а также к женщинам, которые вольно или насильно, но имели связь с русскими солдатами, что превратило их позднее в фактических изгоев общества, проституток и торговок спиртным⁴. Последняя война 1808–1809 гг. отмечена мощнейшим партизанским движением, чего не было в таких масштабах весь предшествующий век, и соответственно, жестокими карательными мерами против партизан, добавив неприязни местных жителей к расквартированным войскам, как к завоевателям.

Все это складывалось в легенды, предания, мифы, передававшиеся из поколения в поколение и формировавшие общее негативное отношение к русским, отголоски которого мы можем встретить до наших дней. Пример этому — недавняя статья в финской газете «Туурун Саномат», опять напоминающая о былых, уже трехсотлетней давности, «зверствах» русских⁵.

С присоединением Финляндии к Российской империи отношение местного населения к расквартированным войскам можно охарактеризовать как спокойное, но настороженное. Особых конфликтов не возникало благодаря высокой дисциплине войск, поддерживаемой, прежде всего, офицерами с их либеральным европейским мышлением, в том числе и на способы ведения войны и отношение к мирному населению, которое они вынесли из войн против Франции в 1799–1807 гг. Подтверждение этому мемуары Ф. Булгарина и Д. Давыдова. Исключением здесь могут быть отдельные бытовые конфликты, связанные в основном с немногочисленным казачеством, присутствовавшим в Финляндии на протяжении всей истории Великого княжества.

Появление собственных финских воинских подразделений, их участие в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) усилило националистические настроения в финском обществе при одновременном проведении политики централизации в империи, которая была воспринята финнами как русификация Финляндии, что вызвало протест и ухудшение отношений с российскими военными. Вторым шагом, обострившим эти отношения, стала ликвидация впоследствии этих национальных формирований и попытка распространить на Великое княжество действие закона о всеобщей воинской повинности в 1901 г.⁶

Произошли волнения, и даже стычки. Западная пресса откликнулась массовыми публикациями о новых «зверствах» русских казаков, которые «верхом въезжали в главный протестантский храм Хельсинки, вынуждая людей выпрыгивать в окна, избивали женщин и детей, и даже убили полицейского»⁷. Описываемые события относились к 1902 г., и можно предположить, что они имели место по всей Финляндии. Однако на территории Великого княжества в тот момент находилось всего две сотни казаков 3-го Самаро-Уфимского Оренбургского казачьего войска полка⁸.

В целом обстановка в Финляндии в годы до и после первой русской революции не идет ни в какое сравнение, допустим, с тем, что происходило в Польше, где помимо двух кровавых мятежей имели место постоянные покушения на офицеров и солдат русской армии⁹. Однако продолжение политики русификации вызвало изменение сопротивления — с пассивного на активное. Появилась партия, схожая по тактике с партией эсеров, — Партия активного сопротивления. Тем не менее массовая террористическая деятельность не осуществлялась, хотя имели место отдельные политические убийства — генерал-губернатора Бобрикова (3 июня 1904 г.) и прокурора сената Йонсона (6 февраля 1905 г.), — совершались единичные нападения на жандармов и солдат¹⁰. Но Финляндия считалась наименее затронутой террором окраиной империи, хоть ее и называли «красным тылом революции»¹¹. Финляндские революционеры, как правого, так и левого толка, предпочитали иной путь борьбы с царским правительством — посредством предоставления другим антиправительственным организациям убежища в Финляндии и поддержки подполья, помощь в организации съездов и конференций. Финские власти и полиция арестовывали филеров охраны, затрудняли выдачу революционеров, помогали им бежать из-под стражи, содействовали в изготовлении, испытании и перевозке бомб и динамита. Через Финляндию осуществлялись поставки оружия в центральную часть России, и жандармские, казачьи патрули были вынуждены постоянно рыскать по шхерам, стараясь этому помешать¹².

После ликвидации национальных финских вооруженных сил вся территория Великого княжества вошла в зону ответственности Петербургского военного округа. Накануне Первой миро-

вой войны в Финляндии размещались части 22-го армейского корпуса, состоявшего из 4 Финляндских стрелковых бригад (16 полков), 20-го Финляндского драгунского полка, 22-й mortarной батареи, 22-го саперного батальона и Оренбургского казачьего дивизиона: 1-я стрелковая бригада расквартировывалась от Турку до Гельсингфорса, 2-я — от Куоволы до Выборга, 3-я — от Лахти до Тавастгуса, 4-я — от Або до Васы¹³. Общая численность корпуса достигала около 40 тыс. человек. 22-й корпус наряду с 18-м армейским корпусом входили в VI армию, на которую возлагалась задача обороны Финляндии и Петербурга от Швеции¹⁴.

Для унтер-офицерского состава частей был выпущен специальный обзорный «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего его устройства», автором которого был ротмистр Ильин¹⁵, где разъяснялись причины недовольства части граждан Великого княжества, в основном шведского происхождения, а также запрещалось причинять какие-либо обиды местному населению.

Между тем в финской прессе не прекращалась череда публикаций о дурном отношении русских солдат к местному населению, обвинений в воровстве, самовольстве, бесчинствах и приставании к женщинам. Возмущение газетчиков вызывало, например, даже то, что отдельные воинские команды передвигаются по городу с песнями¹⁶. В целом претензии не соответствовали действительности, но публикации являлись скорее отражением политики сопротивления высших слоев Финляндии имперскому давлению, что должно было настраивать финское общество против России. Попытки русских военных властей привлечь к ответственности за клевету журналистов и редакторов газет наталкивались на глухое сопротивление финских гражданских судов, ограничивавшихся вынесением виновным чересчур мягких приговоров, оставляя фактически их без наказания, что в свою очередь стимулировало продолжение подобных публикаций. Об остроте конфликта свидетельствуют десятки документов, выделенных канцелярией генерал-губернатора в особое делопроизводство: «Об оскорблении войск». Однако в провинции сохранялось естественное общение, без обоюдной ненависти и серьезных конфликтов.

Великое княжество Финляндское не рассматривалось в целом как предстоящий театр военных действий. Ему отводилась обо-

ронительная функция защиты Петрограда. Немалую роль здесь сыграл прогерманский «нейтралитет» Швеции. По мнению П. Лунтинена, вооруженные силы королевства могли выставить до 480 тысяч солдат, из которых, по данным французской разведки, четвертая часть могла быть задействована против русских войск в Финляндии. Учитывая соотношение оборонительных потерь к наступательным как 1:3, в принципе 22-й армейский корпус обеспечивал сухопутное прикрытие. Силы корпуса были распределены как вдоль побережья, так и в глубине территории, создавая тем самым глубококошелононированную оборону.

Вторым, и наиболее серьезным, вопросом обороны столицы империи был морской театр военных действий. С этой целью начиная с 1909 г. Морское ведомство возглавило работу по обустройству крепости Императора Петра Великого, которая подразумевала создание мощных береговых укреплений и батарей в акватории Балтийского моря, прежде всего в Финском и Ботническом заливах. Северное, финское, побережье Финского залива относилось к центральной и флангово-шхерной позициям крепости, архипелаг Аландских островов — к Або-Оландской позиции. На шхерной позиции планировалось разместить от Порккала-Удд до Ханко 7 батарей из 24–152 мм орудий и 8–75 мм. В центральную позицию с финской стороны входил остров Макилото, на котором планировалось размещение 10- и 14-дюймовых орудийных башен, тем самым обеспечивая перекрытие артогнем самой узкой части Финского залива, отделяющего Великое княжество от эстонских берегов, что в совокупности с выставленными минными заграждениями составляло серьезную преграду для предотвращения возможного прорыва германского флота к столице.

Если говорить о степени готовности вышеуказанных позиций к боевым действиям с финской стороны, то лишь по линии Порккала-Удд — Ханко были подготовлены батареи, остальные работы предстояло еще только выполнять.

С началом Первой мировой войны и в связи с катастрофическим положением на основных фронтах, прежде всего в Польше, части 22-го армейского корпуса в августе — сентябре 1914 г. были выведены из Финляндии в действующую армию. Образовавшуюся брешь временно прикрыли ополченческими милицейскими дружинами, из которых постепенно был

сформирован 42-й корпус из двух дивизий — 106-й и 107-й, фактически созданных из полков 2-й и 3-й очереди. Возникла довольно сложноподчиненная система войск. 42-му корпусу дополнительно подчинялись две бригады пограничников, гарнизон крепости Выборг, однако сухопутные части Свеаборга, центральной и Або-Оландской позиций относились к морской крепости Петра Великого и находились в подчинении Морского ведомства.

Вместе с пограничниками, гарнизонами крепостей Выборга, Свеаборга, Або-Оландской укрепленной позиции, а также личного состава Балтийского флота, базировавшегося в портах Финляндии, в первую очередь Гельсингфорсе, общая численность войск достигла 125 тыс. человек¹⁷.

Отношения между военными и местным населением в целом оставались спокойными. Наряду с отдельными высказываниями о том, что «немцы победят и освободят от русского ига», нашлось 544 добровольца, вступивших в русскую армию. Неразбериха и даже паника первых месяцев войны закончилась, население Финляндии получило возможность брать подряды у военного ведомства, сбывать часть продуктов в воинские гарнизоны, производить натуральный обмен¹⁸. Замена воинской повинности на выплаты в казну по закону 1912 г. действовала практически всю войну. Так, в 1914 г. было выплачено 15 млн марок, в 1915 г. — 16 млн марок, в 1916 г. — 17 млн марок. У Финляндии русская армия покупала практически всё. Безработные нашли работу на строительстве крепостных сооружений (около 30 тыс. чел.), железной дороги от Романова-на-Мурмане до Петрограда (около 7 тыс. чел.), финны участвовали в транспортировке военных грузов от норвежской границы до железной дороги и т. д.

В частном порядке обсуждался вопрос возможности воссоздания национальных финских подразделений в количестве одной-двух дивизий, но далее разговоры дело не пошло. Попытки Кабинета министров оказать давление на генерал-губернатора Франц-Альберта Александровича Зейна с целью создания огромной, порядка 200 тысяч, трудовой армии из финнов для форсирования оборонительных работ были отклонены на том основании, что пришлось бы вывести из основных работ, связанных с военными заказами, почти треть трудоспособно-

го мужского населения страны. А рабочих рук действительно не хватало. П. Лунтинен приводит данные об использовании труда 3000 китайцев на возведении оборонительных сооружений в центральной части Финляндии. Кроме того, подобное значительное увеличение финнов среди воинских частей непременно привело бы и к проникновению шпионов, по мнению генерал-губернатора, в чем его поддержало и командование Балтийским флотом.

Еще в 1906 г., тогда капитан первого ранга и начальник Минной дивизии, фон Эссен предлагал выкупить у Финляндии все острова шхерной позиции северного берега и заселить их русскими — «обязательно из побережных или приречных казаков, непременно из старообрядцев или иных сектантов. Народ этот стойкий и не поддается никакому инородческому влиянию. При этом следует оказывать им помощь от казны с обязательством изучать шхеры и проводить военные суда», то есть для лоцманской службы¹⁹.

Война в любом случае была огромным подспорьем и для финской промышленности. В благодарность финские бизнесмены за свой счет оборудовали госпиталь в Хельсинки. Вместе с тем возродились и идеи об освобождении Финляндии от власти России при помощи Германии и собственного участия в войне добровольцев. С этой целью началась агитация и рекрутирование, в основном молодых людей. Через Швецию в Германию было переправлено 1896 финнов. В первой партии (около 200 чел.) были шведоязычные жители Великого княжества. Основная масса добровольцев видела главной целью освобождение Финляндии, однако среди них было достаточное количество и просто искателей приключений, а также желающих таким путем эмигрировать в Америку. В большинстве своем это были холостяки, из студентов и рабочих. В сентябре 1915 г. немецкий император Вильгельм II подписывает указ о начале военной подготовки прибывших в Германию финнов. Однако не всем новобранцам нравилась прусская дисциплина, и за различные нарушения около 200 человек были арестованы. Позднее еще четыре человека дезертировали в Россию. В 1916 г. окончательно был сформирован 27-й королевский егерский батальон в количестве 1200 человек. К лету он был направлен на Восточный фронт.

До 1916 г. даже шеф жандармов в Финляндии полковник Еремин не придавал особого значения слухам об эмиграции финнов в Германию и вступлении там в армию противника. Лишь с получением разведанных из Парижа и Лондона, а также при непосредственном появлении егерского батальона на фронте и четырех перебежчиков, доставивших сведения и даже поименный состав батальона, русское командование обеспокоилось этим. Был ужесточен паспортный контроль на финско-шведской границе, затребовали наличие фотографии в паспорте, отъезжающим, например в эмиграцию, необходимо было предъявить билет до Америки, незаконная эмиграция должна была караться смертной казнью и т. п. Выявленные агитаторы и рекрутеры в количестве 200 человек были арестованы, но следствие велось настолько медленно и вяло, что все они были освобождены Февральской революцией еще до вынесения приговора.

Вместе с тем, повторюсь, даже по донесениям шпионов, население Финляндии было настроено пассивно и миролюбиво по отношению к русским войскам.

Хотя имели место случаи дебошей и вызывающего поведения отдельных военнослужащих, в том числе и офицеров, они происходили зачастую из-за незнания местных обычаев²⁰. Проявление неприязни и упреки со стороны русских военных могли объясняться и тем фактом, что население Великого княжества было освобождено от воинской повинности.

Тем не менее затянувшаяся война неизбежно вела к общему напряжению социально-политической обстановки в России, а в Финляндии к этому добавлялись противоречия националистического характера с социальным подтекстом, в то же время усиливались сепаратистские настроения.

Февральская революция, падение самодержавия были встречены одинаково радостно и солдатами, и матросами, и жителями Финляндии. Однако эйфория первых дней прошла, и стало сразу понятным, что каждый ждал от революции. Финляндия ощущала приближение своей независимости. В этом отношении присутствие русских войск стало вызывать особенное недовольство, тем более что дисциплина среди солдат и матросов стремительно падала²¹. Временное правительство стало осуществлять переброску части войск из Финляндии,

с одной стороны — с целью уменьшить революционное брожение, с другой — усилить боевые части, так как обстановка на фронтах была катастрофической.

Летом 1917 г. финляндская демократия выступила за принятие сеймом законопроекта о верховной власти, что означало передачу всей полноты законодательной и исполнительной власти автономному княжеству, за исключением внешнеполитических вопросов. Временное правительство позволить этого не могло, поэтому А. Ф. Керенский отдал приказ о роспуске сейма, и в конфликт оказались втянутыми русские войска²². Матросы и солдаты Гельсингфорса отказались подчиняться Временному правительству, но прибывшие незадолго до этого в Финляндию казачьи части воспрепятствовали проведению сейма²³. Между тем численность войск в Финляндии к концу 1917 г. сократилась почти вдвое от первоначальных 125 тыс. человек.

В начавшейся гражданской войне в Финляндии присутствие частей 42-го корпуса и моряков Балтийского флота, занявших нейтральную позицию, не устраивало обе стороны. Красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских, белые, которыми командовал К. Г. Маннергейм, ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить в Россию. При этом случались столкновения и обоюдные, как боевые, так и случайные, потери, не носившие массового характера. Гораздо больше русских солдат и матросов было уничтожено среди тех, кто решил участвовать в войне на стороне красных и попал в плен. В свою очередь, как только красные финны поняли, что русские не собираются активно участвовать в предстоящей борьбе, начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер, захватывались склады с оружием и некоторые укрепленные позиции²⁴.

Вместе с тем психология общества, порожденная жесточайшей гражданской войной и истреблением сограждан, нашла свое проявление в поиске врага с националистической позиции. Этим объясняются расправы с русским мирным населением в Выборге и других городах Финляндии, оставшимся после подписания мирного договора с Германией. Так политические обстоятельства окончательно определили отношение финского населения к русским военнослужащим в условиях уже окончания Первой мировой войны и обретения Финляндией независимости.

¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Hels., 1997.

² Напр.: *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

³ Kansallisarkisto (далее — КА). Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat; Venäläiset sotilasasiakirjat.

⁴ *Vilkuna K. H. J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Hels., 2005. P. 585–587.

⁵ *Vahtera R.* Tuon uljaan kasakat // Turun Sanomat. 2010. 01.02.

⁶ Последним был расформирован Гвардейский батальон в 1905 г.

⁷ The disorders in Finland. Due to the Recruiting Law — Cossacks invaded Homes of Peaceable Citizens of Helsingfors // The New York Times. 1902. April 26.

⁸ *Halen H.* Kasakat Suomessa 1712–1924. Hels., 2004. S. 16–17.

⁹ *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 37–40.

¹⁰ Например, об этом говорится в рапорте коменданта крепости Выборг ген.-лейт. А. К. Петрова начальнику 22-го корпуса от 12 ноября 1911. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329. Л. 113 об.

¹¹ *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 16.

¹² *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. С. 46–47.

¹³ Места дислокации: 1-й Финляндский стрелковый полк — Або, 2-й и 3-й — Гельсингфорс, 4-й — Экенес, 5-й — Св. Михель, 6-й — Фридрихгам, 7-й и 8-й — Выборг, 9-й — Тавастгус, 10-й — Рихимяки, 11-й — Лахти, 12-й — Куовола, 13-й — Николайштадт, 14-й — Таммерфорс, 15-й — Тавастгус, 16-й — Або; 20-й драгунский Финляндский полк — Вильманstrand. Артиллерийские дивизионы расквартировывались в Экенесе, Куоволе и Тавастгусе (*Марков О. Д.* Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. Приложения № 2–3).

¹⁴ Вооруженные силы Швеции на тот момент составляли около 120 тыс. человек. — *Luntinen P.* French information on the Russian War Plans 1880–1914. Hels., 1984. P. 181.

¹⁵ КА. Venäläiset sotilasasiakirjat. Д. 17247. Л. 1–24.

¹⁶ Ibid. Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 105:22. Д. 20. Оскорбление войск.

¹⁷ Ibid. Venäläiset sotilasasiakirjat. Д. 7682. Приказ № 1 по 42-му армейскому корпусу от 10 июля 1915 г.

¹⁸ *Дубровская Е. Ю.* Указ. Соч. С. 57–67.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1204. Л. 36.

²⁰ КА Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 102. Справка о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях.

²¹ В своих мемуарах офицер 1-го Кавказского казачьего полка Ф. И. Елисеев, прибывший с Кавказа, отмечает, что поначалу финны приняли их довольно прохладно, но, удостоверившись в том, что дисциплина казачьих частей намного лучше, нежели разагитированных большевиками пехотных полков русской

армии, изменили свое отношение к казакам. См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 348–390.

²² *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 109.

²³ В 1917 г. в Финляндию прибыла Закаспийская казачья бригада (кроме Туркестанского дивизиона), переформированная в 5-ю Кавказскую казачью дивизию — 1-й Таманский генерала Бескровного Кубанского казачьего войска полк, 1-й Кавказский ген.-фельдм. Кн. Потемкина-Таврического Кубанского казачьего войска полк, 4-я Кубанская казачья батарея; 3-й Линейный, 3-й Екатеринодарский и 3-й Кубанский, а также 43-й Донской полки. Все полки Кубанского казачьего войска 3-й очереди. 3-й Кубанский казачий полк из состава 4-й Кавказской казачьей дивизии. 43-й Донской полк полковника Нефедова не входил в состав бригад и дивизий. См.: *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 17–18.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 18.

В. И. Мусаев

**ПЕТРОГРАД
КАК ЦЕНТР «КРАСНОЙ» ФИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(1918–1920)**

Положение, сложившееся после 1917 г. на российско-финляндской границе, было по-своему уникальным. Существует стандартный образ России эпохи Гражданской войны и «военного коммунизма» как страны всеобщего хаоса, из которой массы людей бежали, спасаясь от войны, голода и террора. В этот образ никак не укладывается представление о России, принимающей беженцев из какой-либо другой страны. Между тем обратное движение через границу — на российскую территорию — действительно имело место. И это движение происходило именно через границу с Финляндией. В 1918 г. финляндская граница была, пожалуй, единственным участком внешнего российского рубежа, через который движение совершалось в обоих направлениях. В первой половине года движение из Финляндии в Россию было даже более активным, чем в противоположном направлении. До конца лета происходила репатриация солдат и офицеров русских войск, расквартированных ранее на территории Великого княжества, равно как и мирных российских граждан, высланных или добровольно выезжавших из Финляндии.

Наряду с российскими гражданами из Финляндии в Россию в это же время выехало значительное число финнов. Это были участники гражданской войны на стороне красных, которые после поражения в войне бежали из страны, спасаясь от белого террора. Собственно, бегство через границу началось еще до окончания финляндской Гражданской войны. Некоторые ухо-

дили через границу из северной части Финляндии, чтобы избежать призыва в белую армию, который был объявлен ваасским сенатом 18 февраля. С территории, находившейся под контролем белогвардейцев, бежали также сторонники красных, опасаясь репрессий. Всего уже до апреля 1918 г. в Россию ушло около 2700 человек. В основном это были уроженцы северной и восточной части Финляндии (из Приладожской и Приграничной Карелии ушли 1200 человек, из Северной Карелии — около 550 и из Северной Финляндии — 950)¹. По мере того как красные терпели поражения в ходе войны, поток беженцев через границу все более усиливался, и теперь бегство имело место главным образом из южной части страны. По данным газеты «Хельсингин Саномат», уже в конце марта в Петроград начали прибывать «семьи красных мятежников»². Главным оплотом красных, после падения Тампере, Турку и Хельсинки, оставался Выборг. Здесь стали скапливаться беженцы из других частей страны, которые были захвачены или находились под угрозой захвата белыми и немцами (только из Тампере в Выборг эвакуировалось около тысячи гражданских лиц). Руководство красных, пытаясь не допустить чрезмерной концентрации беженцев в городе, старалось направлять их в другие районы, считавшиеся пока еще безопасными, или переправить их через границу. С середины апреля первые поезда с беженцами из Финляндии начали прибывать в Петроград. К 21 апреля в городе скопилось около 2000 человек³. Вскоре железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось, когда белые вышли к линии железной дороги в районе Райвола (кексгольмская ветка железной дороги была перерезана еще в начале месяца, после захвата белыми станции Рауту). После этого эвакуация беженцев из Выборга и других пунктов в Финляндии, в частности из Котки, продолжалась в основном морским путем. Некоторые красногвардейские отряды с боем прорывались через границу на российскую территорию. К примеру, около 400 человек из отряда финских красногвардейцев и русских добровольцев, окруженного на станции Рауту, сумели вырваться из окружения и перейти границу⁴.

К концу апреля для руководства красных становилось все более очевидным, что война проиграна. Единственным выходом оставалось бегство в Советскую Россию. Рассматривались различные планы организации колонии для красногвардейцев и их

семей в России, от Олонецкой Карелии до Западной Сибири. Положение Выборга становилось все более угрожающим, что заставило лидеров красных финнов поторопиться с отъездом. 25 апреля Куллерво Маннер, Адольф Тайми, Юрьё Сирола, Оскари Токой, М. С. Свечников и другие руководящие лица отплыли на пароходе в Петроград (из членов Совета народных уполномоченных на месте остался только Эдвард Гюллинг, который позднее сумел уехать в Швецию)⁵. Оборона Выборга продолжалась до первых чисел мая. Накануне его падения около 2000 человек на 16 кораблях отплыли в Петроград⁶. До середины мая в Финляндии были подавлены последние очаги сопротивления красных. Число пленных, заключенных в лагерь, достигало в общей сложности около 73 000 человек⁷. В стране свирепствовал белый террор. Массовые расстрелы были обычным явлением. Заключенные в лагерях гибли от голода и побоев. В мае — июне бегство через границу продолжалось. Некоторым удавалось бежать из концентрационных лагерей. Основным пунктом сбора беженцев на территории Советской России первое время был Петроград⁸. В общей сложности на территории Советской России в начале лета 1918 г. находилось от 10 до 13 тысяч финских беженцев⁹. Около тысячи человек бежали во время и после Гражданской войны в Швецию. Большинство из них в 1919–1921 гг. нелегально переправились через Северную Норвегию, Финляндию или Эстонию в Советскую Россию при содействии образованного в Швеции «Финского комитета», имевшего свои бюро в Стокгольме и Умео¹⁰.

В Петрограде семьи беженцев были размещены главным образом в здании Павловских казарм у Марсова поля. Другим местом их сосредоточения был городской лазарет на 8-й линии Васильевского острова¹¹. Совет народных уполномоченных, почти в полном составе перебравшийся в Россию, собрался в последний раз 26 апреля в гостинице «Астория» и объявил о своем роспуске. Вместо него был образован центральный комитет финских беженцев, председателем которого стал Куллерво Маннер, членами — О. В. Куусинен, Оскари Токой, Лаури Летонмяки и Матти Туркиа¹². Остаться в Петрограде лидеры красных финнов считали, однако, небезопасным, так как финское правительство добивалось их выдачи¹³, а город, расположенный вблизи от финской границы, был, как они

считали, полон финских и немецких агентов. Поэтому большинство руководящих лиц перебрались вскоре в Москву, что к тому же давало возможность быть ближе к Совнаркому и чаще общаться с его членами¹⁴. В идеологическом отношении социал-демократические лидеры красных финнов все более сближались с большевиками. 25 августа 1918 г. в московском зале духовной семинарии было проведено собрание, на котором было решено провести учредительный партийный съезд. Подготовительную работу провел комитет в составе О. В. Куусинена, К. Маннера и Ю. Сирола. Съезд был проведен с 29 августа по 5 сентября 1918 г. Его результатом был окончательный переход от социал-демократической ориентации к ленинскому большевизму и основание Финляндской коммунистической партии. Был избран центральный комитет партии, его председателем стал Ю. Сирола, членами — К. М. Эвя, О. В. Куусинен, Л. Летонмяки и Юкка Рахья. Позднее членами комитета стали также К. Маннер, Эйно Рахья и Манди Сирола¹⁵. В Петрограде еще раньше была образована финская секция при губернском комитете РКП (б). В городе еще с конца весны начала издаваться газета на финском языке «Вапаус» (первый номер вышел 25 мая), которая затем стала главным органом ФКП. Ее ответственным редактором был финский комиссар при Комиссариате национальностей И. Саастамойнен. Газета выходила несколько раз в неделю, ее тираж составлял 3000 экземпляров. С конца июля в Петрограде начал также выходить ежедневный финский журнал «Кумоус», ответственным редактором которого был Э. Рахья¹⁶ (в то же время финские газеты «Инкери» и «Нева», выходившие в Петрограде до революции, были еще раньше закрыты как «буржуазные»: первая — в конце 1917 г., вторая — в начале 1918 г.). ЦК ФКП вскоре после своего образования принял решение перебазироваться в Петроград, чтобы удобнее было поддерживать связь с Финляндией¹⁷.

Положение финских беженцев, собравшихся в Петрограде, было тем временем очень сложным. Городские власти делали что могли, для снабжения их продовольствием и предметами первой необходимости, однако делать это становилось все труднее по мере обострения продовольственного кризиса в городе. Члены Совета народных уполномоченных еще до бегства в Россию обсуждали, где лучше организовать на территории России

колонию для беженцев из Финляндии. О. Токой и Э. Гюллинг высказывались за организацию такой колонии в Олонецкой Карелии, однако большинство считали, что основать ее надо в более спокойном месте вдаль от финской границы. Уже в начале мая эмиссар финских беженцев Л. Хювяринен, командированный в Вологодскую губернию, сумел договориться с местными властями об организации колонии в городе Буй на берегу р. Костромы¹⁸. Для поселения беженцев были отведены бараки, в которых ранее размещались австро-венгерские военнопленные. 8 мая в Буй прибыл первый состав с финскими беженцами, в основном женщинами и детьми. Во второй половине месяца здесь было собрано около 3300 финнов. История буйского поселения оказалась, однако, не слишком долгой. Обеспечить беженцев работой или организовать их силами обработку земли не удалось, отношения с местным населением также не сложились. К тому же после начала чехословацкого мятежа эта территория оказалась под угрозой со стороны антибольшевистских сил. Поэтому вскоре беженцы начали возвращаться из буйской колонии в Петроград или разъезжаться в другие части страны. К концу июля в Буйе оставалось не более 500 финнов¹⁹.

Значительное число финских беженцев оставалось в Петрограде и Петроградской губернии. По данным на апрель 1919 г., в пределах Петроградской трудовой коммуны находились 5344 финляндских граждан²⁰ (среди них, впрочем, могли быть не только беженцы, но и жители дореволюционного Петрограда, не успевшие или не захотевшие выехать в Финляндию). Местные власти стремились использовать революционно настроенных красных финнов для пропагандистской работы среди этнически близкого им ингерманландского населения губернии. В сентябре 1918 г. в составе агитационного отдела ФКП была образована агитационно-пропагандистская группа численностью в 31 человек. Члены группы работали главным образом в населенных ингерманландскими финнами уездах Петроградской губернии, а несколько человек также в Олонецкой Карелии. Одним из агитаторов в течение некоторого времени был Тойво Антикайнен, впоследствии — герой Гражданской войны и один из руководителей Коммунистической партии Финляндии. Согласно отчетам агитаторов, их работа проходила в основном успешно: на митингах в деревнях и селах принима-

лись резолюции в поддержку советской власти, в некоторых местах тут же создавались партийные ячейки. Не везде, однако, все проходило гладко, порой агитаторы не встречали понимания со стороны местного населения. В одном из отчетов отмечалось: «Иногда агитаторов на местах встречали недоверчиво и недоброжелательно. В нескольких деревнях им не давали ни ночлега, ни еды. Там, где население было более зажиточным, агитацию вообще не удавалось развернуть»²¹. В Северной Ингерманландии приходилось к тому же бороться с агитацией, которую вели среди местных жителей проникавшие через границу финские белогвардейцы.

Агитационная деятельность в Ингерманландии продолжалась и в 1919 г.: в период с 1 января по 15 августа этого года агитаторы посетили 35 волостей, 455 деревень, провели 352 собрания, произнесли 452 речи. За это же время через агитационный отдел среди населения было распространено 49 245 экземпляров книг, брошюр, журналов и газет²². С конца 1919 г. агитационный отдел ФКП был переведен в состав Петроградского губернского комитета РКП (б), после чего агитационная работа среди ингерманландского населения приобрела более регулярный характер, тогда же началась организация более крупных финских коммунистических коллективов²³. Финский отдел существовал также в составе Комиссариата по делам национальностей Северной области (преобразованного после ликвидации Союза коммун Северной области в 1919 г. в Петроградский губернский комитет по делам национальностей)²⁴. Некоторые красные финны занимали видные посты в политическом и военном руководстве Петроградской губернии. К примеру, участник Гражданской войны в Финляндии, активист ФКП Уно Пелтола в 1919 г. был чрезвычайным политическим комиссаром Лемболовской, Куйвозовской и Корккямьякской волостей Петроградского уезда²⁵.

Осенью 1918 г. ЦК ФКП обратился к советскому правительству с предложением организовать подготовку квалифицированных военных кадров из числа финнов. Как и финские формирования Красной армии, финских «красных офицеров» предполагалось использовать для совершения будущей социалистической революции в Финляндии. С октября 1918 г. в Петрограде (на Кадетской линии Васильевского острова) действовали Третьи финские советские пехотные курсы. Первый

выпуск в апреле 1919 г. составил 83 человека — в основном это были бывшие красногвардейцы. В 1919 г. на курсах было открыто также русское отделение, а на следующий год курсы были преобразованы в Первую пехотную школу. В 1921 г. на основе курсов была создана Интернациональная военная школа с несколькими национальными отделениями (поначалу, кроме финского и русского, в школе работали немецкое, эстонское и шведское отделения, позднее к ним добавились несколько других). До осени 1923 г. из школы было выпущено около 800 финских красных офицеров. Деятельность Интернациональной военной школы явилась предметом неоднократных протестов со стороны МИД Финляндии в адрес НКВД, в которых указывалось, что существование такой школы противоречит условиям Тартуского мира и советско-финляндского пограничного соглашения 1922 г. Осенью 1926 г. школа приказом Реввоенсовета была закрыта. Подготовка офицерских кадров из числа финнов и других иностранцев продолжалась затем в «Ленинградской пехотной школе командного состава РККА им. тов. Склянского», просуществовавшей до 1935 г. Всего, по подсчетам финского исследователя М. Саломаа, военное обучение в Петрограде/Ленинграде прошли за это время 1387 финнов. Среди них преобладали финляндские выходцы (наиболее многочисленными оказались уроженцы Выборгской губернии — 517 человек, и Уусимаа — 280 человек), лишь 56 человек были родом из России, 11 человек были эмигрантами из Америки²⁶.

Уже с середины 1918 г. наблюдалось стремление части финских беженцев в России к возвращению на родину. Служба в Красной Армии прельщала не всех. Промышленные и сельскохозяйственные проекты беженцев удавались далеко не всегда, экономический кризис в стране по мере разрастания Гражданской войны продолжал углубляться. На людей, бежавших от террора в своей стране, не мог не оказать гнетущего впечатления не меньший размах террора, царившего в России. Языковой барьер также был серьезным препятствием к адаптации. Беженцы предполагали прежде всего отправить на родину женщин, детей и нетрудоспособных, которых им трудно было содержать и которые в Финляндии, как они надеялись, не должны были подвергнуться репрессиям. В последних числах июня 1918 г. из России в Финляндию на пограничный мост через р. Раййоки

ступила первая группа членов семей красных беженцев — 863 человека, в основном женщины и дети. По отзывам прессы, они выглядели крайне истощенными²⁷.

Во второй половине июля «Петроградская правда», со ссылкой на немецкие источники, сообщала о том, что возвращение красногвардейцев в Финляндию принимает все большие размеры и что финские красные предполагают обратиться к правительству Финляндии с коллективным ходатайством о предоставлении им разрешения вернуться на родину²⁸. Массового характера возвращение беженцев, однако, не приобрело: многие из них вполне обоснованно опасались оказаться под арестом. Тем более что финским органам безопасности было известно о стремлении ФКП перенести свою деятельность на территорию Финляндии²⁹, в связи с чем имелись основания опасаться, что под видом возвращающихся беженцев через границу могут проникать коммунистические шпионы, агитаторы и террористы. Сенатская комиссия по внутренним делам в августе 1918 г. разослала распоряжения губернаторам ленов усилить контроль над пограничными районами. Еще раньше «Петроградская правда», ссылаясь на сведения из газеты «Хувудстадсбладет», сообщала об арестах пограничной стражей финских беженцев, пытавшихся вернуться в Финляндию³⁰. Имели место случаи, когда финская пограничная охрана открывала огонь по беженцам, пытавшимся тайком перейти границу (в начале 1919 г. в прессе, в частности, сообщалось о таком случае на льду Финского залива в районе Тюрисева и о расстреле четверых перешедших границу красногвардейцев в Терийоки)³¹. Известия о судьбе возвращенцев в Финляндии, получаемые по другую сторону от границы, не выглядели ободряющими, что удерживало многих от попыток последовать их примеру.

Вопрос о возвращении беженцев был урегулирован в 1920 г., с заключением Тартуского мирного договора между Финляндией и Советской Россией. На основании 35-й статьи договора в Финляндии в январе 1921 г. было принято постановление, согласно которому лица, возвращавшиеся из России, не подлежали преследованию за преступления, совершенные до 14 октября 1920 г. (то есть до даты подписания Тартуского договора)³².

Еще одним стимулом к репатриации для некоторых беженцев был конфликт внутри ФКП. Внутрипартийные противоречия

обнаружились уже на втором съезде ФКП, проходившем в августе — сентябре 1919 г. Споры вызвал, в частности, вопрос о расходовании партийных средств. С особой силой, однако, кризис разразился в 1920 г. Недовольство рядовых беженцев, терпевших лишения, поведением партийных руководителей, проживавших в роскошных номерах гостиницы «Астория» в Петрограде и заседавших в президиумах бесконечных конференций, привело к образованию оппозиции. Осенью 1919 г. внутри партии сложилась оппозиционная группировка, ведущее место в которой заняли «красные офицеры» Войтто Элоранта, Аугуст Пюю и Отто Палхо. Трагическая развязка наступила в августе 1920 г., после того как по решению ЦК ФКП был арестован член оппозиции П. Вартиайнен. Требование оппозиционеров о его освобождении выполнено не было. Затем на одном из собраний группы было решено физически расправиться с несколькими ведущими членами ЦК, собрание которых намечалось через несколько дней в клубе им. О. В. Куусинена на Каменноостровском проспекте (в доме № 26–28, где позднее жил С. М. Киров). Вечером 31 августа 1920 г. в помещении клуба произошло массовое убийство, вошедшее в историю под названием «револьверный день»: оппозиционеры, ворвавшиеся в клуб, застрелили восемь человек, в числе которых были члены ЦК Ю. Рахья и Вяйнё Йокинен (Э. Рахья и К. Маннер, которые должны были присутствовать на собрании и также были намечены в качестве жертв, не приехали в клуб, что и спасло им жизнь). 11 человек, в том числе К. М. Эвя и Я. Рахья, получили тяжелые ранения³³. По делу «револьверной оппозиции» были арестованы 93 человека, которые были препровождены в Бутырскую тюрьму в Москве.

В общей сложности в 1918–1924 гг. в числе финских граждан, вернувшихся из России в Финляндию, насчитывалось от 4500 до 5000 бывших «красных финнов» и других лиц, перешедших ранее границу в противоположном направлении, то есть около половины всех беженцев, покинувших Финляндию весной — летом 1918 г.³⁴ Судьба многих из тех, кто остался в Стране Советов, сложилась печально: во второй половине 1930-х гг. многие «красные» финны стали жертвами «большого террора».

- ¹ *Manninen O.* Rauhantahtoa ja väkivaltaa // Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. 2. Taistelu vallasta. Helsinki, 1993. S. 452.
- ² Helsingin Sanomat. 1918. 18. toukokuuta.
- ³ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumuutot idasta 1917–1939. Helsinki, 2002. S. 92.
- ⁴ Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. СПб., 1990. С. 166–167).
- ⁵ *Smith C. J.* Finland and the Russian Revolution. Athens, GA, 1958. P. 76, 81; *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 93–94.
- ⁶ Helsingin Sanomat. 1918. 18. toukokuuta.
- ⁷ Hufvudstadsbladet. 1918. 13 maj.
- ⁸ Газета «Ууси Суометар» 8 мая сообщала: «В Петрограде находится около 9000 беженцев-финнов, в том числе все руководители и комиссары, начиная с Маннера и Токоя и кончая Латукка».
- ⁹ *Saarela T.* Suomalaisen kommunismin synty 1918–1923. Tampere, 1996. S. 27.
- ¹⁰ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 96–97.
- ¹¹ Петроградский голос. 1918. 11 мая.
- ¹² *Tokoi O.* Maanpakolaisen muistelmia. Helsinki, 1959. S. 223.
- ¹³ Когда деятель организации «Русская колония» в Финляндии С. Э. Виттенберг встречался в Хельсинки с финским генералом Теслевым, последний спрашивал его о возможности обмена арестованного в Финляндии Л. Б. Каменева на «Маннера, Токоя и других, т. е. главарей финского красного восстания» (*Виттенберг С. Э.* Дневники. Запись за 28 мая 1918 г. // *Bakhmeteff Archive of the Columbia University, New York.* Collection of S. E. Vittenberg).
- ¹⁴ *Tokoi O.* Maanpakolaisen muistelmia. S. 225.
- ¹⁵ *Hakalehto I.* Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työväenliikkeeseen 1918–1928. Porvoo, 1966. S. 14–18; *Hyyönen A.* Suomen kommunistinen puolue 1918–1924. Tampere, 1968. S. 40–54; *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 2. Helsinki, 1971. S. 67–68.
- ¹⁶ РГА СПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1918 г.). Д. 72. Л. 23–24.
- ¹⁷ *Hyyönen A.* Suomen kommunistinen puolue. S. 58.
- ¹⁸ *Tokoi O.* Maanpakolaisen muistelmia. S. 225.
- ¹⁹ *Hyyönen A.* Suomen kommunistinen puolue. S. 30–31; *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 2. S. 65; *Saarela T.* Suomalaisen kommunismin synty. S. 29.
- ²⁰ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.
- ²¹ РГА СПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1919 г.). Д. 30. Л. 122.
- ²² Там же. Д. 15. Л. 62.
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 669. Л. 149.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 8. Л. 5; Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
- ²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 0–284. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- ²⁶ *Hakalehto I.* Suomen kommunistinen puolue. S. 74–77; *Salomaa M.* Punaupseerit. Porvoo – Helsinki, 1992. S. 96–98, 123.

²⁷ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 109.

²⁸ Петроградская правда. 1918. 20 июля.

²⁹ В частности, на заседании Северного областного комитета РКП (б) в феврале 1919 г. представитель финской секции И. Саастамойнен заявлял: «Существуют агитаторские курсы, подготовляющие агитаторов... Агитация ведется и по ту сторону границы» (цит. по: *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница. СПб., 2000. С. 38). В том же году на Карельском перешейке был налажен коммунистический «этапный путь». Его организатор, Отто Саманен, был в ноябре 1919 г. схвачен на территории Финляндии и в апреле следующего года расстрелян в Выборге (*Huvönen A.* Suomen kommunistinen puolue. S. 60–61). Заслуживает также упоминания попытка покушения на К. Г. Маннергейма в апреле 1920 г., которое спланировал Э. Рахья с целью сорвать советско-финляндские переговоры о перемирии, а осуществить пытались тайно проникшие в Финляндию восемь финских красных офицеров (*Salomaa M.* Punaupseerit. S. 146–149).

³⁰ Петроградская правда. 1918. 2 июля.

³¹ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 110.

³² *Ibid.* S. 199.

³³ *Salomaa M.* Revolverioppositio // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1991. № 1. S. 31–40. См. также: *Пюккенен А.* «Револьверный день» // *Новый часовой.* № 11–12. 2001. С. 419–420; *Митюрин Д. В.* «Дело маузеристов». Факты и гипотезы // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* СПб., 2005. С. 125–133.

³⁴ *Nevalainen P.* Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 199.

В.-Т. Васара

**«НОВЫЙ» АКТИВИЗМ В ФИНЛЯНДИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

Обычно в финской историографии историю «белого» активизма принято делить на два периода: вначале это борьба против царской власти и русификации. Главным событием этого периода, несомненно, является убийство генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрíkова в июне 1904 г. Второй период наступил после Первой мировой войны. Под его влиянием появились «егерское движение» и Шюцкор. Главной целью активистов этого периода было выделение Финляндии из состава Российской империи путем вооруженного восстания, при помощи кайзеровской Германии. Об этих двух периодах принято также говорить как о «раннем» и «новом» активизме. Кроме вышеозначенных «раннего» и «нового» активизма, исследователь Лаури Хювямяки назвал еще третий период активизма, т. н. постактивизм. По его мнению, он охватывает период с 1918 по 1922 г., то есть время первых лет независимости Финляндии, когда, с одной стороны, целью всей политической деятельности «белого» лагеря была защита от Советской России, помощь соплеменным народам и противодействие левым революционерам, а с другой стороны, после ноябрьской революции в Германии

---

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

пали планы становления монархии в Финляндии во главе с немецким принцем, и таким образом, пало также германское направление в финской внешней политике¹.

И так, традиционно, начало второго периода в истории «белого» активизма — «нового» активизма — связано с Первой мировой войной. Причем «новый» активизм сохранил верность некоторым идеям и методам действия «раннего» активизма, но он все же коренным образом изменил курс «белых» активистов.

Действительно, Первая мировая война принесла серьезные изменения в Финляндии. Во-первых, с точки зрения нападения Германии на Россию местоположение Финляндии имело решающее значение. Поэтому в начале войны число русских солдат в стране резко увеличилось. Во-вторых, начало войны дало новый повод царскому правительству усилить меры русификации. В соответствии с этим усиливалась цензура, увеличивалось количество производившихся в стране арестов, финские города были полны осведомителей правительства. Финляндский сейм также не мог проводить свои заседания.

Более того, 17 ноября 1914 г. произошла утечка информации и шведоязычная пресса Гельсингфорса опубликовала сведения о специальной правительственной программе, касающиеся Финляндии². Из программы стало ясно, что, после того как уменьшится непосредственная угроза Германии, Финляндия потеряет свои последние автономные права. Этот план уничтожил последнюю надежду даже у тех, кто еще являлся сторонником политики уступок и верил в сохранение автономных прав Финляндии в составе Российской империи. Сепаратистские настроения в стране усиливались. В этой ситуации многие увидели единственное для Финляндии спасение в обращении к Германии. Данный «ноябрьский манифест» русификации особенно заметно повлиял на те студенческие круги, которые еще в октябре начали формирование независимого освободительного движения³.

В финской историографии указу придали особое значение при объяснении причин возникновения «егерского движения», хотя на самом деле он являлся для военного времени совершенно нормальным решением правительства. Важно также вспомнить, что его в конце концов не привели в исполнение, так как

в Петербурге не хотели иметь с Финляндией лишних проблем. Тем не менее в целом ядро «новых» активистов представляло собой, прежде всего, молодое поколение финнов, а именно — студентов Гельсингфорского университета, активных деятелей его землячества. Их представление о России, о положении Финляндии в ее составе и о будущем страны радикально отличалось от взглядов предыдущего поколения активистов. Молодые студенты не страдали от такого морального и юридического балласта, как большинство «ранних» активистов, в образе мышления которых судьбой Финляндии была автономия в составе Российской империи. Влияние «карелианизма» и общей идеализации «простого народа» предыдущего периода активизма, однако, продолжало господствовать среди студентов⁴. При этом они опирались на представления, полученные во время традиционных летних каникул в деревнях, где к политике относились прямолинейно и к русским испытывали неприязнь.

Многие финские историки раньше подчеркивали, что благодаря своему лояльному отношению к Российской империи Великое княжество Финляндское на самом деле выиграло. Тем не менее в стране были группировки, для которых такой образ мышления был не свойственен. Это были, прежде всего, выпускники университета и студенты, а также активисты «первой волны», которые увидели в мировой войне возможность прервать государственные связи между Россией и Финляндией⁵.

Начало войны открывало финской политике еще и новые возможности. В данный момент в стране явно возникло два направления внешнеполитической ориентации. Сторонники первого стремились при содействии западных держав вернуть автономное положение Великого княжества, считая это максимальным достижением при таких условиях. По мнению сторонников второго направления, Финляндия должна была сотрудничать не только со Швецией, но и с центрально-европейскими державами, в частности с Германией, и искать поддержку для освобождения Финляндии от власти России⁶. Однако, как справедливо отметил доктор философии, дипломат Ааро Пакаслаhti (1903–1969), в течение первых месяцев войны настроение в Финляндии было «неуверенное». Оно было либо «прогерманским», либо «проантантаваским», но все же пассивным⁷.

В течение 1914–1915 гг. в Финляндии в рамках «нового» активизма стали возникать разные тайные комитеты и организации, которые стремились добиться выхода страны из состава Российской империи. Однако, несмотря на общую цель, их сотрудничество не было простым. Разные точки зрения на проведение реальных действий и персональное стремление к власти вело к разногласиям⁸. Самой известной из возникших тогда группировок, несомненно, является т. н. «егерское движение».

Таким образом, 17 ноября 1914 г. обозначило для активистов новый отсчет времени. Особенно молодое поколение «белых» активистов считало, что у Финляндии не осталось других вариантов, чем полный выход из состава империи. Именно студенты Гельсингфорского университета первыми выступили с планами отделения страны от России. В частности, первыми активизировались землячества университета. Традиционно особенно активно политические вопросы принимались обсуждать землячества провинций Похьянмаа и Уусимаа. По мнению историка М. Лауэрмы, в течение октября 1914 г. настроения в землячестве Северной Похьянмаа были резко антирусскими. В то время в этом землячестве уже появились первые планы создания некоего специального плацдарма по поддержке активистов в Северной Похьянмаа⁹.

Еще в первый день войны студенты провели в Гельсингфорсе собрание для обсуждения дальнейших своих планов. После второй такой встречи, которая прошла 19 ноября, они пришли к выводу, что в стране надо поднять восстание и вооруженным путем получить независимость. Главная проблема этих людей состояла в том, что у них не было никакого военного образования, тем более опыта военных действий. После 1905 г. Финляндия уже не имела собственных военных частей. Более того, они вынуждены были констатировать, что организация обучения внутри страны невозможна из-за риска быть раскрытой. Логичным шагом для студентов в результате стало обращение к офицерам бывшей финской армии, из которых годных для службы оставалось еще более ста человек. Студенты были уверены, что смогут получить от них помощь в организации военного обучения. Перед этими офицерами в конце 1914 г. активисты, представляющие студенческую организацию «Союз силы», поставили этот вопрос. Однако к выдвинутой тогда идее

офицеры остались равнодушными. Причиной их нежелания поддержать активистов была, прежде всего, не способность обучать будущих «егерей» или лояльность царю, как потом часто писали¹⁰, а явная осторожность.

Тем не менее 20 ноября 1914 г. в Гельсингфорсе был основан временный Центральный комитет, в состав которого, кроме представителей финно- и шведоязычных групп, вошли также представители всех провинций Великого княжества, а также контактные лица от Шведской народной и Старофинской партий. В ходе заседания была выработана программа действий «новых» активистов и окончательно решено получать военное обучение непосредственно в Германии. Однако это решение не было все же единогласным. Далее, в отличие от «ранних» активистов, договорились не иметь никаких контактов с русскими революционерами¹¹.

Активистам, действовавшим на территории Финляндии, пришлось к тому же в 1915–1916 гг. приспособиться к военному положению, что означало необходимость учитывать серьезные трудности в осуществлении ими практической деятельности. Поэтому безусловная предпосылка поднятия восстания заключалась в конкретных гарантиях высадки Германии или Швеции на территории страны. В результате активисты вынуждены были внимательно следить за развитием хода военных действий, поскольку надеялись на мощное немецкое наступление в северной части Восточного фронта. Однако Россия явно усилила оборону побережья Великого княжества Финляндского. В целом перспектива развертывания «нового» активизма внутри страны становилась достаточно сложным делом, вследствие чего в конце весны 1915 г. вербовка будущих «егерей» прекратилась. Более того, основа деятельности «новых» активистов переместилась за рубеж. Главной формой их работы стало развертывание пропаганды своих идей в Стокгольме и Берлине¹².

Первоначальной целью активистов было, в частности, убедить Швецию помочь им оружием. Это привело в течение лета 1915 г. к сотрудничеству со шведскими активистами-единомышленниками. Сотрудничество показалось целесообразным даже после того, как осенью того же года надежда на участие западного соседа Финляндии в войне уже растаяла. Финны считали, что контакты со шведами «по-любому» увеличивают

интерес Германии к финскому делу, что для финских активистов было важным вопросом. В результате влияние на общественное мнение Швеции стало также немаловажной задачей финских активистов, проводивших свою работу в Стокгольме¹³.

Таким образом, первым вариантом в действиях активистов была Швеция, которая сразу же отказалась принимать участие в движении активистов, ссылаясь на свой нейтралитет. Единственной возможностью оставалась Германия, с которой у Финляндии были также многолетние культурные связи. Надо отметить, что немаловажным условием возникновения «егерского движения» была непоколебимая вера его организаторов в победу Германии в Первой мировой войне¹⁴. У сторонников этого движения было также мнение, что в общем в широких слоях Финляндии относились благосклонно к немцам. Тем более это относилось к университетским кругам и большинству представителей интеллигенции, где явно наблюдались открыто пронемецкие настроения¹⁵. В Германии в качестве главного противника России видели естественную поддержку таким планам. Как и потом в 1920–1930-е гг., когда особенно в академических кругах Финляндии глубоко уважали, в частности, науку и культуру Германии. К тому же финские ученые имели традиционно хорошие связи со своими немецкими коллегами.

Но, несомненно, у активистов были и иные альтернативы. Историк Харри Корписаари, например, отметил, что еще в начале войны активисты рассматривали также Данию в качестве помощника. Среди старшего поколения были замечены и англофильские взгляды¹⁶. Необходимо добавить, что с того времени «новые» активисты уже получили поддержку даже среди тех, кто во время первого периода русификации являлся сторонником «пассивного сопротивления»¹⁷. Среди них были такие крупные государственные деятели Финляндии, как, например, государственный советник А. Грипенберг (1852–1927) и сенатор А. Нюбергх (1851–1921).

В конце июля 1915 г. в стокгольмском руководстве активистов был образован специальный комитет, состоявший из трех человек. Председателем его стал историк и политик Х. Гуммеррус (1877–1948), а другими членами — кандидат юриспруденции Й. Кастрен (1850–1922) и магистр философии А. Фабритиус (1874–1953). Осенью к комитету присоединились барон Пер

Адольф фон Бонсдорф (1896–1946) и профессор Рафаэль Эрих (1879–1946). В начале следующего года по приказу Центрального комитета он стал главным органом Иностранной делегации «Освободительного движения Финляндии». Председателем этой новой делегации назначили фон Бонсдорфа¹⁸.

Первые финские «егеры» побывали в Германии в феврале 1915 г. Эта группа сформировала затем ядро финского «егерского движения». Большинство из них были шведскоязычными жителями Финляндии и три четверти были студентами. В целом социальный состав «егерей» был более широким, потому что их вербовали из всех классов общества, это было требованием немцев. Активно в вербовке участвовали «белые» активисты «первой волны». Наилучшие результаты вербовка дала в южных частях провинции Похьянмаа, а также в Уусимаа и Карелии. Всего в течение 1915 г. в Германию отправилось 1889 человек¹⁹.

Дальнейшему развитию «егерского движения» способствовало основание в начале сентября 1915 г. в Гельсингфорсе «Активного комитета». Его образование считалось необходимым, прежде всего, для дальнейшей организации борьбы за независимость непосредственно на самой территории Финляндии. Объединяющим фактором же была поддержка с самого начала идеи военного обучения в Германии. Таким образом, целью «Активного комитета» стало руководство практической деятельностью, связанной с вербовкой будущих «егерей».

В целом проект организации военного обучения в Германии получил в финском обществе уже широкую поддержку. Об этом свидетельствует то, что в «Активном комитете» были представлены Старофинская и Младофинская партии, Аграрный союз и Шведская народная партия. Социал-демократов в составе комитета не было, но их отношение к его деятельности было вполне благосклонным. Также в состав организации вошли представители организации «Союза силы», а также деятели бывших офицерских объединений и студенты Гельсингфорского университета. Примерно в то же время был основан Центральный комитет «Активного комитета», который рассматривал политические вопросы освободительного движения²⁰. К концу 1915 г. «Активный комитет» принял свою окончательную форму. Появление «Активного комитета» и его Центрального комитета было весьма важным шагом для активистов. Можно

сказать, что теперь их движение наконец получило форму организации, которая более тесно объединила сторонников освободительной борьбы и конкретизировала их политическое направление.

Традиционно в финской историографии подчеркивают мотивацию «егерей» действовать на пользу родины. В действительности, часть первых «егерей» были обычными искателями приключений. Германия обещала им только военное обучение, а будущее оставалось неясным. Как отметил исследователь Тойво Нюгорд, с юридической точки зрения они все совершили государственную измену, для которой в Российской империи существовало лишь одно наказание — смертная казнь²¹. Юсси Лаппалайнен также заметил, что «егеря» не получили практически никакой поддержки старшего поколения²². В процессе начавшегося в Германии военного обучения отсеивали слишком слабых или неспособных стать «егерями» как части регулярной кайзеровской армии. В конце концов в мае 1916 г. отобранная немцами группа финских волонтеров получила название «27-й королевский прусский батальон». С целью получения военного опыта их перевели на наиболее опасный и ответственный участок русского фронта. Однако здесь жизнь оказалась достаточно тяжелой, и полностью обучение завершили лишь 1261 человек из около 1500 новобранцев²³. После Февральской революции в России батальон был переведен в Лиепаю, где в течение года его личный состав продолжали обучать. Причем целью этого обучения стало уже стремление подготовить этих молодых «егерей» для руководства планируемого вооруженного восстания в Финляндии. Наконец, в феврале 1918 г., уже после того, как Финляндия получила независимость, батальон получил приказ вернуться в Финляндию.

Идеология «егерей» продолжала принципы «Партии активного сопротивления». В годы Первой мировой войны многим и «ранним», и «новым» активистам казалось, что уже наступило время для начала усиленной борьбы за независимость. Но важно отметить, что в этот период «новый» активизм на идеологическом уровне получил также внешнеполитические элементы. Иначе говоря, усиливались требования добиться не только независимости для Финляндии, но и расширить ее территорию за счет России. Речь шла уже о создании «великой Финляндии».

Тем не менее исследователь Юсси Лаппалайнен писал, что в идеологическом плане значение «егерского движения» для получения независимости было высочайшим. Когда в России началась революция, именно их пример помог широким массам финского народа принять идеи освободительной борьбы²⁴.

Реакция активистов и «егерей», находившихся в Германии, на Февральскую революцию была сначала двоякая. Революция была для них сюрпризом, к которому относились скорее отрицательно, чем положительно. Например, ротмистр Ханнес Игнатиус (1871–1941) был того мнения, что революция стремилась уничтожить движение активистов. Стало необходимым пересмотреть программу и обдумать новые требования ситуации²⁵. Будущая деятельность «новых» активистов показалась весной 1917 г. неясной.

Причем важно учитывать, что уже после обретения независимости Финляндией «новые» активисты во главе с Игнатиусом начали строить ту историческую картину «освободительной борьбы» за независимость, которая господствовала не только в Первой республике Финляндии, но и имела важнейшее место в финской национальной историографии до 1960-х гг. Образы Игнатиуса дополнили генерал-майор Николай Мексмонтан (1861–1932) и другие активисты-«егери», которые смотрели на получение независимости через призму активистов и «егерского движения»²⁶. То есть ими были созданы та историческая картина и национальная идентичность, которые должны были определить финское общество межвоенного периода.

Второй, не менее важной организацией для «нового» активизма, которая возникла в этот период, был Шюцкор²⁷. Причем деятельность Шюцкора продолжалась с периода «нового» активизма и вплоть до осени 1944 г., когда эта организация была окончательно распущена.

Распад же Российской империи перевернул финское общество. Противоречия, которые годами тлели и ждали обострения, вылились в действия. При формировании финского гражданского общества в стране появилось два разных представления о том, в какую сторону надо развивать страну. Когда власть в России распалась, сторонники этих противоположных точек зрения получили возможность действовать. Представители буржуазии и рабочего класса реагировали на общественное

изменение в соответствии со степенью своей реальности. Возникло два движения, «белое» и «красное», которые даже стали воевать друг против друга²⁸.

Возникновение Шюцкора можно рассматривать как ответ на радикализацию рабочего движения, он фактически стал противовесом ей. Иногда датой основания Шюцкора называют 16 мая 1917 г. В тот день группа представителей Иностранной делегации «Освободительного движения Финляндии» и «Военного комитета Финляндии» собралась в Стокгольме для обсуждения возможных вооруженных действий в новой политической ситуации. Результатом встречи стал меморандум, в котором подчеркивали значение военной силы и предлагали основать тайную организацию для создания народной армии на территории Финляндии. Вооруженные отряды потребовались бы после возвращения «егерей» из Германии и в начале борьбы за независимость²⁹. Причем «Военный комитет» был создан еще значительно раньше принятого тогда решения. Он возник в феврале 1915 г. и объединил десять бывших офицеров финской армии. Однако до Февральской революции 1917 г. в России их деятельность не имела большого значения для освободительной борьбы и для возникновения, в частности, «егерского движения».

В 1917 г. начался новый наиболее важный период в работе «Военного комитета». Весной того же года комитет решил послать свою делегацию в Стокгольм на переговоры с представителями Германии и финскими активистами, которые там уже находились. Тогда они начали обсуждать проблему возможной высадки немецких войск. По просьбе Германии делегация «Военного комитета» представила меморандум о возможных предпосылках начала «освободительной войны». В данном меморандуме впервые выразилось мнение по поводу использования финского егерского батальона в возможной войне. В планах «Военного комитета» «егеря» должны были стать ядром новой финской армии, включавшей в себя до 200 тыс. солдат. Это, конечно, было грубое преувеличение, поскольку первостепенной целью меморандума оставалось лишь привлечение внимания военного руководства Германской империи к «финляндскому вопросу». В конце концов меморандум дошел до генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга³⁰.

Тогда же начался и новый подъем в деятельности «Активного комитета», который с поздней осени 1916 г. уже практически прекратил свою работу. Теперь комитет получил более широкие права. В принципе «Активный комитет» был главным решающим органом движения «новых» активистов, поскольку иностранная делегация «Освободительного движения Финляндии», работавшая в Стокгольме, действовала тогда практически независимо. Причем делегация была связующим звеном с егерским батальоном и его представительством в Берлине³¹.

«Активный комитет», со своей стороны, начал организовывать в Финляндии тайную боевую организацию. Он отправил своих уполномоченных во все районы страны. Основанные в волостях отряды маскировали под спортивные клубы и добровольные пожарные команды³². В результате отряды Шюцкора в 1917 г. стали возникать стихийно и почти по всей территории Финляндии. В это время они находились на полуправильном положении и практически не имели связи друг с другом. То есть первоначально шюцкоровские организации не оформились в единую организацию. Разные отряды имели также разные функции. Одни были созданы для поддержки «егерского движения», а основной функцией других было сохранение порядка на местном уровне³³.

Рабочую секцию «Активного комитета» под руководством будущего председателя Академического карельского общества Элмо Эдуарда Кайлы (1888–1935) замаскировали под контору по продаже лесоматериалов, получившую название «Новая лесная контора». Кайле удалось организовать широкую сеть агентов, с помощью которой начал действовать Шюцкор³⁴. Деятельность «Новой лесной конторы» имела сугубо конспиративный характер. Об этом говорит то, что единственным письменным источником о существовании конторы является (первоначально написанная невидимыми чернилами) переписка между Э. Э. Кайлой и главой стокгольмской делегации «новых» активистов Каем Доннером (1888–1935). Строгое соблюдение конфиденциальности было, безусловно, важным условием для успешной антицарской работы.

Деятельность Шюцкора основывалась на активизме «периода угнетения» и «егерском движении». Его первоочередной целью было изгнать русских из Финляндии и достичь государственной

независимости. Уполномоченные Шюцкора получили наибольшую поддержку именно в тех районах, где «егерское движение» пользовалось популярностью: в Похьянмаа, в некоторых частях Карелии и в Кайнуу. Летом 1917 г. возникло несколько десятков тайных отрядов активистов³⁵. Однако только политический национализм активистов не является достаточным объяснением возникновения Шюцкора. Даже в тех местностях, в которых основали тайные отряды, борьба за независимость не была единственной и главной причиной в активизации их деятельности. Причины были тесно связаны с господствующими общественными настроениями. На местном уровне это выражалось в существующих представлениях о т. н. левой угрозе. Поэтому поддержание общественного порядка являлось центральной мотивацией необходимости основать эти «добровольные пожарные команды»³⁶.

Иными словами, Шюцкор формировался как некая форма народной полиции. Для буржуазии он стал средством, с помощью которого можно было захватить власть у ослабленного государства. В октябре 1917 г. в Финляндии было уже более 300 шюцкоровских отрядов, в то время как красной гвардии было пока на две трети меньше. Но спустя всего лишь месяц количество красной гвардии стало равным шюцкоровским отрядам. Всеобщая забастовка в ноябре 1917 г. и связанные с нею эксцессы умножили численный состав Шюцкора. Это, в свою очередь, привело к увеличению и красной гвардии. В начале 1918 г. шюцкоровцев было уже почти 40 тыс., а красногвардейцев около 30 тыс.³⁷

В течение лета 1917 г. в Стокгольме произошло, однако, общее объединение в устремлениях «Военного комитета» и «егерского движения». Начиная с того времени «егеря» начали играть уже особую роль во всех планах комитета. Так, летом 1917 г., возможно, еще в какой-то мере продолжали верить в освободительную борьбу всего финского народа, но вскоре в результате политизации общества в целом, а в частности в егерском батальоне, такой план казался невозможным. «Военному комитету» и «егерям» надо было иметь в виду, что освободительную борьбу не начали бы силами единого народа. Осенью угроза гражданской войны стала неопровержимой.

Необходимо остановиться на вопросе о взаимоотношениях «белых» активистов и социал-демократов. Это представляет

определенный интерес, поскольку позднее, в 1920–1930-е гг., разделение на «красных» и «белых» уже повлияло на все финское общество. Без внимания остался только тот факт, что из всех политических партий страны именно социал-демократы относились до, во время и даже после Февральской революции к «белым» активистам наиболее положительно. Активистов и социал-демократов объединила похожая идея о будущем Великого княжества. Общеизвестной целью социал-демократической партии было создание внутренней автономии Финляндии с предоставлением ей международных гарантий.

Поэтому еще весной и летом 1917 г. активисты питали надежды на более близкое сотрудничество с социал-демократами, которое, однако, не сложилось. Также Э. Э. Кайла летом 1917 г. верил в единый фронт с социалистами. Он объяснял агентам «Новой лесной конторы», что боевая организация не должна стать классовой, что уже случилось в провинции Сатакунта, где шюцкоровские отряды были еще лучше вооружены³⁸. Кайла также не потерял связи с лидером социал-демократов Оскаром Токой (1873–1963 гг., председатель Финляндского сейма с 26 марта по 8 сентября 1917 г.), от которого он получал информацию об общем курсе страны. Они имели контакты до конца осени 1917 г.³⁹

Что касается буржуазных партий, они в общем воспринимали «егерское движение» прохладно, хотя их отношение в какой-то степени уже изменилось после Февральской революции. Получение независимости считали важной целью, но не в ближайшем будущем. Все же, как отметил автор биографии Э. Э. Кайлы Мартти Ахти, внутри буржуазных партий существовали радикальные оппозиционные группировки, которые присоединились к «новым» активистам или которым, по крайней мере, «егерское движение» было близко⁴⁰.

Тем не менее в Финляндии вспыхнула Гражданская война, которая велась с 27 января по 15 мая 1918 г. между финскими левыми социал-демократами, возглавляемыми «Советом народных уполномоченных», и буржуазными силами Сената Финляндии. «Красные» были поддержаны Советской Россией, тогда как «белые» получали военную помощь от Германии. «Белые» также получили незначительную поддержку со стороны шведских добровольцев. Причем в начале войны «белая»

армия основывалась почти исключительно на шюцкоровских отрядах.

12 января Сенат Финляндии принял закон, по которому шюцкоровские отряды были взяты на государственное содержание. Далее, 28 января, главнокомандующий «белой» армией К. Г. Э. Маннергейм признал все шюцкоровские отряды законными войсками правительства Финляндии. Последний «красный» город, Выборг, пал в конце апреля 1918 г. Был созван сейм для формирования правительства. Будущий президент Финляндии П. Э. Свинхувуд был назначен исполняющим обязанности главы государства. После Гражданской войны под влиянием прогерманских сил осенью 1918 г. на короткое время было создано Королевство Финляндия. С конца 1918 г. Финляндия стала республикой. Во время Гражданской войны отряды Шюцкора поддерживали буржуазное правительство Финляндии совместно с формируемыми регулярными частями белогвардейцев. После окончания Гражданской войны в Финляндии около 80 тыс. «красных» военнопленных находилось в лагерях в разных концах страны. Еще в Финляндии находилось также более 14 тыс. немецких солдат. Но, как пишет исследователь Марко Тикка, еще больше, чем вышеназванные стороны, общественную жизнь Финляндии на рубеже 1910–1920-х гг. определил Шюцкор⁴¹.

В середине 1918 г. было принято решение о создании из добровольческих отрядов Шюцкора военно-патриотической организации, задачей которой было повышение обороноспособности страны. Все части Шюцкора были подчинены комиссии по военным делам сейма и подразделены на окружные и местные организации. 2 августа 1918 г. был утвержден указ Свинхувуда, по которому Шюцкор использовался для поддержания внутреннего порядка, а также в качестве войскового резерва. Им предоставлялась достаточная независимость и свобода действий. 29 февраля 1919 г. вышел указ Государственного совета, который официально закрепил статус шюцкоровских отрядов⁴². В тот же день Шюцкор получил своего первого главнокомандующего, которым стал егерь-фельдфебель Карл Дидрик фон Эссен (1875–1954).

После окончания Гражданской войны Шюцкор прочно и многосторонне повлиял на формирование полицейских орга-

нов. В первые годы независимости Шюцкор официально занял место помощника полиции, которая еще по царскому указу принадлежала к вооруженным силам. Кроме практической полицейской работы, Шюцкор имел влияние и на решение многих административных вопросов, касающихся полиции. Например, он мог влиять на набор персонала и предоставление лицензий. Очень важным был вклад Шюцкора в качестве независимого надзорного органа в деревнях и волостях⁴³. Значительная роль Шюцкора в Финляндии в конце 1910-х — начале 1920-х гг. логично объясняется тем, что его использование в выполнении полицейских функций было выгодным для государства, страдавшего от существующих серьезных финансовых проблем. При этом и идейный аспект, безусловно, был немаловажным.

Однако уже в начале 1919 г. руководство полиции заняло более осторожную позицию относительно использования шюцкоровцев в качестве полицейских. Шюцкоровцы не избежали применения необоснованного насилия, и их действия были, прежде всего, политически мотивированными, что вызвало заметную напряженность между населением и шюцкоровцами⁴⁴.

Участию Шюцкора в полицейской работе сложно дать подробную характеристику. По официальным данным, та часть работы шюцкоровцев, которая была официально востребована полицией, концентрировалась главным образом на деревнях, где количество полицейских было небольшим, и поэтому помощь Шюцкора была весьма желательна. Самостоятельную деятельность, которая не была разрешена полицией, оценивать сложнее, поскольку зачастую просто отсутствуют по этому поводу официальные протоколы. Так как для полиции деятельность Шюцкора имела компромиссный характер, то ее пытались не комментировать и не оставлять какие-либо официальные документы. Все же справедливо полагать, что ее значение было везде важным⁴⁵.

Деятельность Шюцкора была в течение всего своего существования спорным вопросом, так как это была правая организация. Левые считали Шюцкор организацией, защищавшей классовые интересы буржуазии, и требовали распустить ее. По мнению правых, Шюцкор являлся гарантом защиты от революционных сил, и они хотели сохранить его наряду с вооруженными силами. Шюцкор представлял собой оригинальное

явление в политической жизни Финляндии, так как он был связан с официальной оборонной системой лишь частично. Хотя Шюцкор редко вмешивался в политику, он тем не менее являлся мощным лобби.

В целом, хотя деятельность «новых» активистов имела в какой-то мере неопределенный характер, поскольку между его лидерами существовали разногласия, которые сочетались с частичным совпадением их во взглядах, важно, что возникшее движение «нового» активизма создавало серьезную основу для дальнейшего развития общественного движения в Финляндии.

---

¹ См.: *Hyvämäki L.* Kommunismi ja jälkiaktivismi // *Suomalainen Suomi*. 1958. № 5. S. 277–278.

² *Lappalainen J. T.* Itsenäisen Suomen synty. Jyväskylä, 1967. S. 35.

³ *Pakasahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Osa I. Porvoo, 1933. S. 25.

⁴ *Lauerma M.* Kuninkaallisen Preussin jääkäripataljoona 27. Vaiheet ja vaikutus. Porvoo, 1966. S. 44.

⁵ *Korpisaari H.* Itsenäisen Suomen puolesta. Sotilaskomitea 1915–1918. Helsinki, 2009. S. 56.

⁶ *Pakasahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. S. 3.

⁷ *Pakasahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Osa II. Porvoo, 1934. S. 13.

⁸ *Korpisaari H.* Sotilaskomitea ja jääkäriliike ennen Suomen sisällissotaa vuonna 1918 // *Ajankohta. Poliittisen historian vuosikirja* 1998. Hels., 1998. S. 68.

⁹ *Lauerma M.* Kuninkaallisen Preussin jääkäripataljoona 27. S. 48.

¹⁰ *Korpisaari H.* Sotilaskomitea ja jääkäriliike ennen Suomen sisällissotaa vuonna 1918. S. 70.

¹¹ *Korpisaari H.* Itsenäisen Suomen puolesta. Sotilaskomitea 1915–1918. S. 61.

¹² *Korpisaari H.* Sotilaskomitea ja jääkäriliike ennen Suomen sisällissotaa vuonna 1918. S. 71.

¹³ *Eskola S.* Suomen kysymys ja Ruotsin mielipide Ensimmäisen maailmansodan puhkeamisesta Venäjän maaliskuun vallankumoukseen. Porvoo, 1965. S. 38.

¹⁴ *Pakasahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Osa I. S. 26.

¹⁵ *Ibid.* S. 27.

¹⁶ *Korpisaari H.* Itsenäisen Suomen puolesta. Sotilaskomitea 1915–1918. S. 56–57.

¹⁷ *Pakasahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Osa II. S. 17.

¹⁸ *Eskola S.* Suomen kysymys ja Ruotsin mielipide Ensimmäisen maailmansodan puhkeamisesta Venäjän maaliskuun vallankumoukseen. S. 41–42.

- ¹⁹ *Lauerma M.* Kuninkaallisen Preussin jääkäripataljoona 27. S. 254–255.
- ²⁰ *Pakaslahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Osa II. S. 21.
- ²¹ *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, järjestöllinen perusta ja toimintamuodot. Jyväskylä, 1982. S. 32.
- ²² *Lappalainen J. T.* Itsenäisen Suomen synty. S. 37.
- ²³ *Nygård T.* Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Ideologiset juuret, järjestöllinen perusta ja toimintamuodot. S. 32.
- ²⁴ *Lappalainen J. T.* Itsenäisen Suomen synty. S. 41.
- ²⁵ *Ahti M.* Ryssänvihassa. Elmo Kaila 1888–1935. Aktivistin, asevoimien harmaan eminenssin ja Akateemisen Karjala-Seuran puheenjohtajan elämäkerta. Juva, 1999. S. 29.
- ²⁶ *Korpisaari H.* Itsenäisen Suomen puolesta. Sotilaskomitea 1915–1918. S. 365.
- ²⁷ Шюцкор — от швед. *Skyddskår* — охранный корпус.
- ²⁸ *Latva-Äijö A.* Lotta Svärdin synty. Järjestö, armeija ja naiseus 1918–1928. Keuruu, 2004. S. 43.
- ²⁹ *Ibid.* S. 44.
- ³⁰ *Korpisaari H.* Sotilaskomitea ja jääkäriliike ennen Suomen sisällissotaa vuonna 1918. S. 73–74.
- ³¹ *Ahti M.* Ryssänvihassa. S. 40.
- ³² *Latva-Äijö A.* Lotta Svärdin synty. S. 44.
- ³³ *Pykkänen A., Selén K.* Sarkatakkien armeija. Suojeluskunnat ja suojeluskuntalaiset 1918–1944. Juva, 2004. S. 11.
- ³⁴ *Ahti M.* Ryssänvihassa. S. 45–47.
- ³⁵ *Latva-Äijö A.* Lotta Svärdin synty. S. 44.
- ³⁶ *Ibid.* S. 45.
- ³⁷ *Ibid.* S. 45–46.
- ³⁸ *Ahti M.* Ryssänvihassa. S. 48–49.
- ³⁹ *Ibid.* S. 56, 72.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 31.
- ⁴¹ *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Jyväskylä, 2006. S. 189.
- ⁴² *Ibid.* S. 191–203.
- ⁴³ *Hietaniemi T.* Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Vammala, 1992. S. 68.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 71.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 74.

Д. А. Журавлёв

ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ И ПРОСЧЕТЫ

После завершения советско-финляндской войны работа в лечебных учреждениях города не прекращалась. С одной стороны, произошло снижение активности, что выразилось в свертывании ряда эвакуационных госпиталей и переводе на обычный режим работы гражданских больниц и клиник медицинских институтов. С другой стороны, в связи с эвакуацией раненых и больных из других регионов возросла нагрузка на действовавшие лечебные учреждения. Кроме того, со второй половины 1940 г. в городе стали проводиться частичные развертывания новых лечебных учреждений. Практика их работы дает возможность проследить, насколько был усвоен опыт.

В середине 1940 г. для оказания стационарной медицинской помощи раненым и больным, принимавшим участие в боевых действиях, в Ленинграде было развернуто 9280 коек. И с каждым днем это число уменьшалось. Военнослужащие, которые по окончании лечения подлежали комиссованию, направлялись для дальнейшего оказания им медицинской помощи в гражданские лечебные учреждения. Наравне с закрытием эвакуационных госпиталей в городе раненые и больные, находившиеся в них и нуждавшиеся в длительном стационарном лечении, переводились в городские больницы и клиники научно-исследовательских институтов, а также, при наличии мест, в соответствующие отделения постоянных военных госпиталей¹.

Согласно справке-докладу «По долечиванию раненых и больных, находящихся в лечебных учреждениях ЛВО», на июнь 1940 г. в Ленинграде было развернуто 9280 коек (значительная часть из них приходилась на эвакуационные госпитали НКЗ — 3159; и постоянные госпитали НКО — 2524)².

Штабом ЛВО были предусмотрены конкретные сроки свертывания эвакуационных госпиталей (для каждого формирования — свои, с апреля по ноябрь 1940 г.). В действительности лишь незначительная часть эвакуационных госпиталей уложилась в положенные сроки. Из 19 госпиталей, развернутых Ленгорздравотделом (как в Ленинграде, так и пригородах), вовремя сумел произвести намеченные мероприятия только один. В других лечебных учреждениях сроки задержки были различными. В частности, один из госпиталей на начало 1941 г. продолжал находиться в стадии ликвидации, не имея при этом ликвидационного акта. Кроме того, 3 эвакуационных госпиталя в конце 1940 г., не успев закончить свою прежнюю работу, были развернуты вторично³. Согласно плану свертывания лечебных заведений, предназначенных для медицинского обеспечения военнослужащих Красной Армии, а также с учетом интересов сферы народного образования, первоочередное свертывание эвакуационных госпиталей происходило в тех зданиях, которые ранее входили в резервный фонд, а также располагавшихся в школьных зданиях. Планировалось, что до 1941 г. продолжит свое функционирование ряд эвакуационных госпиталей, на которые наравне с постоянными госпиталями НКО и возлагалась основная задача по долечиванию раненых и больных. Военнослужащие, которые по окончании лечения подлежали комиссованию, направлялись для дальнейшего оказания им медицинской помощи в гражданские лечебные учреждения.

В период свертывания лечебных учреждений в Ленинграде возникла необходимость демонтажа ранее встроенного оборудования и материально-технического имущества, которым они были оснащены. Для свертывания госпиталей необходимо было составить сметы, которые регулировали процедуру демонтажа, однако с течением времени этот процесс затянулся, задерживая наравне с этим и передачу имущества в целом⁴. По завершении работы того или иного эвакуационного госпиталя здание, в котором он размещался, подлежало передаче в ведение тех органов,

в подчинение которым оно входило ранее. Особую остроту сроки возвращения переданных зданий имели для Ленгоруно, которое передало для развертывания госпиталей школьные помещения. Без проведения демонтажных работ возвращение данных зданий не могло быть произведено, но долгое время после окончания боевых действий 1939–1940 гг., несмотря на неоднократные запросы начальников госпиталей и городских властей, соответствующих указаний от НКО и НКЗ СССР, которые бы регламентировали проведение демонтажных работ, их сроки, создание специальных комиссий, не поступало⁵.

Однако еще 7 апреля 1940 г. был издан приказ войскам ЛВО «О порядке производства демонтажа оборудования в приспособленных под госпиталь зданиях». В нем для определения объема работ по демонтажу санитарно-технического оборудования и связанному с ним производством ремонта предписывалось создавать соответствующие комиссии. Все эвакуационные госпитали разделялись на отдельные группы, что определялось их возможным использованием в перспективе, а также характером и объемом работы, которая выполнялась ими в период боевых действий 1939–1940 гг. Наиболее значимую группу госпиталей принимала комиссия, в состав которой входили представители КЭО ЛВО, СО ЛВО, ЛКВГ, Ленгоруно, а также начальники госпиталей. Последние включались также в состав комиссий, обследовавших вторую категорию госпиталей, куда входили представители Ленгорздравотдела⁶. В приказе содержались также «Указания по демонтажу оборудования зданий, приспособленных под госпитали», что являлось одной из первых попыток составления инструкций по проведению подобных мероприятий, причем в данной работе приняли участие руководящие работники военных органов, в период боевых действий 1939–1940 гг. координировавших деятельность по развертыванию лечебных учреждений в городе (среди них начальник КЭУ РККА К. А. Кутузов и Е. И. Смирнов). В «Указаниях», в частности, была зафиксирована цель формирований, проводивших указанные работы: «Основная задача, которая ставится перед производящими демонтаж строительными организациями состоит в сохранении полной мобилизационной готовности зданий и их оборудования на случай использования под госпиталя впоследствии»⁷.

Городским руководством данный вопрос был рассмотрен гораздо позже. 29 апреля 1940 г. совместное заседание исполкома Ленсовета приняло решение о порядке демонтажа оборудования в приспособляемых под госпитали зданиях. Для определения объема работ предусматривалось создание комиссии, в состав которой должны были входить представители Ленгорздравотдела, Ленгороно, управления Ленгорстроя, президиума Ленсовета, а также строительных организаций ЛВО и формирующих органов⁸. Следует предположить, что данная мера не принесла необходимого результата, так как на совместном заседании исполкома Ленсовета 23 августа 1940 г. было принято постановление о внесении изменений в ранее принятое решение 29 апреля, согласно которому производство демонтажа оборудования передавалось непосредственно управлению снабжения исполкома Ленсовета.

Заведующий Ленгорздравотдела Л. А. Эмдин в обращении, направленном в мае 1941 г. в СНК СССР, так характеризовал работу Ленгорздравотдела во второй половине 1940 г.: «Свертывание госпиталей и создание условий для хранения имущества, протекало в исключительно тяжелых условиях. Трудности заключались в том, что надо было в наикратчайшие сроки освободить школьные здания для занятий и бывшие базисные склады, находившиеся на территории бывшей Обуховской больницы и передать больницу ВМА⁹. Мы в 24 часа должны были его освободить. Имущество приходилось вывозить и сваливать в помещениях бывшей Мечети»¹⁰. На небрежное отношение при осуществлении демонтажных работ и последующей перевозке имущества указывают и другие материалы. Согласно данным проверки, проведенной в январе 1941 г., «демонтаж в госпиталях был произведен весьма небрежно и не доведен до конца»¹¹. Вполне естественно, что в подобных условиях редко выполнялись требования приказа по войскам ЛВО от 7 апреля 1940 г., где говорилось следующее: «Все демонтируемое санитарно-техническое оборудование снимается аккуратно без ломки и порчи. Сначала оборудование осматривается, просушивается, изготовленное из железа смазывается антикоррозийной смазкой»¹².

Согласно мобилизационным документам, значительная часть материально-технического имущества ранее развернутых

лечебных учреждений должна была передаваться на несколько крупных складов, находившихся в городе и пригородах. Наравне с этим часть имущества хранилась непосредственно в тех школах, где предполагалось развертывание госпиталей в военное время¹³. В городе существовало три основных склада, предназначенных для хранения материально-технического имущества и демонтируемого оборудования. Одним из наиболее крупных являлся базисный склад, который располагался в здании мечети (трехъярусный склад имел площадь 2300 кв. м)¹⁴. В нем хранился неприкосновенный запас медицинского имущества и оборудования. Остальные склады, располагавшиеся в подсобных и специально освобожденных для этих целей помещениях, были предназначены для хранения санитарно-хозяйственного имущества развертываемых Ленгорздравотделом эвакуационных госпиталей, а также имущества НКО (противогазов, теплой одежды, ватных и валяных шароваров и пр.). Кроме названных, крупный склад размещался в Стрельне, где хранилось имущество четырех эвакуационных госпиталей, прибывших из Москвы. 2 декабря 1940 г. было принято решение совместного заседания исполкома Ленсовета о дополнительном выделении помещений при больнице им. Мечникова. Однако реализовано оно не было, что приводило к складированию имущества в других, малоприспособленных помещениях¹⁵. Следует отметить также, что склады создавались при отдельных лечебных учреждениях, в частности в больницах им. Боткина и Эрисмана. Согласно решению совместного заседания исполкома Ленсовета от 23 августа 1940 г., были внесены изменения в существовавшие правила демонтажа оборудования в помещениях, ранее занимаемых лечебными учреждениями. Приемка имущества возлагалась на Ленгорздравотдел, а охрана помещений на директоров школ¹⁶. Исходя из этого, в отдельных случаях оборудование и имущество после прекращения эксплуатации госпиталей складировалось непосредственно в школах¹⁷. Следует предположить, что причиной подобных изменений могло стать то обстоятельство, что процесс передачи материально-технического имущества затягивался, кроме того, ощущался недостаток складских помещений, так как основные хранилища оказались на данный момент заполнены.

В начале декабря 1940 г. комиссия, состоявшая из представителей СО ЛВО, ЛКВГ, Госрезервов, провела обследование складских помещений, находившихся в ведении Ленгорздравотдела. В ходе проверки было установлено неудовлетворительное положение в области хранения мобилизационного имущества. Относительно базисного склада в мечети отмечалось, что помещение, предоставленное 9 сентября, из-за медленной работы Горздравотдела не оборудовано стеллажами. Вследствие этого задерживалась и приемка имущества различных медицинских формирований, что приводило к его порче из-за несоответствующего хранения¹⁸. Вместе с тем в обследуемых помещениях проживали лица, не имевшие отношения к складам (служители культа и их семьи). Проверка в Стрельне показала, что он располагался в помещении бывшей конюшни, совершенно не приспособленном и не обустроенном для указанных целей. Кроме того, здание подлежало передаче в ведение КБФ. На складе «имущество хранилось в нераспакованном виде, в ящиках и тюках, наваленным друг на друга». При этом фиксировались неоднократные случаи хранения различных предметов в крайне неудовлетворительном состоянии, что приводило к их поломке¹⁹. Подобная ситуация отмечалась и в отношении отдельных лечебных учреждений, где были развернуты склады. При проверке складских помещений при больнице им. Эрисмана было установлено, что «имущество хранится скученно, подвальные помещения, где хранятся койки, после ремонта не очищены от мусора и грязи»²⁰. Отсутствие четкой системы надзора и охраны приводило к тому, что хранимое имущество расхищалось.

Названные выше недостатки отмечались и по отдельным школам, где также осуществлялось хранение имущества и оборудования. Согласно актам комиссии, производившей осмотр школьных зданий в Октябрьском районе, демонтаж медицинского оборудования был выполнен крайне неудовлетворительно, многие работы не были закончены, имущество находилось в состоянии, которое либо затрудняло, либо делало невозможным его последующее использование. При обследовании системы жизнедеятельности ряда школ было отмечено, что помещения «находятся в исключительно безобразном состоянии»²¹. Проводимая проверка показала, что к своим обязанностям с недостаточной степенью ответственности относятся и директора школ.

По свидетельству начальника 1-го сектора Ленгорздравотдела Ивановского, при обследовании школ, отводимых под госпитали, было установлено, что директора школ «допускают самовольные перепланировки, сдачу в аренду помещения и переустройство в сантехоборудовании»²². Вместе с тем приведенная информация может свидетельствовать также о стремлении директоров выйти из затруднительного положения, вызванного необходимостью проводить работы, связанные с переустройством зданий не только для выполнения оборонных задач, но и обеспечения учебного процесса.

Отсутствие должного порядка при хранении имущества наблюдалось и в других регионах, независимо от степени вовлечения их в боевые действия. В Ленинграде, в связи с большими объемами хранимого материально-технического имущества, а также значимости города в системе обороноспособности страны, указанная проблема стояла наиболее остро. В приказе НКЗ СССР от 16 января 1941 г., в котором, как можно судить, нашли отражение результаты проведенной ранее проверки, следующим образом описывалась обстановка, сложившаяся в сфере хранения материально-технического имущества для развертывания медицинских формирований на военное время: «В целом ряде районов имеется ряд существенных недостатков в хранении, безответственность, в результате чего ставится под угрозу порчи наличие этого имущества... В Приморском крайздравотделе, Кировском, Мурманском облздравотделах после свертывания эвакогоспиталей, имущество сносится навалими, не разобрав его, не счистив ржавчины... В Ленинградском горздравотделе после свертывания эвакогоспиталей имущество сваливалось в подвале и лежало нераспакованным, часть его уже испортилась, мягкий инвентарь подвергается сырости, инструментарий и аппаратага не очищаются от ржавчины. На многих складах Ленинградского горздравотдела царит преступная беспечность к сохранности государственных ценностей»²³.

Наравне с этим в Ленинграде шло развертывание новых эвакуационных госпиталей. В городе происходила частичная замена ранее действовавших лечебных учреждений новыми, в работе которых учитывался и опыт работы в период войны. 15 июня 1940 г., в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 июня 1940 г.²⁴, совместным заседанием исполкома Ленсовета было

принято решение «О развертывании госпиталей». В нем была проведена корректировка списка помещений, которые ранее отводились для развертывания госпиталей. При рассмотрении их месторасположения, а также коечной численности можно утверждать, что опыт советско-финляндской войны в данном случае был учтен. В частности, в новом документе, регулировавшем мобилизационное развертывание лечебных учреждений, для указанных целей отводились такие здания, как ДК им. Кирова (1300 коек), Константиновский дворец в Стрельне (600), анатомический корпус больницы им. Эрисмана (200)²⁵. Указанные объекты не были включены накануне боевых действий 1939–1940 гг. в мобилизационные планы, однако под воздействием сложной обстановки в них были развернуты лечебные места для размещения военнослужащих. Уже в начале 1941 г. было начато развертывание эвакуационного госпиталя в ДК им. Кирова. В процессе проведения подготовительных работ выявился целый ряд выгодных с точки зрения оборудования госпиталя моментов (санитарно-технических, хозяйственных и прочих), обусловленных как особенностями самого здания, так и проводимыми ранее ремонтно-строительными работами. Кроме того, как это ни парадоксально, положительную роль сыграло то обстоятельство, что намеченные к выполнению работы не были произведены. Как оказалось, все оборудование, которое было передано госпиталю в период боевых действий 1939–1940 гг., не было перевезено на склад, а хранилось на месте, что было неожиданным даже для формирующих органов²⁶.

После обсуждения актуальных вопросов произошел возврат к прежнему положению в данной сфере. Вновь основным препятствием для нормальной работы становились финансовые проблемы, в том числе вызванные общегородскими проблемами. После окончания боевых действий лечебные учреждения Ленинграда испытывали значительные сложности. Указанное обстоятельство объяснялось тем, что в данное время прекратили свое действие большинство из чрезвычайных норм финансирования оборонных мероприятий, при этом объем осуществляемой работы уменьшился не столь резко.

Развертывание эвакуационных госпиталей во второй половине 1940 г. и в последующий период было затруднено вследствие того, что значительная часть подготовительных работ, связан-

ных с проведением ремонтно-строительных работ в указанных помещениях, не была выполнена ранее. Это происходило из-за того, что основное внимание в период боевых действий 1939–1940 гг. и в последующие месяцы уделялось школам старого фонда, в то время как сроки ремонтно-строительных работ по другим объектам переносились на более поздний период²⁷.

Несомненно, благоприятное влияние война оказала на научные исследования, которые осуществлялись в гражданских и военно-медицинских учреждениях. На основе работы эвакуогоспиталей в Ленинграде были изданы справочники и инструкции, что облегчило функционирование медицинских учреждений в последующем. При этом весьма характерно частое употребление в тексте данных документов таких словосочетаний, как «опыт показал» или «на основании войны с белофиннами».

Положительный опыт советско-финляндской войны отразился и в практике снабжения лечебных учреждений кровью. В заявке по мобилизационно-оборонной работе НКЗ СССР на 1941 г. по статье «Переливание крови» на Ленинград отводилась самая большая норма резерва по стране, что может свидетельствовать не только о высоком уровне работы ленинградского института переливания крови и полученном им опыте в период боевых действий, но и определении вероятной угрозы в будущей войне²⁸.

Принимая во внимание опыт советско-финляндской войны, большее внимание уделялось вопросам сортировки. Была скорректирована специализация коек. После окончания боевых действий 1939–1940 гг. значительно возросло количество хирургических коек, что в большей степени соответствовало реалиям современной войны²⁹.

Деятельность лечебных учреждений Ленинграда в 1939–1941 гг. имела большое положительное значение для организации лечебно-эвакуационного обеспечения Красной Армии в последующем, прежде всего в период Великой Отечественной войны. Это определялось тем, что медицинские учреждения, действовавшие в 1939–1941 гг., были развернуты и в данное время практически в полном объеме, при этом сохранялось их местоположение в городе, а также установленная специализация лечебных мест. Лечебные учреждения прошли необходимую проверку на практике в тяжелых условиях, а отдельные негатив-

ные моменты были скорректированы. Работа эвакуационных госпиталей НКЗ оказалась настолько эффективной, что в период 1941–1945 гг. они стали одним из центральных элементов военно-медицинской службы Красной Армии.

---

¹ Архив Военно-медицинского музея (ВММ). Ф. 141. Оп. 13741. Д. 6. Л. 170.

² Там же. Оп. 44614. Д. 1. Л. 1–2.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9156. Оп. 6. Д. 2. Л. 18–19.

⁴ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 165.

⁵ Там же. Оп. 4 с. Д. 57. Л. 104.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 4. Д. 852. Л. 7–12.

⁷ Там же. Л. 16.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 141–142.

⁹ В 1940 г. здания бывшей Обуховской больницы были переданы для размещения в них Военно-морской медицинской академии.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 6. Л. 149.

¹¹ Там же. Д. 4. Л. 38.

¹² РГВА. Ф. 25888. Оп. 4. Д. 852. Л. 12.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 2. Л. 62.

¹⁴ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 301.

¹⁵ Там же. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 2. Л. 6.

¹⁶ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 35. Л. 262.

¹⁷ Там же. Л. 263.

¹⁸ Там же. Ф. 9156. Оп. 6. Д. 2. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Там же. Д. 4. Л. 159.

²² Там же. Л. 27.

²³ Там же. Д. 3. Л. 50.

²⁴ Там же. Оп. 36. Д. 35. Л. 176.

²⁵ Там же. Л. 174.

²⁶ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 61–62.

²⁷ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 18. Л. 179.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 16. Л. 52–54.

²⁹ *Войтенко М. Ф.* Врачебные кадры эвакуационных госпиталей Наркомздрава СССР и организация повышения их квалификации в период Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1986. № 2. С. 54.

В. И. Мусаев

**РОЛЬ КАРЕЛЬСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДА
В 1930-е ГГ.**

После окончания Гражданской войны и подписания мирных договоров с государствами Прибалтики и Финляндией, юридически закрепивших политическую независимость этих государств, Петроградский/Ленинградский военный округ и Балтийский флот оказались перед необходимостью решения новых задач. Округ стал пограничным еще в 1905 г. в результате ликвидации Финляндского военного округа и его включения в состав Петербургского. Однако теперь его территория значительно сократилась. Петроград превратился в пограничный город. Утратив статус столицы, он все же оставался важнейшим промышленным, военным и культурным центром страны. К тому же это был теперь единственный советский порт на Балтийском море.

До конца 1920-х гг. роль ЛВО в общем контексте советской военной доктрины не считалась существенной. Это было отчасти связано с состоянием отношений между СССР и его северо-западным соседом — Финляндией. На протяжении 1920-х гг., после подписания Тартуского мирного договора 1920 г., советско-финляндские отношения развивались относительно благоприятно. В 1922 г. финляндский парламент отказался ратифицировать соглашение об оборонном союзе с Польшей, антисоветская направленность которого была бы вполне очевидна. В 1923–1930 гг. командование РККА руководствовалось тезисом о нейтралитете Финляндии в случае возникновения

конфликта между СССР и третьим государством. В секретном докладе «Будущая война», подготовленном 4-м управлением Генштаба РККА в 1928 г., отмечалось, что у СССР с Финляндией «из всех западных соседей меньше всего противоречий»¹. Наиболее вероятными военными противниками Советского Союза считались в этот период Польша и Румыния. Соответственно основная доля средств, выделяемых на оборону, направлялась в Белорусский и Киевский военные округа. Северо-западный театр военных действий в оперативных планах советского командования считался второстепенным. В случае начала войны на Западном фронте ЛВО должен был обеспечивать прикрытие советско-финляндской границы, одновременно разгромив наиболее вероятных союзников Польши — Эстонию и Латвию².

В 1927 г. было принято решение построить на Карельском перешейке полевые укрепления долговременного типа. Перед этим в течение нескольких лет, с 1922 г., 1-й отдел штаба ЛВО занимался ограниченными оперативно-тактическими разработками и опытными работами по возведению долговременных фортификационных сооружений³. В проекте, который разработали в июле 1927 г. тогдашний командующий войсками округа А. И. Корк и начальник штаба Б. М. Фельдман, предполагалось «создать на флангах два укрепленных плацдарма — в районе озера Воляярви для двух дивизий и в районе Сестрорецка (в связи с крепостью Кронштадт) для одной дивизии, для удержания за собой обоих берегов перешейка и удара из них во фланги и тыл противника в случае его прорыва к Ленинграду»⁴. В письме начальника Штаба РККА командующему войсками ЛВО от 16 сентября 1927 г. сообщалось о включении в пятилетний план развития Вооруженных сил СССР создание Карельского укрепленного района. Согласно предписанию, Карельский укрепленный район (КАУР) создавался «путем постройки средствами долговременной фортификации полосы в 13 батальонных районов на фронте Сестрорецк — Агалатово — Химаколово — Сафолово — В. Никулясы, маневренного плацдарма в районе Воляярви — В. Никулясы и гавани у м. Морье».

Каждый батальонный район протяжением по фронту 2–3 км должен был иметь: «а) переднюю полосу огневых бетонных точек кругового обстрела на 2–4 пулемета, создающих сплошной огневой барьер, обеспеченную глубину такими же огневыми

точками на важнейших пунктах и на флангах и станковыми пулеметами за обратными скатами; б) по условиям обороны и местности — фланкирующие полукапониры; в) наблюдательные командные пункты; г) убежища на часть гарнизона; д) оборудованную сеть дорог и связи; е) искусственные препятствия». Активные средства должны были составлять стрелковый гарнизон, легкая и тяжелая артиллерия и позиционные пулеметы⁵. В январе 1928 г. начальник Оперативного отдела Штаба РККА В. К. Триандафиллов в докладе Реввоенсовету писал о необходимости начать строительство Карельского укрепленного района. РВС постановил «приступить к постройке Карельского укрепрайона с расчетом закончить все работы по этому району в двухгодичный срок»⁶.

Сумма в 987 тысяч рублей, отпущенная на строительство укрепленного района, была, однако, явно недостаточной для полномасштабного развертывания работ. М. Н. Тухачевский, вступив в должность командующего войсками ЛВО в 1928 г., в деталях изучил особенности оперативного направления на Карельском перешейке, заново провел рекогносцировку и предложил усилить Карельский укрепленный район хорошо продуманной системой инженерных сооружений. 9 октября 1928 г. Тухачевский представил доклад, в котором представил два возможных способа обеспечения безопасности Ленинграда. Один из них состоял в выдвигании на Карельский перешеек «количества дивизий и артиллерийских средств, не уступающих силам и средствам, максимально могущими быть направленными финнами на Ленинград». Для решения этой задачи потребовалось бы выделение двух корпусов 3-дивизионного состава каждый. По мнению Тухачевского, «выделение такого количества сил для выполнения оборонительной задачи на Карельском перешейке являлось бы крайне неэкономичным и нецелесообразным, отвлекая их от выполнения задач на активных направлениях — на главных театрах военных действий»⁷. Второй способ, которому следовало отдать предпочтение, предусматривал «заблаговременное укрепление Карельского перешейка путем возведения железобетонных пулеметных огневых точек на наиболее выгодном в оперативно-тактическом отношении рубеже, преграждающем все вероятные операционные направления и пути наступления на них противника, тем

не только достигая экономии в силах и арт. средствах, строго необходимых для обороны, но и придания всей системе обороны большей устойчивости». В этом случае для организации отпора возможному финскому наступлению (которое могло быть предпринято по двум оперативным направлениям — Кексгольм — Ленинград и Выборг — Ленинград) было бы достаточно двух стрелковых дивизий и артиллерийской бригады⁸.

С 1928 г. начался второй период строительства укрепленного района Карельского перешейка, или Карельского укрепленного района. К тому времени было закончено формирование 24-го управления военно-строительных работ (приказ РВС СССР и директива начальника Штаба РККА от 16 января 1928 г.). С марта 1928 г. началось формирование управления коменданта КАУР. Были начаты подготовительные работы, проводились детальные рекогносцировки. К концу года был разработан и 5 января 1929 г. утвержден штабом РККА и Наркоматом по военным и морским делам генеральный план строительства укрепленного района Карельского перешейка. В основу плана был положен т. н. северный вариант, которым предусматривалось строительство основной оборонительной полосы, состоящей из 12 батальонных и двух ротных районов, по линии Сестрорецк — Белоостров — Мертушь — Медный завод — Агалатово — Елизаветинка — Лемболово — Ненюмяки — Гарболово — Путкелово — Соелово — Никулясы. Вторая оборонительная полоса должна была состоять из пяти полевых районов: Осиновая Роща, Осельки, Койвукюля, Реппо, Рогозинка — и района Софолово как отсечной позиции⁹.

Согласно указаниям Штаба РККА, укрепленный район должен был состоять из отдельных батальонных районов, размером 3×3 км, расположенных по фронту и в глубину с промежутками между ними до 2,5–3 км, обеспеченными артиллерийским огнем из соседних районов и промежуточными огневыми точками. Фронт укрепленного района не должен был допускать тактического окружения со стороны противника, опираясь флангами в естественные препятствия или будучи обеспечен соответствующим уступным расположением: отдельные части укрепленного района должны были обороняться и будучи обойденными¹⁰. Оборонительные сооружения укрепрайона, согласно указаниям Военно-строительного управления, под-

разделялись на следующие виды: а) огневая точка для любого вида огня: пулеметного, пушечного, фронтального, флангового (капониры и полукапониры), дальнего и ближнего; б) командно-наблюдательный пункт (для артиллерии и войсковых командиров), снабженный бойницами для огня или без таковых; в) убежища-базы (для стрелкового гарнизона и боезапасов); г) блокгаузы. Огневые пулеметные точки в батальонных районах должны были располагаться по фронту и в глубину на интервалах и дистанциях, обеспечивающих взаимную поддержку действительным пулеметным огнем соседних и сзади расположенных точек, то есть на интервалах до 800 метров. Для создания надежного огневого барьера перед передним краем оборонительной полосы считалось необходимым иметь 7–8 точек и для создания глубины 3–8 точек, всего в батальонном районе — 10–16 точек. Огневая пулеметная точка представляла собой железобетонное сооружение минимальных размеров, с боевым казематом на 3–4 бойницы и газоубежищем для гарнизонов. Вооружение точки состояло из 2–3 3-линейных пулеметов «максим» на вращающемся станке с сиденьем для пулеметчика¹¹. Фактическое начало работ по строительству оборонительной линии Карельского укрепленного района относится к 1929 г.

С начала 1930-х гг. отношение к Финляндии в оперативных планах РККА стало меняться: эта страна теперь рассматривалась в качестве наиболее вероятного противника. Отчасти это было связано с усилением влияния правых сил внутри Финляндии. На президентских выборах в феврале 1931 г. победу одержал бывший глава первого правительства независимой Финляндии П. Э. Свинхувуд, известный своими антисоветскими и антирусскими взглядами. Тогда же к активной политической жизни вернулся другой одиозный в глазах советского руководства деятель — генерал К. Г. Маннергейм, назначенный новым президентом председателем Совета обороны. Полномочный представитель СССР в Финляндии И. М. Майский в июне 1931 г. высказывал убеждение в том, что «в случае интервенции Финляндия не останется в положении нейтрального государства. Правильнее... исходить из той перспективы, что... Финляндия с первого же дня будет участвовать в военных действиях»¹². Преемник Майского на посту полпреда Б. Е. Штейн в сентябре

1933 г. выслушал откровенное признание шефа центральной сысской полиции Финляндии Э. Риекки относительно того, что в случае образования какого-либо фронта против СССР «Финляндии, вероятно, не удастся удержаться на позиции нейтралитета, и она должна будет войти в этот фронт»¹³.

12 января 1932 г. между СССР и Финляндией был подписан договор о ненападении, что способствовало временному ослаблению напряженности в двусторонних отношениях. В 1934 г. договор был продлен на 10 лет¹⁴. Однако со второй половины того же года стала снова преобладать тенденция к ухудшению отношений. В Советском Союзе вызывала тревогу, в частности, активизация контактов Финляндии с нацистской Германией. К. Г. Маннергейм дважды — в 1934 и 1935 гг. — предпринимал поездки в Германию, в ходе которых встречался с Г. Герингом, руководителями вермахта, интересовался возможностью приобретения немецкого вооружения. Немецкие военные в ходе бесед с генералом затрагивали вопрос о позиции Финляндии в случае возникновения военного конфликта, причем о Советском Союзе речь шла как о противнике¹⁵. В 1930-е гг. наблюдалась также активизация военного сотрудничества между Финляндией и Эстонией. В начале 1930 г., по инициативе финляндского генерального штаба, были проведены переговоры о совместных финско-эстонских военных операциях. Разрабатывались планы блокады выхода из Финского залива. С этой целью по предложению командующего эстонским флотом контр-адмирала Х. Сальза было предпринято строительство укреплений и постановка батареи тяжелых орудий на острове Мякилуото близ полуострова Порккала, который располагался непосредственно напротив Таллина. Кроме того, планировалась постановка минных заграждений на самом узком участке залива. Неоднократно проводились совместные военные игры и учения. Тесные контакты поддерживались также между Генеральными штабами Финляндии и Швеции.

В 1920-х — начале 1930-х гг. штаб РККА считал явно враждебными по отношению к СССР государствами на европейском театре прежде всего Великобританию, Францию, Польшу и Румынию, отчасти Финляндию и Прибалтийские государства. В директиве Наркома обороны командующим ЛВО и КБФ о разработке плана операции на 1935 г. в корне

менялись основные положения, подчеркивалась необходимость «при составлении оперативного плана исходить из следующих вероятных противников: Германия, Польша, Финляндия и Япония». Для командования ЛВО усиление напряженности на границах означало необходимость принятия энергичных мер для обеспечения безопасности Ленинграда, который всего лишь на 32 км отстоял от советско-финляндской границы на Карельском перешейке на участке между станциями Белоостров и Раяйоки.

В изменившихся условиях значение ЛВО в системе обеспечения безопасности советских границ существенно возросло. Соответственно темпы строительства КАУР в начале 1930-х гг. были заметно ускорены. В 1932–1933 гг. были построены 193 железобетонных и три бетонных сооружения, электрическая подстанция, плотина на реке Грузинка, произведены лесные вырубki перед передним краем основного рубежа на площади 9900 га. В 1933 г. основные строительные работы на линии были завершены. В 1934–1935 гг. велись работы по дооборудованию укрепрайона и сооружений, были заложены два секторальных командных пункта — Черная Речка и Гарболово. Строились казармы для гарнизонов пулеметных батальонов, проводились гидротехнические работы по возведению глубоких буровых скважин для водоснабжения укрепрайона¹⁶.

КАУР состоял из двух оборонительных полос и предполья. Главная и тыловая оборонительные полосы состояли из цепи батальонных районов обороны (БРО), имевших от 3 до 5 км по фронту и от 2 до 3 км в глубину. Каждый БРО занимал в качестве постоянного гарнизона отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (опаб). В БРО входило 10–15 пулеметных и 1–3 артиллерийских долговременных оборонительных сооружений (дос). В то время пулеметные доски именовали просто долговременными огневыми точками (дот) или капонирами. Артиллерийские сооружения в документах проходили как оружейные полукапониры (орпк) или «взводы противотанковой артиллерии». С точки зрения научной фортификационной терминологии большинство пулеметных дотов КАУР являлись блокгаузами, то есть сооружениями, которые могли вести огонь в широком секторе, в том числе фронтально, а орпк как раз являлись настоящими полукапонирами, так как вели огонь

в сравнительно узком секторе, преимущественно фланговый или косопрямый.

Интервалы между районами простреливались пулеметно-артиллерийским огнем и могли достигать 5 км. БРО состояли из 3–4 ротных опорных пунктов (РОП) по 3–4 пулеметных досов в каждом. РОП занимала пулеметная рота, а гарнизон дота приравнялся ко взводу. В начале 1939 г. артиллерия была выведена из состава опавов и подчинена непосредственно УРам, однако это преобразование вскоре показало свою нецелесообразность, и отдельные взводы капонирной артиллерии вновь вошли в состав опавов. БРО обычно перекрывали 1–2 дороги. Их размещали так, что промежутки между ними были труднодоступны, заболочены или заняты озерами. В главную оборонительную полосу КАУР входило 10 БРО: от Сестрорецкого на берегу Финского залива до Никуляского на берегу Ладоги. Особое внимание обращалось на противотанковую оборону. Надолбы использовались крайне редко — до 1939 г. их делали из гранита («зубы дракона», так широко использовавшиеся финнами), во время войны использовались железобетонные пирамиды. Шире применялись противотанковые рвы, однако чаще всего стремились использовать рельеф местности, эскарпируя естественные откосы, прикрывая сооружения реками, заболоченными ручьями и озерами. Отдельные досы также могли окружаться противотанковыми рвами.

БРО был предназначен для занятия стрелковым полком. Предполагалось, что стандартный УР (примерно 80 км по фронту, от 8 до 10 БРО первой линии) может оборонять стрелковый корпус из трех дивизий. Непосредственно для боевых действий на левом фланге КАУР (от Лемболова до Сестрорецка) была предназначена 20-я стрелковая дивизия, переведенная на положение кадровой в 1936–1937 гг., а 90-я стрелковая дивизия, сформированная в 1938 г., должна была оборонять правый фланг от Никуляс до Лемболово. Генерал В. И. Щербаков, занимавший в то время должность помощника командира 90-й дивизии, вспоминал: «Дивизия была очень большая. В каждом стрелковом полку наряду со стрелковыми батальонами имелся артиллерийско-пулеметный батальон, который предназначался для дислокации в укрепленных сооружениях»¹⁷. Щербаков также упоминает о мерах

по укреплению границы, строительстве дополнительных оборонительных сооружений¹⁸.

Укрепления КАУР были вполне сопоставимы с возводившейся в те же годы по другую сторону границы на Карельском перешейке финской оборонительной линией, получившей позднее известность как «линия Маннергейма». Обе оборонительные линии не были лишены серьезных недостатков. В частности, командующий войсками ЛВО П. Е. Дыбенко летом 1937 г. доносил наркому обороны К. Е. Ворошилову: «КАУР состоит из 11 батальонных районов, имеющих на своих внутренних флангах промежутки до 6 км, покрытые в большинстве сплошным лесным массивом, что совершенно исключает взаимную огневую связь между батальонными районами. Глубина батальонных укрепленных районов — от 1 до 2 км и лишь Лемболовского батальонного района — 4 км. Огневая связь внутри батальонных районов у большинства сооружений отсутствует, вследствие неправильной посадки части сооружений и пересеченности местности (большие мертвые пространства).

Обстрел действительным пулеметным огнем до 40% всех сооружений ограничен от 200 до 600 метров. В противотанковом отношении КАУР совершенно не обеспечен. Установленные в дот 68 пушек системы “Гочкиса”, десять 76 мм орудий (арткапониры) и плотина на р. Грузинка ни в какой мере не могут являться хоть сколько-нибудь серьезными средствами ПТО. Наличие значительных свободных промежутков между батальонными районами и отсутствие необходимой глубины, а также плохой огневой связи между сооружениями делают батальонный район, а отсюда и весь КАУР малоустойчивым и может быть легко прорван. Тип и конструкции полевых сооружений передовой полевой позиции КАУРа, особенно блокгаузы, не вполне отвечают своему боевому предназначению»¹⁹.

Командующий предложил принять ряд мер по усилению укрепленного района: «1. Для прикрытия фланга со стороны Ладожского озера, особенно на зимний период, и создания необходимой огневой связи между батальонными районами, возвести дополнительно: а) один батальонный, б) три ротных, в) один взводный укрепленные районы и развить Елизаветинский и Сестрорецкий укрепленные батальонные районы.

Для создания глубины и необходимой боевой стойкости возвести вторую укрепленную полосу КАУРа по линии Рогозинка — Реппо — Осельки — Скотное — Сертолово — пос. Дибуну — Тарховка. Всего пять батальонных и три ротных укрепленных района.

Для создания необходимой ПТО на линии существующей укрепленной полосы — возвести дополнительные орудийные сооружения, из расчета по 6–8 на один батальонный район на особо важных направлениях в противотанковом отношении. Всего — 56 сооружений».

В конце 1930-х гг. проводились работы по совершенствованию укреплений КАУР. На укрепленной линии было построено несколько дотов наиболее совершенного типа. Они вооружались 1–3 45-миллиметровыми пушками, несколькими пулеметами, по оборонительным свойствам не уступали прежним пулеметным досам большого типа. Площадь помещений в этих двухэтажных постройках доходила до 200 м²⁰. Появилось и несколько пулеметных полукапониров, вооруженных двумя пулеметами. Кроме того, перед главной оборонительной полосой, по берегу рек Сестра и Вьон, было сооружено несколько орпк, которые должны были вести огонь в основном по сопредельной территории. Причины постройки буквально в нескольких метрах от границы артиллерийских полукапониров, которые в принципе не были способны к самообороне, не совсем понятны. Возможно, здесь сыграла роль установка «Ни пяди родной земли врагу», а может быть, эти сооружения должны были держать под обстрелом мосты и броды, чтобы облегчить нашим войскам преодоление пограничной полосы при наступлении. Ни один дот последнего поколения не был доведен до конца — обычно не успевали установить внутреннее оборудование. Необходимо отметить еще одну группу сооружений постройки 1938–1939 гг. Это четыре оригинальных артиллерийских полукапонира на горе Каллелово. Судя по габаритам, они предназначались для размещения батареи 152-миллиметровых гаубиц-пушек МЛ-20. Установленные в полукапонирах орудия могли обстреливать участок Выборгского шоссе на территории Финляндии от реки Сестра до поселка Кивеннапа протяженностью около 15 км²¹.

По окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг., после изменения линии границы по мирному договору 12 марта

1940 г., КАУР потерял, казалось, свое значение. Его доты были законсервированы, опалы свернуты в пулеметные роты, орудия и пулеметы, снятые с КАУР, были использованы для вооружения Выборгского УР, который сооружался в 1940–1941 гг. Тогда же в связи с переходом на новую структуру КАУР был переименован в 22-й УР²².

Со вступлением Финляндии во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии вновь возникла угроза Ленинграду с севера, и на КАУР начались работы по установке вооружения и постройке дополнительных сооружений. При всех недостатках, при хронической нехватке вооружения (к началу августа 1941 г. Лемболовский и Елизаветинский БРО не имели 50% положенных по штату пулеметов, Агалатовский БРО, находившийся во второй полосе обороны, — не имел вооружения вовсе; в 4-амбразурных дотах вместо четырех станковых пулеметов имелось по одному станковому, одному ручному пулемету и пять человек гарнизона вместо шестнадцати), укрепления КАУР сумели выполнить свое назначение: наступавшие финские войска летом — осенью 1941 г. быстро достигли старой границы, однако дальше нее не сумели продвинуться больше, чем на несколько километров. На линии КАУР им удалось захватить лишь вынесенный вперед артиллерийский полукапонир на берегу ручья Серебряный. Все попытки преодолеть другие укрепления линии успеха не имели. Именно это, а также участвовавшие отказы финских солдат и офицеров продолжать наступление заставили финского главнокомандующего маршала К. Г. Маннергейма отдать приказ о переходе к обороне. Утверждение о том, что бывший генерал русской императорской армии изначально не хотел наступать дальше старой границы и стремился спасти Ленинград от захвата или разрушения, — не более чем миф. 1 *Килин Ю. М.* Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений в 1920–1930-е гг. // *Россия и Финляндия в XX веке.* СПб., 1997. С. 87.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 453. Л. 152.

³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 168. Л. 134.

⁴ Там же. Д. 147. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 247.

⁷ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 150. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 81–82, 94, 98.

⁹ Там же. Д. 168. Л. 138–139.

¹⁰ Там же. Д. 150. Л. 82.

¹¹ Там же. Л. 100.

¹² Цит. по: *Килин Ю. М.* Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений. С. 92.

¹³ Цит. по: *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 207.

¹⁴ *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997. С. 110.

¹⁵ *Барышников В. Н.* Эволюция отношений СССР с Финляндией в предвоенный период // *Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история.* М., 1998. С. 76, 78.

¹⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 168. Л. 142.

¹⁷ *Щербаков В. И.* На приморских флангах (воспоминания командарма). СПб., 1996. С. 13.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 168. Л. 1–2.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ *Назаренко К. Б.* «Северный щит» Ленинграда. Карельский укрепленный район // <http://www.aroundspb.ru/fort/kaur>.

²² Там же.

С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен

**ФИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАРЕЛИИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

22 июня 1941 г. нацистская Германия начала военные действия против СССР. 26 июня 1941 г. президент Финляндия Р. Рюти в выступлении по радио официально объявил о состоянии войны с СССР. В начальный период войны части Красной Армии отступали от госграницы. Это отступление потребовало провести эвакуацию населения и перебазировать в восточные регионы страны оборудование промышленных предприятий, ценное имущество колхозов и совхозов из районов, находившихся под угрозой захвата противником.

Конкретные задачи по проведению эвакуации определялись в постановлении ЦК Коммунистической партии и советского правительства от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и в директиве ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей»¹. Для непосредственного руководства эвакуационными работами создавался Совет по эвакуации².

В Карелии непосредственное руководство вопросами эвакуации осуществляла созданная по решению ЦК ВКП(б) республики специальная комиссия. Она состояла из партийного и советского руководства Карело-Финской ССР (далее — КФССР) — секретаря ЦК ВКП (б) республики П. В. Солякова, заместителя председателя Совнаркома М. Ф. Иванова и секретаря Президиума Верховного Совета КФССР Т. В. Вакулькина.

Комиссия приступила к работе в начале июля 1941 г.³ На местах эвакуацию проводили районные и городские комитеты партии и исполкомы Советов.

Эвакуация населения из пограничных районов Карелии началась с первых дней войны. По решению комиссии эвакуировались прежде всего детские учреждения (детские сады и ясли, детские дома), а также дети до 16 лет вместе с родителями. Трудоспособное взрослое население оставалось на оборонных работах и уборке урожая. Позже, в связи с продвижением противника в глубь советской территории, началась эвакуация и взрослого населения. Причем она уже проходила в очень сложных условиях⁴.

Однако еще до принятия решения об эвакуации на высшем уровне, этот вопрос был решен в органах безопасности. Уже 24 июня 1941 г. из Народного комиссариата государственной безопасности СССР (далее — НКГБ СССР) в адрес Народного комиссара (далее — наркома) государственной безопасности КФССР М. И. Баскакова поступила телефонограмма, в которой указывалось о необходимости информирования Москвы, в частности, по вопросам эвакуации дел арестованных, а затем и самих арестованных⁵.

В Петрозаводске эвакуация началась в день поступления этой телефонограммы. Уже вечером 24 июня нарком М. И. Баскаков сообщил наркому госбезопасности СССР В. Н. Меркулову о том, что «из аппаратов НКГБ КФССР, расположенных в пограничной полосе (Выборг, Яски, Энсо, Кексгольм, Сортавала, Суоярви, Поросозеро, Реболы, Ухта и Кестеньга) началась эвакуация агентурно-оперативного делопроизводства (агентурных дел, дел формуляров, учетных дел, личных и рабочих дел агентуры и оперативного делопроизводства). В ночь на 25 июня была намечена эвакуация всех арестованных в количестве 800 человек, содержащихся в Выборгской тюрьме, а также 60 арестованных, содержащихся в Петрозаводской тюрьме НКВД»⁶.

Однако эвакуация арестованных, содержащихся в Выборгской тюрьме, была задержана из-за неподготовленности конвоя. Поэтому содержащиеся здесь 1050 арестованных (а не 800, как указывалось ранее) эвакуировались в Челябинск только 26 июня. Из Петрозаводска эвакуация началась лишь 14 июля, когда уже посчитали, что возникла угроза захвата города финскими

войсками. Из петрозаводской внутренней тюрьмы НКГБ тогда в Красноярск было вывезено 109 арестованных⁷.

Следует отметить, что в первую очередь НКГБ КФССР эвакуировал из пограничных районов и столицы республики т. н. «антисоветский и сомнительный элемент»⁸. При этом эвакуация и аресты начались еще до ведения на территории КФССР боевых действий и вступления Финляндии в войну. Можно предположить, что органы советской власти опасались, что неэвакуированный «сомнительный элемент» может выступить на стороне противника. Причем к «подозрительным» относили также еще граждан республики финского происхождения. Также к «неблагонадежным» относились и все те, кто совершил или подозревался в совершении государственных, а также уголовных преступлений или тех, кто оказался «незаконно» в СССР или представлял национальности, не входящие в состав «титულных» народов Советского Союза.

Таким образом, лица финской национальности подпадали под категорию «неблагонадежного элемента». В результате судьба финского населения Карелии оказывалась очень трагичной. Причем до сих пор она еще полностью не изучена. Тем не менее на основе новых архивных документов, в том числе и из фондов финляндских архивов, можно уже подойти к перспективе серьезного исследования происходивших в начальный период Великой Отечественной войны процессов среди финского населения республики, а также определить мотивы, по которым определенная часть советских финнов явно начала уклоняться от намеченной эвакуации в тыловые районы СССР.

При этом прежде всего следует заметить, что и ранее советское руководство не до конца доверяло финнам, проживавшим в Карелии, и уже во второй половине 1930-х гг., в период массовых репрессий в стране, была развернута борьба с «финским буржуазным национализмом». Из числа всех арестованных и осужденных в 1937–1938 гг. финны, чья численность в середине 1930-х гг. едва превышала 3% населения республики, составляли 40% всех репрессированных⁹. Начавшиеся же боевые действия с Финляндией придали и без того сложным отношениям властей с советскими гражданами финской национальности особый характер. Прежде всего, финское население Карелии уже летом 1941 г. четко стали рассматривать как воз-

можных пособников противника. Причем сами финны явно давали властям повод сомневаться в их лояльности к СССР, поскольку в финской среде республики существовали и те, кто, несомненно, желал поражения Красной Армии.

Это отчетливо можно заметить в документах органов госбезопасности Карелии. Первые высказывания антисоветского характера среди представителей финской национальности были выявлены уже в первые дни войны¹⁰. Но по мере успешного продвижения финских войск в глубь республики органы НКВД КФССР¹¹ стали фиксировать явное нарастание высказываний антисоветского содержания. В докладной записке «О выполнении директив НКГБ Союза ССР...» на имя П. А. Судоплатова¹² от 3 сентября 1941 г. нарком НКВД КФССР М. И. Баскаков отмечал, что «если в начале войны антисоветские настроения среди финнов были редкими явлениями, то теперь таких фактов зарегистрировано больше»¹³. Отдельным высказываниям населения финно-угорских национальностей НКВД КФССР начал даже придавать характер массовости. Так, М. И. Баскаков 1 августа 1941 г. докладывал заместителю наркома внутренних дел СССР В. Н. Меркулову, что «общее политико-моральное состояние населения КФССР с начала войны и за истекшую декаду с 21 по 31.07.1941 г. является хорошим. Вместе с тем агентура контрразведывательного отдела (КРО) и секретно-политического отдела (СПО) за истекшую декаду сообщила ряд фактов, указывающих на то, что некоторая часть “подучетного элемента” из числа бывшего кулачества, трудпереселенцев и главным образом финского населения, в связи с продвижением отдельных групп белофинских войск в направлении Петрозаводска, группируясь, проявляет себя антисоветски»¹⁴.

Лица, проводившие подобную агитацию, «брались в проверку и разработку», многие из них были арестованы. М. И. Баскаков докладывал В. Н. Меркулову, что «всего арестованных на 24 июня 84 человека, в т. ч. арестованных с начала военных действий 31, из которых 29 за истекшие сутки». Аресты проходили по всей республике. По мере развития наступления финских войск их число только возрастало. К 20 августа с начала войны в Карелии было арестовано 230 человек¹⁵.

В целом поведение отдельных представителей финской диаспоры в начальный период войны, которое выражалось

в высказываниях в пользу противника, а также в их национальной принадлежности, послужило поводом к первоочередной их принудительной эвакуации. Причем в докладной записке на имя Судоплатова, подготовленной 3 сентября 1941 г. Баскаковым, прямо отмечалось, что «большинство финнов отказываются выполнять решения эвакуационных троек о выезде из города (имеется в виду Петрозаводск. — С. В., Э. Л.) и под любым предлогом пытаются остаться здесь и скрываются вместе с семьями в пригороде Петрозаводска, который в значительной мере заселен финнами»¹⁶. К тому же в документах органов безопасности Карелии подчеркивалось, что «в связи с насильственной эвакуацией среди финнов вновь возобновляются разговоры о произведенных в 1937–1938 гг. арестах “невинных” людей и они ставят вопрос о необходимости их освобождения»¹⁷.

Однако показательно, что факты уклонения от эвакуации относились больше всего лишь к гражданам финской национальности, проживавшим в Петрозаводске. Этому есть объяснение. Во-первых, именно в столице республики проживала наиболее многочисленная и грамотная часть людей, составлявших финскую диаспору. Кроме того, в столице, естественно, находился наиболее мощный аппарат органов безопасности, что позволяло оперативно фиксировать проявлявшееся неповиновение. И наконец, все сотрудники органов госбезопасности западнее Мурманской железной дороги летом 1941 г. были задействованы в работе, связанной с подготовкой отражения наступления финских войск, и у них не хватало времени еще заниматься рассмотрением проблем, связанных с решением вопросов уклонения от эвакуации финского населения республики. В результате, по материалам Военного архива Финляндии, число местного гражданского населения, оказавшегося в зоне оккупации, на 1 июля 1942 г. составило 85 705 человек. Из них не финно-угорского происхождения на захваченной территории проживало тогда — 46 700 человек, что означало, что 39 005 представляли уже финно-угорское население¹⁸. Но, однако, из них под контролем финских властей было мизерное число лиц чисто финского происхождения — 583 финна и 269 ингерманландцев. Всего, таким образом, — 852 человека, что составляло чуть более 10% от населения, оказавшегося в зоне оккупации¹⁹.

Но парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что в процентном отношении количество финнов в составе населения в 1942 г. увеличилось на 8% по сравнению с 1939 г.²⁰ Такая же тенденция была характерна и для столицы республики. В Петрозаводске и его пригороде — поселке Соломенном, по данным переписи 1939 г., из 74 674 человек финнов насчитывалось 2212 (2,9%). А по одной из первых переписей, проведенных финскими властями на оккупированной территории Карелии, на 1 июля 1942 г. в Петрозаводске всего проживало 5074 человека, из них — 303 человека финской национальности (финнов — 179, финнов-ингерманландцев — 124), что составило 6% от всех петрозаводчан²¹.

Объяснить это можно тем, что летом 1940 г. в Карело-Финскую ССР из Мурманска и Мурманской области, по неполным данным, было переселено еще 7120 граждан «иностранных национальностей»²². Среди них больше всего оказалось финнов — 4033 человека²³. Поэтому накануне Великой Отечественной войны финское население Карелии увеличилось и составляло около 12 тыс. человек. Однако, конечно, в первые дни войны их также с другими «неблагонадежными элементами» пытались насильственно эвакуировать в тыл. Но, вероятно, некоторые из них тоже постарались остаться на территории республики.

Тем не менее благодаря четкой организации эвакуация из Карелии в тыловые районы страны в целом прошла успешно и в весьма сжатые сроки. Всего, по неполным данным, из республики эвакуировалось свыше 500 тыс. человек²⁴, в том числе и значительная часть финского населения.

Однако остается вопрос о мотивах в поведении и действиях отдельных представителей финского населения Карелии в начальный период Великой Отечественной войны. Как оценивать их нежелание эвакуироваться в тыл страны? Исследуя данную проблему, можно прийти к мысли о том, что это было проявление в пассивной форме сопротивления советских граждан финской национальности. При этом следует отметить, что это пассивное сопротивление носило стихийный характер. У финского населения были серьезные основания не любить существовавший режим, многие финны потеряли своих родных и близких в годы «большого террора». Вероятно, часть из них

совершала свои эти действия и из-за отчаяния. Вместе с тем вполне объяснимо то обстоятельство, что у большинства советских граждан существовало негативное отношение к людям, допускаям «антисоветские высказывания» и избегавшим эвакуации в тыл страны. Кроме того, данные действия, с учетом начавшейся войны, попадали в разряд преступлений²⁵.

Тем не менее следует заметить, что далее оставшиеся на оккупированной территории советские граждане финской национальности не проявляли активности в сотрудничестве с финскими оккупационными властями. Доказательством этому может служить тот факт, что затем, когда летом 1944 г. финские войска начали отходить с оккупированной территории Карелии, в Финляндию переехало только 2799 человек, или 3,35% населения зоны оккупации. Из них представителей родственным финнам народов — 2196 человек (карел — 1422, вепсов — 314, советских финнов — 214, ингерманландцев — 176)²⁶.

---

¹ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1970. С. 37–40.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 602.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 602.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее — Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2–3.

⁷ Там же. Л. 12, 17–18, 177–179.

⁸ Там же. Д. 102. Л. 94–96.

⁹ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 123.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 38.

¹¹ 10 июля 1934 г. на базе Объединенного государственного политического управления был образован Народный комиссариат внутренних дел. 3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата — государственной безопасности (НКГБ) и внутренних дел (НКВД). 20 июля 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР были снова объединены в единый наркомат — НКВД СССР.

¹² Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал-лейтенант, в органах безопасности с 1920 г., в период Великой Отечественной войны один из руководителей советской разведки и НКВД СССР.

- ¹³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 102. Л. 54–56.
- ¹⁴ Там же. Д. 101. Л. 224, 235–237.
- ¹⁵ Там же. Л. 371–375.
- ¹⁶ Там же. Д. 102. Л. 54–56.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ SA. Västötöimisto. Karjalan Sotalashallintoesikunta, 1942/Т-2870/12.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Карельская АССР. 60 лет: Стат.: Сб. Петрозаводск, 1980. С. 8; *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 12, 18–19, 103–104.
- ²¹ SA. Västötöimisto. Karjalan Sotalashallintoesikunta, 1942/Т-2870/12.
- ²² К инационалам относили тех, чья национальность не входила в состав национальностей СССР.
- ²³ Подсчитано по данным: Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 68, 69, 70.
- ²⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 602.
- ²⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1: Начало (22 июня – 31 августа 1941 года). М., 2000. С. 5–7, 86, 113.
- ²⁶ *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 126.

В. Н. Барышников

**ОЦЕНКА В ФИНСКОЙ АРМИИ
СОВЕТСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ 10–20 ИЮНЯ 1944 Г.***

Наступление советских войск на Карельском перешейке в июне 1944 г. было одним из самых успешных из числа проведенных боевых операций Ленинградского и Карельского фронтов против финской армии в годы Великой Отечественной войны. Ее итоги и достигнутые в ходе ее проведения результаты довольно подробно начали анализировать в советских военно-научных изданиях уже сразу после завершения этой операции¹. В подготовленных тогда работах давалась, прежде всего, оценка опыта прорыва советскими войсками в короткие сроки весьма насыщенной системы обороны армии противника. В последующее время также в отечественной историографии появлялись работы, в которых либо в научном², либо в мемуарном³ плане затрагивались сюжеты, связанные с раскрытием основных вопросов этого наступления. Наиболее полным в этом отношении является коллективное военно-историческое исследование «Битва за Ленинград 1941–1944», опубликованное в 1964 г.⁴

Однако наиболее обстоятельной в данном отношении явилась работа, которая в свое время была выполнена профессором Н. И. Барышниковым. Он написал более десяти трудов, включаю-

---

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

щих монографические произведения, в которых рассматривал значение проведенной тогда операции⁵. В результате фактически впервые в нашей стране в полном объеме был раскрыт как ход проведения данной операции, так и ее военно-политическое значение. К тому же в своих исследованиях Н. И. Барышников активно использовал научный потенциал финской и отечественной научно-исследовательской литературы, а также мемуарных и архивных источников, что сделало его работы уникальными для историографии Второй мировой войны. Большого, чем он, работ об этой операции в нашей стране пока не написал никто.

Тем не менее до сих пор исследователей волнует вопрос о причинах столь грандиозного успеха советских войск на Карельском перешейке. Части 21-й армии Ленинградского фронта смогли прорвать серьезные финские укрепления всего за одну неделю, а на десятый день наступления уже взяли Выборг. Несомненно, нужно также понять и причины столь серьезных неудач, которые постигли в июне 1944 г. финские войска, поскольку до этого в период «зимней войны» финская армия удерживала здесь на Карельском перешейке оборону в течение трех месяцев, а Выборг части Красной Армии так и не смогли тогда полностью занять.

Вероятно, что поиски ответа на поставленные вопросы будут продолжаться, поскольку в финской исследовательской литературе прочно закрепилось представление о том, что финские войска летом 1944 г. опять чуть ли не одержали на Карельском перешейке «победу» и оставили Выборг без решительного сопротивления вполне осознанно⁶. В результате в данном случае, как представляется, остается важным продолжение двухстороннего изучения материалов, касающихся раскрытия итогов этой операции. И здесь существенным, может быть, станет рассмотрение, как, собственно, воспринимали начавшееся советское наступление в самих финских войсках.

В этом плане для военного историка существует уникальная возможность научного анализа происходивших тогда событий, поскольку в Финляндии были опубликованы подборки документов из архивных фондов финской государственной телерадиокомпании «Юлейсрадио». Эти материалы были подобраны известным финским литератором Пааво Ринтала, который сумел по горячим следам взять интервью у значитель-

ного числа финских участников боев на Карельском перешейке 1944 г. В результате возникла достаточно ясная картина того, как сами финские солдаты воспринимали десятидневные события (с 9 по 20 июня) советского наступления⁷. Фактически на страницах этой работы звучат голоса тех, кто тогда лично оказался в зоне боевых действий советских войск и смог, таким образом, передать сложившуюся там атмосферу.

Впервые в отечественной историографии этот очень важный пласт документальных материалов в научном обороте уже использовал профессор Н. И. Барышников. Однако, поскольку тогда для исследователя, очевидно, не представлялся важным анализ эмоционального восприятия советского наступления финскими войсками, то он позволил себе лишь обратить внимание на этот документальный источник⁸. Тем не менее значимость излагаемого там материала продолжает сохранять очевидную актуальность, что, конечно, требует его дальнейшего активного применения для раскрытия сущности событий, которые тогда произошли на Карельском перешейке.

Катастрофа, постигшая финскую армию в начале июня 1944 г., несомненно, имела объективное обоснование. Первое при этом, что, вероятно, важно учитывать, было то, что она стала следствием умелых действий советского командования, которое смогло за достаточно короткий срок весьма скрытно сосредоточить ударную группировку своих войск на Карельском перешейке. В своем исследовании Н. И. Барышников приводит достаточно выразительную цитату начальника инженерных войск Ленинградского фронта Б. В. Бычевского: «Шутка ли перевести “втихую” десять дивизий, около трех тысяч орудий, танковые части, тылы»⁹. Действительно, подготовка операции по прорыву финских укреплений была осуществлена советским командованием идеально, и это сыграло очень важную роль в начальной стадии проведения операции. По свидетельству премьер-министра Финляндии Э. Линкомиеса, для Маннергейма наступление советских войск на Карельском перешейке явилось «полнейшей неожиданностью»¹⁰. Финская разведка тогда только предполагала, что наступление советских войск может начаться, но лишь в первой половине июля 1944 г., «когда русские сгруппируют крупные силы войск на нашем фронте»¹¹. В кругах финского командования цари-

ло к тому же чувство уверенности в надежности фронтовых укреплений¹².

Неожиданность начала советского наступления, однако, не являлась для фронтовых частей финской армии абсолютным сюрпризом. На самом деле, как свидетельствуют воспоминания финских солдат, о готовящемся наступлении они явно начали сами уже догадываться. Так, бойцы 1-го пехотного полка 10-й дивизии, находящиеся в районе Белоострова, указывали, что накануне наступления отчетливо «слышали шум поездов, танков, автомашин», а командир полка Т. В. Вильянен прямо подчеркнул, что противник «что-то готовит». Он отметил: «За пару дней до наступления разведка получила больше данных. Однако высшие инстанции не спешили их рассматривать»¹³.

Действительно, основной удар советских войск наносился на Выборгском направлении именно в районе Белоострова. Здесь было сосредоточено до 80 % сил и средств, которые находились на Карельском перешейке для осуществления прорыва финских фронтовых укреплений. Трудно понять, почему финское командование особо не обращало на это внимание. Точнее сказать, как отметил в своих воспоминаниях сотрудник отдела разведки Ставки У. А. Кякёнен, к командованию шли запросы с фронта, в которых просили внести ясность — «будет ли наступление или нет». Но генерал А. Айро, занимавшийся в Ставке вопросами оперативного планирования, откровенно уклонялся от ответов на данные запросы и лишь отмечал, что он «не знает, будут ли наступать русские или нет», добавляя при этом не без иронии: «Это знает только Сталин. Спросите у него!»¹⁴ В целом Айро считал, что финской военной разведке не следует «запугивать» командование, поскольку она «своими обзорами об обстановке лишь нервирует войска»¹⁵. К тому же, по наблюдениям сотрудников Ставки, и начальник Генерального штаба Э. Хейнрикс тоже считал, что о подготовке советских войск к наступлению не следует много говорить. Не информировался об этом даже сам Маннергейм. Хейнрикс полагал, что сведения о возможном советском наступлении на Карельском перешейке лишь приведут к тому, что маршал «только разнервничается»¹⁶. При такой постановке вопроса, естественно, трудно было предположить, чтобы финские войска могли быть готовы к отражению планировавшегося советским командованием наступления.

И вот, утром 9 июня 1944 г. артиллерия и авиация Ленинградского фронта начали методичное разрушение финских оборонительных позиций на Карельском перешейке. Сразу же по полковым укреплениям финских войск в районе намечавшегося прорыва был нанесен мощный авиационный удар. 370 бомбардировщиков сбросили свой смертоносный груз на позиции IV армейского корпуса. Затем огонь уже тяжелых артиллерийских орудий был перенесен на узлы сопротивления: по дотам, дзотам, подземным укрытиям, командным пунктам¹⁷. Эта огневая подготовка оказалась настолько эффективной, что принявшие удар советской авиации и артиллерии финские военнослужащие характеризовали его не иначе как «огненный ад» или «конец света»¹⁸. Старший лейтенант 58-го пехотного полка, размещавшегося на побережье Финского залива в районе Келломяки (Комарово) — Куоккала (Репино) — Оллила (Солнечное), отметил, что вдруг «хорошее летнее утро помрачнело», и далее вспоминает: «Никогда никакой дым или копоть фабричных труб не могли так закрыть мрачной пеленой солнце, как это сделали в тот момент пороховой дым и пыль», вызванные начавшейся огневой подготовкой советского наступления. Другой же военнослужащий этого полка, младший сержант Яйё, находившийся прямо на передовой, при этом заметил: «Артиллерийский огонь привел нас к полному разгрому. Даже в дотах оказывались убитые и раненые»¹⁹. Это подтверждал и один из офицеров полка, который подчеркнул, что 9 июня авиационный удар и последовавшая затем мощная артиллерийская «обработка» фронтовых позиций финских войск «прямыми попаданиями сразу же уничтожили этим утром все» в финских оборонительных укреплениях²⁰.

Действительно, в результате этой огневой подготовки готовящегося советского наступления на линии фронта было ликвидировано до 335 оборонительных сооружений финских войск²¹. Более того, на следующий день 10 июня утром финские позиции вновь были подвергнуты сильному артиллерийскому и авиационному удару. «Картина разгрома все более вырисовывалась с каждым моментом», — писал известный финский военный историк Х. Сеппяля. При этом он весьма образно описывал ту ситуацию, которая сложилась в принявших на себя удар финских частях: «Раненые не могли эвакуироваться, люди и оружие остались погребенными в окопах, связь была

прервана, и всеми овладело чувство беспомощности»²². И вот в этот момент в наступление пошли подразделения 21-й армии. Форсировав реку Сестру, они начали стремительно продвигаться вперед. К исходу 10 июня советские части уже вклинились в финскую оборону до 15 километров.

Само это наступление выглядело очень мощным. Командир 1-го пехотного полка Т. В. Вильянен вспоминал: «Штурмовики с воздуха и танки с передовых позиций прокладывали путь пехоте... Двигавшиеся впереди красноармейцы непрерывно запускали в небо ракеты, давая знать штурмовикам о своем местоположении». Далее подполковник заметил, что финские «противотанковые пушки ничего не могли сделать против новых типов русских танков»²³.

Во второй день наступления 21-я армия продолжала быстро продвигаться вперед, не давая противнику закрепиться на промежуточных рубежах. О боях, которые разгорелись тогда, в частности в районе Райволо (Роцино), финские военнослужащие вспоминали явно не без некоторого содрогания. Полковник Н. О. Эссен с горечью указал: «Огонь самолетов и артиллерии уничтожил окопы. Продвигаться по ним стало трудно... На нас надавила танковая бригада русских. Это создавало критическое положение. Огонь нашей артиллерии окончательно прекратился... Мы вообще не знали о положении наших войск, кроме своего собственного...»²⁴

Действительно, наступательный порыв советских войск не ослабевал. Более того, учитывая достигнутый успех, Ставка ВГК поставила перед Ленинградским фронтом задачу уже 18–20 июня овладеть Выборгом. Но осуществление столь стремительного наступления казалось достаточно сложной задачей, поскольку теперь советским войскам предстоял прорыв главных укреплений финских войск на Карельском перешейке. К тому же финское командование начало уже перебрасывать на выборгское направление дополнительные силы из Северной Финляндии и Южной Карелии. В помощь отходившим частям IV армейского корпуса направлялись 4-я и 17-я пехотные дивизии и две бригады, а в районе Кивеннапа (Первомайское) водилась в бой еще и танковая дивизия.

В этой ситуации, оценивая обстановку, командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров принял решение

перенести направление главного удара с центра перешейка, где находились наибольшие силы оборонявшихся, к побережью Финского залива. Целые сутки 13 июня и до утра следующего дня шла скрытая перегруппировка сил. Конкретно, на Приморском участке быстро был сосредоточен артиллерийский корпус, что позволило создать там сильную огневую мощь (до 250 орудий и минометов на километр фронта)²⁵. Двум же стрелковым корпусам, собственно, поручалось после проведения огневой подготовки начать 14 июня наступление на главную полосу финской обороны.

И вот тогда, как и раньше, прорыв начался с утренней артиллерийской и авиационной обработки финской обороны. Она длилась в общей сложности более двух часов. «Концентрация артиллерии была настолько сильная, — отмечал старший лейтенант Лукандер, — что это просто невозможно обрисовать словами. Я такого никогда прежде не видел... Звуков летящих снарядов мы даже не успевали услышать, хотя их разрывы происходили непрерывно»²⁶.

Тем временем после проведения артподготовки советские войска двинулись на штурм укреплений. Наиболее упорные бои разгорелись тогда в районе поселка Кутерселькя (Лебяжье). Здесь частям 109-го корпуса 21-й армии удалось ударами с нескольких направлений при активной поддержке артиллерии и авиации осуществить прорыв сложной системы финских укреплений. Шел непрерывный «огонь самолетов, солдат, танков» — так передавал об этих боях свои ощущения финский младший сержант 2-го батальона 53-го пехотного полка Кука. Далее же, в режиме реального восприятия того времени и выражая охватившие в тот момент его эмоции, этот финский солдат глубоко прочувствованно отметил: «Самолетов столько, что не видно солнца... Танки идут через наши позиции. Мы находимся по обе стороны дороги, и они идут прямо сюда, через наши позиции. Эти восемь огромных машин, мнущих все на своем пути». Указывая же на мощь начавшегося наступления, Кука буквально телеграфным языком, чеканя фразы, говорил представителям «Юлейсрадио»: «Русские шли через наши окопы. Из нашей группы осталось до десяти человек в бункере. Они, когда заметили, что противник уже ворвался на наши позиции, даже не осмеливались выходить наружу из своих укрытий»²⁷.

Вот такое чувство ужаса тогда вызывало у финских солдат начавшееся советское наступление.

При этом попытка контратаковать советские части, предпринятая подразделениями танковой дивизии генерала Р. Лагуса, а также егерской бригадой полковника А. А. Пурома, не дала никакого желаемого результата²⁸. Как указывал полковник Пурома: «У нас не было представления о противнике. Мы знали лишь, что у Кутерселька осуществлен прорыв»²⁹. Другой же военнослужащий егерской бригады, командир 2-го пехотного полка Кекконен, просто заметил: «Противник был очень сильный и хорошо натренирован»³⁰.

В результате части IV финского армейского корпуса с боями стали отходить к третьей полосе обороны, а советские войска 17–18 июня уже заняли значительную часть Карельского перешейка. Единственное, что при этом оставалось финской армии, это во что бы то ни стало удержать как саму третью полосу обороны, так и подходы к ней. Однако части IV корпуса под давлением Советской армии также «вынуждены были начать отход раньше, чем прибыло на это разрешение» их командования³¹. Наступление шло настолько стремительно, что, по выражению финских историков, «казалось, будто 21-я армия течет neodолжимой силой»³².

Объективно говоря, мнения, которые об этом периоде наступления советских войск высказывали сами финские солдаты, действительно соответствовали реально складывавшимся в этот период настроениям в частях, ведущих оборонительные бои на Карельском перешейке. Фактически в финской армии началась паника. Об этом ярко свидетельствовал тот факт, что в отступающих частях и соединениях солдаты тогда вообще стремились как можно раньше покинуть зону боевых действий. В армии начало нарастать массовое дезертирство. За 14 дней отступления из финских частей дезертировало 24 тыс. солдат, что составляло 4,5% всех войск и было равнозначно по численности двум пехотным дивизиям³³. Естественно, задержанных дезертиров строго наказывали. Полевыми судами было осуждено в это время за «военные преступления» свыше 10 тыс. человек, а позднее приговорено к смертной казни 76 человек, значительную часть из них расстреляли немедленно³⁴.

Тем временем 19 июня соединения 21-й армии непосредственно подошли к Выборгу, что означало неминуемый штурм города. Действительно, 20 июня части 108-го стрелкового корпуса развернули это наступление. О том драматичном для финского командования периоде затем напомнил начальник оперативного отдела Ставки финской армии полковник В. К. Нихтиля. Он сообщил при этом достаточно парадоксальную вещь. По его мнению, тогда в Ставке узнали о появлении советских частей на улицах Выборга раньше, чем в руководстве V корпуса, части которого, собственно, и должны были оборонять город.

Как вспоминал Нихтиля, финская разведка 20 июня, прослушивая радиобмен между советскими танками, которые двигались на выборгском направлении, перехватила радиограмму одного из командиров танка, наступающего в первом эшелоне советских войск. Он сообщил: «Вступил в Выборг и намерен двигаться дальше...» Мы несколько оторопели, — отметил финский полковник. — Я позвонил тогда генералу Свенссону, который был командиром V армейского корпуса... и спросил у него: «Знаете ли вы, что русские в Выборге?» Он не поверил и стал выяснять. Через некоторое время он сам уже мне позвонил и сообщил: «Да, действительно, это так»³⁵.

На самом деле ситуация в финских войсках, находящихся в Выборге, была тогда для них близкой к катастрофе. Стремительно наступавшие советские части с ходу ворвались в город. В уличных боях им пытались оказывать непосредственное сопротивление подразделения 20-й бригады финских войск, которой командовал полковник А. А. Кемппи. Из воспоминаний военнослужащих этой бригады четко вырисовывается картина общей неразберихи и паники, которая в это время царил в боевых порядках обороняющихся частей.

Так, лейтенанта штаба этой бригады Венескари в момент разгара боев за город для выяснения обстановки вынуждены были срочно направить из штаба корпуса в восточную часть Выборга, где он, собственно, сам лично столкнулся с советскими танками³⁶ и смог, таким образом, подтвердить сведения, поступавшие по линии разведки финскому командованию. Но самым печальным для этого лейтенанта стало уже его возвращение в штаб бригады, который располагался в подвале банка в центре города на площади Пуунайсенляхтеен (сов. назв. Красная

площадь). Там этого штаба он просто не обнаружил. В штабном помещении находился лишь только командир бригады полковник Кемппи, который выслушал его сообщение, а затем мрачно сказал: «Никакой я больше не командир. У меня нет бригады. Штаб тоже эвакуирован». Как подчеркнул далее Венескари, «в это время советские танки вели уже огонь вдоль улицы», где ранее располагался штаб бригады³⁷. Кемппи и Венескари ничего не оставалось, как срочно отправиться пешком из центра города в направлении Выборгского замка, уходя, таким образом, в сторону Финляндии. Сам же этот переход, видимо, глубоко врезался в память Венескари, поскольку, как он вспоминал, на пути их встречали отдельные финские военнослужащие, которые просто не знали, что им сейчас делать. Так, как припоминает Венескари, один раненый солдат прямо обратился к Кемппи с вопросом: «Господин полковник, где следующая линия обороны?» Ответ был обескураживающим: «На Торнийоки! Следуйте прямо к Торнийоки!»³⁸ То есть командир бригады советовал уже отступать к границе со Швецией.

В целом у самого А. А. Кемппи тоже явно наблюдалось отсутствие реального представления о происходивших тогда в городе событиях. Единственный его приказ, который был четко выполнен, заключался в спуске с башни Выборгского замка финского флага. Это произошло 20 июня уже в 16.00. Причем, как вспоминает прапорщик Ёокинен, который исполнил это распоряжение и доложил об этом полковнику, получил лишь раздраженный ответ, что «после этого он уже не является полковником»³⁹. Действительно, впоследствии Кемппи предстал перед военным трибуналом и был арестован⁴⁰, что показывает явное недовольство действиями этого офицера в финском военном руководстве.

В целом финское военное командование вынуждено было признать, что Выборг был взят советскими войсками «слишком легко», а в финской армии явно наблюдался процесс очевидного «ослабления морального духа»⁴¹. Тем не менее очевидно, что причинами столь серьезного поражения финской армии здесь во многом являлись не просчеты финского военного командования или начинающийся процесс морального разложения войск, а сила и мощь Красной Армии, которые практически не оставили шансов противнику. Запись рассказов финских

солдат, которые оказались в тот момент на Карельском перешейке являются прямым доказательством всего того, что случилось с финской армией в момент этого наступления, и могут стать хорошей иллюстрацией к произведениям профессора Н. И. Барышникова.

---

¹ См.: *Готовцев А. И.* Победа Красной Армии на Карельском перешейке. Стенограмма публичной лекции. М., 1944; *Калмыков В.* Агитация в наступательных боях на Карельском перешейке // *Пропаганда и агитация*, 1944. № 14; *Пауленко Н.* Выборгская операция: Прорыв обороны на Карельском перешейке // *Военная мысль*. 1944. № 10–11; Победа Красной Армии на Карельском перешейке. Л., 1944; *Брауде З., Жаров С.* Противотанковая оборона финнов на Карельском перешейке // *Журнал бронетанковых и механизированных войск*. 1944. № 10; *Жаров С., Брауде З.* Система укреплений финнов на Карельском перешейке // *Военная мысль*. 1944. № 10–11; *Ильин А.* Фортификационное оборудование финнами Карельского перешейка // *Военно-инженерный журнал*. 1944. № 10.

² *Галанов М. М., Ковалев С. Н., Михайлов А. А., Тарасов М. Я., Фролов М. И.* Разгром финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Освобождение Северной Карелии от немецко-фашистских войск // Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 2005; *Ежов М. В., Демидов В. И.* В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ 1864–1999. СПб., 1999; *История Великой Отечественной войны 1941–1945*. Т. 4. М., 1962; *История Второй мировой войны 1939–1945*. Т. 9. М., 1978; *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983; *Мушников А. Н.* В боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957; *Миронов Н.* Прорыв укрепленного района на Карельском перешейке // *Военно-исторический журнал*. 1974. № 6. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистические исследования. М., 2001; *Циганков П. Я.* Освобождение Карелии. Прибалтики и Заполярья // *Великая Отечественная война*. Кн. 3. М., 1999; и др.

³ *Борщев С. Н.* От Невы до Эльбы. Л., 1970; *Быгевский Б. В.* Город-фронт. Л., 1967; *Лященко Н. Г.* Время выбрало нас. М., 1990; *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970; *Одинцов Г. Ф.* Покорители огня. Л., 1980; *Черепанов А. И.* Поле ратное мое. М., 1984 и др.

⁴ *Барбашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н.* Битва за Ленинград 1941–1944. М., 1964.

⁵ *Барышников Н. И.* Фронт штурмует «Карельский вал» // *Ордена Ленина Ленинградский военный округ*. Л., 1968; *Барышников Н. И.* Штурм «Карельского вала» // *История ордена Ленина Ленинградского военного округа*. М., 1974; *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978; *Барышников Н. И.* Штурм «Карельского вала» // *История ордена Ленина Ленинградского военного округа*. М., 1988; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989; Ленинград в борьбе месяц за месяцем

1941–1944. СПб., 1994; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши. 1940–1944. СПб.; Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И.* Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006; *Барышников Н. И.* Военно-политическая обстановка после взятия советскими войсками Выборга (конец июля — первая половина сентября 1944 г.) // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. *Барышников Н. И.* Наступление советских войск в 1944 г. на Карельском перешейке и его оценка // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2006; *Барышников Н. И.* Финская историография о завершающемся периоде войны летом 1944 года // Война. Народ. Победа. М., 2008; *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.

⁶ См.: Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007.

⁷ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurtotaisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Raavo Rintala. Hels., 1966.

⁸ См.: *Барышников Н. И.* Штурм «Карельского вала» // История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 379.

⁹ Цит. по: *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. С. 166.

¹⁰ *Linkomies E.* Vaikea aika. Hels., 1970. S. 180.

¹¹ *Käkönen U. A.* Miehetuksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Hels., 1970. S. 83.

¹² См.: *Tervasmäki V.* Miten linnoitusrakennusjoukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toimintaajatuksia ja suunnitelmia // Turun Historiallinen Arkisto. 1976. № 31. S. 338; *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967. S. 174; *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hels., 1974. S. 142.

¹³ Sotilaiden äänet. S. 12, 15–16.

¹⁴ Цит. по: *Käkönen U. A.* Miehetuksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Hels., 1970. S. 87–88.

¹⁵ *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. S. 174.

¹⁶ Цит. по: *Käkönen U. A.* Miehetuksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. S. 90.

¹⁷ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 246.

¹⁸ Sotilaiden äänet. S. 26, 53.

¹⁹ Ibid. S. 29, 37.

²⁰ Ibid. S. 26.

²¹ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 247.

²² *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969. S. 246.

²³ Sotilaiden äänet. S. 53.

²⁴ Ibid. S. 138–139.

²⁵ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 248.

- ²⁶ Sotilaiden äänet. S. 107.
- ²⁷ Ibid. S. 118.
- ²⁸ *Halsti W.* Aika vaatii veronsa. Hels., 1974. S. 307–311.
- ²⁹ Sotilaiden äänet. S. 153.
- ³⁰ Ibid. S. 159.
- ³¹ *Kuussaari E.* Niitemaa V. Suomen sota vv. 1941–1945. Hels., 1948. S. 165.
- ³² Ibid. S. 185.
- ³³ См.: *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // Historiallinen Arkisto. 1986. № 88. S. 196–197; *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Porvoo, 1959. S. 79; Tiedonantaja. 1984. 06.09.
- ³⁴ *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana. S. 202.
- ³⁵ Sotilaiden äänet. S. 309.
- ³⁶ Ibid. S. 317–318.
- ³⁷ Ibid. S. 318.
- ³⁸ Ibid. S. 319.
- ³⁹ Ibid. S. 317.
- ⁴⁰ *Тамми Э.* Почему Выборг не собирались удерживать в 1944 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008. С. 168–169.
- ⁴¹ *Henrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. II. Suomen marsalkka. Hels.-Keuruu, 1959. S. 366–367.

Е. О. Дубинко-Гуща

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДАНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

По мнению датского историка Х. Браннера, «главные изменения в датской внешней политике отражают основные элементы политики прошлого и их исторических предпосылок»¹. Отправной точкой концептуализации внешней политики Дании является представление о Дании как о малом государстве. Исторически внешняя политика Дании была политикой малого государства по меньшей мере с 1864 г.²

Существуют различные подходы к классификации малых государств по размеру территории, численности населения и др. Авторы сходятся во мнении, что критерий восприятия играет ключевую роль в определении внешней политики малого государства³. Исследователь М. Кельструп под малыми государствами предлагает понимать государства, которые, обладая значительно меньшей военной, экономической и другой мощностью, чем большие государства, вынуждены смириться с тем, что их возможности влиять на окружающий мир ограничены⁴. Х. Браннер считает, что для малого государства необходимо не только осознавать, что его безопасность прежде всего должна основываться на помощи со стороны других государств или организаций, но этот факт должен также признаваться другими государствами⁵.

Из этого вытекает критерий поведения, согласно которому типичной формой внешней политики малого государства, обеспечивающей его способность выживать, является так называемая

политика адаптации, когда малое государство в своей внешней политике в первую очередь руководствуется интересами великой державы⁶.

Э. Хаас дает определение адаптации как «способности политического актора изменять свое поведение в соответствии с новыми требованиями при помощи изменения своих средств действия»⁷. Теоретические подходы к политике адаптации на примере внешней политики Дании, Швеции и Финляндии были разработаны датским исследователем Х. Моуритсеном⁸.

С одной стороны, для внешней политики Дании характерна преемственность и консерватизм, что объясняется стабильностью политической системы государства. В частности, преемственность находит отражение в широко сформулированных внешнеполитических доктринах Дании. Датский исследователь Б. Хьюрлин указывает, что, как правило, выделить существенные различия между политикой левого или правого правительства бывает очень сложно⁹. С другой стороны, важнейшее влияние на внешнюю политику Дании оказывает международная обстановка. В силу своего геополитического положения Дания как небольшое государство традиционно является чувствительной к колебаниям стрелки политического барометра на европейском континенте. Как писал министр иностранных дел Дании Э. Скавениус (1913–1920 и 1940–1943), «в реальности датская внешняя политика определяется факторами, на которые правительство и риксдаг имеют очень мало влияния. Решающим среди факторов, которые в совокупности определяют датскую внешнюю политику, является реальное соотношение сил в окружающем нас мире, и в первую очередь баланс сил между ближайшими к нам великими державами»¹⁰. При этом Э. Скавениус подчеркивал, что его взгляды относительно внешней политики Дании накануне Второй мировой войны являлись результатом не симпатии по отношению к Германии, а всего лишь того, что «мы снова находимся в сфере влияния Германии и вынуждены смириться с последствиями этого»¹¹.

Внешнеполитическая доктрина, выраженная Э. Скавениусом, в научной литературе получила определение адаптивной политики¹². Датский исследователь К. Хольброд указывает на наличие традиции детерминизма во внешней политике Дании, согласно которой характер принимаемых решений находится

в сильной зависимости от великих держав¹³. Очевидно, такое качество внешней политики присуще в первую очередь малым государствам, как Дания, которые вынуждены строить свою внешнюю политику исходя из интересов великих держав.

Отличительной особенностью детерминизма внешнеполитической традиции Дании является его взаимодействие с противоположной тенденцией, а именно интернационализмом. Появление концепции интернационализма во внешней политике Дании обусловлено ограниченностью возможностей малого государства для оказания влияния на международную политику, что делает актуальным поиск путей альтернативных источников силы для сохранения независимости государства.

Неслучайно именно Копенгагенская школа международных исследований уделяет большое внимание изучению альтернативных источников влияния в мировой политике. Одним из теоретиков данного подхода является Бэрри Бьюзан, противопоставивший военной и экономической мощи государства силе самого общества и обративший внимание на то, что влияние в международных отношениях проявляется в более широком спектре факторов, нежели размер территории и военная мощь. По мнению этого ученого, внутренняя сплоченность общества и высокий уровень экономического развития в сочетании с развитием международной торговли представляют собой альтернативный источник силы¹⁴.

Дания показала пример успешной реализации концепции социальной безопасности, согласно которой отсутствие военной мощи компенсируется внутренней сплоченностью общества. В разработке идеологии социального государства в Дании большую роль сыграли Н. Грундтвиг, Д. Г. Монрад, П. Мунк. В основе датской модели лежит стремление соответствовать идеалу «государства всеобщего благосостояния», в котором, в понимании философа, писателя и общественного деятеля Н. Грундтвига (1783–1872), «мало тех, кто имеет слишком много, но еще меньше тех, кто имеет слишком мало»¹⁵.

Значительная роль в разработке государственной идеологии, направленной на укрепление общества с помощью культурных и духовных ценностей, принадлежит первому министру образования Дании Д. Г. Монраду. Политическое кредо Д. Г. Монрада состояло в сочетании капиталистического способа производства

с возможностью государства регулировать социальные процессы. Усиление общественной интеграции по модели социального государства являлось одной из приоритетных задач, поставленных перед правительством и населением Дании во второй половине XIX — начале XX вв.

Основные принципы внешней политики Дании как малого государства были разработаны политиком с историческим образованием П. Мунком (1870–1948). Единственный выход для сохранения Дании как государства после поражения в войне с Германией 1864 г. П. Мунк видел в политике нейтралитета. Будучи социал-либералом, П. Мунк разделял программу «14-ти пунктов» В. Вильсона и являлся сторонником передачи национальных полномочий в сфере разрешения вооруженных конфликтов Лиге Наций. Свое видение внешней политики П. Мунк изложил в лекциях, прочитанных в Институте международных исследований в Женеве. В частности, П. Мунк отмечал «моральный авторитет» маленьких государств, таких, как Дания, Норвегия, Швеция, Голландия и Швейцария, занимавших позицию нейтралитета во время Первой мировой войны¹⁶. Учитывая несоизмеримость возможностей маленьких и великих держав, с одной стороны (элемент детерминизма и адаптивности), П. Мунк указывал на наличие иного способа оказания влияния на международные отношения посредством экономических и моральных факторов (элемент интернационализма, стремление к оказанию влияния).

Важной составляющей доктрины П. Мунка являлся отказ от военной силы как средства защиты государства и принятии концепции «экономического разоружения»¹⁷. П. Мунк вместе с коллегами из других малых стран проводил успешные кампании против обязательных санкций в Конвенте Лиги Наций. По мнению П. Мунка, «малые страны, в отличие от великих держав, лишь в очень ограниченной степени могут влиять на европейскую политику, но, развивая многостороннюю международную торговлю, они в состоянии стать фактором укрепления стабильности мира на континенте»¹⁸. Таким образом, П. Мунк видел альтернативный источник силы малых государств в объединении общих усилий с целью создания мирового общества, основанного на законе, первым шагом к которому он считал Лигу Наций.

Проводившаяся датским правительством политика нейтралитета во время Второй мировой войны, на практике означавшая несопротивление немецкой оккупации, встретила резкое осуждение со стороны стран-участниц антигитлеровской коалиции. Во многом благодаря Движению Сопротивления и усилиям датских дипломатов в изгнании Дания смогла впоследствии восстановить свою международную репутацию и стать одной из стран-основательниц ООН.

Заслуга в разработке доктринальных основ датской внешней политики в послевоенный период принадлежит П. Хэккерупу. По мнению историка Н. Петерсена, «Внешняя политика Дании», написанная премьер-министром Дании П. Хэккерупом, являлась настольной книгой датских дипломатов и политиков в период холодной войны¹⁹. П. Хэккеруп продолжил традицию адаптации во внешней политике, и его взгляды во многом совпадали со схожими высказываниями Э. Скавениуса и П. Мунка. Так, по мнению П. Хэккерупа, «маленькие государства должны воздерживаться от инициатив по продвижению своих идеалов во внешней политике (*ideal foreign policy*), если к этому не располагает международная обстановка»²⁰. Таким образом, одной из особенностей внешней политики Дании в период противостояния двух блоков являлся ее адаптивный характер, воздержание от ценностного подхода и стремление к балансированию.

Тем не менее доктрина П. Хэккерупа также содержит некоторые элементы интернационализма. Так, в его книге подчеркивается, что Дания должна оказывать влияние на международное развитие исходя из своих принципов, суждений и позиций, которые следуют из ее взглядов как демократического общества²¹. Однако в иерархии внешнеполитических целей продвижение ценностей П. Хэккеруп ставит на третье место после обеспечения существования Дании как независимой демократической нации и реализации ее конкретных политических, экономических и культурных интересов²².

В период холодной войны возросло количество международных организаций, и характерной чертой внешней политики Дании стало стремление быть представленной в разнообразных международных форумах. С одной стороны, это было продиктовано необходимостью балансирования между различными блоками. С другой стороны, в этом также наблюдается элемент

интернационализма — оказание влияния на международные отношения и продвижение собственных интересов возможно лишь посредством активного участия в процессе принятия решений. Распределение внешнеполитических приоритетов Дании в период холодной войны выглядело следующим образом: в области безопасности сотрудничество с НАТО; в экономической и торговой сфере — интеграция сначала в ЕАСТ, затем в ЕЭС; деятельность в рамках ООН как главного международного форума для решения наиболее актуальных глобальных проблем; традиционные связи со странами Северной Европы в области экономики, культуры, политики; деятельность в рамках ОБСЕ как способ разрешения противоречий между «Востоком» и «Западом»²³.

Кульминацией адаптивной политики стала «политика оговорок» 1982–1988 гг., когда парламентское большинство вынудило правительство выступать с критикой и оговорками в отношении НАТО и США.

В результате выборов 1988 г. было сформировано коалиционное правительство, состоящее из консерваторов, Либеральных «Венстре» и Радикальных «Венстре». Министр иностранных дел от либерал-демократической партии «Венстре» Уффе Эллеманн-Йенсен инициировал создание специальной комиссии, уполномоченной проанализировать новые тенденции в международных отношениях, которые необходимо учесть при формировании новой концепции внешней политики Дании. Главные принципы внешнеполитического курса были озвучены 17 апреля 1989 г. и легли в основу «доктрины Уффе Эллеманна-Йенсена». Ключевым понятием новой доктрины стала политика «активного интернационализма» и превращение Дании в активного игрока на международной арене²⁴.

Внешняя политика Дании на протяжении определенного периода являла собой сочетание прагматизма и активного интернационализма, но после окончания холодной войны наблюдается отчетливый сдвиг в сторону последнего.

Одним из проявлений активизма во внешней политике Дании после окончания холодной войны стала ее милитаризация, развившаяся в расширенном использовании военных средств для поддержания международного мира и стабильности. С 1993 г. Дания приняла участие как в операциях по поддержанию ми-

ра, так и миротворческих операциях. Относительно большой вклад Дания внесла в бывшей Югославии — более 1300 солдат в 1993 г.; Дания также принимала участие в большом количестве т. н. гуманитарных интервенций, например в Албании в 1997 г., когда Дания была председателем ОБСЕ и направила 61 солдата²⁵.

В свете новой ситуации, которая сложилась в 1990-е гг. в связи с распадом биполярной системы, приверженность Дании традиционным принципам участия в разрешении международных конфликтов только при наличии мандата ООН и использования переговоров вместо конфронтации заметно ослабла. Только 3 из 82 вооруженных конфликтов в 1989–1992 гг. имели место между государствами²⁶. Это в значительной степени актуализировало вопросы суверенитета и возможностей вмешательства во внутренние конфликты других государств с целью защиты прав национальных меньшинств и прав человека. В концепции внешней политики Дании 1993 г. соблюдение прав человека и демократических принципов относится к проблемам, переходящим границы отдельного государства. «Сегодня, когда границы утратили большую часть своего значения и отдельные общества теснее привязываются друг к другу... нарушения прав человека не могут рассматриваться как внутреннее дело государства. Это касается всего международного сообщества»²⁷. Межэтнические конфликты создают большие потоки беженцев и могут оказывать дестабилизирующее влияние на соседние государства или целый регион. «Таким образом, государства имеют законный интерес вмешиваться в некоторые “внутренние” дела друг друга. В крайней форме это может происходить с помощью применения силы, о чем свидетельствуют гуманитарные интервенции, проведенные ООН в трех частях света за последние несколько лет»²⁸. Таким образом, в концепции внешней политики Дании 1993 г. вмешательство во внутренние дела других государств считалось возможным лишь при наличии мандата ООН.

«Активный интернационализм» 1990-х гг. стал переходным этапом от адаптивной политики 1980-х к «ценностному активизму» 2000-х гг. На парламентских выборах 20 ноября 2001 г. впервые после 1924 г. наибольшее количество голосов получила Либеральная партия «Венстре». Коалиционное правительство во главе с Андерсом Фогом Расмуссенем было сформировано

совместно с Консервативной народной партией, и министром иностранных дел стал председатель Консервативной партии Пер Стиг Мёллер. Третьей по величине в фолькетинге стала националистически настроенная Датская народная партия, без поддержки которой правительство не могло бы проводить свой курс.

Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. способствовали значительному пересмотру курса внешней политики и политики безопасности Дании в целом. Военный активизм, который был также характерен для датской политики безопасности в 1990-е гг., приобрел новый и более ярко выраженный характер. Используя формулировку датского исследователя Х. Моуритсена, на смену атлантической ориентации, характерной для внешней политики Дании после окончания Второй мировой войны, пришел «суператлантизм»²⁹.

Перемены стали ключевым понятием в новой концепции внешней политики. «Международная система находится в трансформации. Больше, чем когда бы то ни было, развитие зависит от того выбора, который мы сделаем»³⁰. Новое правительство поставило цель отойти от прежней внешней политики, которая, по словам Андерса Фога Расмуссена, «в течение многих лет страдала от комплекса малого государства и политики пассивной адаптации»³¹.

Новая внешнеполитическая концепция получила окончательное оформление к июню 2003 г. в правительственном документе «Меняющийся мир». Параллельно пересмотру подверглась гуманитарная политика и политика в отношении стран третьего мира, что нашло отражение в другом правительственном документе под названием «Глобальная разница». Позднее на основе этих документов в том же 2003 г. были опубликованы разработанные специальной группой подходы к политике безопасности Дании в соответствующем документе «Политика безопасности». Вместе эти три документа составляют концептуальные основы нового внешнеполитического курса Дании.

К разработке новой концепции внешней политики правительство приступило не сразу. В свете предстоящего председательства Дании в ЕС во второй половине 2002 г. приоритетной задачей правительства стала подготовка к этому, по словам Андерса Фога Расмуссена, самому большому внешнеполитиче-

скому событию современности для Дании³², которое поставило точку в холодной войне и Ялтинской системе международных отношений³³. Главной темой на повестке дня было принятие решения о расширении ЕС за счет государств Центральной и Восточной Европы. Дания была одним из первых государств, установивших дипломатические отношения с Прибалтийскими государствами в 1991 г. Несмотря на сильную критику со стороны России, на протяжении 1990-х гг. Дания проводила политику активного интернационализма, направленную на содействие Прибалтийским республикам и Польше в их интеграции в евроатлантические структуры НАТО и ЕС. Во время председательства Дании в ЕС в 1993 г. были разработаны критерии для вступления в ЕС новых членов. Председательствование 2003 г. проходило под лозунгом «От Копенгагена до Копенгагена» и было призвано подвести черту под политикой предыдущего десятилетия³⁴.

В центре внимания новой концепции внешней политики Дании находится индивид, его права и возможности, которые выделяются в качестве необходимого условия для мира и процветания³⁵. В этом прослеживается влияние идей классического либерализма, рассматривающего уважение прав и свобод каждой отдельной личности в качестве предпосылки благосостояния и защищенности общества. «Личность над системой, уважение к каждому отдельному индивиду и право распоряжаться собственной жизнью с самого начала было и будет проходить красной нитью в политике правительства», — говорится во вступительной речи премьер-министра Андерса Фога Расмуссена на открытии фолькетинга 1 октября 2002 г.³⁶ Акцентируя внимание на индивиде как главной ценности, руководство Дании дистанцируется таким образом от убеждений предыдущих левоцентристских правительств, отводивших главную роль коллективизму и солидарности.

Свобода и демократия соответствуют второй и третьей категориям ценностей, которые выделяются в новой концепции внешней политики в качестве слагаемых «формулы процветания», наряду со свободой торговли и экологической и социальной защищенностью³⁷. Во внешней политике это нашло отражение в поддержке Данией создания Международного уголовного суда. Под призывом защиты свободы и демократии

Дания также приняла участие в военных операциях в Афганистане и Ираке.

Безопасность представляет собой четвертую категорию ценностей в концепции внешней политики Дании и означает гарантию защищенности каждого индивида от таких всевозрастающих угроз, как международная преступность, распространение оружия массового уничтожения и терроризм³⁸.

Как отмечает датский исследователь Х.-Х. Хольм, внешняя политика, которая призвана продвигать свободную инициативу каждого отдельного индивида в условиях рыночной экономики, основывается на политических ценностях самого правительства, а не на Уставе ООН или других документах международного права³⁹.

Тем не менее на принципах либерального интернационализма построены хартия ОБСЕ 1975 г., Парижская Хартия 1991 г., а также основополагающие документы Европейского союза. Согласно этим принципам, условиями поддержания мира между государствами выступают демократия; свободное движение товаров, людей и идей; соблюдение прав человека и меньшинств; рыночная экономика и свобода торговли.

Так называемая гипотеза Бентхэма подразумевает, что свобода торговли и коммуникаций способствует снижению конфликтов, порожденных национализмом и шовинизмом⁴⁰. Схожие взгляды находили отражение в высказываниях Дж. Мейджора («Торговля является миротворцем»), Т. Фридмана и других политиков и исследователей.

Стирание граней между государствами, культурами, политикой и экономикой, усиление роли транснациональных корпораций и международных негосударственных объединений приводят к переосмыслению таких понятий, как «суверенитет» и «национальный интерес». Т. Фридман в своей книге «Плоский мир» пишет о том, что на смену классическим геополитическим интересам приходят новые формы международного сотрудничества, которые посредством глобальных каналов производства и сбыта объединяют большинство развитых и развивающихся государств⁴¹.

Таким образом, идеалом либерал-интернационализма является международное сообщество, в котором конфликтное поведение сдерживается самими государствами, разделяющими общие

нормы и ценности. При этом для либерал-интернационалистов не обязательно, чтобы нормы были закреплены во всех основополагающих документах международного права. Как отмечает Ч. Голдман, существует «серая область» между законом и незаконном, в которую входят, например, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и большая часть основных международных документов, таких, как Хельсинский заключительный акт 1975 г.⁴²

Усиление ценностного подхода во внешней политике Дании было также обусловлено внутривнутриполитической борьбой и опорой правительства на националистически настроенную Датскую народную партию. В теории международных отношений внешняя политика, основанная на ценностном подходе, всегда считалась опасной и неприемлемой для малых государств⁴³. Х.-Х. Хольм полагает, что внешнеполитические инициативы либерал-консервативного правительства 2001–2011 гг. показали пример того, насколько далеко может зайти малое государство в реализации политики ценностного активизма при наличии четкой стратегии и надежного внутривнутриполитического плацдарма⁴⁴.

Ценностный активизм представляет собой подход, согласно которому борьба за определенные ценности ставится выше всех других соображений во внешней политике⁴⁵. Поэтому главной чертой ценностного подхода является риск, на который идет правительство, проводя такую политику несмотря на угрозу для выживания, благосостояния и безопасности⁴⁶.

Так, усиленное отстаивание либерально-демократических принципов на международной арене обернулось для Дании наихудшим внешнеполитическим кризисом со времен Второй мировой войны в связи с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда в датской газете «Юлландс-постен» (сентябрь 2005 г.). Страна оказалась один на один с возмущившимся мусульманским миром, чей протест нашел выражение в виде крупномасштабных демонстраций и поджогов датских посольств в Индонезии, Сирии, Ливане, Иране.

Однако до принятия в 2003 г. нового ценностного подхода в истории Дании также проявлялись элементы провокационности, которые можно приписать ее стремлению как малого государства стать заметнее на международной арене. Например:

- В 1997 г. Дания инициировала принятие резолюции Комиссии по правам человека ООН, направленной против на-

рушений прав человека в Китае, на что правительство Китая отреагировало сокращением торговли и инвестиций, замораживанием политических контактов и отменой визита датского министра.

- В 1998 г. Дания выразила протест против проводившихся в Индии ядерных испытаний, свернув с ней гуманитарное сотрудничество несмотря на то, что Индия была первым государством-партнером Дании и программа помощи существовала непрерывно с 1950-х гг.

- В 2002 г. проведение в Копенгагене Всемирного чеченского конгресса вызвало резкую критику со стороны России, в результате чего президент В. Путин отказался приехать в Копенгаген для участия в саммите Россия — ЕС, проводившемся во время председательства Дании в ЕС.

Продвижение интересов и ценностей не является новым явлением в датской внешней политике. Схожие высказывания встречаются в указанных сочинениях П. Мунка, П. Хэккерупа и других политиков. Однако впервые в концепции 2003 г. продвижение ценностей ставится во главу угла в качестве главной цели внешней политики.

С одной стороны, это объясняется внутренними причинами, в первую очередь влиянием Датской народной партии на политический курс правительства. С другой стороны, поддержка частью населения политики правительства объясняется также проблемами, с которыми сталкиваются европейские общества на фоне усилившейся иммиграции из неевропейских стран. Теракты 11 сентября 2001 г. выявили наличие новых угроз безопасности и процветанию. В данной связи выделение фундаментальных ценностей в качестве одного из средств реализации внешней политики представляет собой попытку преодоления этих негативных тенденций, характерных для эпохи «столкновения цивилизаций».

Сочетание европейского и трансатлантического векторов внешней политики является условием, при котором внешняя политика Дании может осуществляться в глобальном измерении⁴⁷. Этим правительство Дании выразило свое отношение к возможности заполнения вакуума, образовавшегося после распада СССР, соревнующимися между собой силами на Европейском континенте. По этой причине Дания отказалась от участия

в общей политике безопасности ЕС. «Безопасность Дании лучше гарантирована супердержавой в Северной Америке, нежели хрупким и неустойчивым балансом сил между Великобританией и Францией», — говорится в выступлении премьер-министра Дании Андерса Фога Расмуссена⁴⁸. После терактов 11 сентября 2001 г. руководство Дании определило курс на поддержку США как единственного гаранта международной безопасности. «Американцы разделяют наши ценности и интересы, и у них есть ресурсы и желание для их продвижения»⁴⁹.

Некоторые исследователи склонны считать, что ценностный активизм является примером того, как Дания «некритично следует политике США»⁵⁰. Очевидно, что во многом повестки дня США и Дании совпадают. Дания поддерживает США, потому что США являются самой сильной державой в мире, и не доверяет решение вопросов, касающихся безопасности государства, европейским державам. В качестве аргумента приводится разделение в Европе по отношению к войне в Ираке.

Историк из университета Орхус Торстен Борринг Олесен полагает, что положение Дании стало более уязвимым в связи с военными операциями в Ираке, Афганистане, а также «карикатурным кризисом». Это касается не только большей открытости террористическим угрозам, о чем, в частности, свидетельствуют отчеты разведывательных спецслужб Дании. Ориентация на США как единственную супердержаву также наносит урон отношениям Дании с ближайшими европейскими державами, в первую очередь Германией и Францией. С экономической точки зрения 70% экспорта Дании приходится на страны ЕС. Торстен Борринг Олесен полагает, что участие Дании в военных операциях являлось средством доказать свою лояльность по отношению к США и было выгодно в первую очередь самой Дании, а не Ираку⁵¹.

С 1948 по 2011 гг. 95 тыс. датских солдат приняли участие в международных военных операциях⁵². Однако если ранее участие Дании в военных столкновениях сводилось к помощи в гуманитарных катастрофах и ликвидации конфликтов, то с 2000-х гг. военные операции с участием Дании были в гораздо большей степени направлены на ликвидацию прямого противника. Другими словами, Дания стала двигаться по направлению к тому, чтобы стать «стратегическим актором/участником»⁵³ международных конфликтов.

Можно частично согласиться с утверждением Питера Вигго Якобсена из Академии обороны Дании, что участие в военных операциях было обусловлено заинтересованностью Дании как малого государства в поддержании международных организаций, в частности ООН и НАТО. Однако военный активизм Дании в период правления Андерса Фога Расмуссена и ее готовность к участию в военных операциях на стороне США, несмотря на критику других стран-участниц НАТО и ООН, очевидно требует более сложного объяснения.

Профессор Копенгагенского университета Оле Уэвер считает, что обосновать претензии такого государства-лилипута, как Дания, которое пытается вести себя как великая держава, очень сложно. Оле Уэвер не видит политических выгод, полученных Данией в результате участия в военных операциях, за исключением «престижа и высоких постов в НАТО»⁵⁴. Как отмечает Питер Вигго Якобсен, главной целью участия Дании в военных операциях в Ираке и Афганистане было угодить США и Великобритании⁵⁵. По мнению Оле Уэвера, это было прежде всего выгодно правительству и военным кругам, поскольку в данном случае «они получают уважение, к их голосу прислушиваются»⁵⁶.

В период 2001–2010 гг. рост экспорта Дании в США вырос на 76,46% (для сравнения: экспорт Германии в США вырос на 39,53%, Франции — на 26,13%). При этом рост прямых инвестиций Дании в США составил 400%, Германии — 31,17%, Франции — 19,21%⁵⁷. В период с марта 2002 по март 2008 гг. состоялось 7 визитов Андерса Фога Расмуссена в США, причем последний визит имел место незадолго до назначения его генеральным секретарем НАТО в феврале — марте 2008 г. Интересно и место встречи — в отличие от предыдущих визитов в Белый дом, Андерс Фог Расмуссен был приглашен на собственное ранчо Дж. Буша в Техасе. Это свидетельствует о высшей степени доверия, когда-либо оказываемого датскому министру со стороны американского руководства. Эксперты полагают, что назначение Андерса Фога генеральным секретарем НАТО является не просто знаком благодарности за участие Дании в военных операциях на стороне США. Датский премьер-министр не на словах доказал свою приверженность либерально-демократическим принципам и ценностям. Как отмечают Андерс Хенриксен и Йенс Рингсмозе, «американцы в первую очередь почувствовали, что Фог разделя-

ет внешнеполитическое видение США и стратегические планы по развитию НАТО и что решение Фюга о вступлении Дании в войну против Ирака и Афганистана показало, что датский премьер-министр способен принимать чрезвычайно тяжелые решения»⁵⁸. Именно поэтому, считают авторы, американское руководство поддержало кандидатуру Андерса Фюга Расмуссена на пост генерального секретаря НАТО. Не последнюю роль в формировании имиджа Фюга сыграла также его позиция во время «карикатурного кризиса».

Оценивая трансформацию докринальных основ внешней политики Дании во второй половине XX — начале XXI вв., можно сделать несколько выводов. Во-первых, характерной чертой внешней политики Дании как малого государства является сочетание адаптивности к интересам великих держав, с одной стороны, и поиск альтернативных путей влияния на международной арене — с другой. Эти тенденции, получившие названия адаптивности/детерминизма и интернационализма, находят отражение во внешнеполитических доктринах, которые формируются путем широкого консенсуса между правящими партиями и оппозицией.

Во-вторых, с окончанием холодной войны исчезла прежняя угроза безопасности Дании. Вместе с этим снизилась популярность левых партий, отстаивавших «политику оговорок» в отношении НАТО и выступавших за сдерживание и разоружение. На смену блоковому противостоянию пришли реальные или мнимые угрозы этнического и конфессионального характера (теория «столкновения цивилизаций»), что вызвало рост популярности националистических движений. Для внутривнутриполитической ситуации в Дании это означало приход к власти Датской народной партии, которая получила роль «кингсмейкера» правящей либерал-консервативной коалиции. Это сделало возможным проведение курса во внешней политике, получившего название «ценностный активизм».

В-третьих, особенностью новой формы интернационализма внешней политики Дании стала возросшая милитаризация и готовность к участию в военных операциях на стороне США независимо от мандата ООН, поддержки со стороны европейских государств и наличия внутривнутриполитического консенсуса в целом. Это оказало негативное влияние на отношения Дании как с европейскими государствами, так и с мусульманским миром.

Кульминацией этой политики стал «карикатурный кризис», ставший самым крупным в истории дипломатии Дании со времен Второй мировой войны.

В-четвертых, беспрецедентные явления в истории внешней политики Дании были во многом связаны с личностью тогдашнего премьер-министра Дании Андерса Фога Расмуссена. Его готовность идти на риск, связанный в том числе с человеческими жертвами, во имя отстаивания либерал-демократических ценностей, сыграла немаловажную роль в его последующем назначении на пост генерального секретаря НАТО.

Таким образом, с одной стороны, во внешней политике Дании во второй половине XX – начале XXI вв. наблюдается преемственность и повторяемость основных тенденций, характерных для внешней политики малого государства (адаптивность/детерминизм и активизм), что позволяет говорить о ее дуалистическом характере. С другой стороны, в ходе трансформации доктринальных основ во внешнюю политику Дании были привнесены новые явления, обусловленные изменениями в международной системе и внутривнутриполитической жизни государства, что свидетельствует о возможности различных вариантов развития этих основных тенденций.

---

¹ *Branner H.* The Danish Foreign Policy Tradition and the European Context. Copenhagen, 1999. P. 2.

² *Kelstrup M.* Danmarks deltagelse i det internationale samarbejde - fra pragmatisk funktionalisme til aktiv internationalisme? // H. Gottlieb [et al.]. Fred og konflikt. Copenhagen, 1991. S. 291.

³ *Heurlin B.* Sikkerhedspolitik og forsvar. Kbh., 1979. S. 69.

⁴ *Kelstrup M.* Danmarks deltagelse i det internationale samarbejde - fra pragmatisk funktionalisme til aktiv internationalisme? S. 290.

⁵ *Branner H.* Småstatens udenrigspolitik: Danmark i den internationale politik. København, 1982. S. 13.

⁶ *Ibidem.*

⁷ *Hanf K., Soetendorp B.* Small states and the Europeanization of public policy // Adapting to European intergration. Small states and the Euroeopan Union. L.; N. Y., 1998. P. 7.

⁸ *Mouritzen H.* Finlandization: towards a general theory of adaptive politics. Aldershot, 1988; *Mouritzen H. O., Wæver H.* Wiberg. European Integration and National Adaptations. A Theoretical Inquiry. N. Y., 1996; *H Mouritzen.* Theory and reality of international relations. Aldershot, 1998.

⁹ *Heurlin B.* Danish Security Policy // Cooperation and Conflict (Oslo). Vol. 4. № 17. December, 1982. P. 252.

¹⁰ *Skavenius E.* Forhandlingspolitikken under besættelsen. Kbh., 1948. S. 9.

¹¹ *Ibid.* S. 12.

¹² *Due-Nielsen C., Petersen N.* Adaptation and Activism. The Foreign Policy of Denmark 1967–1993. Kbh., 1995.

¹³ *Holbråd C.* Danish Neutrality. A study in the Foreign Policy of a Small State. Oxford, 1991. P. 20.

¹⁴ *Buzan B.* People, States and Fear. The National Security Problem in International Relations. Brighton, 1983. P. 43.

¹⁵ Дания в фактах. Министерство иностранных дел Дании. Копенгаген, 2004. С. 1.

¹⁶ *Munch P.* Ministre des Affaires étrangères du Danemark. La politique du Danemark dans la Société des Nations. Genève, 1931. P. 17.

¹⁷ История Дании, XX в. М., 1998. С. 106.

¹⁸ *Munch P.* Ministre des Affaires étrangères du Danemark. La politique du Danemark dans la Société des Nations. P. 18.

¹⁹ Dansk udenrigspolitik historie. Bind 6: Europæisk og globalt engagement, 1973–2006. Kbh., 2006. S. 22.

²⁰ *Hækkerup P.* Danmarks udenrigspolitik. Kbh., 1965. S. 16.

²¹ *Ibid.* S. 9.

²² *Ibid.* S. 17.

²³ *Heurlin B.* Nye prioriteringer i dansk udenrigspolitik // Dansk Udenrigspolitik Årbog 1993. Copenhagen, 1994. S. 32.

²⁴ *Larsen H.* Denmark and the CFSP in the 1990s. Active Internationalism and the Edinburgh Decision. DUPI Working paper no. 4. Copenhagen, 1999. P. 1.

²⁵ *Holm H.-H.* Fra aktiv internationalisme til aktiv værdipolitik: Danmarks nye udenrigspolitik // Politiske processer og strukturer i det 21. århundrede. Kbh, 2004. S. 541.

²⁶ Dansk og europæisk sikkerhed. Det Sikkerheds- og Nedrustningspolitiske Udvalg. København, 1995. S. 81.

²⁷ Principper og perspektiver i dansk udenrigspolitik: dansk udenrigspolitik på vej mod år 2000. Kbh., S. 7.

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Mouritzen H.* Denmark's super atlanticism // Journal of Transatlantic Studies. Vol. 5. № 2. P. 155–167.

³⁰ A Changing World. The Government Vision for New Priorities in Denmark's Foreign Policy. Copenhagen, 2003. P. 3.

³¹ *Rasmussen A. F.* «Hvad kan det nytte?» // Berlingske Tidende. Den 26. marts 2003 http://www.stm.dk/_p_5364.html.

³² Statsminister Anders Fogh Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 1. oktober 2002. http://www.stm.dk/_p_7367.html.

³³ Statsminister Anders Fogh Rasmussens afrapportering fra DER Bruxelles i Europa-Parlamentet den 6. november 2002. http://www.stm.dk/_p_7356.html;

Statsministerens afrapportering fra DER København i Europa-Parlamentet den 18. december 2002. http://www.stm.dk/_p_7330.html.

³⁴ Statsminister Anders Fogh Rasmussens præsentation den 28. juni 2002 af program for det danske EU-formandskab juli-december 2002 http://www.stm.dk/_p_7348.html.

³⁵ A Changing World. P. 18.

³⁶ Statsminister Anders Fogh Rasmussens tale ved Folketingets åbning tirsdag den 1. oktober 2002. http://www.stm.dk/_p_7367.html.

³⁷ A Changing World. P. 6.

³⁸ A Changing World. P. 6.

³⁹ *Holm H.-H.* Fra aktiv internationalisme til aktiv værdipolitik: Danmarks nye udenrigspolitik. S. 526.

⁴⁰ *Holsti K. J.* From Khartoum to Quebec. Internationalism and nationalism within the multi-community state // *Nationalism and internationalism in the Post-Cold War era.* L., 2000. P. 145.

⁴¹ *Friedman T.* The world is flat: a brief history of the XXIst century. New York, 2005.

⁴² *Goldmann K.* The logic of internationalism: coercion and accommodation. L., 1994. P. 28.

⁴³ *Holbråd C.* Danish Neutrality. A study in the Foreign Policy of a Small State. Oxford, 1991.

⁴⁴ *Holm H.-H.* Fra aktiv internationalisme til aktiv værdipolitik: Danmarks nye udenrigspolitik. S. 545.

⁴⁵ *Ibid.* S. 523.

⁴⁶ *Ibid.* S. 525.

⁴⁷ A Changing World. P. 8.

⁴⁸ *Rasmussen A. F.* «Hvad kan det nytte?»

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ *Jacobsen P. V.* Denmark at War: Turning Point or Business as Usual? // *Danish Foreign Policy Yearbook 2000*; *Holm H.-H.* Fra aktiv internationalisme til aktiv værdipolitik: Danmarks nye udenrigspolitik.

⁵¹ *Dørge H.* Småstatens dilemma // *Weekendavisen.* № 39. 28.09.2007. S. 3.

⁵² *Halskov L., Svendsen J.* Stormagtsdrømmene er forbi // *Politikken.* 2.10.2011. S. 3.

⁵³ *Rynning S.* Denmark as a strategic actor: Danish security policy after September 11 // *Danish Foreign Policy Yearbook.* Copenhagen, 2003. P. 23–46.

⁵⁴ *Halskov L., Svendsen J.* Stormagtsdrømmene er forbi. S. 3.

⁵⁵ *Jensen J. V.* I krig med eliten // *Weekendavisen.* 29.10.–4.11.2010. S. 1.

⁵⁶ *Halskov L., Svendsen J.* Stormagtsdrømmene er forbi. S. 3.

⁵⁷ *Henriksen A., Ringsmose J.* Hvad fik Danmark ud af det? Irak, Afghanistan og forholdet til Washington. DIIS Report 14. Kbh, 2011. S. 30.

⁵⁸ *Ibid.* S. 31.

В. И. Фокин

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

После поражения СССР в холодной войне, Северной Европе, казалось, был уготован удел тихой благоустроенной периферии европейской политики. Однако в начале XXI в. этот регион приобрел новую актуальность, вызванную важными географо-экономическими факторами. Летом 2007 г. западные СМИ заpestрели громкими заголовками: «Таяние арктических льдов», «Новая холодная война» и «Захват Арктики». Публикации были сфокусированы на действиях России и полны ощущением конфликта и кризиса. Тогда на дне Северного Ледовитого океана был установлен российский флаг, увенчавший Северный полюс. Претензии России на арктическое дно и контроль над новыми морскими путями интерпретировались в устаревших геополитических терминах XX в., усиливая ощущение конфликта.

Эти публикации получили широкое признание в общественном сознании, поскольку строились на геополитических стереотипах более чем столетней давности, тех, что господствовали еще во времена Российской империи, на протяжении всего советского периода и теперь в начале истории современной России. Все это время западная геополитическая мысль была одержима идеей естественного конфликта между центральной частью Евразии и западными морскими державами. Арктика играла в этой парадигме несущественную роль «северной стены», которая естественным образом обеспечивала стратегию сдерживания крупнейшей материковой державы мира — Рос-

сии. В начале XX в. проблема соперничества между Российской империей и колониальными и торговыми державами, интересы которых распространялись на всю периферию Азиатского континента — от Ближнего Востока до Китая — оказалась в центре геополитических доктрин Альфреда Тайера Мэхэна и Хэлфорда Маккиндера. Однако они считали, что морские возможности России ограничены географически, поэтому основные усилия предлагали приложить на центральноазиатском направлении. «Наш следующий враг Советский Союз», — писал Маккиндер в 1943 г.¹ Заметим, что эта точка зрения основывалась не на идеологических соображениях, а исключительно на принципах геополитики, на географическом факте занятия Советским Союзом «стержневого района земли», доминирование над которым являлось условием для будущего американско-английского мирового господства. Сдерживание России и ее евразийского центра стало основой геостратегии второй половины XX столетия. Северный Ледовитый океан и полярные районы вообще объявлялись новым «стратегическим центром» мира. Последовали призывы к полярной экспансии США в Канаду, Гренландию, Исландию и т. п. Эти районы являлись якобы силовым вакуумом, который США следовало бы заполнить первыми. Гренландию и Исландию американские геополитики определили «мостами на пути к СССР». Играя решающую геополитическую роль, эти мосты должны были перейти во владение США. Американский геополитик Роберт Страус-Хюпе писал, что, «когда США оккупировали Исландию и Гренландию, это являлось примером геополитического развития по сценарию Хаусхофера — геополитической экспансией по линии «Запад — Восток»². Следуя логике и динамике «широтного экспансионизма» — экспансионизма по меридиану, по линии «Запад — Восток», — «будущие границы США должны включать Тромсе, Берген (Норвегия)»³. Геополитические теории Маккиндера решающим образом повлияли на политику и стратегию США. Концепция установления полного военного контроля Вашингтона над странами Западной Европы в целях будущей борьбы с Советским Союзом за американскую гегемонию над «стержневым районом земли» — Heartland — занимаемым Советским Союзом, то есть за мировое господство, оформилась до окончания Второй мировой войны. Доктрина Трумэна полностью основывалась на геополитических

концепциях Маккиндера. Ее провозглашение явилось политико-силовой реализацией этих концепций. Рассматривая теории Маккиндера, нельзя не прийти к заключению, что эти теории воплотились в создание Организации Североатлантического Договора (НАТО).

С поражением Советского Союза в холодной войне геополитический подход к международным делам остался в США неизменным. В 1997 г. Збигнев Бжезинский представил идею взятой в кольцо России, которая ограничена Европой на западе, бывшими советскими республиками на юго-западе и Индией, Китаем и Японией на юге и востоке. Хотя он скорректировал оценку геополитической ситуации с учетом распада СССР, его геостратегическим подходом по-прежнему оставалось окружение и сдерживание России в условиях новых отношений, которые США и НАТО строили с бывшими советскими республиками и странами-сателлитами. Роль Арктики в качестве недоступной «четвертой стены» окружения предполагалась, но не рассматривалась детально — XX в. завершился «белым пятном» в Арктике.

В конце XX столетия казалось, что геополитическая стратегия взятия в кольцо и сдерживания России выдержала испытание временем. Но в Арктике назревали изменения, и «стена» с севера начала разрушаться. В конце XX в. изменения климата, тенденции в развитии мировых технологий и экономики актуализировали арктические теории геостратегов прошлого.

В XXI в. доступ к Арктике позволяет России в будущем развиваться и расти в качестве морской державы, вначале только региональной — на Севере, но затем ее влияние может распространиться везде, куда получит доступ российский флот. Подобное превращение грозной сухопутной державы в одну из первоклассных морских держав потребует активизации усилий на этом направлении, даже если речь пойдет об экономическом сотрудничестве, а не противостоянии в военной области. Вокруг этой новой «географической оси» XXI в. не избежать конфликтов, но приверженность нормам международного права и уважение суверенитета прибрежных и отдаленных государств сделают конфликты скорее политическими, чем военными. Наличие политической воли в соблюдении правовых норм, в обмене информацией, в совместном обеспечении безопасности

и в разработке согласованной политики позволит сохранить Арктику как регион мира. Возможность такого решения проблемы существует: сегодня формируется институциональная база конструктивного сотрудничества. Конвенция по морскому праву, Илулисатская декларация и Арктический совет заложили основы для мирного развития морских путей в Арктике и признания прав прибрежных держав на использование, разработку и защиту органических и минеральных ресурсов в арктических морях и на их дне⁴. Сюда необходимо добавить российско-норвежский договор, подписанный в 2011 г. Определяющим является именно наличие политической воли к сотрудничеству, а не противоборству. В этом политическом уравнении пока много неизвестных.

Одно из основных ограничений для сотрудничества — укоренившиеся в общественном сознании стереотипы и предубеждения. Они имеют глубокие корни и крепкие традиции. В объединенной Европе это страх перед «русским натиском». «Никто не может предсказать, — писал в 20-е гг. прошлого века австрийский философ, публицист, политик граф Куденхоф-Калерги, — будет ли Россия коммунистической, абсолютистской или республиканской, очагом прогресса или реакции. Но мы знаем одно: этот великий народ преодолет свой кризис, и тогда ни одно европейское государство, изолированное, не сможет противостоять его наступлению. При всем удивлении перед величием души русского народа, ищущего новых форм жизни на непроторенных путях, мы должны ясно осознать, что никто еще не знает исхода русской революции. Ни один паневропеец не думает мешать жизни новой России, которая, быть может, прольет в Европе новый свет. Но каждый европеец должен четко уяснить русскую опасность и уразуметь единственный путь, обеспечивающий европейскую независимость: Соединенные Штаты Европы»⁵. Европа представляет собой некое идейное, духовное единство⁶. Европу создали люди: географически Европейского континента не существует, как отдельного материка. Европейские границы порождены историей, а не географией. Европа, прежде всего, — культурное единство, при своей географической расчлененности, при всей множественности своих ландшафтов. Россия не вписывается в европейское представление о единой культуре. Сегодня Европейский союз не готов

воспринять идею духовного родства с Россией в географических границах Европы.

Другой важный фактор геокультурного пространства, определяющего политическую динамику Европейского Севера, — североамериканцы. Американская геополитика периода первых послевоенных лет требовала установления американского мирового господства. Весьма характерна в качестве примера переплетения расизма с геополитикой книга известного американского социолога и географа С. Хантингтона «Главные движущие силы цивилизации», вышедшая после Второй мировой войны и много раз переиздававшаяся с тех пор. Задача Хантингтона обосновать «цивилизаторскую миссию» англосаксов вообще и американцев в особенности. Для этой цели он использует физическую географию, а также различные социал-дарвинистские теории. Обосновывая мысль о «естественной руководящей роли» США во всем мире, Хантингтон утверждал, что США обладает наиболее активизирующим климатом в мире. Это, по Хантингтону, способствует не только хорошим урожаям хлопка и маиса, но и оказывает свое благотворное действие на утверждение американской предприимчивости и формирование идеалов гражданского общества. Англосаксы рассматривались как наиболее жизнеспособные нации мира. На страницах своего журнала «Наследственность и евгеника» Хантингтон провозглашал американцев биологически высшей расой. Он цинично оправдывал геноцид индейцев «естественным» вытеснением «энергичными» англосаксами «неполноценного» этноса.

Неслучайно норвежский философ Оттар Брокс назвал американскую империю глобальной системой структурного фашизма⁷. Норвежский политолог и философ Харальд Офстад, охарактеризовав США как систему международного фашизма в мире, писал во время войны Соединенных Штатов во Вьетнаме: «Самое простое объяснение происходящих событий в современном мире то, что Гитлер выиграл войну и дирижирует теперь миром из секретного командного центра...»⁸

Современный мировой порядок характеризуется стихийностью и непредсказуемостью. Кризис цивилизационного сознания в первую очередь отражается в мире политическом. Мир гарантированных границ, закрепленных международными соглашениями, внезапно сменяется миром, не имеющим

территориально-правовых гарантий. Оживает геополитический тип сознания: он связан с ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано «жизненное пространство» и где смогут выжить только сильные. Характерной особенностью геополитического мышления, в отличие от цивилизационного, является его «натуральный» характер. Здесь биология, антропология и география довлеют над гуманистическим идеалом. Современный мировой порядок стал более естественным, но это не значит, что он стал более здоровым. В нем общественным идеалам уготована роль «дымовой завесы» информационного обеспечения внешнеполитических действий, так называемой «мягкой силы», а не руководства к действию.

В этих условиях поиски оптимальных решений, получение нового предостерегающего знания, выявление выгодной политико-экономической альтернативы осуществляется на основе исследования возможных геостратегических сценариев развития. Задача евразийских государств-гарантов — найти оптимум равновесия между державами и в поддержании его по всей диагонали Северная Европа — Юго-Восточная Азия. При этом определяющим фактором в ближайшие десятилетия будут регионы богатые углеводородными ресурсами. В этой связи резко возрастает роль Северной Европы как форпоста Арктики в политическом отношении и как левого фланга геостратегической оси.

В результате предпринимаются решительные попытки перехватить инициативу. В ответ на претензии России на Севере и заявленную в доктрине безопасности готовность защищать свои интересы в мире вплоть до применения силовых методов, страны Северной Европы попытались сформировать свою позицию. Министры иностранных дел этих стран на встрече в Рейкьявике в ноябре 2010 г. обсудили вопросы, связанные с заключением Северного пакта. В январе 2011 г. в Лондоне прошел саммит стран Северной Европы. В нем приняли участие лидеры 9 стран, а именно — Великобритании, Исландии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии. По официальной информации, целью переговоров в Лондоне было укрепление экономических и социальных связей девяти стран-участниц, а также обсуждение системы координации действий в Арктике. Но главной новостью саммита стала общая

идея о создании нового военного блока — северной мини-НАТО. Идея принадлежит шведскому историку, профессору Гуннару Веттербергу⁹.

Бывший министр иностранных дел и обороны Норвегии Торвальд Столтенберг разработал в 2009 г. проект «Нордического пакта»¹⁰. Он подразумевает создание мини-НАТО, в которое войдут совместные военные и пограничные силы, разведслужбы, центр защиты от кибернетических атак, а также система координации действий в Арктике. Столтенберг не скрывает, что идея создания нордического военного блока — ответ на усилия России по межеванию и освоению арктического шельфа и природных ресурсов под ним. Как известно, в Арктике находится четверть мировых запасов нефти и газа. В основе плана лежат традиционные геополитические модели. Распил такого лакомого кусочка входит в сферу интересов всех северных стран¹¹. Вскоре о своем желании присоединиться к такому блоку заявили страны Балтии. На Лиссабонском саммите НАТО латвийский министр обороны Артис Пабрикс предложил создать «Северную шестерку» с участием Дании, Финляндии, Швеции, Литвы, Латвии и Эстонии. Великобритания хочет объединить Северную Европу в собственный военный блок, который будет направлен, прежде всего, против России. Но все ли североευропейские страны готовы прогнуться под Великобританию, все ли они хотят новой холодной войны? На основе вышеуказанной идеи в Северо-атлантический альянс можно будет интегрировать ранее нейтральные страны — Швецию и Финляндию. По данным сайта WikiLeaks, экс-посол США в Норвегии Бенсон Уитни считает, что проект такой военной организации полезен, ведь это позволит «присматривать за полярными медведями и русскими». Базовый текст нового объединения главы МИД стран Скандинавии и Балтии должны рассмотреть в апреле в Хельсинки.

Схема Столтенберга является также отражением тех событий и тенденций, которые имеют место на уровне ЕС. Европейская служба внешнеполитической деятельности с момента начала своей работы 1 декабря пытается лучше координировать внешнюю политику ЕС. Еврокомиссия в своем «Гражданском докладе» за 2011 г. подчеркивает, что консульства стран-членов ЕС должны помогать гражданам Евросоюза, если у их страны нет

в данном месте дипломатической миссии. В нем также звучит призыв к «распределению нагрузки» в моменты кризисов. Польша, став в 2011 г. председателем ЕС, должна привести в действие положение Лиссабонского договора о военном сотрудничестве. Финский министр иностранных дел Александр Стубб, со своей стороны, считает, что проект Столтенберга может проложить путь к созданию новых оборонных структур ЕС. «Североевропейские государства могут работать над объединением и совместным использованием военных ресурсов и военного потенциала стран-членов ЕС в рамках Лиссабонского договора, — говорит он. — Это позволит им концентрировать свои коллективные усилия, которые они могут предлагать затем для использования на благо всех, например, в операциях ЕС по урегулированию кризисов. Они могут также начать совместную работу по созданию постоянного оперативного штаба ЕС в Брюсселе».

Таким образом, мы можем констатировать, что в современных условиях существуют две парадигмы развития ситуации на Севере Европы: добрососедское сотрудничество в освоении богатств арктического бассейна и обеспечении его экологической безопасности или нагнетание напряженности в регионе, активизация военных усилий в борьбе за свои интересы. Если на стороне первой тенденции есть длительный опыт взаимовыгодного сотрудничества, то за второй — скрываются живучие ложные стереотипы массового сознания и желание, столкнув в конфликте страны Северной Европы, получить преимущества там, где при нормальных условиях шансов нет.

---

¹ *Mackinder H. J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. July 1943. См.: перепечатана в его книге Democratic Ideas and Reality. New York, 1962. Основная новая геополитическая концепция Маккиндера — это концепция «средиземного океана» (Северная Атлантика) и зависящих от него морей и речных бассейнов Европы и Америки. Интересно заметить, что текст основного стратегического документа холодной войны — меморандума Совета Национальной Безопасности 68 (NSC-68) почти полностью совпадают с пассажами текста работы Маккиндера. Дав еще в 1943 г. теоретическое обоснование политики, направленной на установление американо-английского мирового господства, Маккиндер ошибся только в одном. США после войны не намеревались делиться ни с кем, стремясь сами установить мировое господство, для чего им потребовалось поставить под свой контроль все владения и сферы влияния Великобритании. Как британские «ревизионисты» историки замечают теперь,*

уже к 1949 г. США, под прикрытием идеологического лозунга о специальных отношениях и партнерстве между Великобританией и США, завоевали все сферы влияния некогда могущественной Британской империи. В течение короткого периода специальных отношений с Американской империей Великобритания превратилась в слабое и подчиненное государство, внешняя политика которого полностью стала диктоваться Вашингтоном. См.: статью шведского исследователя А. Н. Крейтора «Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал-дарвинизм», опубликованную в 2002 г. // www.i-y.u — дата обращения 27 марта 2011 г.

² Robert S.-H. Geopolitics. New York, 1942. S. 234 Цит. по: Крейттор А. Н. Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал-дарвинизм // www.i-y.u — дата обращения 27 марта 2011 г.

³ Там же.

⁴ Кейтлин А. Крайний Север и геополитика в XXI веке // Россия в Глобальной политике. № 5. Сентябрь/Октябрь 2010 // www.globalaffairs.ru — дата обращения 25 января 2011 г.

⁵ Coudenhove-Kalergi. R. N. Kampf um Paneuropa. Bd. I. 1925. P. 49.

⁶ Coudenhove-Kalergi. R. N. Held oder Heiliger. Wien-Paris-Leipzig, 1927.

⁷ Ottar Brox Structurfascismen Verdandi debatt. Lund, 1972. Цит. по: Крейттор А. Н. Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал-дарвинизм.

⁸ Harold Ofstad Our Contempt for Weakness: Nazi Norms and Values-and Our Own (Almquist & Wiksell International, Gothenburg), 1989. Цит. по: Крейттор А. Н. Американская геополитика на службе завоевания мира. Политический социал-дарвинизм.

⁹ В Скандинавии об объединении думают давно. Идея создания Соединенной Нордической Федерации, или United Nordic Federation, принадлежит известному шведскому историку, профессору Гуннару Веттербергу. В 2009 г. он опубликовал книгу, где объяснил, что новое государственное федеративное образование может стать неким подобием скандинавской Швейцарии или скандинавских Соединенных Штатов. С таким же распределением прав и обязанностей всех членов: сохранение национальной самобытности при делегировании в ведение федеральных органов государственных суверенитетов, внешней, оборонной и отчасти экономической политики. Символом единства могло бы стать номинальное правление датского королевского дома. Книга признана официальным документом Нордического Совета — регионально-политического консультативного органа всех пяти нордических государств.

¹⁰ Торвальд Столтенберг — бывший министр иностранных дел и бывший министр обороны Норвегии, а также отец нынешнего норвежского премьер-министра Йенса Столтенберга.

¹¹ Как заявил Столтенберг: «Мы живем в мире, в котором уже нет такого понятия, как “дальние страны”. Такой реалии больше не существует... а проблемы сегодня серьезнее, чем прежде». Он подчеркнул, что «не стал использовать слово “состязаться”, но мы должны быть способны выполнять свои обязанности», связанные с проблемами освобождающейся ото льда Арктики. «Сегодня мы, — уточняет он, — уже не можем в одиночку справляться с задачами по поиску и спасению в данном регионе. Что касается военной стороны,

то сегодня стоимость высоких технологий растет столь быстро, что либо мы начнем сотрудничать, либо наша оборона быстро деградирует. Если мы не будем сотрудничать, то через 20 лет в Европе останется всего четыре страны с достаточно сильными и эффективными вооруженными силами — Россия, Германия, Франция и Британия». По словам Столтенберга, северный альянс — это «естественное» объединение. «Это вопрос географии, культуры, ценностей. Мы говорим на одном языке. Мы ощущаем между собой такую близость, какой у нас нет с другими народами, — говорит он. — В странах Северной Европы уже налажено великолепное сотрудничество между разведывательными службами. Такого не было даже во времена холодной войны. Есть тесные контакты на личном уровне. Все это вопрос доверия, вопрос общих интересов». Столтенберг отмечает, что хотя Финляндия и Швеция не являются членами НАТО, не выраженная словами солидарность по типу Североатлантического альянса между этой пятеркой государств уже существует. «Можно ли поверить, что в случае нападения на одну из североευропейских стран такую страну можно будет изолировать от других? Нет. Если будет совершено нападение на одну северную страну, то может случиться так, что втянутыми в конфликт окажутся и все остальные страны». Сам Столтенберг не скрывает, что идея скандинавской «мини-НАТО» — ответ на усилия России по межеванию и освоению арктического шельфа и природных ресурсов под ним. «Мы живем в мире, где уже нет такого понятия, как “очень далеко”. Наши способности должны быть адекватными ответственности, в том числе и вызовам в освобождающейся ото льда Арктике», — считает Столтенберг. Почти прямой намек на подписанную в мае 2009 г. российским президентом Д. А. Медведевым новую российскую Стратегию национальной безопасности до 2020 г., отмечает РИА «Новости». Почти паническую реакцию на Западе вызвала та часть стратегических оценок роли и места России в мире и стоящих перед ней угроз, где говорилось, что в будущем конфликты могут возникать у границ России вокруг сырьевых ресурсов. И что при урегулировании этих конфликтов вовсе не исключается применение военной силы.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

А. А. Лебедев

**«А КАК ВОЕННОЕ ВРЕМЯ НАСТУПИЛО,
ТО И... МАТРОСЫ... ОБУЧЕНИЕ ПОЛУЧАЮТ»:
ПРОБЛЕМЫ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ РУССКОГО
ПАРУСНОГО ФЛОТА НА БАЛТИКЕ**

Эпоха Петра I со всей очевидностью показала, какое огромное значение имеет для России военно-морской флот. Во многом благодаря флоту был взят Азов (1696), осуществлены многие достижения в Северной войне, включая окончательный слом сопротивления Швеции, блестяще проведен Каспийский поход (1722). Не меньшее значение имела и военно-морская демонстрация Балтийского флота в 1723 г., весьма поспособствовавшая как признанию Швецией за Петром I императорского титула, так и согласию ее на союз с Российской империей¹.

Казалось бы, необходимость содержания постоянно готового к войне флота превращена Петром I в аксиому для своих наследников. Тем более что опыт Северной войны 1700–1721 гг. оставил весьма поучительные примеры использования флота и другими странами: достаточно вспомнить высадку Карла XII под стенами Копенгагена в 1700 г. или появление английских кораблей в Балтийском море в помощь Швеции в 1719–1721 гг.

Формально, за исключением разве что Петра II, заявившего: «Я не хочу ходить по морю, как дедушка»², — все остальные правители России в период 1725–1856 гг. однозначно высказывались за необходимость наличия на Балтике флота, способного обеспечить на ней господство, а Екатерина II, Павел I и Николай I даже позиционировали его как силу, важную для решения

задач за пределами Балтики. Тем не менее после смерти Петра I реальность стала все серьезнее расходиться со словами. Ведь даже поверхностное знакомство с историей Балтийского парусного флота невольно поражает одной и той же особенностью — обилием свидетельств о проблемах его боеготовности³.

В общем ситуация для Балтийского флота выглядит практически хронической. В чем причины такой постоянности? При анализе отечественной историографии выясняется, что, за исключением малоизвестной работы В. М. Головнина⁴, других специальных трудов по этой проблематике не обнаруживается, а в качестве наиболее популярного ответа присутствует вариант о сложных природно-климатических условиях Балтийского моря и Финского залива. Однако подобные проблемы частенько испытывал и Черноморский парусный флот России, у которого, как известно, условия базирования выглядят намного лучше.

Таким образом, актуальность данной проблемы становится совершенно очевидной, но сейчас можно лишь попытаться обозначить наиболее значимые причины хронических бед русского флота.

Пожалуй, самая главная проблема здесь заключалась в управлении флотом или состоянии «среды» его существования, поскольку именно от высшего руководства зависело и каким быть флоту, каковы будут нормы его повседневного существования и какие офицерские качества будут приветствоваться для карьерного роста.

К сожалению, Российскому флоту после Петра I крайне не везло на высших руководителей, среди которых не оказалось не только ни одного флотоводца, но и сильных администраторов-то насчитывались единицы. Не слишком оптимистичной была и общегосударственная тенденция постепенного усиления всех видов регламентации⁵, внешней отчетности, парадной помпезности, формального отношения к делу. Наконец, на расположенный близко к столице Балтийский флот влияла и бесконечная борьба придворных группировок, в том числе построенных и по национальному принципу⁶.

Результаты такого положения дел не замедлили сказаться, о чем достаточно рельефно свидетельствуют как исторические источники, так и исследовательские работы⁷. К тому же в первой половине XIX в. для флота добавилась еще одна проблема:

упорное навязывание ему общепармской системы организации и подготовки, включая безграничные парадные и строевые занятия. Ответом на это стало существенное падение любви к морскому делу среди офицерского состава, все большее «тяготение нашего флота к берегу» и как конечное следствие — появление «Севастопольского синдрома».

Далее весьма неблагоприятно обстояло дело с состоянием личного корабельного состава. К сожалению, за отдельными исключениями российские руководители так и не смогли ни сформулировать адекватных корабельных штатов для Балтийского флота, ни обеспечить их выполнения. Свидетельством тому является нижеследующая таблица.

Корабельный состав Балтийского флота 1730–1850-е гг.: штаты и реальность

Дата принятия штата	Состав линейной части Балтийского флота по штатам ⁸	Выполнение принятых штатов
1732	27 линейных кораблей, 6 фрегатов	К началу русско-шведской войны 1741–1743 гг. в строю в боеспособном состоянии находились 14 линейных кораблей и 3 фрегата ⁹ . К началу Семилетней войны 1757–1762 гг. Балтийский флот насчитывал боеспособными 21 линейный корабль и 5 фрегатов ¹⁰
1757	27 линейных кораблей, 6 фрегатов	К концу 1761 г. реально действовавшими Балтийский флот насчитывал 19 линейных кораблей и 2 фрегата ¹¹
1764	<p><i>Штат мирного времени:</i> 21 линейный корабль, 4 фрегата</p> <p><i>Штат военного времени (малый комплект):</i> 32 линейных корабля, 8 фрегатов</p> <p><i>Штат военного времени (большой комплект):</i> 40 линейных кораблей, 8 фрегатов</p>	В начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на Балтийском флоте оказалось способными к выходу в море лишь 14 линейных кораблей ¹² , часть из которых с трудом дошла даже до Англии («Северный Орел», «Саратов», «Не тронь меня»)

Дата принятия штата	Состав линейной части Балтийского флота по штатам ⁸	Выполнение принятых штатов
1782	<p><i>Штат мирного времени:</i> 40 линейных кораблей, 12 фрегатов</p> <p><i>Штат военного времени:</i> 48 линейных кораблей, 16 фрегатов</p>	<p>Ко времени русско-турецкой войны 1787–1791 гг., несмотря на общую численность Балтийского флота в 48 линейных кораблей и 26 фрегатов, реально могли выйти в море не более 24 линейных кораблей. Только к 1791 г. численность главных сил достигла 32 боеспособных линейных кораблей и 9 фрегатов¹³. Почти такую же численность боеспособных линейных кораблей (33 единицы) имел Балтийский флот и в 1796 г., только с одной поправкой: 19 линейных кораблей были полностью готовы, а 14 годились только для Балтики¹⁴</p>
1798	45 линейных кораблей, 19 фрегатов	В 1801 г. Балтике удалось собрать для защиты Кронштадта 18 линейных кораблей и 8 фрегатов ¹⁵
1803	27 линейных кораблей, 26 фрегатов	К 1812 г. Балтийский флот имел годными всего 13 линейных кораблей и 7 фрегатов ¹⁶ . К 1825 г. Балтийский флот насчитывал не более 5 реально боеспособных линейных кораблей и 10 фрегатов ¹⁷
1827	27 линейных кораблей, 26 фрегатов	В 1853 г. Балтийский флот имел в своем составе «могущих быть под парусами и под парами» 25 линейных кораблей, 7 фрегатов и 11 пароходно-фрегатов ¹⁸

Более того, практически нормой стало низкое качество судостроения, а также содержание в строю ни на что не годных кораблей лишь для поддержания отчетности. Понятно, насколько это снижало возможности флота как для нормальной подготовки, так и для боевых действий. Что также подтверждают исторические источники и исследовательская литература¹⁹.

Что же касается проблемы состояния личного состава, то она в действительности состояла еще из двух частей — это степень укомплектованности флота и отношение офицерского состава к служебным обязанностям. К сожалению, как то, так и другое было совсем «не на высоте».

Вначале необходимо сказать об укомплектованности флота. Материалы ряда существующих исследований показывают, что качества подготовки личного состава на Балтийском флоте в период войн на Балтике 1741–1743 гг., 1756–1762 гг., 1788–1790 гг. и 1853–1856 гг. практически всегда не хватало²⁰.

Что же касается подготовки уже имевшегося личного состава, то ее нормальное состояние вполне было способно снять целый ряд проблем. Прежде всего, следует остановиться непосредственно на офицерах русского флота. Среда эта была весьма разнородна, но некоторые обобщения сделать можно. Сильными сторонами большей части офицерского корпуса русского парусного флота являлись неплохое знание практической стороны службы и обладание такими качествами, как стойкость, храбрость, готовность к самопожертвованию.

Что же касается недостатков, то важнейшими из них была весьма низкая подготовка в области военно-морского искусства, которая складывалась как из недостаточности ее преподавания в корпусе²¹, так и из-за нехватки практического опыта военно-морских действий на протяжении большей части существования Балтийского парусного флота. На этот счет генерал-адъютант Ф. П. Литке в середине XIX в. высказался следующим образом: «Кто из нынешних командиров кораблей наших бывал в морском сражении? Во многих ли из них можно предположить ту верность взгляда и сноровку, ту решительность и самоуверенность, которые теорией не даются и без которых беда в морском бою, где капитан есть властелин своих действий». Или знаменитый П. С. Нахимов так снисходительно отозвался о тактических итогах Трафальгара: «Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр? Вздор-с! Весь маневр Нельсона состоял в том, что он знал слабости неприятеля и свою собственную силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдниках, которые были воспитаны им и его предшественниками»²².

Кроме того, существовало формальное отношение к службе, с сопутствующим этому нежеланием брать инициативу на себя, стремлением действовать строго по инструкции (особенно это было заметно на Балтике, где мелочный контроль верховной

власти был особенно сильным)²³. Также наблюдалось еще и презрительное отношение к нижним чинам. В них видели прежде всего крепостных крестьян, что сопровождалось уже нежеланием заниматься их подготовкой (также это имело большее распространение на Балтике, чем на Черном море, но это, видимо, было связано с наличием на Черном море сразу нескольких выдающихся командующих). О том, насколько остро стояла данная проблема, свидетельствует уже тот факт, что о ней писало или упоминало подавляющее большинство как самих офицеров, так и исследователей²⁴.

Теперь, вероятно, следует перейти к анализу практической подготовки эскадр Балтийского флота, которая, как известно, у моряков имеет особое значение.

В XVIII в. боевая подготовка на Балтийском флоте сводилась к следующим элементам: пушечные и ружейные экзерциции, практические плавания, «примерные баталии». Осуществлялось все это, как правило, исключительно на практических эскадрах, включавших обычно лишь несколько кораблей, где собирали в первую очередь рекрутов для получения ими основных навыков. Это выглядело не самым худшим образом, особенно по сравнению, например, с французским флотом, где вплоть до 1772 г. не проводилось вообще никаких учений в море²⁵.

Однако такой подход (при полном отсутствии хотя бы периодических практических плаваний эскадр) вел к отсутствию «сплаванности» кораблей, сложности удерживать даже линию баталии (о чем писали Ф. М. Апраксин в 1725 г.²⁶ и Екатерина II в 1765 г.²⁷).

Следующим недостатком была практика ограниченных по дальности плаваний, к которым в основном и сводилась практика мирного времени. Лишь при Екатерине II и Павле I во многом благодаря складывавшейся международной обстановке обычными стали дальние плавания эскадр (1-я Архипелагская экспедиция, походы, связанные с вооруженным нейтралитетом и действиями против революционной Франции).

Далее, нельзя не отметить сроки плаваний, которые в мирное время оставались весьма небольшими, сводясь обычно к летнему времени. Правда, здесь объективное обстоятельство все-таки имелось — сложные природно-гидрографические условия Финского залива, однако и в этом случае при соответствующем

желании могли быть варианты (например, перевод практической эскадры в Ревель и желание действительно готовиться, а не отписываться фразами типа «для сохранения эскадры по причине наступающих темных ночей и бурной погоды»²⁸).

Однако главной проблемой боевой подготовки XVIII в., как представляется, все-таки был ее слишком формальный характер. Причем, что еще более странно, это осознавалось, но не считалось предосудительным.

Раскрою заявленный тезис конкретными примерами.

Сначала относительно обучения личного состава обращению с парусами. Казалось бы, на значение этого элемента даже обращать внимание моряков предосудительно для их профессионализма. Однако не раз и не два видим, благодаря шканечным журналам, формальные выходы практических эскадр, лишь «отбывавших» время в море. Масштабность явления засвидетельствовала даже Екатерина II, высказавшаяся в 1769 г. по поводу плавания практической эскадры П. П. Андерсона: «О Андерсоне и упоминать нечего; он вовсе ни с одним кораблем прямо в море не держался, но лишь ходил из бухты в бухту, где стоял и чинился все лето»²⁹. Более того, в русском флоте вообще утвердился принцип, что настоящее обучение матросы должны получать лишь после наступления войны, что и засвидетельствовала Адмиралтейств-коллегия в своем отчете Петру III в 1762 г.: «А как военное время наступило, то... матросы... обучение получают»³⁰.

Теперь об обучении стрельбе. Несмотря на распространенность ружейных и пушечных эзерциций, практической стрельбе, судя по имеющимся у нас материалам, внимания уделялось крайне недостаточно. Даже в 1798 г. Адмиралтейств-коллегия позволяла для подготовки рекрутов тратить не более трех выстрелов из орудия³¹. Регулярно срывались даже те немногие занятия, которые присутствовали в регламентах³². Результат — итоги артиллерийской стрельбы русских кораблей в морских сражениях XVIII — начала XIX вв. даже при благоприятных условиях оказывались далекими от лучших европейских образцов. Например, можно сравнить результаты стрельб отряда И. А. Повалишина в Выборгском сражении и эскадры Д. Н. Сенявина в Афонском и английской стрельбы в Абукирском или Трафальгарском сражениях.

Что касается обучения эскадр эволюциям, то хотя само по себе проведение «примерных баталий» и стоит признать полезным явлением, однообразный и слишком показатель характер их проведения в действительности приносил немало отрицательного, приучая к слишком простому и шаблонному виду боя. Русские же моряки и так имели малый опыт настоящих морских сражений (если сравнить с британским флотом).

В XIX в. система подготовки на Балтийском флоте практически не изменилась. Количество и дальность практических плаваний возросли. Однако так было не всегда. В. Г. Андриенко пишет о последнем десятилетии правления Александра I: «Плавал флот мало и почти так же формально, как и числился. Например, в ежегодных кампаниях на море в первой половине 1820-х гг. участвовало примерно до четверти от общего числа кораблей и фрегатов»³³. Добавилась также зимняя подготовка в манеже (но опять-таки, по словам А. М. Зайончковского, совершенно в извращенном виде³⁴).

Более того, в дополнение к указанным проблемам появилась еще одна: поскольку на флот, как мы уже говорили выше, начиная с Александра I, стали смотреть как на разновидность армии, то моряков все более начали приучать к строевой и прочей сухопутной подготовке, не имевшей ничего общего с нуждами морского дела³⁵.

Стоит ли после этого удивляться проблемам с боеспособностью русского флота в целом и Балтийского флота в частности? Думается, вопрос риторический. Тем более что ответ лежит просто на поверхности: стоило только возглавить корабль или эскадру по-настоящему влюбленному в свое дело человеку, как все те же корабли и все те же матросы становились совершенно другой силой на море. Достаточно взять показатели той же эскадры Д. Н. Сенявина, действовавшей в Средиземном море в 1805–1807 гг.³⁶, или показательный фрагмент из донесения П. И. Ханькова, написавшего в 1795 г.: «При сем должен я признаться, что соединение наше с англичанами было нам полезно, ибо люди наши, ревнуя проворству и расторопности англичан и стараясь не уступать им в том, как то, во взятии рифов, в прибавке и убавке парусов и во всем прочем, столько изошрились, что то, что у нас прежде делалось в 10 или 12 минут, ныне делают они в 3 или 4 минуты»³⁷.

В заключение необходимо ответить на вопрос: а как сами моряки оценивали свою готовность? В целом вполне реалистично, то есть невысоко, что наиболее отчетливо просматривается в хроническом неверии в свои силы. Не верили в себя офицеры 1-й Архипелагской экспедиции, включая Г. А. Спиридова, скептически относился к своим возможностям В. Я. Чичагов, поспешил уйти в 1808 г. в Балтийский порт П. И. Ханьков, не верили в успех балтийские флагманы в начале Крымской войны 1853–1856 гг.

Вроде бы справедливо. Однако здесь не обошлось без российской специфики: доведения реалистических оценок до абсурда или до полного пренебрежения имевшимися возможностями. Вызвано это было гипертрофированным превознесением иностранных достижений.

Итак, хотя своего рассмотрения требуют и многие другие проблемы, влиявшие на подготовку Русского флота в целом и Балтийского флота в частности, основные из них, на наш взгляд, можно уже выделить.

С одной стороны, при правильном понимании необходимости для России в достаточно сильном флоте в Балтийском регионе, при целом ряде крупных и успешных акций по его применению, российские верхи так и не смогли наладить нормального развития данного соединения в мирное время, сделав неизбежными и срывы многих планов, и постоянную «штурмовщину» в начале военных конфликтов. С другой стороны, за столь невеселые результаты мирной подготовки немалую долю вины несут и сами военные моряки, значительная часть которых не только не смогла понять специфики военно-морского флота (в том числе как средства быстрого реагирования), но и не испытывала даже любви к своему делу. Роль же природных факторов, как и писал в свое время В. М. Головнин, оказалась очень небольшой.

На взгляд автора, остается лишь пожалеть о тех больших выгодах, которые могла бы еще получить страна, если бы ее руководство своевременно решило хотя бы часть «рукотворных» проблем подготовки своего флота в мирное время.

---

¹ Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 136–137.

² *Маеродин В. В.* Рождение Новой России. Л., 1988. С. 321.

³ См.: Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1. Описания к картам. М., 1959. С. 266; *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М., 1994. С. 288, 357–358; *Гребенщикова Г. А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007. С. 580; *Каллистов Н. Д.* Флот в царствование Императора Александра I // История русской армии и флота. М., 1913. Т. IX. С. 66; *Зайончковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. В 2 т. СПб., 2002. Т. I. С. 567.

⁴ [Головнин В. М.] О состоянии русского флота в 1824 г. СПб., 1861.

⁵ О какой возможности проявления инициативы могла идти речь, если, например, Екатерина II лично решала в 1790 г. вопрос, имеет ли право командующий Балтийским флотом В. Я. Чичагов применять брандскугели против шведов или нет (*Чичагов П. В.* Записки. М., 2002. С. 484–485).

⁶ Подробнее см.: *Лебедев А. А. В. Я. Чичагов и его роль в истории русского парусного флота* // Гангут. 2011. № 63–64.

⁷ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 83; *Тревинин Д.* // Морской сборник. 1859. № 9. С. 137; *Копелев Д. Н.* На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX в. СПб., 2010. С. 9).

⁸ Сост. по: Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 14. Л. II–IV об.; Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 44. № 10725, № 12115, № 18304, № 21038; Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1888. Ч. 12. С. 696.

⁹ *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов. Львов, 2000. С. 5–6.

¹⁰ *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне. М., 1946. С. 22.

¹¹ *Лебедев А. А.* У истоков Черноморского флота России. СПб., 2011. С. 708–709.

¹² МИРФ. СПб., 1886. Ч. 11. С. 433–434. Речь идет о кампании 1769 г.

¹³ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. С. 149.

¹⁴ МИРФ. СПб., 1902. Ч. 16. С. 4.

¹⁵ МИРФ. СПб., 1904. Ч. 17. С. 72–75.

¹⁶ *Чернышев А. А.* Российский военный флот в войне 1812 г. и заграничном походе 1813–1814 гг. // Гангут. 2002. № 32. С. 29.

¹⁷ История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 303.

¹⁸ *Зайончковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. Т. 1. С. 828.

¹⁹ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. С. 82; МИРФ. Ч. 11. С. 541; *Зайончковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. С. 547.

²⁰ *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов. С. 5; *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне. С. 35; *Головагов В. Ф.* Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Кампания 1788 г. СПб., 1870. С. 9–11; *Зайончковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. Т. I. С. 555.

²¹ См.: отзывы Н. Нордштейна, В. И. Штейнгеля и В. М. Головнина (*Меркулов И. В.* Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II:

социальные аспекты комплектования командного состава флота. Дис. ... канд. ист. наук СПб., 2005. С. 199).

²² Цит. по: *Доценко В. Д.* Мифы и легенды русской морской истории. СПб., 1997. С. 62. «Да и мудрено искать морскую тактику, — задавались вопросом очень многие (хотя, конечно, далеко не все) в Российском флоте даже в конце XIX в., — море гладко» (*Кладо Н. Л.* Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 62).

²³ *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. С. 163; *Лупанова Е. М.* Офицерский корпус русского флота: норма и девиация повседневной жизни. 1768–1812 гг. СПб., 2011. С. 108–110; *Зайонгковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. Т. I. С. 567.

²⁴ См.: *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. С. 163; *Чугазов П. В.* Записки. С. 163–164; *Козлов С. А.* Путевые записки Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007. С. 34.

²⁵ *Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / Пер. с фр. М., 2003. С. 59.

²⁶ Из отзыва Ф. М. Апраксина о кампании 1725 г.: «Мало не все корабли... своему командиру не следовали... некоторые капитаны шли не так, как по морскому искусству довлеет...»

²⁷ Из отзыва Екатерины II о маневрах Балтийского флота в 1765 г.: «Адмирал хотел, чтобы они (суда. — А. Л.) выровнялись в линию, но ни один корабль не мог этого исполнить...»

²⁸ *Андриенко В. Г.* До и после Наварина. М.; СПб., 2002. С. 39.

²⁹ МИРФ. Ч. 11. С. 521.

³⁰ *Козюренко К. Л.* Морская комиссия Петра III // Гангут. 1998. № 17. С. 23.

³¹ МИРФ. Ч. 16. С. 213.

³² Там же. Ч. 11. С. 84.

³³ *Андриенко В. Г.* До и после Наварина. С. 30.

³⁴ *Зайонгковский А. М.* Восточная война, 1853–1856. Т. I. С. 566–567.

³⁵ *Комаров А.* Черноморский флот в период Крымской войны // Флото-мастер. 2000. № 1. С. 2–3).

³⁶ *Панафидин П. И.* Письма морского офицера (1806–1809) // Морской сборник. 1916. № 5. С. 21.

³⁷ МИРФ. СПб., 1893. Ч. 14. С. 491.

Н. Р. Славнитский

**УКРЕПЛЕНИЯ КРОНШТАДТА
И ИХ ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ
ОТ ШВЕДСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ФЛОТОВ В 1720 Г.**

Остров Котлин после Полтавской победы постепенно становится не только военным, но и торговым пунктом. По распоряжению Петра I в ноябре 1709 г. приступили к строительству на острове пристани и магазинов. К следующему году пристань была готова. Но она имела серьезный недостаток — недалеко выходила в море, поэтому к ней могли подойти лишь небольшие корабли с малой осадкой¹.

Однако военное значение Котлина — Кроншлота по-прежнему оставалось очень значительным. В частности, в марте 1710 г. остров снова стал опорным пунктом для наступления корпуса Ф. М. Апраксина к Выборгу. 21 марта отряд под командованием адмирала выступил по льду под Выборг, имея при себе 12 пушек 12-фунтового калибра и 3 мортиры. А 30 апреля того года от Котлина под фактическим руководством Петра I выступил русский флот, отправившийся с остальными припасами, необходимыми для осады шведской крепости.

В этом же году комендантом Котлина был назначен бригадир В. И. Порошин². На Кроншлот вместо переведенного оттуда Т. И. Трейдена был назначен полковник Ф. С. Толбухин, а в крепость Св. Александра — полковник П. И. Островский. Оба последних коменданта подчинялись В. И. Порошину, подчинявшемуся, в свою очередь, Санкт-Петербуржскому оберкоменданту генерал-майору Р. В. Брюсу³.

Кратко отметим, что в первом десятилетии XVIII в. были возведены форт Кроншлот (1704), батареи на острове Котлин и крепость Св. Александра. Эти укрепления и составляли костяк обороны острова в дальнейшем.

В феврале 1711 г. укрепления Котлина и Кроншлота пострадали от наводнения: «...большую батарею от воды малое число попортило, а меньшая батарея совсем разорена, около Кроншлота большую половину быков выломало и рознесло»⁴. Под руководством петербургского обер-коменданта Р. В. Брюса солдаты полков Ф. С. Толбухина и П. И. Островского сразу приступили к исправлению повреждений, а работы у крепости Св. Александра было решено отложить на лето, «понеже все дерновая работа»⁵.

Тогда же Р. В. Брюс вместе с капитаном Э. Лейном осматривал пристань и составил смету бревнам, необходимым для ее постройки (в тот период требовалось 3290 бревен)⁶.

Постепенно строительные работы на острове стали приобретать все больший размах. В середине января 1712 г. был обнародован именной указ Петра о выделении из шести губерний 3000 человек для «строения на Котлине-острове фортеции и жилья». По этому указу Московская губерния должна была выделить 1163 человека, Архангелогородская — 485, Азовская — 197, Киевская — 132, Смоленская — 237, Казанская — 550, Сибирская — 236⁷. К осени на работу прибыло 1840 человек⁸.

Из военных сооружений 1712 г. особое внимание уделялось усилению гавани с севера. К. И. Крюйс отмечал в письме к Ф. М. Апраксину 1 июля: «Чертеж новому шанцу, кругом новопостроенных каменных палат, мню, что по мысли его царского величества определен... Сию работу лучше зачать в нынешнее сухое время... я... с господином капитаном Лейном разсудил, что надобно нам к сей работе 500 человек работных людей, 500 средней руки бревен на рогатки и на мост под пушки, 3000 досок в 3 и 4 сажени длиною, толщиною в 2 и 3 дюйма... На оную крепость можно будет поставить 40 или 48 пушек, около может быть ров шириною в 12 и 14 футов, глубиною в 5 и в 6 футов, впрочем, как надлежит утвердим, что за Божиею помощью можно стоять от 10000 человек от неприятелей отпорчинить»⁹. К этому можно добавить, что в этом году котлинская артиллерия насчитывала 72 пушки, 3 мортиры и 1 гаубицу¹⁰.

Всего же Котлин и Кроншлот, по данным А. А. Раздолгина и Ю. А. Скорикова, защищали 234 пушки и 3 мортиры¹¹. Правда, авторы здесь не ссылаются на источник.

Относительно оснащенности укреплений Котлина артиллерией в следующем году полной ясности нет. А. В. Шелов, ссылаясь на ведомость, обнаруженную им среди дел Морского министерства, отмечал, что на Кроншлоте имелось 159 пушек, из них 78 тяжелых, 50 полевых и 1 легкая¹². Однако в ведомости, находящейся среди материалов Приказа артиллерии, приводятся несколько другие цифры: 24-фунтовых — 22 (к ним 800 ядер), 18-фунтовых — 26 (1000 ядер), 12-фунтовых — 27 (659 ядер), 10-фунтовых — 4 (400 ядер), 6-фунтовых — 49 (2468 ядер), 3-фунтовых — 32 (1700 ядер), всего 160 пушек, а также 14 мортир¹³. Какой из этих двух ведомостей следует отдать предпочтение, сказать трудно. При этом бросается в глаза небольшое количество ядер в Кроншлоте, однако в случае необходимости боезапас мог быть пополнен с кораблей Балтийского флота.

В начале 1714 г. на остров Котлин стали усиленно завозить артиллерийские орудия. 27 февраля капитан Э. Лейн доносил А. Д. Меншикову, что на прошедшей неделе привезено пушек чугунных 169, на текущей — 68 (в том числе 18-фунтовых 53, 12-фунтовых 10, 8-фунтовых 6). Всего в привозе было 237 орудий (в том числе 18-фунтовых 124, 12-фунтовых 67, 8-фунтовых 46)¹⁴. 13 марта 1714 г. он сообщил губернатору, что «прошлых недель привезено пушек 251, да сей недели 29 (в том числе 18-фунтовых 21, 12-фунтовых 3, 8-фунтовых 5), всего прошлых и нынешних недель в привозе 280 пушек (в том числе 18-фунтовых 159, 12-фунтовых 70, 8-фунтовых 51)¹⁵. 20 марта он же писал: «прошлых недель привезено пушек 280, да сей недели 18-фунтовых 10, 12-фунтовая 1, 6-фунтовых 20, итого сей недели 31, всего прошлых и нынешней недель в привозе пушек 312 (в том числе 18-фунтовых 169, 12-фунтовых 71, 8-фунтовых 51, 6-фунтовых 20)¹⁶.

Возможно, эти орудия предназначались для вооружения строящейся гавани (на этих работах были задействованы солдаты полков Чемесова и Белозерского, причем ежедневно работали от 302 до 314 человек¹⁷), но не исключено, что они были предназначены для вооружения корабельного и галерного флотов. Следует также обратить внимание на разночтения, встречающиеся в отчетах Э. Лейна.

К этому же периоду относится распоряжение Петра I относительно морских крепостей, данное им 2 июня 1714 г. В первую очередь оно касалось именно Кроншлота. В нем подчеркивалось, что главная особенность морских крепостей состоит в том, что «на сухом пути стоящие крепости всегда заранее могут о неприятельском приходе ведать, понеже довольно времени войску маршировать, а на море так безызвестно есть, как человеку о своей смерти, ибо получа ветр способный (неприятель. — Н. С.), без всякого ведения может придти, и все свое намерение исполнит, когда неготовых застанет»¹⁸. Это требовало от защитников этих крепостей повышенного внимания и бдительности. Поэтому инструкцией предусматривалось «непрестанно готовыми быть, а особливо батареи всегда в добром осмотрении, то есть людей часть с их офицеры при пушках, из которой надлежит некоторой части день и ночь набитыми ядрами (обязанными веревочками, дабы для салютации вынять было мочно) и оной порохом по неделю выветривать и сушить... все так иметь в готовности, что который час увидят какой парус или парусы тотчас люди с их инструменты в поряде стать должны и ожидать повеления. Кроме того, один фрегат всегда против крепости Святого Александра в готовности, а имянно от взломания вешнего льду до совершенного начатия осеннего, который имеет все идущие к Кроншлоту суды останавливать и их осматривать толко того, что не неприятельские ли и не гораздо ли многлюдны и не брандеры ли, и в сем накрепко смотреть, а до товаров ничем не касаться, а когда осмотрит, тогда его или их отпустит, буде же увидит что неприятельский, то оное судно арестовывать при себе и дать знать, буде же не под силу будет, тогда красный флаг з гротентага распустить и стрелять пушка за пушкой, идучи к Кроншлоту, а в Кроншлоте поднять красный же флаг (на батарее, а не наверху) и выстрелить из трех пушек, тогда всем воинским людям не только в Кроншлоте, но во всем острову тотчас стать на своих местах с ружьем, а между купецкого гавана и Кроншлота пловучими рогатками или бомбы задернуть вдвое»¹⁹.

В декабре 1715 г. под руководством капитана Э. Лейна приступили к постройке еще одного форта на территории Котлина. 7 января следующего года он был заложен и стал называться Но-

вый Кроншлот. Докладывая об этом Ф. М. Апраксину, Э. Лейн, в частности, отмечал: «Нового Кроншлота срублено выше воды аршин и ныне оные срубы всеми людьми и лошадьми возят на лед»²⁰. Это укрепление, возведение которого было закончено в 1719 г., представляло собой каменную стену бастионного начертания с гаванью посередине. Орудия, установленные на нем, могли вести перекрестный обстрел фарватера и таким образом защищали не только форт, но и проход²¹.

22 июля 1717 г. на расстоянии 1,5 км от крепости Св. Александра был заложен новый редут «мерюю в 30 сажен, а в высоту от земли в 1 с четвертью аршин»²².

В этот период (в апреле 1717 г.) кроншлотская артиллерия состояла 275 пушек, в том числе 101 орудие (24- и 18-фунтовых калибров), 76 12-фунтового калибра, 53 полевых и 44 легких, также 19 мортир. Эти силы распределялись следующим образом. В Старом Кроншлоте находились 42 пушки (16 тяжелых, 6 12-фунтовых, 10 полевых и 14 легких) и 7 мортир; в Новом Кроншлоте 76 пушек (24-фунтовых 66, 12-фунтовых 10), в крепости Св. Александра имелось 39 пушек (12-фунтовых 6, 6-фунтовых 12 и 17 легких) и 6 мортир; на батареях стояла 31 пушка (17 тяжелых, 6 12-фунтовых 8 6-фунтовых) и 3 мортиры, на бастионе было 49 пушек, на стенах гавани 36 пушек 12-фунтового калибра²³. Однако в апреле следующего года на батареях на гавани насчитывались уже 44 пушки (добавилось 2 пушки 12-фунтового калибра и 6 пушек 4-фунтового)²⁴. Всего же в 1718 г. в крепостях и на батареях имелись 294 орудия, защищавших главным образом южный проход²⁵.

В этот же период на острове начали возникать новые гавани: Корабельная, Купеческая и несколько позже Военная гавань.

Первое упоминание о Купеческой гавани относится к 27 февраля 1718 г., когда Петр I сообщил А. Д. Меншикову: «О строении при Котлине острове... доношу. Корабельной гавани губерниями сделано... срублено сверх воды на 5 фут и камень возят, а також и косые сваи, за что крепить корабли, бить зачали... из Купеческой гавани срублено сверх воды одной половины три венца, а на другой один, и камень возят, и, как я уповаю, что она работа... в будущем марте, конечно, ко окончанию придет»²⁶.

1 мая 1718 г. была составлена инструкция В. И. Порошину и другим комендантам Кроншлота²⁷. Однако она, по сути дела,

лишь повторяла пункты и положения уже упоминавшегося распоряжения Петра I о морских крепостях 1714 г.

В 1719 г., когда России угрожала война с Англией, по распоряжению Петра I из Москвы на Котлин были доставлены 156 орудий, в результате чего артиллерийское вооружение на острове возросло до 450 орудий²⁸. В том же году на Котлин и Кроншлот были направлены из полевой артиллерии 120 артиллеристов и для усиления гарнизона — еще 930 человек²⁹. Забегая вперед, отметим, что, после того как угроза миновала, часть из них, по-видимому, перевели с острова на материк.

В 1720 г. англо-шведский флот действительно появился в Балтийском море. Эскадра английского адмирала Д. Норриса, состоявшая из 20 линейных кораблей (1260 пушек, 7845 человек), 12 мая прибыла к Стокгольму. Шведы в общей сложности смогли в том году вывести в море 11 линейных кораблей (678 пушек, 4375 человек), 8 фрегатов, 5 бригантин, 11 галер и мелкие суда³⁰.

Отметим, что русское командование еще в апреле 1720 г. получило от посла в Гааге Б. И. Куракина сведения об отплытии английской эскадры в Балтийское море³¹. В мае эти сведения подтвердились³². В связи с этим были приняты дополнительные меры.

В том году достраивались Купеческая и Военная гавани, были возведены соединяющие их стены. В результате этого образовалась Средняя гавань. На Военной гавани в 1719 и 1720 гг. были установлены 72 орудия: 24-фунтовых пушек 24, 18-фунтовых — 48³³. На молах Купеческой гавани в тот период находилась 41 пушка³⁴.

25 апреля 1720 г. Петр I осмотрел вооружение на стенах гаваней. После осмотра он повелел установить на стенах Купеческой гавани 100, а на стенах Военной гавани — 80 орудий. Их установка была поручена шаутбенахту П. И. Сиверсу, который сразу приступил к претворению в жизнь указаний царя. Он распорядился расширить батарею, расположенную в юго-восточном углу Военной гавани, разместить на новых местах орудия, закончить укрепления двух новых батарей у восточных ворот гавани. Уже 6 мая 1720 г. П. И. Сиверс доложил Петру I: «Поныне по тем батареям поставлено 80 пушек, а на торговом гавану — 41»³⁵.

18 мая 1720 г. майору гвардии В. Д. Матюшкину, назначенному старшим по обороне укреплений острова Котлин, было приказано привести галеры в боевую готовность, а также приготовить к затоплению старые корабли («Михаил», «Гавриил», «Пернов»)³⁶.

Французский дипломат А. де Лави в июне 1720 г. доносил своему правительству: «Кроншлот продолжают укреплять со всех сторон, и теперь насчитывается не менее 2000 пушек, расположенных у входов, которые все укреплены. Кроме того, имеется 20 линейных кораблей, не считая фрегатов, так что, по-видимому, здесь не боятся шведов, хотя бы они вместе с англичанами вздумали попытаться высадку; приняты также меры предосторожности по всему протяжению морских границ, и войска, в количестве 70 000 человек, расположены так, чтобы их можно было стянуть туда, где потребуется вступить в борьбу с врагами»³⁷.

Таким образом, в 1720 г. Котлин представлял собой мощное фортификационное сооружение, которое в совокупности с Котлинской эскадрой русского флота было готово встретить неприятеля.

Однако противники не стали атаковать укрепления Котлина. 26 мая 1720 г. было принято решение объединенному англо-шведскому флоту идти к российскому побережью у Ревеля, куда он и прибыл 30 мая. Однако уже 2 июня, получив сведения о нападении русских галер на город Умео на северном побережье Ботнического залива, эти морские силы двинулись обратно и в дальнейшем находились между Аландскими островами и Стокгольмом³⁸.

Поэтому гарнизону Котлина не пришлось вступить в сражения со шведами, но все необходимые подготовительные меры русским командованием были приняты.

---

¹ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 34.

² В. И. Порошин до этого являлся комендантом Шлиссельбургской крепости, а позже стал обер-комендантом Санкт-Петербургской крепости.

³ Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. Кронштадт, 1904. С. 22–23.

⁴ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4224. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4224. Л. 2 об.

⁷ МИРФ. СПб., 1866. Ч. 3. С. 570.

⁸ Там же. С. 571.

⁹ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 290.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина). Оп. 1. Д. 33. Л. 167; Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. С. 57.

¹¹ Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. С. 36.

¹² Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. С. 57.

¹³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, Инженерных войск и Войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2 (Приказ артиллерии). Оп. 1. Д. 40. Л. 384.

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6325. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 6361. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 6384. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 6361, 6365, 6385.

¹⁸ Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. Приложение № 6; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 75. Л. 400.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 400.

²⁰ МИРФ. Ч. 3. С. 575.

²¹ Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. С. 61–62.

²² МИРФ. Ч. 3. С. 587.

²³ Там же. С. 585; Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. Прилож. № 5; Андреев В. Создание русского флота на Балтийском море и его боевые действия в Северную войну 1700–1721 гг. (Краткий обзор) // Морской сборник. 1938. № 9. С. 42.

²⁴ МИРФ. Ч. 3. С. 537–538.

²⁵ Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. С. 27.

²⁶ МИРФ. Ч. 3. С. 594.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 87. Л. 377.

²⁸ Шелов А. В. Крепость Кронштадт при Петре Великом. С. 73.

²⁹ Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. С. 46.

³⁰ Кротов П. А. Российский флот как фактор противостояния шведской морской силе на Балтике (1703–1721) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003. С. 197.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 367–370.

³² Там же. Л. 406. Письмо Петра I А. Д. Меншикову 16 мая 1720 г.

³³ Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 13.

³⁴ МИРФ. СПб., 1866. Ч. 2. С. 475–476.

³⁵ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А.* Кронштадтская крепость. С. 46.

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 412–413.

³⁷ Сб. Императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 40. С. 97–98.

³⁸ *Кротов П. А.* Российский флот как фактор противостояния шведской морской силе на Балтике (1703–1721). С. 197.

М. А. Партала

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ
НА БАЛТИЙСКОМ МОРСКОМ ТЕАТРЕ
В ИЮЛЕ 1914 Г. С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СУДОВ
ЧАСТНЫХ ПАРОХОДНЫХ КОМПАНИЙ**

Вопросы разведывательного обеспечения боевых операций Балтийского флота в Первую мировую войну традиционно привлекают внимание военных историков. Особый интерес при этом представляют действия русского командования по организации морской разведки в угрожаемый период в целях обеспечения первой операции флота. В самом общем виде эти вопросы были затронуты в трудах Морской исторической комиссии («Морискома»)¹. Вновь выявленные документы позволяют расширить наши представления по данной теме.

Как известно, большое влияние на формирование взглядов на характер и предполагаемые сценарии начала европейской войны на море оказал опыт русско-японской войны (1904–1905). Возможность открытия военных действий внезапным нападением на главные базы флота, высадкой десантов в наиболее важных и уязвимых точках побережья, проведение флотом противника уже в первые сутки других операций активного характера, рассчитанных на опережение и принятых с решительными целями, — все это рассматривалось военно-морскими специалистами накануне Первой мировой войны как нечто допустимое и, более того, вполне ожидаемое. Известные публикации позволяют применительно к этому периоду говорить о своеобразном «порт-артурском синдроме»,

когда морские штабы противостоящих держав, не располагая достаточной информацией о планах «оппонентов», приписывали друг другу желание и готовность действовать именно подобным образом. Так, в первом томе изданного в Германии официального описания войны на Балтийском море (1914–1918) прямо указано, что в кругах германского морского командования «господствовало мнение, что Россия может начать войну ночной минной атакой, как это сделали японцы в русско-японскую войну под Порт-Артуром»². В свою очередь, русское командование всерьез опасалось внезапного появления германского флота в Финском заливе, защита от нападения которого могла быть обеспечена только своевременной постановкой главного минного заграждения (как основного элемента так называемой центральной позиции).

Своевременность постановки главного заграждения в огромной мере зависела от своевременности принятия решения о начале этой операции. Как отмечалось в одном из докладов Морского министра, «...если постановка заграждения запоздает с выполнением, то противник сможет появиться на позиции ранее наших заградителей и тем самым не допустит постановки, а значит, поставит наш флот в безвыходное положение»³.

В материалах «Морискома» в этой связи вполне справедливо указывалось, что при подобных условиях самое серьезное внимание в военных планах Балтийского флота должно было быть обращено на организацию разведки. «Ни на мгновение не упускать из виду неприятельский флот — должно было сделаться основной задачей в этой области. И только удачное решение этой задачи могло разрешить вопрос об обеспечении своевременности постановки главного минного заграждения. В этой области величайшее значение должна была иметь рационально и целесообразно организованная тайная разведка. Однако, организуя таковую, нельзя было забывать и об организации соответствующей разведки средствами флота»⁴.

Следует вместе с тем отметить, что к началу Первой мировой войны русский флот не располагал полноценной и эффективно функционирующей системой разведывательных органов, способной обеспечить решение данной задачи на требуемом уровне. Вопросы тайной агентурной разведки находились в ведении Морского генерального штаба (МГШ). Но на флотском

уровне разведывательная работа не была никак организована, и лишь в ходе войны эта важная отрасль получила необходимое организационное оформление⁵. Естественно, что такое положение дел не могло не сказаться на качестве проработки и планирования вопросов разведывательного обеспечения боевых действий флота.

Как свидетельствуют документы, только в связи с началом июльского (1914) кризиса командующий морскими силами Балтийского моря адмирал Н. О. Эссен инициировал постановку наиболее важных и требующих первоочередного решения вопросов (в числе которых были и вопросы разведки) в ходе специального совещания у начальника МГШ. Первые шаги по отработке этих вопросов в штабе командующего и в МГШ датируются 12 июля⁶.

Достаточно быстро выяснилась неспособность агентурной разведки МГШ обеспечить флотское командование оперативной информацией о фактическом состоянии и приготовлениях германского флота. Так, 13 июля МГШ информировал командующего флотом: «Сведения тайной разведки в Германии пока имеются лишь 10 дней назад — все было спокойно, о новых сведениях срочно запрошены агенты, и их сведения немедленно будут сообщены Вам»⁷. В этот же день командующему флотом была направлена выборка из германских газет «относительно движения германского флота». В сопроводительном письме указывалось: «Последние сведения в сводках относятся к 10/23 июля, но полученные сегодня кильские газеты от 11/24 июля ничего нового не дают»⁸. На следующие сутки ситуация осталась такой же неопределенной, причем МГШ по-прежнему был вынужден в столь важном для штаба флота вопросе опираться исключительно на газетную информацию. Командующему флотом 14 июля, в частности, сообщалось: «В последних германских газетах каких-либо указаний на большое движение флота не содержится; от наших агентов нет никаких сведений о передвижениях германского флота»⁹. Необходимая информация не поступила и 15 июля: МГШ, не имея свежих данных, просто переслал в штаб флота «копии агентских донесений и газетные сводки относительно германского и шведского флота за последние дни»¹⁰. В плане общей характеристики сложившейся ситуации весьма показательной является оценка флаг-капитана

по оперативной части штаба командующего морскими силами Балтийского моря капитана I ранга А. В. Колчака, высказанная им 21 июля в письме на имя капитана II ранга В. М. Альтфатера: «Мы совершенно лишены сведений о противнике. Разведке нашей цена 0. Она ничего путного не дает»¹¹. Здесь, правда, следует отметить, что к лету 1914 г. разведывательная организация МГШ на Балтийском морском театре находилась в стадии формирования. Ее полноценное развертывание планировалось завершить лишь к 1 января 1915 г.¹²

Для организации разведки собственными силами (о чем шла речь в приведенной выше цитате «Морискома») Балтийский флот к лету 1914 г. не имел, как оказалось, необходимых средств. Едва ли не единственным кораблем, который мог быть привлечен к решению задач разведочной службы в дальней зоне (в центральной и южной Балтике) без угрозы быть отрезанным превосходящими силами противника, был эскадренный миноносец «Новик».

В этих условиях командование флота поставило перед МГШ вопрос об организации разведки в Балтийском море с использованием коммерческих судов (как российских, так и иностранных), оснащенных станциями беспроволочного телеграфа. Также было предложено организовать, с целью выяснения обстановки в германских водах, посылку (тайным образом) морских офицеров на российских судах, совершающих регулярные рейсы в порты Германии.

Уже 13 июля начальник МГШ вице-адмирал А. И. Русин сообщил командующему морскими силами Балтийского моря адмиралу Н. О. Эссену: «Министр разрешил зафрахтовать пароходы для разведки, я поручил это капитану I ранга Пилкину¹³, который даст сегодня более или менее определенный ответ. Сейчас в Петербурге имеется лишь один пароход с беспроволочным телеграфом — германский “Prinz Eitel Friedrich”, он не годится, поэтому поручил Пилкину подыскать вообще пароходы (английские, шведские или французские), пригодные для разведки, на коих можно бы было установить наши радиостанции, из числа готовых. Подробно сообщу по этому вопросу дополнительно»¹⁴.

В этот же день начальник МГШ сообщил подробности: «Капитан I ранга Пилкин, по моему поручению, был сейчас

у Министра торговли и промышленности, чтобы просить его сделать распоряжение о задержании в портах Балтийского моря пароходов Восточно-Азиатской компании, имеющих беспроволочный телеграф. Таких пароходов пять, предполагается все эти пять пароходов зафрахтовать. Сейчас неизвестно, сколько из них находится в наших портах, но все наличные будут зафрахтованы. Завтра Министр торговли и промышленности посылает телеграммы всем командирам торговых портов о задержании этих пароходов и немедленной посылке их в Ревель в Ваше распоряжение. Для ускорения дела сейчас посылаю шифрованные телеграммы командирам портов Императора Петра Великого и Императора Александра III, чтобы они передали командирам торговых портов в Ревеле и Либаве о задержании этих пароходов и отправке в Ревель в Ваше распоряжение по приказанию Министра торговли и промышленности. Дальнейшие подробности этого дела выяснятся завтра, и я сообщу дополнительно»¹⁵.

Интенсивные контакты МГШ с руководством «Восточно-Азиатского пароходства» позволили уже через сутки получить конкретный результат. Начальник МГШ письмом от 15 июля информировал адмирала Н. О. Эссена: «Относительно пароходов Восточно-Азиатского общества сообщаю следующее: пароходы “Митава” и “Россия” уже взяты в Морское ведомство, из них первый находится в Либаве и согласно телеграмме командира Порта Императора Александра III от 15/VII 9 ч 30 м утра пароход “Митава” будет отправлен в Ревель в Ваше распоряжение через 48 часов. Пароход “Россия” приходит в Либаву завтра и по выгрузке будет послан в Ревель. Кроме того, здесь в Санкт-Петербурге взят пароход того же Общества “Либава”, на нем приступлено к срочной установке беспроволочного телеграфа, и по окончании этой работы он будет отправлен в Ревель в Ваше распоряжение»¹⁶. Остальные пароходы Общества находятся в рейсе вне пределов Балтийского моря»¹⁷.

Вариант с тайной посылкой специально назначенных для ведения разведки офицеров в МГШ сразу отвергли. В письме командующему флотом от 13 июля начальник МГШ отметил: «Организовать посылку офицеров на коммерческих судах, ходящих в Германию, считаю очень трудно осуществимым, ибо

пароходов таких мало, и результат едва ли может получиться удовлетворительный, так как немцы наших офицеров захватят, что может даже создать нежелательное осложнение»¹⁸.

Но ниже, в этом же письме, А. И. Русин сделал примечательное дополнение: «Полагаю, однако, возможным установить связь через капитанов коммерческих судов, ходящих в Германию. Конечно, больших результатов от этого ждать нельзя, но все же в этом направлении мною принимаются меры»¹⁹.

Сразу отметим, что этот сюжет не получил дальнейшего развития в переписке начальника МГШ и командующего флотом. И возможно, именно поэтому он не нашел отражения в публикациях «Морискома» (как и в более поздних исследованиях отечественных историков). Однако реальные меры, обещанные начальником МГШ, и вполне конкретные шаги в данном направлении были действительно предприняты, о чем свидетельствуют материалы Российского государственного архива ВМФ (РГА ВМФ)²⁰.

Организационной основой проводимой работы стало директивно установленное взаимодействие МГШ с директорами и управляющими судовладельческих компаний, базирующееся на соответствующих положениях Уставов Торгового (ст. 227) и Консульского (отд. II, ст. 49), которые обязывали капитанов судов доносить консулам подробности рейсов. Постановка разведывательных задач капитанам судов была произведена в форме секретных предписаний, разработанных непосредственно руководителями компаний на основе целевых указаний начальника МГШ и полученных из МГШ инструкций. Все контакты с руководством судовладельческих компаний осуществлял офицер МГШ лейтенант Н. Н. Гойнинген-Гюне²¹.

Капитанам судов предписывалось лично вести наблюдение и сбор секретных сведений, соблюдая скрытность и осторожность. Донесения надлежало отправлять простыми письмами на условные адреса в Лондоне (получатель — морской агент капитан I ранга Н. А. Волков) или в Копенгагене (помощник морского агента старший лейтенант Б. С. Безкровный). С прибытием в российские порты — секретным пакетом на имя начальника МГШ. При составлении донесений предписывалось использовать кодированные (условные) обозначения

германских портов и районов Балтийского моря, например: Мемель — № 1, Пиллау и Кенигсберг — № 2, Киль — № 7, Бельг и Зунд — № 9 и т. д. Подписывать донесение следовало условной фамилией (псевдонимом), который указывался каждому капитану в секретном предписании. В последующем для агентурной связи предполагалось разработать специальный телеграфный код, что позволило бы капитанам судов передавать донесения прямо в Морское ведомство (на условный телеграфный адрес). Все расходы на пересылку почтовой и телеграфной корреспонденции возмещались Морским министерством.

Характер сведений, интересовавших МГШ, лучше всего иллюстрирует фрагмент одного из заданий на ведение разведки: «Капитаны пароходов, проходя в немецких водах или заходя в немецкие порты, обращают внимание и записывают:

а) Встреченные в море германские военные суда (тип, число, по возможности названия, место встречи, направление следования, особые обстоятельства, бросающиеся в глаза). То же относительно больших групп коммерческих судов.

б) Находящиеся в данном порту германские военные суда и что они делают, напр., грузят снаряды, уголь и т. п.

в) Нет ли бросающегося в глаза скопления коммерческих судов в порту и усиленной на них деятельности.

г) Не замечается ли в порту, военном или коммерческом, усиленной деятельности и в чем именно»²².

Уже 14 июля 1914 г. к ведению разведки были привлечены 4 грузовых судна «Западно-Русского Общества пароходства» («Альбатрос», «Беркут», «Ворон», «Зимородок»), капитаны которых получили от директора-управляющего своей компании соответствующие секретные предписания. К 16 июля этот список пополнили 3 судна «Русского Восточно-Азиатского Пароходства» («Курск», «Царь», «Двинск»), работавшие на Русско-Американской линии (Либава — Нью-Йорк). В стадии оперативной разработки к этому моменту находились еще 8 российских и иностранных пароходных компаний (более 20 судов). В некоторых компаниях, как, например, в РОПиТ («Русское Общество Пароходства и Торговли»), переговоры с санкции руководства велись непосредственно с капитанами судов.

Важно вместе с тем отметить следующее обстоятельство: даже если предположить немедленный выход указанных судов в море (вместо тех дат, которые были предусмотрены официальными расписаниями рейсов), получение первой разведывательной информации от них можно было ожидать не ранее чем через 3–4 суток. События, однако, развивались быстрее, не дав русскому командованию такой форы.

В письме от 15 июля на имя начальника МГШ адмирал Н. О. Эссен снова обратился с просьбой: «Разведку в Балтийском море необходимо организовать возможно скорее. Наши крейсеры, находясь в завесе, ясно слышали работу чужого радиотелеграфа. ...То же сообщали и с Дагерорта²³. “Новик”, посланный вчера в разведку, однако, ничего не смог обнаружить. Есть опасения, не продвинулась ли германская эскадра на Готланд (есть на севере бухта вроде нашего Тагалахт²⁴). Разведка парохдами может это обнаружить. ...Во всяком случае, присутствие Германского флота столь близко может быть для нас гибельным, так как не успеет поставить заграждение»²⁵.

Утром 17 июля МГШ оповестил штаб флота об объявлении в Германии общей мобилизации (вывод был сделан в МГШ на основе поступивших агентурных сообщений, и являлся на тот момент ошибочным). В этот же день было получено еще одно агентурное сообщение — о переходе части сил германского флота из Киля в Данциг (также не подтвердилось). В столь непростой и напряженной ситуации высшим руководством страны в ночь с 17 на 18 июля было принято решение о постановке главного минного заграждения. Соответствующее приказание было передано командующему флотом в 4 часа утра 18 июля. В 6 ч. 56 мин. отряд заградителей начал постановку заграждения на центральной позиции. В 10 ч. 35 мин. 18 июля постановка главного заграждения была окончена. А еще через сутки, 19 июля, Германия объявила России войну²⁶.

Таким образом, архивные документы свидетельствуют, что непосредственно в канун Первой мировой войны Морским генеральным штабом была организована масштабная и целенаправленная работа по привлечению судовой сети к ведению разведки и добыванию информации о военных приготовлениях Германии и состоянии ее военно-морского флота. Вместе с тем

опоздание со сроками ее начала не позволило русскому командованию получить сколько-нибудь значимые результаты, которые могли бы быть использованы в интересах первой операции флота. По ряду причин указанный опыт не получил должного освещения и необходимого анализа в военно-исторических работах, что, в свою очередь, не позволило в полной мере учесть его в последующей практической деятельности флота.

---

¹ Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг., 1922.

² *Фирле Р.* Война на Балтийском море / Пер. с нем. Т. 1. Л., 1926. С. 30.

³ Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. С. 63.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ *Партала М. А.* Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну. Вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной международной научной конференции. СПб., 2007. С. 325–337.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 21. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 3 об.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 18 об.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² *Петров В. А.* Морская агентурная разведка на Балтийском театре накануне и в годы Первой мировой войны // Гангут. Вып. 19. 1999. С. 96–104.

¹³ Пилкин Владимир Константинович, капитан I ранга, командир линейного корабля «Петропавловск», достраивавшегося в тот период на Балтийском заводе в Петербурге.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5, 5 об.

¹⁶ Приказом командующего флотом Балтийского моря № 13 от 23 августа 1914 г. пароходы «Митава», «Россия» и «Либава» были зачислены на время военных действий в состав флота. Первые два — вспомогательными крейсерами, а последний — транспортом. При этом вспомогательному крейсеру «Россия» было присвоено название «Русь» (РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 508. Л. 6 об.).

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 21. Л. 18, 18 об.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 54. Л. 10–14 об., 17–20.

²¹ Барон Гойнинген-Гюне Николай Николаевич, лейтенант, по состоянию на июль 1914 г. — прикомандирован к МГШ.

²² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 54. Л. 20.

²³ Дагерорт — мыс в западной части о. Даго (Хийумаа), на котором находился пост службы наблюдения и связи Балтийского флота.

²⁴ Тагалахт (Тагалахта, Тагелахт) — бухта в северо-западной части о. Эзель (Сааремаа), удобная для стоянки кораблей. Активно использовалась русским флотом.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 21. Л. 19–20.

²⁶ Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. С. 133–138.

А. Уйтто

ПОЛУОСТРОВ ХАНКО КАК РОКОВОЙ ВОПРОС В 1939–1941 ГГ.

Полуостров Ханко и окружающие его шхеры издавна с военной точки зрения считались крайне важными. Наряду с Финляндией интерес к нему проявляли и другие страны, поскольку этот полуостров считался как бы «дверной петлей для калитки», открывающей вход в Финский залив. Расстояние между финским островным фортом Руссарё и расположенным на южном берегу Финского залива эстонским портом Палдиски составляет около 80 км, а удаление от эстонского острова Осмуссаара — всего около 60 км. Таким образом, перекрыть вход в Финский залив в районе Ханко можно было даже с помощью береговой артиллерии. Естественно, полуостров Ханко имел стратегическое значение не только для Финляндии, но и для России (Советского Союза), поскольку у его берегов пролегал единственный морской путь в Петербург.

Неслучайно поэтому после того, как между Германией и СССР в августе — сентябре 1939 г. был заключен ряд соглашений, по которым Берлин признавал, что страны Прибалтики и Финляндия принадлежат к сфере интересов Советского Союза, СССР потребовал от Прибалтийских стран заключения договоров о взаимопомощи, позволяющий создание на их территории военно-воздушных и наземных баз. Под давлением Москвы Прибалтийские страны, сначала Эстония, затем Латвия и наконец Литва, в сентябре — октябре согласились с этими требо-

ваниями. В результате Советский Союз уже в октябре 1939 г. ввел свои войска в эти страны.

В Финляндии тем временем внимательно следили за развитием ситуации на южном побережье Финского залива, но ни в коем случае не хотели следовать примеру Прибалтики. Тем не менее, как и следовало ожидать, наступила очередь и Финляндии. 5 октября В. М. Молотов предложил, чтобы правительство Финляндии направило своего представителя для обсуждения «конкретных политических вопросов»¹. Главой финляндской делегации был избран государственный советник Ю. К. Паасикиви, который во главе финляндской правительственной делегации с 12 октября по 13 ноября 1939 г. в течение месяца трижды находился в Москве и вел с советским руководством переговоры. Важнейшей точкой противоречия в ходе этих переговоров стало стремление СССР получить полуостров Ханко и соседние с ним острова. На их передачу Финляндия не согласилась. Когда 13 ноября 1939 г. Паасикиви закончил переговоры и отправился на родину, требование, касавшееся Ханко, оставалось решающим фактором их прекращения. Относительно остальных вопросов, которые тогда обсуждались в Москве, включая даже изменение в пользу Советского Союза границы на Карельском перешейке, то очевидно, по ним еще можно было бы прийти к согласию, если бы СССР не стремился получить желаемые базы на северном побережье Финского залива.

Тем временем через две недели после срыва переговоров Советский Союз объявил о расторжении договора о ненападении с Финляндией, и 30 ноября Красная Армия вступила на территорию Финляндии. На следующий день после этого в СССР было объявлено о создании «народного» или «терийокского правительства Финляндии», премьер-министром которого стал О. В. Куусинен. Это марионеточное правительство 2 декабря заключило с Советским Союзом в Москве договор о дружбе и взаимопомощи. Во второй статье этого договора уже предполагалась аренда полуострова Ханко сроком на 30 лет. В прилагавшемся особом коротком «конфиденциальном протоколе» Советскому Союзу предоставлялось право держать на полуострове и прилегающих к нему островах до 15 000 человек сухопутных войск и авиации. Таким образом, СССР получил

даже с лихвой требуемое соглашение, просто поменяв всё правительство Финляндии.

Более того, когда Финляндия попросила посредничества Лиги Наций для прекращения военных действий, Молотов заявил, что Советский Союз не воюет с народом Финляндии и находится в мирных отношениях с Финляндской Демократической Республикой. Для международной общественности противоречия между словами и делами советской политики были столь велики, что это даже привело к исключению СССР 14 декабря 1939 г. из Лиги Наций². Так Советский Союз подвергся международному осуждению за его действия против Финляндского государства.

Тем не менее «зимняя война» закончилась подписанием 12 марта 1940 г. в Москве мирного договора. В 4-й статье договора определялась аренда Советским Союзом сроком на 30 лет полуострова Ханко для создания там военно-морской базы. Площадь передаваемой СССР финской территории была примерно равна тому размеру, который Советский Союз должен был получить по договору с «терийокским правительством». Общая площадь предоставленной Советскому Союзу финской территории составляла около 115 кв. км. Причем помимо собственно полуострова, а также морской акватории вокруг него в арендуемые пространства входили еще около четырехсот островов. Протяженность же финской территории, которая передавалась СССР на полуострове, от ее границы до юго-западной его оконечности составляла 22 км.

Что же касается Финляндии, то она должна была обеспечить эвакуацию с арендуемой территории имущества и местных жителей за 10 суток. В результате в трудных условиях с территории Ханко было вывезено все имущество проживавших здесь ранее людей. На передаваемой СССР территории осталось тем не менее еще около 3000 гражданских лиц.

В 13.00 22 марта 1940 г. из Палдиски на территорию Ханко прибыл первый советский самолет. Это был бомбардировщик «СБ», доставивший военных³. Чуть позже на пассажирском самолете «ДС-3» прибыла правительственная делегация, которая должна была осуществить прием территории Ханко у официальных лиц, представлявших Финляндию. После переговоров финляндская делегация покинула Ханко, границу арендованной

территории она пересекла после полуночи. После этого в течение месяца на арендованную территорию по воздуху было переброшено около 400 солдат, а 24 апреля из Кронштадта прибыл стрелковый полк, усиленный артиллерией и танковыми подразделениями. Всего таким образом на Ханко тогда оказалось примерно 6500 человек. Через пару месяцев на Ханко на семи транспортных судах прибыли 11 000 пограничников⁴.

Официально предназначение базы заключалось в том, что она должна была защищать подступы к Финскому заливу с Запада, а также обеспечивать безопасность фарватеров, которые шли на Ленинград. Советский Союз считал, что ему, сверх баз эстонского берега, необходима крепость и со стороны Финляндии, с тем чтобы во время войны можно было артиллерией и минированием оборонять устье Финского залива с северной стороны. На южном побережье залива такую же задачу выполнял гарнизон Осмусаара в 60 километрах к югу от Руссарё. База Ханко подчинялась командующему Краснознаменным Балтийским флотом.

Финляндско-советская пограничная комиссия провела первое заседание 16 апреля 1940 г. в городе Таммисаари. Она установила четкую границу арендованной территории, выполнив землемерные работы и оборудовав на суше пограничные столбы, а на море — пограничные буи. Согласно договору, перед границей шла полоса шириной от 400 до 1000 метров, на которой было запрещено передвижение гражданских лиц⁵. Карты границы заверили в Москве печатью представительства Финляндии и подписью посланник Ю. К. Паасикиви, а также печатью СССР и подписью заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова.

Тем временем к концу июня 1941 г. на военно-морской базе в Ханко было уже около 27 000 человек, 50 танков, 174 пушки, из них три 305-мм и четыре 180-мм железнодорожных артиллерийских установки. Кроме этого, на базе разместили 20 самолетов, из которых 11 было истребителями и 9 одномоторных моноплана «МБР-2». В морских и пограничных частях также было более десятка 26-метровых катеров «МО», вооруженных двумя 45-мм пушками и двумя пулеметами калибра 12,7 мм⁶. Всего советские войска на полуострове Ханко отрыли десятки километров окопов и ходов сообщения, защищенных двухряд-

ной системой проволочных и противотанковых заграждений. Были сооружены сотни пулеметных огневых точек, а также огневых позиций артиллерии. Кроме того, были построены сотни жилых блиндажей и барakov.

С другой стороны, финны для укрепления новой восточной границы сразу же после «зимней войны» также начали строить на полуострове Ханко свой оборонительный рубеж. В Финляндии базу рассматривали в качестве политической угрозы и учитывали возможность использования этой базы для вторжения советских войск в Финляндию с юга. Главным районом их оборонительной позиции был 5-километровый перешеек, вдоль которого была сооружена так называемая «линия Харпарскуг». Ее основные укрепления состояли из десятка бетонных бункеров, два из которых были жилыми. Вооружение дотов состояло из 1–2 пулеметов. В некоторых была еще и противотанковая пушка. Два наиболее мощных бункера были вырублены в скале и позволяли выполнять как боевые функции, так и размещать во внутренних казематах людей. Для поддержки основных укреплений были созданы также многочисленные полевые сооружения, которые главным образом состояли из пулеметных огневых точек и жилых блиндажей, соединенных окопами и ходами сообщения. Перед «линией Харпарскуг» из больших гранитных надолбов построили еще линию противотанковых препятствий⁷.

Однако, поскольку нападение было возможно через прибрежную полосу обширной зоны шхер, расположенных по обе стороны полуострова, то на каждом фланге главной финской позиции была создана своя оборонительная система. Естественно, что при составлении этого плана фортификации прежде всего учитывался рельеф местности. Огневые позиции старались располагать на возвышениях, где были наилучшие условия для контроля района перед передним краем. Примерно 40-километровый главный оборонительный рубеж проходил, следуя береговой линии в среднем в трех-четыре километрах от границы советской базы. Самым западным пунктом был Вестервик, а самым восточным с другой стороны полуострова Ханко — южный берег Шерландета.

Так как финны строили в первую очередь новый оборонительный рубеж на восточной границе с СССР, материалы

и оборудование для полуострова Ханко отпускались в ограниченном количестве. Тем не менее, когда разразилась новая война, то кроме вышеупомянутых бункеров, были готовы еще 30 бетонированных дотов и 46 дзотов. Сверх того, было 113 открытых пулеметных огневых точек, 29 противотанковых позиций, 70 артиллерийских позиций, 17 пунктов управления огнем, 58 километров проволочных заграждений и 4 километра противотанковых заграждений.

Однако многие сооружения были еще в стадии строительства, когда 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война Советского Союза. С этого времени начались также бомбардировки и территории полуострова Ханко. Уже тогда четыре советских самолета бомбили укрепления «Алшер» («Alskär»), подверглись обстрелу и наблюдательные пункты финских войск⁸. На следующий день 23 бомбардировщика, прилетевших из Германии, в свою очередь предприняли попытку бомбить советскую базу. Эти попытки продолжились 24 июня, когда немецкие самолеты уже на самой территории Финляндии снова бомбили Ханко.

Тем не менее когда 25 июня 1941 г. официально между Финляндией и СССР началась война, финны уже полностью перерезали наземное сообщение с Ханко. Причем обе стороны имели конкретные наступательные планы, и тогда на полуострове разгорелся первый сильный бой. Однако никто не пытался начать настоящую наступательную операцию и бои носили сугубо местный характер. Советские войска пытались лишь слегка расширить свою полосу прикрытия, но в остальном обе стороны осуществляли преимущественно обычную разведку боем.

В целом высшее военное руководство Финляндии так и не дало разрешение на широкомасштабное вторжение на полуостров Ханко, поскольку советские войска превратили арендованную ими территорию в единую и очень сильную крепость. Потери были бы значительными. Тем не менее серьезные потери происходили и в коротких, но весьма яростных схватках в шхерах. Целью финнов было удерживать свою территорию, чтобы иметь возможность наблюдать за действиями советских войск. Русские же стремились захватить именно те острова, с которых можно было контролировать их главные опорные пункты на полуострове.

Общая численность финской «группы Ханко» к 5 июля 1941 г. составляла около 22300 солдат. Но так как война на полуострове не грозила перерасти в широкомасштабные боевые действия, главнокомандующий 16 июля 1941 г. решил перебросить значительную часть 17-й пехотной дивизии, находившейся в районе Ханко, в состав Карельской армии, наступающей на советском фронте. В результате общая численность финских войск уменьшилась. Но тем не менее «группа Ханко» все же получила и подкрепление в виде батальона береговой обороны и ряда артиллерийских батарей, а также истребительных рот и рот пограничной стражи. В августе было также получено значительное подкрепление, когда из 912 шведских добровольцев⁹ был сформирован отдельный батальон, который был затем брошен под Ханко.

Бои тем временем не прекращались. Они в основном проходили в шхерах Финского залива. Советские отряды сторожевых катеров совершили многочисленные заранее спланированные десантные операции и в период с 5 июля по 17 августа овладели многими из островов архипелага. Самые значительные бои были в районе острова Хорсён, расположенного к северу от Ханко, а также на близлежащих к нему островах. Кроме того, боевые операции еще осуществлялись в районе острова Хестё, находящегося у восточного побережья полуострова. Далее в 12 км к юго-западу от Ханко 16 июля был захвачен остров Моргонландет. Через десять дней произошел сильный бой за остров-маяк Бенгтшер, расположенный уже в 24 километрах южнее Ханко. Но финны сумели его отстоять¹⁰.

Тем временем германские войска, наступающие в Прибалтике, в конце августа приблизились к Таллину, который был захвачен 28 августа. Эта ситуация сильно повлияла на положение советских войск на полуострове Ханко. Для советской базы возникла реальная опасность оказаться в глубоком тылу противника. После эвакуации из Таллина советских кораблей финская разведка начала фиксировать весьма активные перемещения советских войск на полуострове. В «группе Ханко» даже возникли предположения, что советские войска готовятся также к эвакуации в Ленинград. Для выяснения обстановки финское командование решило уже осенью 1941 г. осуществить разведку боем на гряде островов Хорсён и Хестён. Эта разведка показала,

что острова надежно удерживаются советскими войсками, поскольку финны вынуждены были с потерями отступить. Лишь только бой 23 октября за остров Соммарё, входящий а архипелаг Хорсён, был, с точки зрения финнов, успешным¹¹.

К тому же и в эстонских шхерах немцам пришлось вести длительные бои. Только 19 октября началась спешная эвакуация советских войск с острова Хийумаа (Даго), причем эти войска стали перебрасывать на Ханко. Однако, по мнению советского командования, база Ханко имела стратегически важное значение лишь до тех пор, пока Хийумаа и Осмуссаар остаются в их руках, так как с их утратой база на полуострове Ханко становилась практически бесполезной. Остров Хийумаа оказался в руках немцев 22 октября.

Поэтому в конце октября Советский Союз решил приступить к эвакуации военно-морской базы на Ханко, поскольку было ясно, что их войска и техника были теперь нужны для обороны Ленинграда. Эвакуация была проведена в несколько этапов и в очень трудных условиях. Первую партию, 500 человек и часть артиллерии, эвакуировали 26 октября, а последняя, девятая, партия покинула Ханко 2 декабря. В тот же день перелетели из Ханко в Кронштадт и самолеты. Самым значительным был последний конвой, в котором отправились 11 820 человек¹², включая и гарнизон Осмуссаара. Причем наибольшей угрозой для советских кораблей были мины, которых в Финском заливе было до 3960. Особенно опасной оказалась зона к северу от Юминды, где находилось самое большое минное заграждение. Переход последнего конвоя завершился 5 декабря 1941 г.

В конвоях эвакуировалось 27 809 человек, из них добрались до цели 22 822. Таким образом, потерь было почти 5000. Наибольшие потери понес последний конвой, когда самый большой корабль «Иосиф Сталин» был поврежден и отдрейфован к эстонскому острову Найссаар (Нарген). Там число потерь составило 3849¹³, из них около 1800 взяли в плен. Около 1800 военнопленных было переброшено в Германию, а остальных доставили обратно в Ханко. В целом, несмотря на большие потери, эвакуация базы Ханко была относительно успешной, и результатом ее стала доставка войск, важных грузов и снаряжения в уже блокадный Ленинград и Кронштадт.

-
- ¹ Suomen sinivalkoinen kirja. Os. I. Hels., 1940. S. 41.
- ² Ibid. S. 109.
- ³ Hanko toisessa maailmansodassa. Hels., 2011. S. 39.
- ⁴ Ibid. S. 43.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ Ibid. S. 95.
- ⁷ CM.: Ibid. S. 81–94.
- ⁸ Suomen sinivalkoinen kirja II. S. 47. Ulkoministeriön julkaisuja, Hels., 1941.
- ⁹ Hanko toisessa maailmansodassa. S. 182.
- ¹⁰ CM.: Ibid. S. 108–137.
- ¹¹ Ibid. S. 157–159.
- ¹² Ibid. S. 210.
- ¹³ Ibid. S. 212.

К.-Ф. Геуст

**МИНЫ — НА КРОНШТАДТ,
БОМБЫ — НА ТУРКУ**

22 июня 1941 г. в 04.57 по финскому времени броненосец «Вяйнямёйнен» снялся с якоря у Юнгфрушера и повел за собой караван из 15 судов к демилитаризованным Аландским островам с целью переброски финляндских войск на архипелаг. Операция носила показательное кодовое название «Килпапу-рейхдус» — «Парусная гонка». Более чем через час, в 6.03 утра, у форта Алшер восточнее острова Хюсё (рядом с советской военно-морской базой на полуострове Ханко. — *Ред.*) два советских авиационных звена (в одном — четыре, в другом — три самолета) сбросили бомбы на конвой. Бомбардировщики были типа «СБ» и входили в 57-й бомбардировочный авиаполк ВВС КБФ, осуществлявший уже несколько дней разведывательные полеты над акваторией Балтийского моря. Но эта атака была безрезультатной. Более того, броненосцы «Вяйнямёйнен», а также «Илмаринен» открыли огонь. Попаданий от зенитного огня тем не менее тоже не было отмечено. Это был, по всей видимости, первый обмен выстрелами между Советским Союзом и Финляндией после «зимней войны»¹.

В тот же вечер министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг попросил объяснений у советского посланника П. Д. Орлова, который заявил, что абсолютно не в курсе, пообещав разобраться и вернуться к этому вопросу позже. Однако никаких дальнейших разъяснений советская сторона так и не сделала, а сам этот инцидент до сих пор не рассматривается в россий-

ской литературе. Вместе с тем во втором томе документов, изданных летом 1941 г. в Финляндии, т. н. «Белой книге», случившаяся у Алшера бомбардировка стала одним из главных доказательств виновности Советского Союза в развязывании «войны-продолжения»².

Однако еще до начала операции «Парусная гонка» в то же утро, начиная с 03.15, на аэродроме Утти в Финляндии приземлились три десятка германских бомбардировщиков «Юнкерс-88». Из ведущего самолета вышел офицер финляндских ВВС капитан Паули Эрви, помогавший немецкому экипажу держать связь с финскими вахтенными офицерами службы управления полетами. После заправки и короткой трапезы летчиков «Юнкерсы» с 04.30 стали в такой же тайне, в какой они прибыли, взлетать. Тем не менее на аэродроме осталась уже большая группа германского наземного персонала со своим снаряжением для охраны запасов горючего, бомб и боеприпасов, переброшенных туда несколькими днями ранее.

Что же тогда произошло на аэродроме в Утти?

При планировании в Германии плана нападения на СССР, плана «Барбаросса», предполагалась безусловная необходимость решительно воспрепятствовать выходу советского Балтийского флота в Балтийское море, поскольку он мог бы создать угрозу функционированию немецких портов и блокировать перевозку из Швеции железной руды. Считалось, что угрозу со стороны Балтийского флота можно устранить минированием с воздуха фарватера у Кронштадта, заградительным минированием Финского залива и созданием баз на дальних островах Финского залива. Все упомянутые мероприятия требовали активного содействия со стороны Финляндии. Задание по минированию с воздуха получил 1-й воздушный флот германских ВВС, а за все остальные мероприятия отвечал германский военно-морской флот. Разработка планов операций продолжилась в глубокой тайне с конца зимы 1941 г. Решающими с точки зрения военного сотрудничества двух стран считаются переговоры в конце мая в Зальцбурге. Тогда же Германией были установлены контакты с финляндскими военно-воздушными силами. Договорились, что в начале войны произойдет авиационное минирование фарватера у Кронштадта, т. н. «Ленинградского морского канала», а также акватории верхней Невы и канала им. Сталина

(Беломоро-Балтийский канал. — *Ред.*), соединявшего Онежское озеро с Белым морем, авиационными минами весом 1000 кг³.

Далее, 10 июня было принято решение об обмене офицерами связи между Германией и Финляндией. Капитан Паули Эрви был направлен в штаб 1-го воздушного флота, дислоцированного в Восточной Пруссии. Финны также предоставили в распоряжение «Люфтваффе» в Южной Финляндии аэродромы Малми, Утти и Луонетъярви. Вскоре в Финляндию было доставлено большое количество запасов горючего, бомб и боеприпасов. В шхеры Турку перебросили также спасательный отряд ВВС. 18 июня в Луонетъярви прибыл небольшой германский отряд воздушной разведки («Коммандо Луонетъярви»), напрямую подчинявшийся главному командованию ВВС⁴.

Тем временем незадолго до полуночи 21 июня 1941 г. с аэродрома Проверен в Восточной Пруссии поднялись в воздух и взяли курс на север, через Балтийское море, две группы тяжелых бомбардировщиков, в общей сложности около 20 «Юнкерс-88». Одна группа пролетела к Кронштадту через Южную Финляндию и Карельский перешеек, а вторая группа, с капитаном П. Эрви в качестве внештатного члена экипажа, ведущего самолет, с южного берега Финского залива подлетела к Кронштадту. На «морской канал» сбросили 27 мин, после чего все самолеты повернули через Карельский перешеек к аэродрому Утти. Причем, согласно данным советских историков, ПВО Кронштадта и истребители ПВО, находившиеся на аэродроме Суурмерийоки к западу от Выборга, даже сбили два германских самолета. Однако эти сведения не подтверждаются, и на самом деле все немецкие самолеты благополучно приземлились на финском аэродроме Утти⁵.

Эффективность начавшегося тогда немецкого минирования акватории Кронштадта долгое время официально в СССР считалась незначительной. Конкретно в документах Центрального Военно-морского архива указывалось: «Неудачной оказалась попытка немцев поставить мины на фарватере в районе Кронштадта. Одиннадцать магнитных мин, сброшенных немецкими самолетами, упали в стороне от этого фарватера»⁶. Это же подтверждали и научные исследования⁷. Тем не менее уже в первой половине дня 22 июня бывший эстонский пароход «Рухно» в действительности натолкнулся на сброшенную ночью мину

и затонул. Причем советский лодман сумел в последний момент повернуть корабль к краю «морского канала», так что он его не закупорил. На пароходе «Рухно» погибли три моряка. Но, как это было тогда принято, НКВД провел «расследование» и арестовал капитана корабля эстонца Э. Вяха. Его обвинили в саботаже. Через неделю пароход подняли, а капитана освободили, поскольку выяснилось, что причиной аварии, все же была немецкая авиационная мина⁸.

Следующей ночью, под утро 23 июня, немецкие самолеты снова стали прибывать на аэродром Утти. На этот раз самолет с опознавательным знаком «M7+FK» боевой группы 806 неудачно приземлился на коротком травяном поле Утти и скапотировал, при этом погиб стрелок-радист, ефрейтор Ф. Фаммерль. Его похоронили в Коуволла 24 июня, то есть еще в период «нейтралитета» Финляндии, со всеми воинскими почестями и исключительно пышно, в присутствии 400 человек. Организацией похорон занимался шюцкоровский округ в губернии Кюме, командование которого, в частности, распорядилось даже поставить почетный караул из шести человек для оружейного салюта. А начальник отдела финской Ставки генерал В. Э. Туомпо на похоронах ефрейтора Фаммерля торжественно возложил еще венок от маршала Маннергейма⁹. Само отпевание осуществил шюцкоровский пастор, военный священник И. Анттила. Жители губернии впервые тогда увидели серо-зеленый гроб, покрытый флагом германского рейха. Традиция «Люфтваффе» хоронить павших летчиков в ящиках для перевозки тяжелых авиационных бомб позднее, летом 1944 г., стала хорошо известна жителям Юго-Восточной Финляндии.

Так появилась первая в Финляндии жертва немецких ВВС в начавшейся войне. Но потери продолжали расти. Другой германский самолет, «Ю-88», опознавательный знак «M7+GL», не смог приземлиться в Утти, поскольку был сбит находившейся на Карельском перешейке в поселке Дибунны батареей 194-го полка зенитной артиллерии ПВО Ленинградского военного округа. Из четырех человек немецкого экипажа по меньшей мере пилот, лейтенант Э. Саториус, фельдфебель Й. Маттерей и стрелок-радист, фельдфебель Х. Леммер, выпрыгнули с парашютами и попали в плен. Командующий ВВС Ленинградского военного округа, генерал А. А. Новиков сам вел допросы

раненых летчиков в госпитале в поселке Левашово. Теперь у советских военных было неопровержимое доказательство намерения Германии через Финляндию бомбить Ленинград, который до этого избегал массированных воздушных налетов немецкой авиации. В то же самое время советская разведка также получила сведения о размещении подразделений «Люфтваффе» в Финляндии¹⁰.

Теперь настала очередь наркома иностранных дел В. М. Молотова спрашивать у посланника Финляндии в Москве П. Хюнинена: «Нейтральна ли Финляндия?» Точно так же, как и его коллега Орлов в Хельсинки, Хюнинен тоже был не в курсе дела и обещал навести справки в Хельсинки. Ему не было предоставлено никакой возможности дать ответ, ибо ситуация неотвратимо двигалась к началу «войны-продолжения»¹¹.

Ленинградский военный округ приступил к подготовке превентивного удара по авиабазам Финляндии. Разведотдел округа 24 июня к 10.00 утра разработал план бомбардировок с приложенными картами. Так как введенный ранее запрет на полеты в Финляндию еще оставался в силе, требовалось получить согласие Кремля на организацию бомбового удара, каковое и было получено в течение того же дня¹².

Директива Ставки Главного командования о налетах на Финляндию была подписана наркомом обороны маршалом Семеном Константиновичем Тимошенко. В ней говорилось: «По имеющимся данным, немецкое командование намеревается в ближайшее время нанести удар авиацией по Ленинграду. Это обстоятельство приобретает решающее значение. В целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии, приказываю: Военному совету Северного фронта с 25.06.1941 г. — начать боевые действия нашей авиации и непрерывными налетами днем и ночью разгромить авиацию противника и ликвидировать аэродромы в районе южного побережья Финляндии, имея в виду пункты Турку, Мальми, Парвоо, Котка, Холола, Тампере, в районах приграничных с Карельским перешейком и в районе Кемиярви, Рованиями. Операцию провести совместно с ВВС Северного и Балтийского флотов, о чем дать соответствующие указания командованию флотов»¹³.

Так, был отдан приказ двенадцати бомбардировочным авиаполкам и пяти истребительным авиаполкам Северного фронта, образованного из Ленинградского военного округа, а также бомбардировочным полкам Балтийского и Северного флотов уничтожить авиабазы Финляндии. Части бомбардировщиков и большинству истребителей, которые из-за ограниченной дальности действия участвовали лишь в атаках по приграничным объектам, предполагалось совершить по несколько вылетов в тот же день. Причем бомбардировщики должны были чаще всего вылетать без прикрытия истребителями.

25 июня с 6.00 утра 54 бомбардировщика «СБ» и 30 бомбардировщиков «ДБ-3» 1-го минно-торпедного и 57-го бомбардировочного авиаполков ВВС КБФ нанесли бомбовый удар по Турку, имея целями аэродром Артукайнен и гидроаэродром Руйссало. Для их прикрытия с базы Ханко поднялись в воздух две эскадрильи истребителей¹⁴. На аэродроме Турку (Артукайсет) было повреждено административное здание и слегка поврежден трофейный бомбардировщик «СБ» (бортовой номер «VP-8»). Само летное поле не пострадало. В поместье Артукайсет уничтожена хозяйственная постройка и сгорела баня, а также «погибло пять добрых лошадей». Зато в городе Турку повреждения были заметные: весь район порта был в огне, район Мартти сгорел практически дотла, уничтожено 18 каменных и 101 деревянный дом. Чудом устояла церковь в Мартти. Символ Турку — старинный замок — потерпел серьезные повреждения¹⁵.

В течение дня подверглись бомбардировкам многочисленные города Южной Финляндии, такие как Хельсинки, Раума, Форсса, Нокиа, Тойяла, Порвоо, Ловииса и др. Когда летчики не обнаруживали аэродромов, то сбрасывали бомбы на города. Над выявленными аэродромами в Селянпяя и Йоройнен советская авиация, однако, понесла серьезные, если не громадные, потери¹⁶.

Согласно опубликованной еще в 1985 г. советской официальной точке зрения, в течение суток 25 июня было выполнено в общей сложности 263 самолето-вылета бомбардировщиков и 224 самолето-вылета истребителей в Финляндию. В этих полетах подверглись бомбардировке 19 аэродромов, на которых было «уничтожено на земле 30 и в воздухе 11 самолетов». Как

утверждалось, «наших потерь не было». Но на самом деле сальдо было противоположным...¹⁷

Действительные потери советских авиачастей в Финляндии 25 июня 1941 г. составили 24 бомбардировщика «СБ» и два истребителя «И-153». Финляндские летчики-истребители сбили 22 бомбардировщика «СБ», еще один самолет упал в Гирвас, будучи сбитым на обратном пути своими истребителями, и один «СБ» упал в Финский залив на пути в Финляндию в результате авиакатастрофы. Далее, один истребитель «И-153», потеряв ориентацию, совершил вынужденную посадку в Финляндии, а второй совершил вынужденную посадку в Лахденпохъя после прямого попадания снаряда. Людские потери были велики: 75 летчиков (из них 5 командиров эскадрильи) погибли или пропали без вести, из которых по меньшей мере два попали в плен¹⁸.

Тем не менее авианалеты продолжались еще пять дней. Потери советских ВВС до 30 июня 1941 г. составили 51 бомбардировщик и 20 истребителей, а также свыше 150 летчиков¹⁹. Потери же финляндских военно-воздушных сил от советских налетов 25–30 июня 1941 г. были ничтожны, статистически даже невероятно малы, составив всего четыре поврежденных самолета. Один авиамеханик при бомбежке погиб. Зато в наиболее пострадавшем городе Турку погибло 114 человек и ранено около 500²⁰.

Советские бомбардировки на самом деле облегчили политическому руководству Финляндии окончательное решение: премьер-министр Ю. Рангелль на начавшемся 25 июня в 19.00 пленарном заседании парламента констатировал, что Финляндия оказалась в состоянии войны. На следующий день, 26 июня, президент Р. Рюти в своем выступлении по радио сообщил это уже всему народу Финляндии²¹.

---

¹ Kansallisarkisto (далее – KA). Sörnäinen. Pl. Väinämöisen sotapäiväkirja 19114 (22.6.1941), Rannikkolaivaston sotapäiväkirja 21422 (22.6.1941).

² Suomen sinivalkoinen kirja. Os. II. Hels., 1941. S. 47, 129.

³ *Manninen P.* Luftwaffen miinahyökkäys Kronstadtin 22.6.1941 // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 2010. № 4; 2011. № 1, 2, 3.

⁴ *Manninen P.* Luftwaffe Luonetjärvellä, Malmilla ja Utissa kesällä 1941 // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 2010. № 3.

⁵ *Трибуц В. Ф.* Зенитчики честно выполнили свое задание // Балтийские записки. Таллинн, 1981. С. 10–11.

⁶ ЦВМА. Ф. 103. Оп. 0385. Д. 94. Л. 11–12.

⁷ *Азгасов В. И.* Минно-заградительные действия на Балтике в начальный период Великой Отечественной войны // Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1981. С. 87.

⁸ Suda Ministerstva Morskogo Flota pogibshije v perioda Velikoj Otetshestvennoj vojny. Moskva, 1989. S. 27.

⁹ *Тюотро В. Е.* Päiväkirjani päämajasta 1941–1944. Juva 1968. S. 15.

¹⁰ ЦА МО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 187. Л. 2. Оперсводка штаба ВВС ЛВО. № 2 к. 23.6.1941. 8⁰⁰; Новиков А. А. В небе Ленинграда. М., 1970. С. 46–47.

¹¹ Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. Helsinki, 2006. S. 112–113.

¹² *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л., 1980. С. 13.

¹³ Русский Архив. Т. 5 (1). М., 1996. С. 21–22.

¹⁴ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на северном морском театре. Вып. I (22.6.–31.12.1941). М.; Л., 1945. С. 19–23.

¹⁵ *Pajari R.* Jatkosota ilmassa. Juva, 1982. S. 58–59.

¹⁶ ЦА МО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 187. Л. 7–8. Оперсводка штаба ВВС ЛВО. № 6 к. 25.6.1941. 20⁰⁰.

¹⁷ *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1985. С. 43.

¹⁸ ЦА МО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 187. Л. 10. Оперсводка штаба ВВС ЛВО. № 8 к. 26.6.1941. 20⁰⁰.

¹⁹ *Geust C.-F., Manninen O.* Jatkosodan alkuryssä. Suomen pommittaminen 25.6.1941 // Sotilasaikakauslehti. 1995, № 3. S. 59–61; *Геуст К.-Ф.* Советские бомбардировки Финляндии в июне 1941 г. // Авиация и время. 2005. № 2. С. 34–39; *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 223–239.

²⁰ *Pajari R.* Jatkosota ilmassa.

²¹ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 48–49, 130–136.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ**

Т. А. Базарова

**ПИСЬМА В. Л. ДОЛГОРУКОГО ИЗ КОПЕНГАГЕНА
ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ П. П. ШАФИРОВУ
В НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ РАН**

В петровское время семейство князей Долгоруких дало России немало дипломатов, представлявших интересы государства почти при всех ведущих европейских дворах. В конце XVII в. возглавлял посольства во Францию и Италию Яков Федорович (1639–1720), длительное время провел в Польше Григорий Федорович (1656–1723) Долгорукие. В середине 1710-х гг. первые шаги на дипломатическом поприще совершил представитель младшего поколения Долгоруких — Сергей Григорьевич (ум. 1739).

Блестящую карьеру сделал и представитель старшей ветви князей Долгоруких — Василий Лукич. Впервые за границу он отправился в начале 1687 г. в возрасте 17–18 лет в составе посольства своего дяди, Якова Федоровича Долгорукого. Русские послы прибыли в Париж летом 1687 г., чтобы известить короля Людовика XIV о заключении договора о вечном мире между Россией и Польшей (1686). Посольство покинуло французскую столицу без Василия Лукича, который оставался там для «усовершенствования себя в языках и науках» до 1700 г.¹ Затем В. Л. Долгорукого вызвали в Россию и назначили состоять в Польше при другом его дяде, князе Григории Федоровиче. В 1706 г. уже он сам стал резидентом в Варшаве. Наконец, в 1707 г. царским указом Василий Лукич был отправлен по-

слов к датскому двору², где и представлял интересы России целых 13 лет.

В. Е. Возгрин отметил, что замена в Копенгагене дипломата старшего поколения, не знавшего иностранных языков, А. П. Измайлова, «молодым, способным, образованным чиновником, который “мог без толмача сам говорить с королем и министры для секрету”, конечно, случайной не была». Петру I требовался искусный дипломат, способный склонить Фредерика IV к возобновлению Северного союза³. Нужную кандидатуру царю подсказал дядя Василия Лукича — Г. Ф. Долгорукий. В своем письме от 19 августа 1707 г. из Варшавы Григорий Федорович сообщил находившемуся в Люблине племяннику о том, что поддержал идею посла в Голландии А. А. Матвеева о замене А. П. Измайлова. Как написал Г. Ф. Долгорукий: «...и я на то притакнул, чтоб здесь быть иному каму, а тебя б послать к дацкому двору... и на том и положено. Изволь ка мне отписать, потребно ль сие тебе, а мне кажетца, лутче здешного суетного жития, и безде-ного, и стыдного»⁴.

Основная масса донесений В. Л. Долгорукого из датской столицы к царскому двору хранится в РГАДА и АВПРИ. Однако в петровское время русские послы не только отправляли официальные реляции в Посольский приказ (затем в Коллегию иностранных дел) на имя государя. Они также писали письма возглавлявшим внешнеполитическое ведомство канцлеру или вице-канцлеру, а также поддерживали регулярную переписку со своими коллегами при других европейских дворах и с видными российскими государственными деятелями, которые могли оказать влияние на принятие того или иного решения. Если реляции составлялись в результате длительного изучения вопроса и отличались обстоятельностью, то для сношений дипломатических представителей в форме писем характерна большая свобода формы и содержания. Дипломаты обменивались сведениями о текущей ситуации в Европе, событиях в жизни коронованных особ, ходе военных действий и мирных конгрессов, а также о возникавших по разным поводам слухах. А. А. Никифоров отметил, что в петровское время взаимная информация широко практиковалась и имела огромное значение. Письма и инструкции шли из России в Западную Европу очень долго, иногда несколько месяцев. За это время ситуация могла

резко измениться, поэтому обмен сведениями непосредственно главами дипломатических миссий (с учетом их широких полномочий) позволял действовать более оперативно⁵.

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН сохранились письма В. Л. Долгорукого из Дании А. Д. Меншикову и П. П. Шафирову, отложившиеся в походных канцеляриях этих выдающихся деятелей Петровской эпохи. Особый интерес представляет переписка русского посла с вице-канцлером П. П. Шафировым. В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН среди бумаг П. П. Шафирова сохранилось тридцать два письма В. Л. Долгорукого за 1709–1719 гг.

Карьеры двух видных петровских дипломатов (и почти ровесников)⁶ В. Л. Долгорукого и П. П. Шафирова долгое время развивались параллельно и не пересекались. В отличие от родовитого, получившего европейское образование и начавшего свое восхождение по служебной лестнице под покровительством именитых родственников В. Л. Долгорукого, П. П. Шафиров в начале своей государевой службы мог рассчитывать лишь на собственные силы и способности. Опиравшийся только на домашнее образование и отличное знание немецкого языка бывший холоп и выходец из семьи крещеных евреев П. П. Шафиров в 1691 г. поступил на должность переводчика в Посольском приказе. Самостоятельно освоенный голландский язык позволил ему стать одним из двух переводчиков Великого посольства в Западную Европу 1697–1698 гг., где его разносторонние знания и таланты были высоко оценены и главой Посольского приказа Ф. А. Головиным, и Петром I⁷. В 1709 г. царь даровал ему должность вице-канцлера. Оставаясь в тени своего начальника канцлера Г. И. Головкина, П. П. Шафиров оказывал значительное влияние на внешнюю политику России. Послы иностранных держав при русском дворе предпочитали вести дела непосредственно со второй в должностной иерархии Посольского приказа фигурой. Так, английский посланник Ч. Уитворт писал о П. П. Шафирове: «Все внешние дела непременно проходят через его руки», отметив, что «быстрое продвижение по службе сделало его высокомерным и, говорят, личные интересы не всегда позволяют ему разобраться в существе дела»⁸.

Итак, в 1707 г. главной задачей русского посла в Копенгагене было склонить Фредерика IV к возобновлению Северного союза. Однако до Полтавской победы все попытки убедить датского короля нарушить Травендальский договор (1700) были безуспешны. Молодой русский дипломат не мог нейтрализовать влияние Англии и Генеральных штатов на политику датского двора.

За 1709 г. в Архиве СПБИИ РАН сохранилось всего три письма, адресованных вице-канцлеру, в которых нет сведений о переговорах с датскими министрами. Они представляют интерес для историков прежде всего как уникальный материал, иллюстрирующий дипломатические обычаи эпохи. Так, 14 июня 1709 г. Василий Лукич просит вернуть ему деньги, которые он потратил на «невольников» (то есть военнопленных), вышедших «ис швецкой земли... которых я держал здесь на своих денгах, поил и кормил, одевал и отпускал, давая денги и пище на дорогу»⁹. В том же пакете он с просьбой о содействии пересылает вице-канцлеру челобитную посольского подьячего¹⁰. В письмах от 14 и 9 июля посол сообщил о назначении нового датского резидента при царском дворе, командора Ю. Юля¹¹. Далее он уточнил, что «посланник господин Юль, которой послан на перемену господина Грунта, быв у короля в Берлине, и оттоль отправлен чрез Королевец, где, седчи в карабль, и имеет указ ехать в Нарву»¹².

Воспользовавшись оказией, В. Л. Долгорукий посылает вице-канцлеру подарок — «материю золотную на камзол, которая уверчена в полотне, запечатана моими печатми»¹³. Эта посылка так и не была доставлена. В декабре 1709 г. на пути из Нарвы в С.-Петербург сани, в которых ехал датский резидент, проломили лед на реке, провалились в воду и опрокинулись. Ю. Юлю удалось спастись, но все вещи и документы сильно пострадали от воды¹⁴. В 1711 г. В. Л. Долгорукий отправил П. П. Шафирову из Копенгагена другой подарок — «шпагу серебряную французской работы»¹⁵.

В. Л. Долгорукий узнал о Полтавской победе из письма русского посланника в Берлине А. Лита, полученного 29 июля, и распространил это сообщение среди датских и иностранных министров¹⁶. Царскую грамоту о Полтаве королю Фредерику IV доставил курьер А. П. Веселовский 12 августа 1709 г. Он же при-

вез новые указания русскому послу: более не обещать денежных субсидий, настаивая на возобновлении союза, который отвечал и датским интересам¹⁷. В. Л. Долгорукий твердо следовал новым инструкциям, невзирая на давление со стороны датского правительства. После того как Фредерику IV не удастся путем переговоров добиться от русского посла денежных субсидий, он решил отправить к царскому двору своего посла барона К. фон Рантцау. Официально миссия чрезвычайного посланника в Россию заключалась в поздравлении Петра I с блестящей победой над шведами.

28 августа 1709 г., через несколько дней после того как В. Л. Долгорукий узнал о решении датского короля послать чрезвычайного посланника в Россию, он написал письмо вице-канцлеру. В. Л. Долгорукий рекомендовал П. П. Шафирову датского посла и просил «явить к нему свою склонность» как «человеку честной фамилии, и знатен при здешнем дворе»¹⁸. По мнению В. Е. Возгрина, датское правительство не известило русского посла о действительной цели поездки К. Рантцау в Россию¹⁹. Однако, судя по содержанию письма, В. Л. Долгорукий догадывался о возложенной на датчанина миссии. Он написал П. П. Шафирову, что К. Рантцау послан «с поздравлением (с) славною победою, дарованною его величеству от Вышего, при том не имеет ли какой инструкции о исходатайствовании субсидей, того мне не открыли»²⁰.

Миссий К. фон Рантцау не увенчалась успехом. Он прибыл к царскому двору в Торунь 29 сентября и был после передачи поздравительных грамот отправлен назад, чтобы переговоры велись через русского посла в Копенгагене²¹. 11 октября 1709 г. В. Л. Долгорукий подписал оборонительный и наступательный договор с Данией без обязательств выплаты Россией субсидий.

Особое значение приобретает переписка между П. П. Шафировым и В. Л. Долгоруким в 1713–1714 гг. Это то время, когда П. П. Шафиров после подписания Прутского мира (1711) находился в Стамбуле в качестве посла-заложника. Указы из Санкт-Петербурга до него не доходили, поэтому переписка с дипломатами в Западной Европе (чаще всего через находившегося в Вене А. А. Матвеева) — основная возможность для вице-канцлера узнать о европейских делах, военных успехах

русского оружия, чтобы противостоять влиянию враждебно настроенных французских коллег при султанском дворе и использовать как аргументы в переговорах с турками. Через А. А. Матвеева П. П. Шафиров отправил В. Л. Долгорукому свою «цифирную азбуку»²².

П. П. Шафиров неоднократно писал ко двору о необходимости для успешных переговоров четких указаний, на каких условиях заключать мир с Османской империей. Очевидно, свои сомнения он отразил и в письме В. Л. Долгорукому, поскольку последний ответил: «С великим удивлением я выразумел ис... вашего писма, что толь долгое время к вам писем от двора нет, а особливо в толь нынешнее нужное время, что ж требуете ведать, потребен ли царскому величеству мир с турками. Изволите мне в том поверить, что его величество зело желает, чтоб как наискоря был заключен»²³.

7 мая 1713 г. В. Л. Долгорукий, по-видимому, первым сообщил П. П. Шафирову основные положения договора капитуляции армии М. Г. Стенбока из Тёниннгена²⁴. В июне посол известил вице-канцлера о походе армии А. Д. Меншикова к Гамбургу и Любеку с целью взимания контрибуции за сотрудничество со шведами, намерении прусского короля Фридриха Вильгельма I секвестрировать Висмар и всю Померанию и отправил подробный список пленных и трофеев, захваченных союзниками при Тёниннгене²⁵. Письмо было отправлено из Шлезвига, поскольку, по обычаю того времени, иностранные послы нередко следовали за монархом, при дворе которого им приходилось состоять.

В. Л. Долгорукий выполнял и прямые дипломатические поручения П. П. Шафирова. Так, подписанный 13 июня 1713 г. русско-турецкий мирный договор содержал пункты о выводе русских войск из Польши и проходе через нее шведского короля Карла XII с турецким конвоем «в свою землю»²⁶. Еще раньше, на польско-турецких переговорах, согласовали маршрут следования шведских отрядов в сопровождении шеститысячного турецкого конвоя. 23 июня 1713 г. В. Л. Долгорукий по указанию вице-канцлера обратился с запросом к королю Дании Фредерику IV, «дабы позволил проезд королю швецкому от Гданска в его государство морем. Изволил мне сказать, что для царского величества, тот приезд позволит, и повелел мне

к вам писать, дабы вы, ежели потребно будет, тем изволили уверить Порту»²⁷.

В начале 1714 г. В. Л. Долгорукий передал вице-канцлеру слухи относительно сепаратных польско-шведских переговоров и заключении польско-французского договора о дружбе²⁸. В том же году он пишет о сложной политической ситуации, попытках Англии и Голландии разрушить Северный союз, отколоть от него Пруссию, а также о поддержке французами Карла XII. Известия об антирусской деятельности французских дипломатов при прусском дворе посол сопроводил острой фразой: «Интриги французские вредили нам на Востоке, а ныне перенесли на Запад»²⁹. А действия английского посла в Гааге графа Страффорда охарактеризовал: «Небо и землю движет противу нас»³⁰.

Из письма В. Л. Долгорукого русским послам в Стамбуле стало известно, что после сдачи крепости Тёнинген войскам Фредерика IV в руки датчан попали секретные бумаги, пролившие свет на подлинные обстоятельства появления в крепости армии М. Г. Стенбока. Выяснилось, что указа малолетнего герцога голштинского не существовало, а имелось сфабрикованное Г. Х. Гёрцом фальшивое распоряжение с поддельной подписью³¹. В июне 1714 г. русский посол также передал П. П. Шафирову важную информацию о прибытии П. И. Ягужинского в Копенгаген с проектом Петра I объединить флоты и организовать совместный десант на территорию Швеции. В. Л. Долгорукий высказал свое мнение о неготовности датского короля начать военные действия против шведов: «Датчания далее 15 миль отсюда не пойдут и вышлют ли болше караблей неведомо, хотя имеют 6 караблей готовых, толко нечем матрозом заплатить и провианту купить, затем их не посылают»³². В следующем письме он снова сообщил, что «к действиям, ни к морским, ни к сухопутным, здешнюю сторону во время нынешней кампании ни малого виду нет»³³.

Летом 1715 г. обратным адресом писем В. Л. Долгорукого стал военный лагерь. В июле того года датский и прусский короли осадили крепость Штральзунд, где укрылся Карл XII. Русские посланники В. Л. Долгорукий (при дворе Фредерика IV) и А. Г. Головкин (при дворе Фридриха Вильгельма I) находились в лагере осаждающих и вели переговоры об усло-

виях отправки русских войск в Померанию. Из их совместных посланий П. П. Шафирову стали известны не только детали военной операции и разногласия между прусским и датским королями, но и сложности, с которыми столкнулись русские дипломаты во время переговоров. Послы докладывали, что союзники всячески препятствовали участию русской армии в осаде Штральзунда. 17 июня В. Л. Долгорукий написал о намерении прусского и датского королей: «...во время сея кампании и без российских войск совершить все здешнее дело и выжить конечно из Ымперии шведов»³⁴.

9 июля 1715 г. благодаря усилиям В. Л. Долгорукого удалось заключить договор с датским королем, который обещал подготовить зимние квартиры для пятнадцати пехотных батальонов и тысячи человек конницы. Прусский король уже имел обещание Августа II предоставить ему польские войска, поэтому предлагал передать русские части в полное его распоряжение³⁵.

Через письма 1718 и 1719 гг. красной нитью проходит предупреждение о растущем напряжении в русско-датских отношениях. В. Л. Долгорукий постоянно повторял, что король уклоняется от встреч с ним. Так, 10 января 1719 г. он с горестью написал: «...здешней двор по-прежнему к нам зело холодно поступает, ис щего мне пущая обида та, что друзья, которых я здесь имел, и чрез них ведал о здешнем, те ныне меня обегают, опасаяся от того впасть в королевскую немилость»³⁶. Причину охлаждения к России ее союзника в Северной войне В. Л. Долгорукий видел в недовольстве датчан русско-шведскими переговорами на Аландском конгрессе, их опасении заключения сепаратного мира. Обрисовывая обстановку при датском дворе, он написал: «По се время никто русского имени здесь помянуть не смеет»³⁷, упомянув о «персональной злобе» датского короля на Россию³⁸.

К сожалению, сохранившая переписка не позволяет судить о личных отношениях, сложившихся между В. Л. Долгоруким и П. П. Шафировым. Как уже выше отмечалось, невзирая на разницу в происхождении у них много общего. К тому же в 1717 г. Долгорукие и П. П. Шафиров породнились, после того как С. Г. Долгорукий женился на дочери вице-канцлера Марфе. В Архиве СПбИИ РАН сохранилось письмо от 23 апреля 1715 г., где В. Л. Долгорукий поздравлял вице-канцлера с помолвкой

(«обещанным супружеством») его дочери «з братом моим» Сергием Григоревичем.

В какой-то мере сложившиеся к 1719 г. отношения между двумя видными дипломатами может охарактеризовать письмо, отправленное в июле В. Л. Долгоруким из Копенгагена. Он предупредил П. П. Шафирова о недовольстве датских министров тем, что «ваше превосходительство, также и Петр Андреевич, часто изволите говорить Вестфалю о делах в острых терминах и з злобою, и что королю дацкому зело неприятно и пушую подает притчину к несогласию между их величества»³⁹. Эта информация была «по секрету» передана русскому послу одним из датских министров, который «все то сказал за конфиденцию, взяв у меня клятвенное слово что того никому не объявлять. Аднакож я, презря мою клятву, не мог того учинить, чтоб ваше превосходительство не уведомить»⁴⁰. В. Л. Долгорукий просил вице-канцлера хранить эти сведения в тайне.

Как у многих «птенцов гнезда Петрова», жизнь двух выдающихся дипломатов состояла из взлетов и падений. В 1723 г. вице-канцлера обвинили в казнокрадстве, буйном поведении в Правительствующем Сенате и приговорили к смертной казни (замененной ссылкой) с лишением всех чинов, титулов и имений. После суда над П. П. Шафировым⁴¹ принадлежавшая ему Ряземская мыза с деревнями в Копорском уезде, а также приморский двор близ Ораниенбаума были отданы В. Л. Долгорукому⁴². Впрочем, именно Долгорукие в 1730-х гг. помогли Шафирову вернуться во власть. Петр II пожаловал барона чином действительного статского советника и возвратил каменный дом на Городском острове⁴³. По Москве даже ходили слухи о намерении П. П. Шафирова сместить с поста вице-канцлера своего бывшего подчиненного А. И. Остермана. В январе 1730 г. саксонский дипломат И. Лефорт заметил, что «некоторая партия женская из семейства Долгоруких употребляет все усилия возвратить Шафирову прежнее значение»⁴⁴. При Анне Иоанновне П. П. Шафиров стал тайным советником (в декабре 1732 г.), затем возглавил Коммерц-коллегию (в апреле 1733 г.) и вошел в число сенаторов (в августе 1733 г.). Опять оказался востребованным его дипломатический опыт, но прежнего влияния на российскую политику П. П. Шафиров не достиг.

Между тем влияние Долгоруких при дворе Анны Иоанновны было недолгим, поскольку императрица не простила попытки ограничить ее самодержавную власть. В июле 1730 г. имения Долгоруких были конфискованы. Императрица отправила князей в ссылку в отдаленные места Российской империи. Местом ссылки Василия Лукича сначала стало принадлежавшее ему с. Знаменское, а затем Соловецкий монастырь⁴⁵. В 1739 г. на Долгоруких поступил новый донос, и в Шлиссельбургской крепости началось новое следствие. Четверым из них (в том числе Сергею Григорьевичу и Василию Лукичу) объявили смертный приговор. 8 ноября 1739 г. они были обезглавлены в Новгороде⁴⁶. Впрочем, вице-канцлер так и не узнал о печальной участи своего зятя и коллеги: он скончался 1 марта 1739 г.

В заключение приведем характеристику, которую в 1730 г. дал В. Л. Долгорукому испанский посланник при русском дворе герцог Лирия: «Он был посланником в Швеции, Дании, Польше и во Франции и всюду заслужил имя искусного и хитрого министра. Он очень хорошо говорил на многих языках, и с ним приятно было провести время в разговорах; но вместе с сим он очень любил взятки, не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию»⁴⁷.

Письма этого выдающегося дипломата — важные источники по истории международных отношений в первой четверти XVIII в.

---

¹ Корсакова В. Долгоруков Василий Лукич // Русский биографический словарь. Том «Дабелов — Дядьковский». СПб., 1905. С. 511.

² ПиБ. СПб., 1912. Т. VI. № 1940, 1941. С. 69–71.

³ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 185.

⁴ ПиБ. Т. VI. Примеч. к № 1940. С. 328.

⁵ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 62–64.

⁶ Точные даты рождения дипломатов не известны. Предположительно, В. Л. Долгорукий родился около 1670 г., а П. П. Шафиров — в 1669 или 1673 г.

⁷ Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2008. С. 92.

⁸ Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта / Перевод Н. Г. Беспятовых; ред., статья, комментарий Ю. Н. Беспятых. М., 1988. С. 76.

- ⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3127. Л. 1 об. — 2.
¹⁰ Там же. Л. 2.
¹¹ Там же. Л. 1; Д. 3215. Л. 2.
¹² Там же. Д. 3215. Л. 2.
¹³ Там же. Д. 3127. Л. 1.
¹⁴ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709—1711) // Лавры Полтавы: Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 86—87.
¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4457. Л. 1.
¹⁶ Возгрин В. Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. // Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 316.
¹⁷ Возгрин В. Е. 1) Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. С. 318; 2) Россия и европейские страны в годы Северной войны... С. 254.
¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3332. Л. 1.
¹⁹ Возгрин В. Е. 1) Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. С. 318.
²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3332. Л. 1 об.
²¹ ПиБ. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. Примеч. к № 3285. С. 1047—1048.
²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6007. Л. 6.
²³ Там же. Д. 6055. Л. 1.
²⁴ Там же. Д. 5958. Л. 1—2.
²⁵ Там же. Д. 6055. Л. 1—3 об.
²⁶ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 184.
²⁷ Там же. Д. 6080. Л. 1.
²⁸ Там же. Д. 6294. Л. 1—2 об.
²⁹ Там же. Д. 6482. Л. 5.
³⁰ Там же. Л. 5 об.
³¹ Там же. Д. 6294. Л. 2 об. Подробнее см.: Возгрин В. Е. Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 // Социально-политическая история СССР. М., 1974. Ч. 1. С. 199.
³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6551. Л. 3.
³³ Там же. Д. 6593. Л. 1.
³⁴ Там же. Д. 7007. Л. 1.
³⁵ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. Т. 17—18. М., 1993. С. 41—43.
³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7657. Л. 1.
³⁷ Там же. Д. 7658. Л. 1 об.
³⁸ Там же. Д. 7690. Л. 1 об.
³⁹ Там же. Д. 7678. Л. 1.
⁴⁰ Там же. Л. 1—1 об.
⁴¹ Подробнее см.: Иванов П. И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3—62.

⁴² РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого и его продолжение). Оп. 1. Кн. 18. Л. 54 об; Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого»). Оп. 1. Д. 103. Л. 551.

⁴³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета: 1728. Т. VI (Июль — декабрь 1728 г.) // Сборник РИО. СПб., 1893. Т. LXXXIV. № 31. С. 56; № 60. С. 170.

⁴⁴ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. V. № 256. С. 340.

⁴⁵ *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 196.

⁴⁶ *Корсакова В.* Долгоруков Василий Лукич. С. 522.

⁴⁷ *Герцог Лирийский.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 251.

О. А. Кривдина

**РУССКО-ШВЕДСКИЙ АСПЕКТ
«ЗАПИСОК О ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ В 1807 Г.»
Л. Л. БЕННИГСЕНА**

Л. Л. Беннигсен был весьма известный генерал русской армии, который в конце декабря 1806 г. одержал победу над французской армией при Пултуске, после которой его сторонники увидели в нем достойного соперника Наполеона, а Александр I назначил Беннигсена главнокомандующим русской армией. Это позволило ему затем проявить себя в сражении, которое произошло у Прейсиш-Эйлау 7–8 февраля 1807 г. Ценою невероятных жертв и стойкости войска Беннигсен отразил нападение французов. «Каждая из сторон претендовала на право считаться победительницей, но, как бы то ни было, по словам самого Наполеона, битва при Эйлау была самым кровопролитным из всех его сражений»¹. Как писал один из очевидцев этого сражения, «никогда прежде такое множество трупов не усеивало столь малое пространство. Все было залито кровью. Выпавший и продолжавший падать снег скрывал тела от удрученного взгляда людей»².

Беннигсен отправил в Петербург донесение о победе и получил ответ Александра I: «Вы легко можете представить себе, генерал, радость, испытанную мною при вести о счастливом исходе сражения при Прейсиш-Эйлау. Вам, генерал, уготована была слава быть победителем того, кто до сих пор не был побежден. Для меня очень приятно выразить Вам и свою благодарность, и благодарность всего отечества. Курьеру поручено доставить Вам от моего имени знак ордена св. Андрея Перво-

званного, а вместе с тем я дал повеление министру финансов о назначении Вам ежегодной пенсии в 12 тысяч рублей»³.

В фундаментальном издании «Война русского народа с Наполеоном 1812 г.», вышедшем в свет в 1910 г. о Беннигсене написано: «Граф Беннигсен, получивший за Прейсиш-Эйлауское сражение орден св. Андрея Первозванного, пользовался большою популярностью в России. Он есть такой муж, говорил “Гений Времени”, которого хитрый корсиканец (то есть Наполеон) ни поразить, ни обмануть не может. Муж, который соединяет в себе глубокое познание и быстро проницательный взор военачальника, с верною любовью и приверженностью к отечеству и монарху»⁴.

В целом роль и значение Л. Л. Беннигсена в кампании 1807 г. заслуженно оценены, и героизм и мужество, проявленные войсками союзных государств, удостоены увековечения в монументе. «Памятник трем генералам» или обелиск, известный под названием «Пушки», был воздвигнут в честь сражения под Прейсиш-Эйлау. Идея создания монумента возникла в 1851 г., когда был создан Комитет по сооружению памятника. В 1854 г. Комитет обращался к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV за содействием в строительстве памятника. По установленным немецким историком Х. Шульцем архивным данным, прусскому королю было угодно назначить архитектором Ф. А. Штюлера, который и выполнил проект памятника для Прейсиш-Эйлау. Высеченный из песчаника обелиск выполнен в стиле неоготики, распространенной в архитектуре 1830–1850-х гг. Высота его около 10 метров. 12 сентября 1856 г. состоялась закладка фундамента и 20 ноября того же года освящение монумента. С трех сторон размещены барельефные портреты генералов А. Лестока, Дирика и Л. Л. Беннигсена. В надписи на лицевой стороне, выбитой на немецком языке, указано: «8 февраля 1807 года. Достославной памяти Лестока, Дирика и их братьев по оружию». Этот текст отражал желание увековечить героизм прусского корпуса. В 100-летнюю годовщину сражения в 1907 г. рядом с обелиском были установлены пушки. С 1946 г. город принадлежит России и носит имя Багратионовск⁵.

В Санкт-Петербурге значительно ранее был предложен проект создания монумента Л. Л. Беннигсену. Он должен был занять место с западной стороны Казанского собора перед

главным входом, где ныне устроен сквер, обнесенный ажурной оградой. Об этом намерении писал историк И. Н. Божерянов в статье «Памятники фельдмаршалам перед Казанским собором», опубликованной в «Русской старине» в 1882 г.⁶ и в 1910 г. в издании «Война русского народа с Наполеоном 1812 года»⁷. Авторство проекта и точное время его создания установить не удалось. Божерянов относил появление проекта к последним годам правления Александра I, упоминая, что его выполнение соотносится со временем заказа монументов М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли. Эту информацию дополняют сведения о наличии в мастерской скульптора Б. И. Орловского «пяти фигур фельдмаршалов», из которых четыре были парные и отлиты из бронзы, а пятая, предположительно, могла являться эскизом статуи Беннигсона. В 1863 г. эти «фигуры» видел историк искусства П. Н. Петров, утверждая, что это «изображения военных деятелей», над которыми Орловский начал работать по предложению Николая I после утверждения эскизов фельдмаршалов⁸. Однако автор монографии, посвященной творчеству Б. И. Орловского, Я. И. Шурыгин придерживался мнения, что это эскизы для памятников Кутузову и Барклаю де Толли. Опись произведений, находившихся в мастерской Орловского после его смерти, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и не содержит каких-либо пояснений⁹.

Проект памятника Л. Л. Беннигсену был опубликован И. Н. Божеряновым во втором томе «Невского проспекта», изданного в 1903 г.¹⁰ Л. Сидоренко вновь привлек внимание к этому проекту в 2001 г. в статье «Победителю непобедимого» в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Он предположил, что автором мог быть Огюст Монферран, принимавший участие в проектировании постаментов для статуй Кутузова и Барклая де Толли¹¹. Однако исследователь творчества Монферрана В. К. Шуйский не упоминает об этом проекте в своей монографии¹². В настоящее время мы не имеем документальных данных об авторстве проекта памятника генералу Беннигсену. И. Н. Божерянов образно сказал, что идея создания памятника стала примером «исторического факта, не приведенного в исполнение»¹³. Это закономерно, во время царствования императора Николая I не могло быть речи о подобном монументе, где был бы запечатлен образ одного из участников заговора,

осуществивших в ночь с 11 на 12 марта 1800 г. убийство его отца — императора Павла I. Здесь уже военные заслуги генерала Л. Л. Беннигсена не принимались в расчет.

Тем не менее, говоря о заслугах Л. Л. Беннигсена, необходимо еще отметить, что он оставил записки, посвященные войне 1807 г. Они были подготовлены к публикации и изданы Петром Михайловичем Майковым в Санкт-Петербурге в 1900 г. С этого времени ряд высказываний Беннигсена цитировался и включался в труды по истории войны с Наполеоном, в публикации мемуаров и воспоминаний. Как отмечали составители интернет-файла о Беннигсене, «неоднозначно воспринимаемая у нас фигура, получившая славу “закулисного интригана” в период Отечественной войны, в кампании 1807-го показал себя с лучшей стороны, дав Наполеону кровавый бой под Прейсиш-Эйлау. Записки генерала — не попытка оправдаться за проигранную кампанию, а обстоятельный доклад о прошедших событиях с позиции одного из самых осведомленных в этом вопросе людей»¹⁴.

Сам Леонтий Леонтьевич Беннигсен пояснял значение своей рукописи: «Я пишу вовсе не для своего оправдания, а для славы русского оружия»¹⁵. Говоря о роли императора Александра I, он отмечал, что «...интересы России предписывали ему сопротивляться завоеваниям Наполеона на севере Европы»¹⁶. Обстоятельный анализ военных действий 1807 г., серьезные рассуждения Беннигсена по прошествии времени позволили ему написать следующее: «Какого можно было ожидать результата от войны, коль скоро средства для ведения ее с энергиею были парализованы администрациею, которая только и делала, что ошибки и заблуждения. К счастью, еще главная существенная цель была достигнута. Каждый благоразумный человек должен нас поздравить, что нам удалось оградить пределы нашего отечества от вторжения неприятеля. Остается надеяться, что этот пример послужит уроком, и будут действовать более осмотрительно в следующую войну, которая не замедлит возникнуть, судя даже по условиям Тильзитского мира»¹⁷.

Обращает на себя внимание, что всю жизнь остававшийся ганноверским подданным, Левин Август Теофил Беннигсен (1745–1826) называл Россию «наше отечество» и, будучи генералом от кавалерии, защищал ее «от вторжения неприятеля».

Разбирая публикации, посвященные Беннигсену, можно разделить их на две группы: в одних приводятся факты биографии и перечисляются награждения генерала, в других описывается его литературная деятельность, где особое внимание исследователей привлекли записки, посвященные убийству Павла I. Ряд историков ссылается на «Записки о войне с Наполеоном 1807 года». Русско-шведский аспект не привлекал внимания.

Шведские историки не акцентируют внимание на событиях войны 1807 г., отмечая, что «в 1805–07 годах война с некоторым успехом велась в Померании, но после того, как Наполеон летом 1807 года заключил в Тильзите перемирие с императором Александром I, положение Швеции стало крайне опасным. Французские войска вторглись в Померанию, и Густав Адольф с армией вернулся в Швецию»¹⁸.

В своем очерке «Первые две войны императора Александра I с Францией» генерал-майор Д. А. Назаров писал: «Современники ценили в Беннигсене его ум и способности, о чем свидетельствуют его смелые и искусные замыслы. Но замыслы без умелого и настойчивого исполнения остаются только замыслами, и, поддавшийся попеременной смене надежд, сомнений и колебаний, Беннигсен не обладал в надлежащей мере важнейшим военным качеством — твердостью характера»¹⁹. Сравним эти высказывания с описанием, данным Денисом Васильевичем Давыдовым: «Среди бури ревущих ядер и лопавшихся гранат, посреди упавших и падавших людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннигсен, как знамя чести. К нему и от него носились адъютанты; известия и повеления сменялись известиями и повелениями; скачка была непрерывная, деятельность неутомимая; но положение армии тем не исправилось, потому что все мысли, все намерения, все распоряжения вождя нашего — все дышало осторожностью, расчетливостью, произведениями ума точного, основательного, сильного для состязания с умами такого же рода, но не со вспышками гения и с созданиями внезапности, ускользающими от предвидений и угадываний, основанных на классических правилах»²⁰.

Размышляя о взаимоотношениях двух стран — России и Швеции, Беннигсен писал о их дружественном характере и желании «действовать заодно против Франции»²¹. Однако

поведение шведского короля Густава IV вызывало явное недоверие к нему со стороны русского императора Александра I. Один из фактов, приведенных в «Записках» Беннигсеном, свидетельствует, что денежный долг Англии, причитавшийся России, шведский король взял себе. Александр «воздержался от всякого объяснения по этому поводу и не потребовал возвращения по принадлежности задержанных денег»²². Результатом этого явилась приостановка отправки войск из Петербурга и подкрепление из 20 тысяч солдат не прибыло к моменту сражения у Прейсиш-Эйлау, что имело плачевные последствия. Так оценивает «непристойный поступок» союзника в лице Швеции Беннигсен, в тот решающий момент командовавший русскими войсками.

Густав IV способствует проведению ряда военных действий невдалеке от Штральзунда, отправив к берегам Пруссии «один фрегат 44-х пушечный, один — 36-ти и один — 18-ти; два больших военных брига, с 18-ю пушками каждый, куттер 12-ти пушечный и маленький бриг в 10 пушек»²³. Заключив с Францией перемирие, Швеция предоставила возможность перемещения из Померании корпуса Мортье для соединения с французской армией.

Беннигсен утверждал, что «Швеция, единственная держава, которая имела еще вид какой-то деятельности, не только была очень далека от того, чтобы оказать какую-либо помощь России, но еще, с одной стороны, ослабила соединенную армию тем, что прусский отряд был отделен и послан на помощь шведам в Померанию, а с другой — увеличила силы французов, против нас выставленные, заключив вышеупомянутое перемирие, которое дало возможность присоединить к великой армии весь корпус маршала Мортье»²⁴.

В целом взгляды Беннигсена заслуживают внимательного к себе отношения, показывая, вероятно, то, почему Александр I впоследствии выступил уже против Швеции, поддержав идею борьбы Наполеона с Густавом IV.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 115.

² Всемирная история войн. Минск, 2005. С. 314.

³ Исторический вестник. 1917. № 5–6. С. 565.

- ⁴ *Божерянов И. Н.* Война русского народа с Наполеоном 1812 года. СПб., 1910. С. 132.
- ⁵ *Панзенко С. Н.* Памятник в честь сражения под Прейсиш-Эйлау // Доклад на конференции «Эйлау. 1807 года». Багратионовск, 2000.
- ⁶ *Божерянов И. Н.* Памятники фельдмаршалам перед Казанским собором // Русская старина. СПб., 1882. № 9. С. 608–610.
- ⁷ *Божерянов И. Н.* Война русского народа с Наполеоном 1812 года.
- ⁸ *Петров П. Н.* Русские скульпторы. СПб., 1863.
- ⁹ РНБ. Отдел рукописей. Ф. Академии художеств. Д. 36.
- ¹⁰ *Божерянов И. Н.* Невский проспект. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. СПб., 1903. С. 423.
- ¹¹ *Сидоренко Л.* Победителю непобедимого // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 2001. 20 января.
- ¹² *Шуйский В. К.* Огюст Монферран. История жизни и творчества. СПб., М., 2005.
- ¹³ *Божерянов И. Н.* Памятники фельдмаршалам перед Казанским собором // Русская старина, СПб., 1882. № 9. С. 608–610.
- ¹⁴ *Bennigsen. jpg* // Wikipedia.org.
- ¹⁵ *Майков П. М.* Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 266.
- ¹⁷ Там же. С. 268.
- ¹⁸ *Лагерквист Л. О.* История Швеции. Стокгольм, 2004. С. 125.
- ¹⁹ *Назаров Д. А.* Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии. М., 2009. С. 227.
- ²⁰ *Давыдов Д.* Сочинения. М., 1962. С. 221.
- ²¹ *Майков П. М.* Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. С. 11.
- ²² Там же. С. 12.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Там же.

Е. Ю. Дубровская

**«СУРОВОЕ ПРОШЛОЕ»
И «ГЕРОИЧЕСКИЕ» ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ
О СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ**

Исследование связано с проблемой трансформации исторической памяти современников об общественно-политических переменах в России в годы Гражданской войны. Предпринятое на материале Карелии, оно позволяет по-новому взглянуть на общественную жизнь и политическую историю края, которая часто рассматривалась лишь как борьба политических партий за власть. Историко-антропологический подход к избранной проблеме дает возможность увидеть во взаимосвязи политические конфликты разного уровня и связать политическую историю Карелии с историей социальной и культурной.

Изучение хода военных действий в Карелии в 1918–1920 гг. долгое время оставалось традиционной, если не ведущей отраслью советской историографии в республике¹. Изучение истории Гражданской войны и иностранной интервенции как в России в целом, так и на ее Европейском Севере имеет давнюю традицию не только в нашей стране, но и за рубежом. События в Карелии, относящиеся к этому времени, освещены в исследованиях М. И. Шумилова², Ю. М. Килина³ В. И. Голдина⁴, в публикациях С. Н. Филимончик⁵, статьях А. Ю. Осипова⁶ и др.

В работах историков изменилась концептуальная оценка интервенции и Гражданской войны. В них показано, как шло постепенное складывание системы органов советской власти,

отразившее разнородные социальные и национальные интересы, как сказывался на общественной жизни края режим «военного коммунизма» с обременительной для населения Карелии, в частности жителей губернского центра, продразверсткой, трудповинностью и влиянием наследия «военного коммунизма» на психологическое состояние людей. Вопросами, связанными с общественной жизнью населения Карелии, в соответствии с задачами своего исследования занимается В. Г. Баданов⁷.

Отдельные работы были посвящены вопросам формирования первых красноармейских частей в 1918 г., мобилизационной политики и партийно-политической работы среди красноармейцев и командиров, влияния задач обороны страны на народное просвещение⁸. Однако объективное освещение настроений в частях и подразделениях, дислоцированных в Карелии, выявление психоментальных изменений в армейской среде оставалось за страницами томов многочисленных исследований.

К началу 1919 г. территория Беломорской Карелии как составная часть Архангельской губернии контролировалась Временным правительством Северной области, находившимся в Архангельске и возглавлявшимся видным лидером партии народных социалистов, членом Учредительного собрания Н. В. Чайковским. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция Антанты на русский Север под предлогом защиты от финнов и особенно от немцев все более накаляла обстановку в северной-карельских волостях⁹.

Заняв уездный центр Беломорской Карелии в июле 1918 г., союзники организовали в городе Кемь британское вице-консульство, деятельность которого предполагалось распространить и на другой крупный пункт Поморья — селение Сорока (соврем. Беломорск). Командир союзных войск подполковник британского Генштаба М. Роуландсон обратился с заявлением к жителям края, вызванным «распространением ложных слухов относительно цели прибытия Союзных войск в пределы Русской территории». В заявлении, текст которого был представлен в Кеми на общее обозрение горожан, подчеркивалось, что прибытие союзников имело целью «защиту Русской территории от внешнего врага и принятие мер против возможного нападения немцев или союзников немецкого милитаризма — (финляндских. — Е. Д.) белогвардейцев»¹⁰.

Подполковник Роуландсон особо отметил, что «союзные войска только искренне желают работать рука об руку со всеми верными защитниками России и Русской территории», что же касается «внутренней политики России или политических убеждений русского народа», то они «совершенно не намерены вмешиваться в таковые». Однако «в случае обнаружения каких-либо действий или пропаганды», противодействующих выполнению союзными войсками своих задач, их командир угрожал «самыми энергичными и решительными» мерами «против таких лиц, не останавливаясь ни перед чем»¹¹.

Отношения карельского населения с Временным правительством северной области также складывались весьма непросто. Из-за страшного бездорожья снабжение северно-карельских волостей продовольствием всецело зависело от поддержки, которую оказывало их население той или иной внешней силе, претендовавшей на управление краем. На собрании в Кеми в феврале 1919 г. проблема снабжения карельского населения продовольствием неоднократно ставилась в связи с главным обсуждающимся вопросом о независимости Карелии¹².

Кемское собрание делегатов от волостей Беломорской Карелии постановило признать, что Карелия должна стать самостоятельным государственным объединением в форме демократической республики, природные богатства которого объявлялись достоянием всего карельского народа. Предполагалось вскоре созвать Учредительное собрание карельского народа, которому предстояло, по мысли делегатов, вынести решение, к кому присоединиться Карелии: к Финляндии или к России (хотя это несколько и противоречило только что провозглашенному ими принципу самостоятельности).

Прибывший на съезд командир 237-й бригады союзнических войск британский генерал Прайс зачитал телеграмму командующего союзными войсками на Мурмане генерала Ч. Мейнарда. В ней подчеркивалось, что союзное командование не поддержит никакого предложения об отделении от России¹³. Неслучайно участники съезда постановили послать двух представителей от только что ими избранного Национального комитета на Парижскую мирную конференцию, с тем чтобы добиться признания великими державами права Карелии стать самостоятельной страной.

Национальный комитет, избранный в составе уроженца села Ухта Ииво Ахава, представителя Вокнаволоксской волости Григория Лежеева, Александра Маскиевича и Семена Епифанова из села Ругозеро, а также делегата из Кестеньги Ивана Гаврилова, должен был подготовить созыв Учредительного собрания карельского народа на основе всеобщих прямых, равных и тайных выборов представителей. По мнению участников собрания, формой этого государства должна была стать демократическая республика, а природные богатства края — достоянием всего народа. Избирательное право предполагалось предоставить всем жителям обоюго пола, достигшим 20-летнего возраста¹⁴.

В Ухте 21 июня 1919 г. на объединенном собрании членов комитета, возглавляемого Г. Лежеевым, и делегатов пяти севернo-карельских волостей Архангельской губернии: Кондокской, Ухтинской, Вокнаволоксской, Тихтозерской и Кестеньгской, а также представителей от карел, живших в Финляндии, было образовано Временное правительство Архангельской Карелии (Тоймикунта). Председателем правительства стал С. А. Тиханов (Антти Виерма), в состав его вошли 6 членов и 6 кандидатов. Этому правительству Г. Лежеев передал дела Национального комитета.

Лидеры Временного правительства Архангельской Карелии выступали за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги. Однако администрация русского Временного правительства Северной области отказалась признать их требование и вступить в переговоры с Ухтой по этому вопросу. Вместо переговоров в район направляются карательные отряды и предпринималась попытка насильственной мобилизации карелов в Северную белую армию. В ответ здесь стало формироваться повстанческое движение.

Армия, сражавшаяся под антисоветскими знаменами, первоначально была более многочисленной и лучше организованной, так как опиралась на имевшие опыт мировой войны кадровые интервенционистские соединения. Уход иностранных войск с Севера осенью 1919 г. означал прекращение военной интервенции, но не интервенции в широком смысле слова, поскольку бывшие союзники продолжали поддерживать армию генерала Е. К. Миллера оружием, деньгами, продовольствием. Белая Северная область не была вполне самостоятельной и суверен-

ной. Обеспечивая Белый Север всем необходимым, от военного снаряжения до промтоваров, союзники оказывали и финансовую помощь, однако делали это отнюдь не бескорыстно, контролируя все сферы жизни области и деятельность правительства¹⁵.

Вместе с тем у этой армии имелись и огромные внутренние трудности. У ее руководства стояли люди, представлявшие разные партии, программы, течения: от социалистов до монархистов. Непреодолимая стена возникла между рядовыми солдатами и командным составом — выходцами из дворян и зажиточных слоев общества. Рядом сражались части, преследовавшие разные, подчас противоположные цели¹⁶.

Новый путь России, лежавший через круговорот революции, стоил миллионов жизней соотечественников и был оплачен ценой братоубийственной Гражданской войны, разделившей прежних сослуживцев — офицеров и матросов Балтийского флота, сражавшихся в составе «красной» и «белой» онежских флотилий.

С получением доступа к документальным материалам по истории белого движения в Карелии из Национального архива Республики Карелия (НАРК), а также Архива МИД Финляндии появились возможности для дальнейшей разработки проблемы с учетом всего комплекса имеющихся литературы и источников, уточнить и конкретизировать ход событий, проанализировать выявленные документы из фондов российских и финских архивов, опубликованные источники, а также рассмотреть важные аспекты истории национально-демократического движения в Карелии начала XX в.¹⁷ В частности, проследить, как происходило создание всеми участниками Гражданской войны образа беспощадного противника, в том числе и образа враждебной Финляндии.

По наблюдениям И. А. Разумовой, установление родства в любой форме — от свойства до бывшего братства по оружию — способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации¹⁸. Вместе с тем в семейной памяти, носителями которой выступают как мужчины, так и женщины, отразилась и специфика корпоративного мировосприятия военных, обусловленная бытом, системой ценностей и другими особенностями их корпоративного сознания. Эта специфика тесно связана с ритмом исторического

времени и с механизмом функционирования исторической памяти этой социальной группы¹⁹.

Исследователь феномена «коллективной памяти и культуры припоминания/забывания» И. Нарский определяет историческую память как «культурный контекст, социокультурную рамку или смысловой растр, который просеивает, упорядочивает, иерархизирует по критерию социальной значимости, удерживает и инструментализирует пережитое человеком (и группой)». По его наблюдениям, этот феномен «включает не только некую мозаику исторических образов (а не монолитный образ) как результат обращения к прошлому», но и «всю совокупность процессов их формирования, циркуляции, деформации, вытеснения, манипуляции ими и т. д.»²⁰.

Иллюстрацией к тому положению исследователя, что носителем коллективной памяти является не коллектив, а отдельный человек, память которого представляет собой «аморфный анклав разнородных и разнообразно интерпретируемых мифов»²¹, может служить, например, зафиксированное А. М. Астаховой²² рассуждение бывшего красного партизана П. А. Добрякова о прошедшей жизни.

Представляется целесообразным исследовать период революции и как момент общественной амнезии, нацеленной на отказ от ценностей, связанных с империей, и как время утверждения новых ценностей, «обновления» памяти. Жители Карелии, носители региональной и национальной памяти — современники, свидетели и участники Гражданской войны — сами интенсивно конструировали миф о ней, который ко времени создания СССР уже принадлежал к основным мифам возникшего советского государства.

Новые «образы» мучеников занимали в представлениях жителей Карелии место привычных намоленных образов. Действующие лица «Рассказов о Гражданской войне» — односельчане, предки которых веками свято относились к чужой собственности, люди, никогда не имевшие замков на дверях и подпиравшие их коромыслами, когда уходили из дома, чтобы показать, что хозяева отсутствуют. В памяти рассказчиков сохранились подробности того, как эти же люди будут участвовать в реквизициях соседских запасов или станут доносить белым или красным о появлении в деревне опасных для них лазутчиков из своих же земляков.

Такая неотретушированная память позволяет лучше понять эпоху и объемнее увидеть «портрет времени». Множество уникальных свидетельств «о времени и о себе», сохранившихся в материалах фольклорных коллекций, долгое время оставались вне поля зрения историков, поскольку не вписывались в установившуюся в 1930-е гг. схему того, что и как следует вспоминать о революции и Гражданской войне. Сохранение памяти о «своем» времени, о событиях, безусловно, значимых для конкретного повествователя, делает записанные тексты важным историческим источником не только о перипетиях Гражданской войны в России, но и бесценным «человеческим документом». Этот «документ» знакомит со спецификой мышления, с представлениями о нормах и ценностях, которые оставались значимыми для целого, к сожалению уже ушедшего, поколения наших соотечественников.

---

¹ Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. Петрозаводск, 1992.

² Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 342–426.

³ Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999.

⁴ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993.

⁵ Филимонгик С. Н. Горожане и власть в революционную эпоху // Олонцу — 350. 1999. С. 32–42; Филимонгик С. Н. Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 — начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки в 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 6–28; Пашков А. М., Филимонгик С. Н. Петрозаводск. СПб., 2001.

⁶ Осипов А. Ю. Изучение истории гражданской войны в Карелии в ПетрГУ // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации. Петрозаводск, 2005. С. 37–38; Осипов А. Ю. Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского севера. Петрозаводск, 2005. С. 87–88.

⁷ Финансы Карелии. Петрозаводск, 2002. С. 84–93.

⁸ Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление Советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983; Афанасьева А. И. Бои за станцию Сегежа в 1919 г. // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии. Петрозаводск, 1960. С. 24–28; Афанасьева А. И. Организация добровольческих отрядов Красной Армии в Карелии. С. 13–23; Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция, 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях). С. 29–38; Морозов К. А. Онеж-

ская флотилия. 1918–1920. Петрозаводск, 1961; *Шумилов М. И.* Партийные мобилизации в Красную Армию в Карелии (1918–1920 гг.) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии. С. 3–12 и др.

⁹ *Витухновская-Кауптала М.* Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сб. науч. ст. Joensuu–Петрозаводск, 2011. С. 156–172 (на финском яз.); Гражданская война на севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008; *Дубровская Е. Ю.* Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 253–262.

¹⁰ НАРК. Ф. 403. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹¹ Там же.

¹² НА РК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 8–9.

¹³ Там же. 550. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 8; *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 141–142.

¹⁴ НА РК Ф. 550. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 1–11.

¹⁵ Белый Север. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 17.

¹⁶ См., в частности: Трагедия маленького Шенкурска // Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск, 1919. 1 марта; Мракобесие // Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск, 1919. 5 марта.

¹⁷ См об этом: *Дубровская Е. Ю.* Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Матер. Одиннадцатой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2010. С. 81–91.

¹⁸ *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 320–324.

¹⁹ *Кожевин В. Л.* Историческая память в контексте исторического сознания российского офицерства (первая четверть XX века) // Культура исторической памяти. Петрозаводск, 2002. С. 66–71.

²⁰ *Нарский И.* В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен. Заочный круглый стол Размышления о памяти, империи и нации // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 86.

²¹ Там же.

²² *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15–24.

Е. А. Балашов

**РОЛЬ СЕРГЕЯ-ЙОХАНА ФАБРИЦИУСА
В СОЗДАНИИ «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»**

Обыденное представление связывает «линию Маннергейма» с личностью главнокомандующего финской армией, которому приписывается роль создателя этих укреплений. Однако это совершенно не так. К числу проектировщиков первых финских долговременных сооружений на Карельском перешейке следует отнести французского военного инженера Ж. Ж. Грос-Куасси и финского фортификатора Й. К. Фабрициуса. Причем последнего следует с полным правом признать главным творцом «линии Маннергейма», так как он не только выполнял рекогносцировочные и проектировочные работы, но и руководил строительством на самых ответственных этапах на всем протяжении периода создания этого оборонительного комплекса. Причем несомненно, что определенные детали и некоторые факты в его биографии, которые можно сейчас обнаружить в научной, справочной и мемуарной литературе¹, представляют определенный интерес для исследователя.

Так, 29 мая 1890 г. в семье полковника инженерных войск русской армии Йохана Кристиана (Ивана Гавриловича) Фабрициуса родился сын, не только унаследовавший оба имени своего отца, но и получивший русское имя Сергей, поскольку его матерью была Александра Свечина, которая по рождению была православного вероисповедания².

Иван Гаврилович прочил своему наследнику карьеру военного, и в 1902 г. отдал его на обучение в кадетский корпус

в Фредриксхамн (Хамина). Через год Йохана (Сергея) переводят в Александровский кадетский корпус, по окончании которого в 1907 г. он поступает в Николаевское инженерное училище³.

В 1910 г. отец Сергея, Иван Гаврилович Фабрициус, был произведен в генерал-лейтенанты, что для занимаемой им должности являлось пределом карьерного роста. Иван Гаврилович пристально следил за развитием инженерной мысли в Европе и являлся автором многих современных разработок в фортификации⁴. В частности, его изобретение по применению эклипс-лафета для трехдюймовой пушки успешно прошло испытание на острове Березани в 1912 г. В дальнейшем Сергей Фабрициус развил идею своего отца применительно к пулеметному вооружению долговременной огневой точки.

В 1910–1911 гг., получив звание подпоручика, Сергей Фабрициус по каким-то причинам отказывается от продолжения военной карьеры, устраивается на службу в страховую контору, а затем уезжает в Берлин, где поступает учиться в «Дойче техникум», который заканчивает в 1913 г., получив диплом инженера-механика. Но начало мировой войны не позволило ему продолжить работу в гражданских учреждениях. Он был призван в русскую армию и вынужден был сражаться на фронтах Первой мировой войны в Галиции, командуя саперным батальоном.

С началом революции в России в 1917 г. он в чине капитана демобилизовался и переезжает в Финляндию в город Раума на Ботническом побережье страны, где был назначен на должность полицмейстера. В 1918 г. Йохан занял пост начальника Шюцкора города Уусикаупунки. Принимал участие в боях на Аландских островах⁵. После окончания военных действий Й. Фабрициус был произведен в майоры. Весной 1919 г. начальник Генерального штаба финской армии Ханнес Игнатиус предложил разработать новый оперативный план, для осуществления которого при финском военном министерстве был создан отдел дорожных и фортификационных работ. Начальником отдела назначили майора Й. Фабрициуса⁶.

Свою деятельность на новом посту он начал с ознакомления с особенностями местности в районе Перкъярви (Бобочино) на Карельском перешейке, так как считал этот участок наиболее уязвимым в стратегическом отношении. С давних времен

русские войска в своих походах на Выборг часто использовали дорогу Уусикиркко — Каукъярви, проходящую через межозерное дефиле, известное как «Ворота Карелии»⁷. В отличие от северо-восточной части Карельского перешейка, изобиловавшей каменными россыпями и скальными выходами, здесь практически отсутствовали естественные препятствия. Линия обороны, предложенная Фабрициусом, начиналась от Финского залива и пересекала Карельский перешеек по межозерным дефиле Кипиноланъярви, Куолемаярви, Каукъярви, Перкъярви, Юскъярви, Пуннусъярви, а далее шла по северному берегу Вуоксинской системы до Тайпале. Но ввиду недостатка средств на этой позиции планировалось возведение лишь полевых укреплений. Важно отметить, что линия фронта, сдерживавшая наступление Красной Армии с декабря 1939 г. по февраль 1940 г., за исключением центрального 25-километрового участка, полностью совпадала с ней⁸.

В июне 1919 г. Фабрициус представил свой проект⁹ командиру 2-й пехотной дивизии генерал-майору Г. Теслёфу, который не вполне остался доволен им, поскольку без прикрытия оставалась вся волость Уусикиркко, где у генерала имелась частная собственность. Предложенный Теслёфом встречный план также не осуществился, поскольку после президентских выборов 1919 г. как сам Теслёф, так и Фабрициус вышли в отставку¹⁰. Свою деятельность Йохан продолжил на должности начальника фортификационного отдела АО «Гранит». Под его руководством были проведены первые полевые изыскания на Карельском перешейке летом 1919 г., а осенью он приступил к проведению точных геодезических работ. Фабрициус занимался также и теоретическими разработками методики расчета сопротивляемости бетона, практическая проверка которой осуществилась в начале 1920-х гг.

Новый этап деятельности Фабрициуса был связан с приходом в сентябре того же года на пост начальника Генерального штаба генерал-майора Оскара Карловича Энкеля, который предложил передать заказ по проектированию системы долговременных укреплений АО «Гранит»¹¹, поскольку эта организация уже имела опыт выполнения фортификационных работ по поручению российского военного ведомства при возведении оборонительных объектов «Морской крепости Петра Великого»¹².

К тому времени в Финляндию в составе французской военной комиссии прибыл майор Грос-Куасси¹³, которому О. Энкель поручил составить план фортификации Карельского перешейка. Фабрициус фактически стал его правой рукой, проводя детальную разработку конструкций долговременных сооружений. Грос-Куасси и Фабрициус выполняли все технические проекты и расчеты прочности, составляли схемы укрепленных узлов, но почти не занимались техническими разработками чертежей сооружений. Эта задача лежала на специалистах фирм-подрядчиков АО «Гранит» и АО «Пирамида». Впрочем, несколько чертежей Фабрициус сделал собственноручно.

По результатам полевых изысканий Фабрициус сделал вывод, что для прикрытия границы на Карельском перешейке потребуется около 80 дотов фланкирующего огня. Стоимость одного такого сооружения превышала сумму в 100 тысяч марок. Но бюджета Министерства обороны хватало лишь на возведение 60 бункеров. Грос-Куасси решил строить казематы фронтального огня, несмотря на протесты Фабрициуса. Генерал-майор Энкель поддержал позицию Грос-Куасси, потребовав дополнительно оснастить доты массивными перекрытиями, чтобы пулемет был хорошо защищен от артиллерийского огня. Из-за этого конструкция увеличила свою высоту, ибо пулеметный ствол должен находиться не ниже полуметра от поверхности земли и не менее полуметра от потолка каземата. Толщина перекрытия составляла 130 см, и 20–30 см насыпки сверху давали общую высоту сооружения в 2,5 метра. Такой бункер был хорошей мишенью для противника, и замаскировать его было очень непросто. Амбразура вышла слишком широкой, поскольку сектор обстрела составлял угол 90°, что, по мнению Фабрициуса, снижало защитные функции сооружения. Он также предлагал устанавливать пулеметы на открытых позициях, рядом с которыми строить укрытия для гарнизона. Фабрициус утверждал, что Энкель требовал от Грос-Куасси поддержать его идеи относительно массивных перекрытий, обосновывая это опытом Первой мировой войны, когда сильные артобстрелы загоняли оборонявшихся в укрытия. Также утверждалось, что расчеты не успеют вовремя перенести пулеметы из укрытий на позиции.

В мае 1920 г. Грос-Куасси и Фабрициус получили задание спроектировать несколько моделей бункеров. Один из них воплотился в реальность в укрепузле Колккала в 1921 г.

Стены типовых дотов были сделаны из бетона низкого качества, без применения арматуры. Другими словами, бетонный раствор использовали лишь как связующее для скрепления камней. Толщина перекрытий составляла 130 см, верхний слой был залит раствором вперемешку с камнями, в середину закладывались двутавровые балки, под которыми шел 10-сантиметровый слой песка, затем слой битума, и только самый нижний слой был изготовлен из железобетона. Для усиления конструкции в середину укладывали пару металлических решеток из прута диаметром 12 мм¹⁴. По расчетам, перекрытие должно было выдерживать три прямых попадания 6-дюймового гаубичного снаряда. Фабрициус начал развивать свою методику сопротивляемости бетона уже с 1919 г., однако проверить ее на практике еще не удавалось. Фабрициус предлагал провести испытательные стрельбы, но исполнительный директор фирмы АО «Гранит» А. Лённрот хотел прежде выполнить заказ по строительству всех дотов. С его точкой зрения были солидарны Грос-Куасси и начальник французской военной комиссии полковник Жандр. Грос-Куасси основывал свои доводы на том, что в летнее время можно производить бетонные работы в течение пяти месяцев без дополнительного подогрева раствора. Если проводить испытания вначале, то придется переносить все строительство на следующий год, так как постройка опытного бункера займет полтора месяца и еще 3 месяца бетон должен отвердевать. Это свидетельствует о том, что вопрос об испытаниях стоял изначально. В случае нарушения технологии строительства подрядчики должны были возместить ущерб за счет изрядной страховой суммы. Также было заранее оговорено, что после приема работ один или несколько дотов, которые Министерство обороны выберет по жребию, будут испытаны на прочность. Таким образом, подрядчики были вынуждены сами контролировать качество работ. Грос-Куасси ознакомился с рабочим планом АО «Гранит» и следил за его выполнением. Генерал-майор Энкель, напротив, торопил подрядчиков, ссылаясь на все возрастающую угрозу войны.

Когда первые доты линии были возведены, в одном из них провели испытания стрелкового оружия. В результате выяснилось несовершенство конструкции амбразуры и крепежного устройства для пулемета. По мнению Фабрициуса, размер амбразуры следовало уменьшить, а пулемет установить в ней гораздо глубже, чтобы часть звуковой энергии отвести во внешнее пространство¹⁵. В последующем все указанные недостатки были устранены.

На этапе проектирования между Фабрициусом и Грос-Куасси возникали различия во мнениях относительно типа долговременных сооружений. Фабрициус стремился внедрить систему фланкирующих огневых точек, образующих костяк огневого взаимодействия. Вместо фронтальных огневых точек он предлагал построить открытые пулеметные позиции, за которыми разместить бетонированные убежища для гарнизона. Слабая сторона этой идеи состояла в том, что перенос пулеметов из укрытий на открытые позиции занимал слишком много времени. Тогда в начале 1921 г. Фабрициус обратился к своим прежним разработкам и предложил конструкцию скрывающегося лафета (эклипс-лафет), который размещался в специальной шахте укрытия под бронированной крышкой. Когда крышка приподнималась, то пулемет с помощью противовеса и тросов легко и быстро вытягивали вверх. При повреждении пулемет можно было оперативно отремонтировать внутри укрытия. Огневую точку, оборудованную такой системой, было гораздо легче замаскировать, нежели типовой дот фронтального огня. Кроме того, по сравнению с бронеколпаками установка скрывающегося лафета обходилась дешевле, что было немало важно для весьма ограниченного в средствах военного бюджета Финляндии.

7 декабря 1922 г. Фабрициус представил инженерному отделу свой патент и эксклюзивное право на использование своего изобретения, оценив его в сумму 50 000 марок¹⁶. Опытный образец лафета установили в Свеаборге, где специальная комиссия проверяла его действие. Фабрициус особо подчеркнул, что при использовании его системы для строительства огневой точки потребуется на 40–50 кубометров бетона меньше, чем идет на типовой дот. Это позволило бы сэкономить 20–25 тысяч марок при возведении только одного объекта. На сотню дотов

экономия составила бы 2–2,5 миллиона марок¹⁷. Кстати, разработанные Фабрициусом методики расчета стоимости сооружений использовались его последователями при проектировании оборонительных позиций.

Министерство обороны купило патент Фабрициуса, заплатив за него 10 000 марок, с условием однократного использования изобретения при строительстве опытного образца дотов. За каждое последующее использование Фабрициус получал дополнительно 1000 марок на протяжении срока действия патента. Фабрициус обязался не продавать и не передавать своего права другим государствам. Изобретение его смогли внедрить только в двух дотах укрепузлов Нуораа и Ала-Сяйниё¹⁸.

15 ноября 1920 г. Фабрициус высказывает свое мнение Энкелю о необходимости строительства укрытий на главной оборонительной полосе. Их следовало размещать в 100–150 метрах от передовой линии укреплений. Начиная с лета 1921 г. эти укрытия стали возводить, руководствуясь теми же техническими принципами, что и при строительстве дотов. Толщина крыши и стен составляла 170–180 см. Вначале стены их не имели стальных элементов, но позднее некоторые укрытия строили полностью из железобетона. Эти укрытия предназначались для 1–3 групп, каждая из которых состояла из 13 человек, таким образом общая численность гарнизона достигала 40 человек¹⁹. За укрытиями строились стрелковые позиции, и каждое укрытие оборудовалось шахтой с открывающимся люком для наблюдения. В 1922 г. стали строить предназначенные для пехоты бетонированные траншеи, которые включали в себя и казематированное укрытие.

Испытания прочности бетона начали проводить в 1923 г., но полного размаха они достигли в 1924 г., когда в восточной части укрепузла Суммаярви построили две опытные модели. Целью исследования было изучение последствий от попадания 150-миллиметрового снаряда в крышу сооружения. Обстрел производили по моделям, установленным вертикально перед уже построенными дотами с опорой на последние. Правда, толщина перекрытий была примерно на полметра меньше проектной²⁰.

В ходе испытаний выяснилось, что прочность опытных образцов соответствует нормативам, однако возникли противо-

речия с точкой зрения Фабрициуса относительно испытываемых конструкций. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что его не привлекли к участию ни в подготовке опытных стрельб, ни в их проведении. Позднее ему пришлось давать свои разъяснения по методике проведения стрельб. В этой связи он очень остро критиковал действия и выводы тех «специалистов», которым было поручено проведение и подготовка прочностных испытаний.

В 1923 г. Фабрициус приступил к проектированию артиллерийских капониров. В Нойсниеми он собирался использовать двухказематную конструкцию, чтобы обеспечить амбразурам лучшую защиту, но из-за недостатка средств от этой идеи пришлось отказаться. Все артиллерийские бункера должны были выдерживать попадание 9-дюймового снаряда. Толщина крыши составляла около 2 метров. Верхний ее слой состоял из железобетона (4–5 стальных решеток с сечением прута 12 мм, расположенных на расстоянии 10 см друг от друга). Под ним шел слой «экономичного» бетона, еще ниже — 10-сантиметровый слой песка, затем 30–50-сантиметровый несущий слой железобетона. Нижний слой железобетона был слегка выгнут вверх. Некоторые бункера были оснащены бронеколпаками наблюдения.

Фабрициус нередко выступал с критикой проектов, утвержденных Энкелем. Например, он считал необходимым перенести всю оборонительную позицию значительно дальше на восток. Фабрициус постоянно обращал внимание на положение линии: на некоторых участках он стремился увеличить ее глубину до 8 км. Осуществить это так и не удалось, но свои упреки он не адресовал ни Энкелю, ни Министерству обороны, а лишь констатировал, что на проведение фортификационных работ государство отпускало слишком мало средств.

Он часто полемизировал с мнениями оппонентов, что оборонительная позиция якобы была пассивной. Фабрициус подчеркивал, что именно крепкая оборона позволяет выиграть время и обеспечить возможность разворачивающимся войскам перейти в контрнаступление. По мнению Фабрициуса, это положение о пассивной обороне, с одной стороны, а также критика линии Энкеля с технической точки зрения, с другой стороны, получили в свое время то отражение, что постепенно интерес к фортификации упал, финансирование сократилось, следствием

чего стало полное прекращение работ на Карельском перешейке. Осенью 1924 г., в связи с уходом в отставку генерала-майора Энкеля, Фабрициус снова перешел на гражданскую службу. С 1927 по 1929 г. он работал конструктором в АО «Бетонный завод Лохья».

В 1932 г. работы по укреплению Карельского перешейка были возобновлены. Маннергейм предложил учредить ведущий фортификационный орган, руководителем которого следовало назначить Фабрициуса²¹. Однако ввиду бюрократической волокиты идея эта осуществилась лишь через три года. А пока Фабрициуса временно назначили главным техническим инспектором. Выполнение всех строительных работ возложили на Саперный батальон. Фабрициусу следовало обучать офицеров и унтер-офицеров соответствующим технологиям.

Переход на службу в Министерство обороны на условиях среднемесячной оплаты для Фабрициуса означал существенную потерю прежнего дохода на гражданской службе, поэтому он запросил вначале непомерно высокое жалованье. Начальник Генштаба генерал-лейтенант Эш привлек все свои резервы для дополнительного финансирования труда этого ценного военного специалиста. 1 апреля 1932 г. он заступил на службу «надеясь, наконец, осуществить свое любимое детище — создание укрепленной линии на Карельском перешейке»²².

Свою деятельность на новом месте Фабрициус начал с проектирования нового участка оборонительной полосы по линии Кюрённиemi — Кипиноланъярви — Инкиля — Куолемярви. Хотя чертежи будущих дотов были уже сделаны, Фабрициус, обладающий опытом и профессиональными знаниями, кардинально их откорректировал. Первые доты «Ink-1» и «Ink-2» представляли собой железобетонные бункеры фланкирующего огня типа «Каземат де Бурже» с убежищем для гарнизона вместимостью от 12 до 24 человек²³, рассчитанным на автономное проживание личного состава в течение недели. По своим размерам они почти не отличались от построенных ранее бункеров на линии Энкеля. Фабрициус лично составлял расчеты прочности конструкций и технологические инструкции. Все новые сооружения были рассчитаны на попадание 152-миллиметрового снаряда²⁴.

В 1933 г. были проведены испытательные стрельбы с целью выявления прочности старых бункеров линии Энкеля на сопро-

тивление артиллерийскому огню. В качестве опытного образца взяли дот «Sj-2»²⁵, расположенный на восточном фланге Суммаярви, обстреливая его различными снарядами из 6-дюймовой гаубицы. В своем отчете от 31 мая 1934 г. подполковник Фабрициус проанализировал результаты поведенных испытаний. Бункер был построен АО «Гранит» в 1920 г. и подобных ему типовых сооружений было построено около сотни. Конструкция по своей прочности соответствовала поставленным целям, принимая во внимание требования, предъявляемые в тот период, — три прямых попадания снарядов 6-дюймовой гаубицы в крышу бункера. Но качество бетона было низким из-за несоблюдения технологий приготовления раствора и применения низкосортного заполнителя. Фабрициус обратил внимание, что Министерство обороны, несмотря на многочисленные обращения, не смогло наладить постоянный и эффективный надзор на строительном участке.

В начале 1935 г. при Генштабе был учрежден проектно-фортификационный отдел, начальником которого назначили Й. Фабрициуса²⁶. В 1936 г. Фабрициуса произвели в чин подполковника. Но в конце 1938 г. Фабрициус сдал полномочия технического инспектора Генштаба. Причиной своей отставки он называл в первую очередь недостаточность средств, отведенных на фортификацию, организационную путаницу и незавершенность проектов.

Однако отставка была краткосрочной. Как ценного специалиста подполковника Фабрициуса привлекают к проектировочной деятельности на шестой день внезапно разгоревшейся «зимней войны». Он занимает должность главного технического смотрителя линии «Т», которая должна была превратиться во второй пояс финской обороны на Карельском перешейке. На подступах к Выборгу уже стояло несколько старых дотов тыловой позиции линии Энкеля, которые безнадежно устарели к началу боевых действий и использоваться могли лишь в качестве убежищ. Перед Фабрициусом стояла задача создания на данном рубеже обороны новых укреплений, способных противостоять огню современной артиллерии и авиации. Первую часть фортификационного плана подполковник Фабрициус составил в начале 1940 г. На карте, которая включала территории от Суоменвендэнпохья через Лайхалампи к Няятяляньярви, были отмечены доты и их

сектора обстрела, а также другие блиндажи и противотанковые препятствия. Фабрициус считал, что линия «Т» будет последней непрерывной главной полосой сопротивления на Карельском перешейке. За ней оборона делилась на два различных направления.

По детальному рабочему проекту Фабрициуса на линии «Т» надлежало построить 673 железобетонных бункера: из них 407 противотанковых и пулеметных дотов, 110 наблюдательных пунктов и 156 укрытий для гарнизона. Причем среднее количество бетона на один бункер составляло 276 куб. м. Кроме того, линию необходимо было оснастить проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями общей протяженностью в 120 км. Для сооружения всей позиции требовалось задействовать 23 640 человек в течение полугода. Смета затрат составила 350 миллионов марок. План Фабрициуса признали неосуществимым в тех условиях²⁷.

Тем не менее 6 февраля 1940 г. командующий саперными частями Армии Перешейка дал приказ о возведении тыловой позиции «Тайпале», на которой следовало срочно приступить к строительству 10–12 бетонных бункеров. Возглавлять рабочую группу в составе 500 человек назначили подполковника Фабрициуса, который стал Саперным командующим. Начавшиеся работы так и не были завершены в связи с окончанием боевых действий.

3 марта 1940 г. Фабрициуса вновь перебросили на линию «Т», назначив руководить строительством линии «Ланхалампи» северовосточнее Выборга. В условиях низких температур все бетонные работы производились по специальной технологии в закрытых тепляках. К окончанию боевых действий было введено в строй лишь 7 бункеров²⁸, и 3 бункера находились на завершающей стадии строительства. Еще 182 бункера находились на начальной стадии. По условиям мирного договора 1940 г. финнам пришлось оставить эти территории. Фабрициус продолжал исполнять свою должность до июня 1940 г., после чего вышел в отставку по болезни.

В августе 1941 г. финская армия отвоевала утраченные земли Карельского перешейка, но продолжать строительство незаконченной линии «Т» задачи уже не стояло. Фабрициуса привлекли к участию в проектировании линии укреплений на материковой части полуострова Ханко.

В период 1940–1944 гг. основные работы по сооружению долговременных сооружений в Финляндии развернулись на линии «Салпа». На передовой позиции на Карельском перешейке возводилась линия «ВТ». Однако среди проектировщиков этих укреплений фамилии Фабрициуса уже не значится.

Мощное наступление Красной Армии, начавшееся 9 июня 1944 г., заставило финнов сдать свои позиции на линии «ВТ». 20 июня был сдан Выборг, но дальнейшее продвижение советских войск было остановлено как раз на рубеже северо-западного фланга линии «Т». Военно-политическая ситуация заставила финское правительство пойти на перемирие, по условиям которого Финляндия собственными силами обязалась выдворить немцев со своей территории.

Некоторые финские офицеры восприняли это решение как поражение. Опираясь на нацистские структуры Германии, здесь начали готовить заговор, стремясь наладить подпольную деятельность, направленную на будущее вооруженное сопротивление в случае советской оккупации²⁹. С этой целью на территории страны ими создавались тайные склады оружия, велась разведывательная деятельность. Фабрициус также примкнул к нелегальной военной оппозиции и решил использовать для своей борьбы немецкие ресурсы. В конце 1944 г. он на немецкой подводной лодке тайно отбыл в Берлин, где встречался с Э. Кальтенбрунером³⁰. Ранней весной 1945 г. Фабрициус проходил обучение в разведшколе в городе Швинемюнде (совр. назв. — Свиноуйсьце), после окончания которой был заброшен на территорию Финляндии вместе с еще одним разведчиком. Он поселился в Турку на улице Кауппианкату, где проживала его семья. Фабрициус приступил к разведывательной деятельности под кличкой «доктор Йонас». Вскоре финская тайная полиция вышла на его след, и поздним вечером 12 апреля 1946 г. он был арестован в собственной квартире двумя сыщиками Олави Кортеалхо и Ниило Лайне. Следствие по его делу длилось несколько месяцев. Суд вынес Фабрициусу обвинение в государственной измене. Он умер в тюрьме от острой почечной недостаточности незадолго до оглашения обвинительного приговора.

Фабрициус мог бы с полным правом удостоиться чести национального героя Финляндии, поскольку всю свою жизнь положил на алтарь обеспечения ее безопасности. Но последний

период его биографии, связанный с потерпевшим полное поражение германским рейхом, по чисто политическим причинам вывел его из числа официальных героев Финляндии.

---

¹ *Arimo R. Suomen linnoittamisen historia. 1918–1944. Helsingi, 1981; Halsti W. Talvisota 1939–1940. Helsingi, 1956; Salpa-asema – sodan monumentti. Salo, 2000; Talvisodan historia. Os. 1–4. Porvoo – Helsingi – Juva, 1976–1979; Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. Jyväskylä 2006; Uusi Tietokirja, Helsingi, 1963; Voipio A. Suomen Marsalkka. Elämäkerta. Helsingi, 1951; Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999; Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003.*

² По сведениям, содержащимся в финской версии Свободной интернет-энциклопедии «Википедия» (см.: www.fi.wikipedia.org), Сергей Фабрициус родился в Москве. Впрочем, другие источники этот факт никак не подтверждают. В Петербурге семья Фабрициуса проживала вначале на ул. Садовая, 8, а затем переехала на ул. Малая Дворянская, 21.

³ *Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000. С. 6.*

⁴ См.: *Фабрициус И. Г. Характеристика нынешнего состояния трех больших пограничных крепостей Восточной Пруссии: Торна, Познани и Кенигсберга. СПб., 1896; Фабрициус И. Г. Крепости Германии и Австро-Венгрии, расположенные на русской границе. СПб., 1897; Фабрициус И. Г. Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I. СПб., 1903 и др.*

⁵ *Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. С. 6.*

⁶ *Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010. С. 10.*

⁷ Там же.

⁸ *Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. С. 7.*

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. Jyväskylä, 2006. S. 11.*

¹² *Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. С. 13.*

¹³ *Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. S. 11.*

¹⁴ *Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. С. 24.*

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 29.

- ²⁰ Там же. С. 30.
- ²¹ *Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. S. 14.*
- ²² Цит. по: *Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. С. 41.*
- ²³ Там же; *Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. S. 14.*
- ²⁴ *Uitto A., Geust C.-F. Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. S. 14.*
- ²⁵ См.: *Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. С. 18.*
- ²⁶ *Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. С. 47.*
- ²⁷ *Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. С. 19.*
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: *Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны (часть III). Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2005. № 5. С. 44–73.*
- ³⁰ *Rislakki J. Erittäin salainen. Valkoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 297.*

В. Н. Барышников

**ПЕРЕПИСКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
С КОМАНДОВАНИЕМ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ СССР ОСЕНЬЮ 1939 Г.
ВОЙНЫ С ФИНЛЯДИЕЙ***

Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа осенью 1939 г. является важным источником по изучению вопроса, связанного с исследованием процесса непосредственной подготовки Советским Союзом войны с Финляндией. Основной пласт материалов, относящихся к этим документам, сейчас хранится в Российском государственном военном архиве. Он выражается в распоряжениях, которые направлялись из Москвы в Ленинград, а также рапортах, поступающих в Генштаб от командования Ленинградским военным округом. Отдельным важным источником также являются записи телеграфных переговоров и шифрограммы, которые наиболее оперативно отражали состояние дел, связанное с происходящей военной подготовкой в СССР к боевым действиям против Финляндии.

Из этих документов ясно, что советское военное командование уже с начала Второй мировой войны стало отдавать соот-

---

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

ветствующие распоряжения о приведении в боевую готовность соединений и частей Ленинградского военного округа, которые тогда доукомплектовались за счет призывников из запаса и заняли уже утром 7 сентября рубежи обороны в приграничных с Финляндией районах. Более того, в указании Генштаба, направленном командованию ЛВО 10 сентября, предписывалось организацию с 14 сентября начала оперативных перевозок по сосредоточению ряда стрелковых, артиллерийских, авиационных и танковых подразделений. Эти части должны были быть переброшены либо в районы Мурманска, Архангельска, либо в Карелию (Видлица), а также в Ленинград. Причем все эти перемещения проходили сугубо на северо-западе Советского Союза и имели внутриокружной по своей сути характер, который усиливал, прежде всего, оборону Мурманска и Архангельска за счет соединений Красной Армии, дислоцируемых ранее под Ленинградом¹. Причем на Карельском же перешейке у границы с Финляндией тогда располагались подразделения 19-го и 50-го стрелковых корпусов, а отдельные части, как и само управление этих двух соединений, нередко размещались либо в самом Ленинграде, либо даже на юге Ленинградской области².

В целом о выполнении поставленной задачи из Ленинграда в Генштаб сообщили отдельной шифровкой, в которой говорилось: «Войска ЛВО согласно приказу НКО (наркома обороны. — В. Б.) переведены в боевую готовность... Карперешеек: 19 ск (стрелковый корпус. — В. Б.) — 70 и 90 сд (стрелковая дивизия. — В. Б.) 9.30 полностью заняли передовой рубеж». Указывалось также о выводе в районе Ленинграда войск еще трех дивизий и докладывалось о начале развертывания военной группировки войск на мурманском и петрозаводском направлениях³. В результате к 21 сентября, по информации, полученной начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, известно, что на архангельском направлении произошло сосредоточение одной стрелковой дивизии, а на мурманском — еще двух. В Карелии — разворачивались также два стрелковых корпуса⁴. Более того, за счет усиления дополнительными войсками частей, дислоцировавшихся на Кольском полуострове, к 25 сентября образовывалась отдельная Мурманская армейская группа⁵.

Эти решения, однако, некоторыми исследователями сейчас уже выдаются за начало активной подготовки советским военным командованием будущей т. н. «зимней войны». Тем не менее реально оперативные документы Генерального штаба Красной Армии не содержат таких данных, из которых бы следовало, что перед приведенными там в боевую готовность войсками ставились задачи наступательного характера. В этом имеется существенное отличие от установок, дававшихся, скажем, 7-й и 8-й армиям, которые 26 сентября были сконцентрированы в юго-западной части территории Ленинградского военного округа у границ с Эстонией и Латвией. Указанным войскам действительно ставилась задача «нанести мощный и решительный удар» по противостоявшим эстонской и латвийской армиям. Однако добавлялось, что «о времени перехода в наступление будет дана особая директива»⁶.

Ситуация стала меняться только с началом в Москве 12 октября 1939 г. советско-финляндских переговоров, на которых обсуждались вопросы возможности изменения границы на Карельском перешейке и в Карелии. Именно тогда руководству Ленинградского военного округа из Генштаба начали поступать указания с более четкими распоряжениями. Очевидно, что это было связано с тем, что в Москве улавливали возможную перспективу обострения отношений с Финляндией и к тому же в наркомат обороны начали уже поступать отдельные данные о перемещении финских войск на Карельский перешеек. При этом, однако, предполагать, как это делают отдельные исследователи, что уже тогда в Москве больше думали о переговорах с финской делегацией лишь как о промежуточном шаге, который затем приводил уже «к подготовке решения конфликта военным путем»⁷, вероятно, не следует. Переписка с штабом Ленинградского военного округа этого в принципе не подтверждает.

Тем не менее по мере обострения начавшихся переговоров, уже к началу ноября 1939 г., позиция советского руководства становится все более и более жесткой. Это было зафиксировано и советским посланником в Швеции А. М. Коллонтай, которая в то время оказалась в Москве и лично встречалась с В. М. Молотовым. Он ей прямо сообщил: «Нам ничего другого не остается... как заставить их (финское руководство. — В. Б.) понять

ошибку и заставить принять наши предложения». После этого Коллонтай поняла, что война может стать «неизбежна»⁸.

Обстановка действительно менялась⁹. Советское руководство начало уделять все больше внимания приготовлениям военного характера. Прежде всего это выразилось в усилении группировки войск у границы с Финляндией. Тогда действительно на Карельском перешейке размещается ряд новых частей, в частности, 7-й армии, переданных наркоматом обороны в состав Ленинградского военного округа. 25 октября началась также передислокация в Карелию из Прибалтики 8-й армии. К концу месяца в пути находилось до шести дивизий¹⁰. Они должны были занять позиции в районах, прилегавших к границе с Финляндией. Это уже были значительные перемещения войск и боевой техники на северо-западе СССР.

Именно тогда, собственно, и заканчивается разработка оперативного плана, который предполагал начать активные наступательные действия против войск Финляндии. Представленные в наркомат обороны командованием Ленинградского военного округа соответствующие разработки 29 октября 1939 г. были утверждены. Принятый в Москве план военной операции предусматривал стремительное продвижение частей РККА в глубь Финляндии. Причем советские войска должны были наступать по всей линии государственной границы, с расчетом выполнения поставленных задач по разгрому финских войск в течение приблизительно двух недель¹¹.

Утвержденный в Москве план, однако, носил явно не до конца проработанный характер, поскольку очевидно рождался в крайней спешке. Несмотря на то что замысел военного командования заключался в проведении блицкрига, чувствовалось, что к операции могли быть привлечены далеко не все те силы, на которые рассчитывали. В этом плане допускалось, в частности, что предполагаемая по замыслу военного руководства штаба округа концентрация войск к началу операции даже могла вообще еще быть не завершена. Конкретно в документе указывалось: «Если перевозки войск не будут закончены к началу действий, считаем возможным немедленный переход в наступление сосредоточенными там силами к настоящему времени»¹². Данная констатация говорила о том, что, по утвержденному военному плану, времени для самой подготовки предполагаемой операции

отводили очень мало, а расчет строился на внезапности начала наступления и превосходстве сил Красной Армии над финскими войсками. Это же подтверждает доклад начальника оперативного отдела штаба округа полковника П. Г. Тихомирова, который он сделал в наркомате обороны 10 ноября 1939 г. В нем он особо подчеркивал, что «затягиванием переговоров с Советским Союзом финское правительство надеется выиграть время, чтобы отмобилизовать свои вооруженные силы, материальные ресурсы и заручиться помощью Англии и Скандинавских стран на случай войны с Советским Союзом»¹³. Этим обращением Тихомиров очевидно подталкивал высшее советское командование к принятию быстрых, окончательных решений.

Тем временем спустя месяц после начала переговоров — 12 ноября 1939 г. — они действительно прервались. Именно с этого времени подготовка в СССР войны против Финляндии достигает реальной стадии в ее осуществлении. Причем оптимизм Тихомирова о необходимости форсирования реализации утвержденного плана войны явно начал наталкиваться на серьезные проблемы в округе, вызванные необходимостью развертывания необходимых для этого сил. В Генштаб из Ленинграда уже пошли «робкие» шифровки, в которых сообщалась об определенных трудностях, связанных с выдвиганием дивизий «на исходное положение». Эти трудности были связаны либо с проблемами железнодорожного сообщения на северо-западе, либо даже просто необходимостью «выявления возможностей» вывода той или иной дивизии на исходные для наступления приграничные рубежи. Особенно это относилось к совершенно не подготовленной для наступательных операций территории Карелии и Заполярья¹⁴. Как впоследствии признавалось: «В Карелии всего лишь 7 сквозных магистральных дорог от линии Кировской (Мурманской. — В. Б.) ж.-д. до госграницы с удалением 40 км от нее. Все дороги грунтовые, непроходимые в дождливое время и зимой». Что же касалась Кольского полуострова, то в подготовленных документах вообще указывалось, что «дороги к госгранице полностью отсутствуют»¹⁵.

В результате уже с первых документов того времени, касающихся переписки командования Ленинградского военного округа и Москвы, становится предельно очевидным, что Красная Армия до этого к наступательной войне с Финлян-

дией просто не готовилась. Более того, из общего комплекса документов становится также ясно и то, что в Генштабе РККА толком не имели тогда даже точных данных об общем количественном составе собственных войск, готовящихся к проведению данной операции. Это подтверждает факт того, что 15 ноября спешно была отправлена в штаб округа телеграмма, в которой требовалось «срочно предоставить начальнику оперативного управления Генштаба сведения о фактическом боевом и численном составе частей ЛВО до сд и отдельных частей РГК включительно»¹⁶.

На полученный тогда командованием округа запрос Генштабу немедленно назвали численность готовящихся к операции подразделений. В Москву сообщили, что на архангельском направлении — 21 тыс. чел., на мурманском направлении — 29 тыс. чел. и 46 танков, в Карелии — 119 тыс. 614 чел. и 229 танков, а на Карельском перешейке — 171 тыс. 830 чел., 1152 танка, 570 тяжелых и 1903 легких, а также противотанковых орудий¹⁷. Это, однако, говорило лишь о том, что в Москве в ускоренном режиме пытались определить действительно необходимое количество войск, которые должны были приступить к проведению готовящейся операции. Причем из указанной в шифровке общей цифры — 341 тыс. (включая архангельское направление) — следовало, что их явно могло стать недостаточным для проведения блицкрига, на который тогда ориентировалось советское командование. Дело в том, что Финляндия могла быстро развернуть на своей территории уже отобилизованные накануне войска, также доведя их до численности 300 тыс. человек¹⁸.

И такая непродуманная, но одновременно очень поспешная подготовка к войне сопровождалась, однако, решительными распоряжениями, направляемыми в штаб округа и указывающими на то, что боевые действия с финской армией уже неотвратимы. Не позднее дня, когда в Генштабе получили запрашиваемые сведения о численности своих войск в округе, в Ленинград ушла главная оперативная директива наркома обороны. В ней говорилось, что «к исходу... 1939 г. (в документе срок не устанавливался. — В. Б.) закончить сосредоточение войск округа... и быть готовым... к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот про-

тивника». Далее же подчеркивалось, что «с рассветом... 1939 г. (в документе также не указывался срок. — В. Б.) одновременно войсками сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил перейти в решительное наступление...». Затем в этой директиве ставились уже конкретные задачи, связанные с продвижением войск по финской территории, которые определялись в соответствии с ранее утвержденным в Москве планом¹⁹. Это говорило о том, что не позднее 16 ноября 1939 г. в СССР были уже приняты окончательные решения. Теперь оставалось лишь только определить точный срок начала операции.

Тем не менее даже те советские части, которые были указаны в директиве как наступающие «в первом эшелоне», тогда еще полностью даже не были готовы к этому наступлению. Ситуация усложнялась еще и тем, что к границе Финляндии устремилось сразу большое количество войск, которые фактически должны были «с ходу» занять наступающие позиции на совершенно неподготовленных для этого территориях.

Действительно, в спешном порядке на Крайнем Севере начала уже разворачиваться 14-я армия, она стала формироваться на базе еще только что созданной до этого мурманской группировки советских войск. Нарком обороны К. Е. Ворошилов отдал об этом приказ 15 ноября. Вместе с тем в западной части Карелии размещалась передислоцированная из Прибалтики 8-я армия. Началось формирование в районах Кандалакши и Кемми из прибывавших туда частей еще и 9-й армии. Переданное в распоряжение Ленинградского военного округа управление 7-й армии стало разворачиваться в приграничной зоне Карельского перешейка. Эта армия получила задачу т. с. «объединить» находившиеся там войска и затем «руководить действиями» на этом направлении. Конкретно ей тогда были подчинены 19-й и 50-й стрелковые корпуса²⁰. Таким образом, на приграничной территории от Заполярья до Карельского перешейка поспешно разворачивались сразу четыре армии.

В результате именно в штабе округа теперь принялись активно пытаться решать задачи, связанные с начавшейся стремительной передислокацией к границам Финляндии колоссального количества войск. Причем здесь сразу же начали возникать явные проблемы. Так, в шифровке, направленной в Москву еще 11 ноября, прямо докладывалось об откровенно

обозначившихся серьезных трудностях, которые стремительно нарастали в связи с быстрым сосредоточением войск у границы. По мнению командования ЛВО, переброска войск из-за слабой пропускной способности железных и шоссейных дорог начала осуществляться в явно замедленном темпе²¹, что могло сказаться на поставленных перед войсками задачах. Особенно это чувствовалось в Карелии и на Крайнем Севере, где к тому же местность вообще была труднопроходимая. Нелучайно поэтому штаб ЛВО срочно представил тогда в Москву схему и краткую характеристику грунтовых дорог Мурманской области, Карелии и Карельского перешейка, а также сообщил об общем состоянии аэродромов на территории округа²². Все эти сведения, естественно, Генштаб должен был иметь заранее, но скоротечность подготовки операции не позволила эти важные для реализации намеченного плана данные учитывать в момент принятия решения о начале наступательной войны.

Более того, в Генштабе также начала нарастать обеспокоенность, связанная с явной непродуманностью заранее принятого плана. Из Москвы тогда стали поступать непрерывные требования докладывать о ходе передвижения войск, о состоянии погоды, дорог и т. д.²³ Кроме того, 16 ноября вообще приказывалось «для обеспечения подвоза грузов для войск, расположенных в Карельской АССР, построить узкоколейные железные дороги». Речь шла о строительстве дорог из Петрозаводска и Лоухи²⁴. Это явно свидетельствовало об определенных элементах начинающейся в советском военном руководстве панике, поскольку подобное распоряжение поступило в Ленинград фактически за две недели до начала самой войны, а сама директива Ворошилова о начале будущей операции уже была передана командованию ЛВО.

Судя по документам, ситуация в этот момент в вопросе о развертывании для наступления войск выглядела весьма удручающе. Это можно, в частности, почувствовать еще 11 ноября 1939 г. из состоявшихся тогда переговоров по телеграфу начальника оперативного отдела округа полковника П. Г. Тихомирова и оперативного дежурного Генштаба. В сохранившемся в архиве оригинальном документе используются прямая речь, что создает еще большее эмоциональное представление об обстановке, которая тогда складывалась в Москве: «Здравствуйте, Павел

Григорьевич (Тихомиров. — В. Б.). Комбриг Иванов (сотрудник Генштаба. — В. Б.) просил срочно передать Вам лично следующее: к утру 12.11.39 с нарочным вышлите на имя начальника Западного отдела оперуправления карты грунтовых и шоссе- ских дорог по последним данным Карпершейка, АК ССР, Мурманского округа и Финляндии по основным маршрутам. К картам должно быть приложено краткое описание маршрута (проходимость, километраж, покров). Эти карты должны быть для доклада нач. Генштаба»²⁵. Таким образом, начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников и его оперативное управление в момент решающей стадии подготовки к началу войны даже не обладали элементарными сведениями, касающимися основных дорог в зонах готовящегося наступления, и не знали, какова была их пропускная способность. Также не было ясности и в отношении необходимых расчетов о потребностях транспортных средств для перевозки боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия²⁶.

Более того, многие задачи, которые тогда ставились, так и не были полностью разрешены. Вплоть до того, что Генштаб вынужден был распорядиться, чтобы из Ленинградского военного округа все-таки нарочным срочно доставили в Москву топографические карты Карельского перешейка, Карелии, Кольского полуострова и Финляндии. Как впоследствии выяснилось, вопрос с обеспечением Генштаба необходимыми топографическими картами территории Карельского перешейка решился лишь к 28 ноября, то есть за два дня до начала войны²⁷. С другими участками — Карелии и Кольского полуострова — дело обстояло еще хуже. Причем одновременно в Ленинградском военном округе в это же время оказались в отсутствии подробные карты южной Финляндии, куда планировали свое наступление советские войска. Эти карты срочно — 27 и 28 ноября «нарочным вагоном» начали из Москвы доставлять в штаб округа²⁸.

Таким образом, сохранившаяся переписка командования округа с Генштабом указывала лишь на одно — к наступательной войне с Финляндией серьезно до этого в войсках округа не готовились и в результате не могли быстро решать поставленные командованием задачи. Это важно тем более подчеркнуть, поскольку даже сейчас в современной отечественной

исследовательской литературе встречаются утверждения, что у советского военного командования еще «с начала 1930-х гг. Финляндия стала рассматриваться в качестве наиболее вероятного противника»²⁹. При такой констатации, очевидно, следует добавить, что Финляндия никогда не считалась главным «потенциальным противником» СССР и в то время в ЛВО отработывались прежде всего оборонительные варианты ведения боевых действий на северо-западном направлении и отнюдь не только лишь с финскими войсками³⁰.

Тем не менее неразработанность в оперативно-тактическом плане территории не позволяла армии выполнить наступательные задачи, затрудняя концентрацию войск для осуществления планируемого блицкрига. В Генштабе же теперь оставалось лишь только стремиться в срочном порядке поставить под контроль происходящие у Ленинграда события. Из Москвы в штаб ЛВО постоянно в тот момент поступали один за другим многочисленные запросы: «Скажите, как обстоит с погодой на севере?.. Замерзли ли реки и озера и каково положение с дорогами? Как обстоят дела с аэродромами? Можно ли на них садиться и взлетать?»³¹ В ответ же шли неутешительные сводки штаба о том, что лишь 16 ноября на Карельский перешеек на главное направление предполагаемого наступления началась передислокация управления 7-й армии и «прибыл первый эшелон штаарма (штаба армии. — В. Б.)»³². Что состояние грунтовых дорог «затруднительное» для движения транспорта, что «на мурманском, кандалакшском и петрозаводском направлении идет дождь, +3,5°, дороги размокли»³³.

Все это говорило только об одном — быстрое сосредоточение войск и высокая боевая готовность к ближайшему началу проведения операции явно не могли быть достигнуты.

Тем не менее, что выглядело достаточно удивительным, очевидная неготовность войск для начала боевых действий особо не смущала высшее военное руководство. Более того, согласно директиве Ворошилова, требовалось завершить сосредоточение войска без промедления и в быстром темпе. К 20 ноября 1939 г. военному совету ЛВО уже следовало представить в Москву «план действий», а также доложить о готовности «в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника»³⁴. В результате времени для под-

готовки к наступлению уже фактически почти не оставалось. Между тем общий объем работ, который должен был привести к сосредоточению войск, просто оказался далек от действительного своего выполнения. Тем более не было соответствующего обеспечения всем необходимым тех районов, где должно было развертываться наступление. В одном из оперативных документов 8-й армии несколько позже откровенно отмечалось: «В дорожном отношении театр военных действий почти вовсе не был подготовлен, вследствие чего сосредоточивавшиеся в районе развертывания войска испытывали огромные трудности. В результате... части пришли физически ослабленными, измотанными»³⁵.

Но в Москве как бы этого не замечали и торопили заканчивать приготовления. В Карелию срочно выехали командующий войсками округа К. А. Мерецков, а также А. А. Жданов. Особое внимание ими обращалось тогда на положение в 8-й армии, где требовалось проведение большого объема подготовительных работ. 19 ноября Мерецков телеграфировал в Генштаб из Петрозаводска о необходимости продолжения там своего присутствия³⁶.

Что же беспокоило военный совет Ленинградского военного округа? Прежде всего явная неготовность войск к наступлению и их материальная необеспеченность. Поэтому по заданию наркомата обороны в ноябре в Карелию выехала большая комиссия во главе с видным военачальником — будущим главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым. В нее входили представители различных родов войск и служб. Как писал впоследствии Воронов о состоянии частей, выдвигавшихся к государственной границе, «часто приходилось докладывать по телефону народному комиссару обороны или начальнику Генерального штаба»³⁷. Однако существенно изменить что-то или исправить положение дел в войсках за несколько дней было уже невозможно. За оставшееся до начала войны время нарастить группировку Красной Армии на границе с Финляндией так и не удалось. За последние две недели до начала войны численность советских войск, перебрасываемых к границе, выросла на 84 640, и таким образом общее количество войск, сосредоточенных для наступления, достигло 425 640³⁸. Но для «молниеносной» войны с учетом необходимости прорыва финских укреплений на Карельском

перешейке такого числа войск было явно недостаточно. К тому же на Выборгско-Кексгольмском направлении преимущество Красной Армии выразалось всего в 36 тыс. человек (133 тыс. финских войск против 169 тыс. советских)³⁹, что для успешной и стремительной операции оказалось явно недостаточно.

За десять дней до начала войны, 21 ноября в Генштаб по телеграфу сообщили, что командование ЛВО уже получило «боевые приказы» о наступлении. А затем сами эти приказы из Ленинграда начали передаваться по штабам разворачивающихся на границе с Финляндией армий. Сначала его передали в 7-ю (приказ поступил 22.11. в 23⁰⁰), затем 8-ю (приказ поступил 24.11. в 16⁴⁵), 9-ю (приказ поступил 24.11) армии и т. д. ⁴⁰ Окончательно 29 ноября из Москвы пришло последнее важное указание — директиву от 21 ноября «ввести в действие с утра 30.11.1939 г.»⁴¹. Тогда же в полдень войскам Красной Армии, сосредоточенным на границе с Финляндией, поступило сообщение, что ориентировочно сигнал о времени начала наступления поступит в 0 часов 00 минут в ночь на 30 ноября. Вскоре этот срок отодвинули на 6 часов утра и, наконец, установили на 8 часов утра. В войска поступила телеграмма-«молния», где сообщалось: «К 8⁰⁰ 30.11 первым эшелонам занять исходное положение для атаки. С 8⁰⁰ часов до 8³⁰ вся артиллерия коротким мощным огнем подавляет противника на переднем крае и в глубину. Атака в 8³⁰ 30.11.39 года»⁴². Так командование ЛВО передало в войска последние указания Генштаба и началась война.

В результате, используя переписку Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа, можно со всей определенностью утверждать, что начало советско-финляндской войны 1939–1940 гг. не являлось глубоко продуманным решением, которое бы длительное время в Советском Союзе выработывали и готовили. Очевидно, что возникновение этой войны и скорость принятия по этому вопросу в Москве решения непосредственно связаны лишь с началом Второй мировой войны, а также очевидной военной уязвимостью второго по величине и значимости города СССР — Ленинграда, чью безопасность пытались решить путем политических переговоров с Финляндией начиная уже с 1937 г. и которой так и не удалось достичь вплоть до начала «зимней войны».

¹ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 251. Л. 10. Указание ГШ Ленинградскому военному округу относительно перевозки частей. 10.09.1939.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 16. Л. 322. Шифровка штаба ЛВО. 17.09.1939.

⁴ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 25–26. Шифровка Мерецкова и Мельникова Шапошникову. 21.09.1939.

⁵ Там же. Д. 232. Л. 1–4, 14–15. Распоряжение НКО. 7.9.1939; приказ НКО. 26.9.1939.

⁶ Там же. Л. 81; Д. 284. Л. 49, 51. Шифровка ВС ЛВО. 30.9.1939; Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 48. Л. 134. Советско-финляндская война на море.

⁷ См., например: *Виригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 58.

⁸ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 466–467.

⁹ См.: *Барышников В. Н.* Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003.

¹⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 303. Л. 92. Оперативная сводка штаба ЛВО. 1.11.1939.

¹¹ Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 1–14; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 53–61.

¹² Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 55.

¹³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 199. «Народному комиссару обороны СССР маршалу тов. Ворошилову», 10.11.1939; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 74.

¹⁴ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 75–77. Шифровка Мерецкова и Васьгутина. 11.11.1939 г.

¹⁵ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 413.

¹⁶ Там же. Д. 252. Л. 8. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО. 15.11.1939.

¹⁷ Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 90. Шифровка Чибисова и Виноградова Шапошникову. 16.11.1939.

¹⁸ *Talvisodan historia*. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1978. S. 18; *Vuogenmaa A.* Ensimmäinen sotakuukausi // *Kansakunta sodassa*. Os. 1. Hels., 1989. S. 137; *Uusi tietosanakirja*. Os. 19. Hels., 1965. S. 591.

¹⁹ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 76.

²⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 232. Л. 19. Приказ НКО 15.11.1939.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 284. Л. 75–76. Шифровка командования ЛВО, 11.11.1939.

²² Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 201.

²³ Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 11. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО. 21.11.1939.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 59. Сообщение по прямому проводу из ГШ командованию войск ЛВО. 16.11.1939.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 261. Л. 189. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с генеральным штабом РККА. 11.11.1939.

²⁶ См.: Там же. Л. 193–196. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с генеральным штабом РККА. 12.11.1939.

²⁷ Там же. Д. 252. Л. 16. Справка Генерального штаба РККА о наличии топографических карт Карелии и Финляндии. 28.11.1939.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Мусаев В. И. В межвоенный период (1924–1940) // Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). СПб., 1999. С. 271.

³⁰ См.: Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002.

³¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 261. Л. 189. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с генеральным штабом РККА. 11.11.1939.

³² Там же. Д. 303. Л. 228. Оперативная сводка штаба ЛВО. 16.11.1939.

³³ Там же. Л. 239. Оперативная сводка штаба ЛВО. 17.11.1939.

³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 233. Л. 1. 4. Приказ НКО. 17.11.1939; Д. 363. Л. 3. Журнал боевых действий частей РККА.

³⁵ Там же. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 139. Л. 22. Отчет о боевых действиях 8-й армии.

³⁶ Там же Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 104. Шифровка командования ЛВО. 19.1.1.1939.

³⁷ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 134.

³⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 414.

³⁹ См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 265–266.

⁴⁰ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–6.

⁴¹ См.: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам раскренных архивов. С. 115.

⁴² РГВАМФ. Ф. Р-92. Он. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ. 29.11.1939. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 51. Переписка штаба СФ с командованием 14-й армии; РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 20. Л. 482. Телеграмма-«молния» ВС 7-й армии, 29.11. 1939 (21²⁵).

С. Г. Веригин

**РЕЙДЫ ПАРТИЗАН КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА
НА ТЕРРИТОРИЮ ФИНЛЯНДИИ В 1942–1944 ГГ.:
ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ**

С первых дней Великой Отечественной войны партизанское движение в Карелии и Заполярье формировалось как централизованная и организованная сила, призванная решать конкретные задачи, прежде всего в интересах действующей Красной Армии. В данном регионе эта черта проявилась особенно ярко. Вместе с тем условия деятельности партизанских отрядов в Карелии и в Заполярье во многом отличались от других временно оккупированных районов страны.

Это, прежде всего, выражалось в том, что главным военным противником для Красной Армии на Карельском фронте являлись вооруженные силы Финляндии. Поэтому национальный фактор играл важную роль в развертывании и ведении партизанской борьбы на оккупированной финскими войсками территории Карелии. Причем подавляющая часть населения Карелии в начале Великой Отечественной войны была своевременно эвакуирована на восток. В 1941–1944 гг. в оккупированных районах республики проживало около 86 тыс. человек, из которых около 50 тыс. составляли русские, украинцы, белорусы, то есть представители не финно-угорского населения. Именно они были в ходе войны почти полностью заключены финскими оккупационными властями в концентрационные лагеря или находилась в местах принудительного содержания. В редких деревнях и селах оставались в основном старики, женщины и дети. Поэтому пополнение партизанских отрядов за счет

местного населения, как это происходило в других регионах СССР, оккупированных войсками противника, было невозможно. В 1942–1944 гг. большую часть пополнения партизанских отрядов составили жители других республик и областей страны — Архангельской, Мурманской, Вологодской, Ленинградской, Ярославской, Свердловской, Иркутской областей, а также Красноярского края и Коми АССР.

Кроме того, в первые недели войны не удалось создать необходимое количество баз снабжения. Пополнение же продовольствия за счет противника было крайне ограниченным и совершенно невозможным с помощью местного населения. Поэтому партизанские отряды, начавшие действовать в тылу наступающих финских войск, израсходовав запасы продовольствия и боеприпасов, неминуемо вынуждены были возвращаться в советский тыл. Регулярный отход на восток и переход линии фронта также были вызваны тем, что у партизан в начале войны полностью отсутствовали радиостанции. В результате нарушалось руководство многими отрядами, и это также требовало возвращения их в распоряжение регулярных советских частей.

В итоге партизанские отряды базировались на неоккупированной территории Карелии. Они совершали рейды за линию фронта во вражеский тыл. Причем это требовало преодоления от 300 до 600 км сильно пересеченной, лесисто-болотистой местности. Партизаны должны были нести на себе оружие, боеприпасы, продовольствие. Поэтому большинство партизанских отрядов за годы войны прошли по тылам финских войск от 5000 до 9000 км. Причем особые трудности возникали у партизанских отрядов при появлении раненых и больных. Для их транспортировки или эвакуации отвлекалось большое число здоровых бойцов. Это значительно замедляло движение, снижало маневренность и ослабляло боеспособность отрядов. Затрудняли деятельность партизан также и сложные природно-климатические условия Северо-Западного региона. Продолжительные зимы, когда сильные морозы сменялись резкими потеплениями, дожди и повышенная влажность летом в условиях постоянного движения приводили к большому количеству различных заболеваний.

Особенностью боевой деятельности партизан в Карелии также являлось то, что после стабилизации в декабре 1941 г.

линии фронта финское командование стало систематически использовать для борьбы с советскими партизанами свои фронтовые резервы. Более того, уже тогда создавались специальные части для борьбы с партизанами. Их начали называть «партизанскими ротами и батальонами». Но партизанские отряды Карельского фронта, однако, несмотря на это, гораздо раньше, чем партизаны других регионов СССР, уже в 1942 г. начинали проводить боевые операции глубоко в тылу войск противника, включая территорию собственно Финляндии, а также Норвегии.

Именно эта особенность развития партизанского движения в полосе Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны требует несомненного научного осмысления. Актуальность этого вопроса усиливается еще и тем, что с конца 1980-х — начала 1990-х гг. в Финляндии в средствах массовой информации, в научных и общественных кругах стали широко обсуждаться действия советских партизан на финляндской территории, и в первую очередь их «злодеяния» в отношении мирного финского населения. Во многих публичных выступлениях советские партизаны традиционно характеризуются как «террористы, воевавшие с мирным гражданским населением, совершавшие преступления против человечности и нарушавшие международные законы ведения войны». Даже высказывались предложения потребовать от правительства России признания ветеранов партизанского движения «военными преступниками» со всеми вытекающими последствиями. Ряд финских организаций и политических деятелей обратились в МИД и прокуратуру Финляндии с требованием расследовать деятельность советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг. Своей кульминации антипартизанская кампания в Финляндии достигла к началу 2000-х гг.

В этом отношении большую роль сыграла созданная в 1999 г. общественная организация «Гражданское население — ветераны “войны-продолжения”», которую возглавила финская писательница Т. Мартикайнен. Эта организация, представляя интересы финского гражданского населения, пострадавшего от советских партизан, начала стремиться привлечь внимание общественности к рейдам советских партизан в тыл Финляндии, утверждая, что в результате этого погибло 176 мирных граждан¹.

Большой общественный резонанс в Финляндии получила также книга В. Эркиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в 1999 г.² Данная работа являлась итогом исследовательской деятельности автора, которую он осуществил за период с 1995 г. по 1998 г. Тогда он 34 раза посещал Россию, где встретился с девятнадцатью бывшими партизанами, участвовавшими в боевых действиях на территории Финляндии. Наиболее интересными в результате оказались свидетельства командиров карельских партизанских отрядов «Большевик Заполярья» и «Большевик» — А. Смирнова и Г. Калашникова, а также руководителя разведки отряда «Большевик Заполярья» А. Голубева и бойца отряда «Большевик» В. Смирнова. Кроме того, автор сумел взять интервью у оставшихся в живых командира группы Н. Дмитриенко и медсестер В. Дерябиной и Х. Лобух.

В результате этого В. Эркиля пришел к выводу, что партизаны убили 147 мирных жителей. Причем основной причиной нападения партизан на гражданские объекты, по его мнению, был страх не выполнить задание³. Подтверждая это утверждение, автор приводит слова командира отряда «Полярник» Д. Подоплекина, который говорил, что «если бы мы вернулись, не выполнив задания, то пошли бы под трибунал», а также командира отряда «Большевик Заполярья» А. Смирнова, заявившего, что «наше правительство с утра до вечера требовало смерти врагу»⁴. Столь резкие высказывания советских партизан В. Эркиля усиливает собственным мнением, указывая на то, что с помощью осуществлявшегося советскими партизанами «террора» против мирных финляндских жителей правительство СССР достигало цели запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны⁵.

Причем данные положения затем были еще более усилены, когда в 2011 г. крупнейшее финское издательство «Отава» выпустило новую книгу этого автора — «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан»⁶. По словам В. Эркиля, он впервые узнал о жестоких нападениях советских партизан на приграничные финские деревни еще в 1970-е гг., но тогда об этой трагической странице советско-финляндской истории предпочитали не говорить ни в СССР, ни в Финляндии. Теперь же, по его мнению, можно сказать правду и признать, что

за годы войны от рук советских партизан погибло уже около 200 мирных жителей Финляндии⁷.

Столь решительное утверждение требовало, естественно, соответствующей научной оценки. И справедливости ради укажем, что представители финляндской и российской общественности, а также ученые двух стран уже предпринимали попытки в более спокойной обстановке совместно обсудить эту проблему. Так, в сентябре 2002 г. в Финляндии в Соданкюля прошел международный «семинар-примирение» по проблемам партизанской войны на Севере, в котором приняли участие историки, юристы, эксперты и общественные деятели Финляндии, России, Швеции, Польши. Участники семинара искали пути научного осмысления такого сложного вопроса, как результаты деятельности советских партизан на территории Финляндии в 1941–1944 гг.

Эта же проблема была в центре внимания на прошедшей Петрозаводске в октябре 2009 г. международной научной конференции «Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009 гг.». Тогда состоялась достаточно острая дискуссия российских и финляндских исследователей, в ходе которой коллегам из соседней страны была предоставлена возможность изложения своей позиции по данному вопросу. Выступила и руководитель общественной организации Финляндии «Гражданское население — ветераны “войны-продолжения”» Т. Мартикайнен. Причем общее мнение на конференции склонилось к тому, что следует уходить от излишней политизированности данной проблемы и сделать вопрос о рейдах карельских партизан на территорию Финляндии в 1941–1944 гг., а также последствия этих рейдов для мирного гражданского населения объектом, прежде всего, исторических научных исследований.

Далее же, в 2011 г., в Петрозаводском госуниверситете состоялось уже научное обсуждение последней книги В. Эрккиля. В ходе дискуссии российские историки изложили свою точку зрения на описываемые события. Они отметили, что в годы войны у финнов тоже были созданы свои диверсионные формирования — т. н. «дальние разведчики», численность которых примерно равнялась численности карельских партизан — около 1,5 тыс. человек. Они уходили в рейды по глубоким советским тылам вплоть до Архангельской и Вологодской областей, совершая большое количество преступлений в отношении советского

гражданского населения. После окончания войны значительная часть этих «дальних разведчиков», боясь наказаний за свои преступления, вынуждена была эмигрировать в США.

Причем на обсуждении книги В. Эрккиля особо подчеркивалось, что цифры погибших мирных граждан двух государств не идут между собой ни в какое сравнение. Если число жертв с финской стороны, по данным В. Эрккиля, достигает 200 человек, то в годы оккупации только в одном Петрозаводске в концентрационных лагерях содержалось около 22 тыс. советских граждан, и только за лето 1942 г. от голода и болезней умерло более 4 тыс. людей. Причем эти показатели вынуждены были признать и финляндские историки. Так, А. Лайне отметил в своем исследовании, что «за летние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22000 умерло от недоедания и болезней». Далее, правда, он пишет: «Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась»⁸. Но по данным финляндского исследователя Г. Розена, только в петрозаводских лагерях в 1942 г. умерло 3017 человек, что составило около 15%, а во всех лагерях до конца 1942 г. умерло 3516 человек, в основном это были старики и дети⁹. Историк Ю. Куломаа же в своей книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944» приводит еще бóльшие цифры умерших. Он отмечает: «Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г. Яанислинна (Петрозаводск. — С. В.) умерли 4003 человека, из которых 3467 человек — в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442–458 человек и в период с января по июнь 1944 г. — в общей сложности 73 человека»¹⁰. Таким образом, масштабы жертв среди гражданского населения в Карелии колоссальны.

Вместе с тем в истории партизанского движения на Карельском фронте имеются вопросы, которые пока не получили должного освещения в отечественной историографии. К ним, безусловно, относится вопрос взаимоотношений советских партизан и гражданского населения Финляндии. В финляндской военно-исторической литературе, и особенно в средствах массовой информации, данная проблема крайне политизирована.

Тем не менее, говоря о проблемах, которые могли возникнуть во взаимоотношениях советских партизан и мирного финского населения, следует особо подчеркнуть, что они появлялись

сугубо из-за особых условий боевых действий. Возможность проведения разведывательно-диверсионных рейдов на территории Финляндии вытекала из приграничного расположения Карелии, а также из того, что в северной части республики и в Мурманской области линия фронта в конце 1941 г. стабилизировалась не столь уж и далеко от госграницы. Проникновению на финскую территорию объективно способствовал и характер местности данного региона — густые леса таежного типа. Поэтому уже в первые дни войны начинается создание специальных разведывательно-диверсионных групп для действий в Финляндии. Это не были еще собственно партизанские формирования.

Что же касается агрессивного отношения этих групп к гражданскому населению, то необходимо подчеркнуть, что случаев подобных действий тогда было немного. Одним из первых примеров нападения на мирных жителей финляндские историки называют лишь события, произошедшие 3 сентября 1941 г. в восточной Лапландии в деревне Куоску. Причем ошибочно указывается, что на финских граждан этой деревни совершили нападения советские партизаны. На самом деле в районе этой деревни находилась диверсионная группа пограничников. Но, действительно, жертвой ее атаки стали семь мирных жителей, а часть деревни была еще и сожжена¹¹.

В целом главную задачу тогда советское командование видело в борьбе против войск противника. Именно здесь предполагалась деятельность диверсионных групп. Конкретно, летом — осенью 1941 г. специальные подразделения диверсионного характера начали активно создаваться армейскими разведорганами и органами НКГБ-НКВД. Одним из первых тогда был сформирован особый отряд во главе с У. Антикайненым. Он состоял из 30 человек и уже в начале июля 1941 г. начал активно действовать в тылу 3-й финской пехотной дивизии на финской территории. Причем отряд организовывал нападения на сугубо военно-стратегические объекты. В частности, военные диверсанты взорвали несколько мостов, пустили под откос воинский эшелон и организовали рейды по ряду приграничных населенных пунктов в Финляндии¹².

Но одновременно с армейскими структурами широкой подготовкой разведывательно-диверсионных групп занялись

органы НКГБ-НКВД КФССР. Так, 12 июля 1941 г. по приказу наркома госбезопасности республики М. И. Баскакова спецгруппа НКГБ из 25 человек была направлена с диверсионным заданием в район финляндских городов Лиекса — Йозенсуу. Во время этого рейда группа взорвала мост и склад боеприпасов в деревне Лубосалми, уничтожив две грузовые автомашины и заминировав 3-километровый участок дороги, также повредив в нескольких местах телефонную связь. В ходе этой операции группа потеряла трех бойцов¹³. Всего за июль — сентябрь 1941 г. органами НКВД было подготовлено и направлено в тыл войск противника 73 диверсионные группы в количестве 565 человек¹⁴. Но лишь отдельные из них проникали собственно на территорию Финляндии. Конкретно, в июле 1941 г. на кандалакшском направлении из пограничников был сформирован отряд под командованием капитана А. Н. Калашникова, который уже активно развернул боевые диверсионные действия на территории северной Финляндии¹⁵.

Что же касается созданных под руководством ЦК ВКП (б) КФССР партизанских отрядов, то до лета 1942 г. они вообще на финляндскую территорию не заходили. Это объяснялось, прежде всего, тем, что с августа по декабрь 1941 г. большинство партизанских отрядов в Карелии по требованию командования воевали на передовой как обычные войсковые части. К тому же тяжелая для Красной Армии оперативная обстановка на фронте вынуждала в этот период проводить диверсионные операции преимущественно в ближайшем тылу противника.

Таким образом, в первый год войны никаких целенаправленных операций против гражданского населения Финляндии партизанские отряды не проводили и не могли проводить. Тем не менее уже летом — осенью 1942 г. начали фиксироваться первые случаи применения оружия советскими партизанами против финского гражданского населения. Ярким примером тому могут служить события, которые произошли 24 сентября 1942 г. на финском хуторе Вииксимо. В российских архивных документах существует об этом определенная информация, в которой указывается, что партизанский отряд «Вперед», под командованием К. В. Бондюка, принял решение войти в ближайший к партизанам финский хутор Вииксимо для того, чтобы пополнить запасы продовольствия, которые уже

закончились у отряда. Однако, когда партизаны приступили к «реквизиции продуктов питания» у местных жителей, как докладывал командир отряда, финны начали вести «себя дерзко и независимо» и к тому же были вооружены. В этих условиях он принял решение — сопротивлявшихся партизанам мужчин убивать, а женщин и детей — изолировать, закрыв их в одной из хозяйственных построек, находившихся на хуторе. Но, как сообщал К. В. Бондюк, женщины все же вырвались из укрытия и по ним также открыли огонь. Ситуация еще более обострилась, когда, по данным командира отряда, к поселению подъехали легковая и грузовая машины с финскими солдатами. В результате завязался общий бой. В итоге погибли все 28 жителей хутора, а вошедшие в деревню Вииксимо партизаны с «конфискованным» продовольствием смогли благополучно покинуть разоренную деревню¹⁶.

В целом, оценивая по российским архивным источникам события, произошедшие на хуторе Вииксимо 24 сентября 1942 г., трудно сказать, что партизанский отряд ставил для себя главную цель — уничтожение жителей деревни. Но население хутора, естественно, встретило партизан враждебно, причем местные жители к тому же еще имели при себе оружие. Все это, несомненно, указывало на то, что неминуемо с теми, кто стремился завладеть продуктами питания, должен был вспыхнуть конфликт. То, что партизаны открыли огонь по мирным жителям, очевидно, являлось следствием именно этого конфликта, который, вероятно, был еще продиктован опасением, что финны передадут затем своим военным информацию о составе и состоянии партизанского отряда.

События у хутора Вииксимо со всей очевидностью показали, что к этому времени война уже приобрела явно ожесточенный характер и воюющие стороны все меньше обращали внимания на нормы морали. При этом, однако, главной для партизан оставалась задача не воевать с мирными жителями, а наносить удары по стратегически важным военным объектам противника. Показательным в этом отношении было то, до нападения на жителей деревни Вииксимо еще в 1941 г. бойцы того же партизанского отряда «Вперед» отказывались, например, уничтожать машины с ранеными солдатами противника, поскольку посчитали, что это является нарушением международного права¹⁷.

Тем не менее, несмотря на имевшиеся уже за первый период войны факты серьезных конфликтов гражданского населения Финляндии с партизанами, можно констатировать, что преимущественно все же партизаны старались не вступать ни в какие контакты с местным населением. Более того, правила действий разведывательно-диверсионных групп, находящихся в глубоком тылу противника, требовали сохранения скрытности. Но возникающие сложности, связанные с дефицитом продовольствия вследствие продолжительности партизанских рейдов, толкали их на заходы в малые отдаленные населенные пункты, поскольку других источников пополнения продуктов у партизан не было. Это неизбежно создавало конфликтные ситуации, которые, как известно на примере судьбы жителей хутора Вииксимо, могли заканчиваться весьма трагично. Причем то, что многие финские жители приграничной полосы имели при себе боевое оружие, которое им выдавалось «для самообороны», обостряло ситуацию. В глазах партизан местные жители переставали быть просто «мирными гражданами» и воспринимались как безусловные «враги». К тому же большинство карельских партизан тоже не являлись военнослужащими и формально юридически также оставались «гражданскими лицами».

Следует добавить, что в условиях бескомпромиссной ожесточенной войны, которую вел СССР, у населения страны под воздействием целенаправленной пропаганды уже был сформирован образ коварного и жестокого врага, не заслуживающего никакой пощады. Это было закономерно и оправданно. Призыв «Убей немца!» в условиях Карельского фронта трансформировался в лозунг «Убей белофинна!». Финляндия была союзницей фашистской Германии. Этого было достаточно, чтобы отбросить сантименты. Такова была жестокая логика войны.

Тем не менее само партизанское движение тогда тоже должно было расширяться. Уже в конце весны 1942 г. 4-й отдел НКВД КФССР, осуществлявший до июня оперативное руководство диверсионной и партизанской борьбой в тылу врага, разработал план мероприятий по усилению партизанского движения в Карелии на летний период 1942 г. По этому плану предусматривалось уже активное привлечение партизанских отрядов к действиям на финляндской территории¹⁸. Причем партизаны должны были стать даже главной боевой силой

при проведении таких операций. С этой целью в июне 1942 г. создается штаб партизанского движения, который подчиняется Военному совету Карельского фронта.

В результате в Карелии в организации партизанского движения произошла смена акцентов. Курс был принят на применение партизанских формирований для рейдов в глубокий тыл противника. Это можно было, прежде всего, объяснить выросшей за первый год войны боевой силой и опытом партизанских отрядов. Помимо этого, центральное и региональное руководство партизанским движением стремились максимально использовать любые средства для дезорганизации вражеского тыла, что требовала также и тяжелая военная обстановка, сложившаяся в 1942 г.

В результате уже в июне партизанский отряд «Полярник», сформированный в феврале — месяце в Архангельске и входивший в состав 1-й партизанской бригады Карельского фронта, срочно перебросили на Кольский полуостров. В начале июля этот отряд под командованием Д. А. Подоплека вышел в рейд на территорию Финляндии в район Корья — Хангасниemi — Савукоски. Цель похода — диверсии на коммуникациях 36-го армейского корпуса немецкой армии «Норвегия», воевавшей в Заполярье. Поэтому группа партизан под руководством комиссара отряда Д. Г. Майзера 22 июля атаковала участок железной дороги Кемиярви — Алакурти, охранявшийся ротой финских войск. В итоге было уничтожено до 40 солдат противника, два склада с боеприпасами, две казармы и 27 железнодорожных вагонов.

В начале октября диверсионная группа того же отряда под командованием Пискова снова была направлена в тот же район для нарушения здесь железнодорожных коммуникаций. Действительно, заминировав железнодорожное полотно, диверсанты подорвали его в момент приближения воинского эшелона. Поезд ушел под откос. По докладу командира группы, в крушении погибло до 300 солдат противника. А группа вернулась на базу без потерь. Далее, в этом же районе 12 сентября диверсионная группа в количестве 9 человек под командованием Конышева взорвала железнодорожный мост вместе с воинским эшелонам, шедшим к фронту, после чего без потерь благополучно отошла за линию фронта¹⁹.

Южнее Кестеньгского района на ухтинском направлении в июле 1942 г. на финляндскую территорию проникали диверсионные группы партизанского отряда «Боевой клич» под командованием Е. М. Кокоры. Так, 5 июля группа партизан во главе с Ф. И. Канторовым организовала засаду на автодороге Куусамо — Ухта. В засаду попали и были уничтожены две легковые машины и грузовик с солдатами²⁰. На этом же направлении в сентябре на финляндской территории активно действовали упоминавшийся уже партизанский отряд «Вперед», а также отряды «Красный Онежец» и «Красный партизан»²¹. Всего же на территории финляндской Лапландии летом — осенью 1942 г. проводили боевые операции 8 партизанских отрядов Карельского фронта. Помимо партизан, продолжалась заброска на территорию противника диверсионно-разведывательных групп по линии 4-го отдела НКВД КФССР и разведывательного управления Карельского фронта.

Таким образом, военно-стратегические объекты оставались главной целью действия партизан. Эти задачи были для партизанских отрядов главными и в 1943 г. Однако особенностью данного периода стало то, что весной 1943 г. по указанию Военного совета Карельского фронта штаб партизанского движения принял решение расширить боевые действия партизан, прежде всего в северной Финляндии. В результате летом 1943 г. 14 из 18 партизанских отрядов²² совершили ряд дальних рейдов в северной части Финляндии — в районе городов Нурмес, Куусамо, Рованиemi. Перед партизанами ставились две взаимосвязанные стратегические задачи: разрушение военных коммуникаций в прифронтовой полосе и дезорганизация хозяйственной жизни финского населения.

В целом партизанские отряды стали все дальше уходить в глубь Финляндии. В частности, партизанские отряды «Полярник» и «Боевые друзья» летом 1943 г. вели весьма упорную рельсовую войну уже в полосе от Кайрала до Кемиярви. Так же партизанский отряд «Советский Мурман» в течение лета совершил три успешные операции в глубоком тылу противника, а отряд «Красный партизан» в ходе 95-суточного рейда разбил два гарнизона на финской территории в районе Юнтусранта — Суомуссалми, уничтожив при этом, по данным партизан, более сотни солдат и офицеров. Одновременно отряд «Большевик

Заполярья» в июне уничтожил дом отдыха немецких офицеров в районе Ивало, а также организовал ряд диверсионных операций на автодороге Петсамо — Рованиemi²³. В рейдах на территорию Финляндии летом — осенью 1943 г. отличились еще отряды «Красный Онежец», «Комсомолец Карелии» и др.

Однако то, что теперь была поставлена уже конкретная задача — дезорганизовать хозяйственную жизнь гражданского населения Финляндии, привело к тому, что партизанские отряды стали уже регулярно осуществлять нападения на населенные пункты и на финских мирных жителей. Прежде всего это коснулось северной Финляндии. Так, в конце июня — начале июля 1943 г. атаке дважды подверглась деревня Малахвианваара близ Суомуссалми, там погибло 35 человек. Далее, 15 июля, партизаны отряда «Имени Чапаева» задержали 10 крестьян в момент сенокоса в местечке Кивиаапа близ деревни Хаутаярви. В результате 5 финнов было убито, а остальные в качестве пленных вынуждены были отправиться вместе с отрядом, причём дальнейшая их судьба неизвестна. В последующем партизаны здесь также контролировали подходы к деревням Хаутаярви и Ниемеля, держа их фактически в блокаде.

В целом активные действия партизан вызывали чувство неуверенности как у войсковых соединений финской армии, так и у местных жителей. Об этом свидетельствуют официальные документы и письма финских солдат, попавшие в руки советского командования. Например, капрал Лейнонен писал своему другу в июле 1943 г.: «Последние две недели мы все время были в тревоге. Узнали, что Иваны находятся в движении. Пришлось за ними гоняться. Финская армия ни к черту не годна. Она не способна защищать даже мирное население. Русские хозяйничают на нашей территории, как им заблагорассудится»²⁴. Действительно, партизаны стремились нанести как можно больший ущерб экономике Финляндии, посеять панику среди гражданского населения. Финские власти даже издали приказ о срочной эвакуации населения из пограничной полосы. Эвакуация проводилась настолько поспешно, что местные жители нередко бросали скот, сельскохозяйственный инвентарь, имущество. Сенокос и уборка урожая в этих районах в 1943 г. были фактически сорваны. Для охраны населенных пунктов власти вынуждены были выделять воинские подразделения.

Тем не менее в 1944 г. перед партизанскими отрядами Карельского фронта были поставлены уже новые задачи. В условиях разворачиваемого наступления советских войск в Карелии партизаны должны были своими действиями в тылу финских и немецких частей срывать переброску резервов, затруднять их отход на новые рубежи обороны, обеспечивать советское командование своевременной разведывательной информацией. Поэтому в июне 1944 г. 18 из 19 партизанских отрядов приступили к активным действиям на коммуникациях противника. Из них девять отрядов должны были действовать в южной и центральной Карелии в полосе наступления 32-й и 7-й армий. Остальные отряды — на Кольском полуострове и в северной Карелии²⁵.

В первую очередь партизанские отряды «Большевик», «Сталинец», «Полярник», «Большевик Заполярья», «Советский Мурман», «Вперед», «Имени Тойво Антикайнена» и др., которые воевали на мурманском, кандалакшском, лоухском, ухтинском и ребольском направлениях, продолжали активно проникать на территорию Финляндии. В июне — июле 1944 г. отряд «Сталинец» численностью 76 человек, пройдя по сильно пересеченной лесисто-болотистой местности более 150 км, разгромил крупное подразделение финских войск в поселке Локка, прикрывавшее подступы к дороге Петсамо — Рованиemi. Было уничтожено более 100 солдат и офицеров противника. Отряды «Полярник» и «Большевик» организовали ряд диверсий на железной и шоссейной дорогах Савукоски — Кемиярви — Куолярви. Только за период с 7 августа по 15 сентября отряды «Большевик Заполярья» и «Советский Мурман» пустили под откос шесть воинских эшелонов²⁶. Партизанский отряд «Имени Тойво Антикайнена» еще в конце мая был переброшен тремя группами на самолетах в глубокий тыл противника, где активно действовал мелкими диверсионными группами на протяжении почти всего лета²⁷.

Параллельно с развитием наступления частей Красной Армии в южной Карелии партизанские отряды «Боевой клич», «Красный партизан», «Боевые друзья», «Имени Чапаева» и др. стали заходить все глубже на территорию Финляндии. Так, в августе 1944 г. группа из трех партизанских отрядов («Комсомолец Карелии», «Боевые друзья» и «Имени Чапаева») общей числен-

ностью 212 человек в течение месяца успешно осуществляли свои операции в пограничной полосе близ городов Лиэкса и Йюэнсу. Партизаны этой группы отрядов пустили под откос несколько эшелонов, разгромили три вражеских гарнизона, организовали ряд диверсий на дорогах. Всего за три летних месяца 1944 г. партизанские отряды Карельского фронта разгромили 9 подразделений противника, пустили под откос 17 воинских эшелонов, уничтожили 306 вагонов с вооружением и боеприпасами.

Одновременно с этим летом 1944 г. в тактике партизанского движения сохранялись и активно использовались также приемы запугивания финского гражданского населения прифронтовой полосы. Конкретно, 7 июля 1944 г. были почти полностью уничтожены жители деревни Сейтаярви. А 14 июля 1944 г. отряд «Сталинец» нанес удар по поселку Локка, где было расположено отдельное подразделение противника. Во время боя погибли 21 из 68 мирных жителей²⁸. Аналогичных примеров можно привести достаточно много. Но здесь, вероятно, важно прежде всего разобратся в причинах столь жестокого проявления своего отношения советских партизан к гражданскому населению Финляндии. Очевидно, что это явление стало возможным только в результате переплетения различных по своему характеру объективных и субъективных факторов.

Все то, что толкало советских партизан к весьма решительным действиям против финского гражданского населения в начале войны, естественно, сохранилось. Но к этому времени добавились еще и новые обстоятельства. Уже с лета 1943 г. действия партизан против мирных жителей в приграничной полосе Финляндии стали следствием новых установок руководства партизанским движением Карельского фронта. Теперь требовалось создать невыносимые условия жизни и хозяйственной деятельности, используя для этого любые средства. Такие действия можно назвать актами устрашения противника.

Наряду с этим произошло еще одно серьезное изменение в партизанском движении Карелии. Началась определенная смена в составе партизанских отрядов. Дело в том, что в 1942–1943 гг. в связи с острой нехваткой личного состава в партизанских отрядах Карельского фронта, вызванной большими потерями в ходе боевых действий, в качестве пополнения стали направляться люди из тюремного заключения. Например,

в марте 1943 г. из исправительно-трудовых колоний НКВД в штаб партизанского движения Карельского фронта прибыло 175 человек. Из них 77 человек было осуждено за бытовые преступления, 66 — за должностные²⁹. Они рассматривали партизанские отряды как своего рода штрафные роты, а свое пребывание в них как вынужденное, чтобы искупить свою вину кровью. Такие партизаны готовы были, не задумываясь, выполнять любые приказы.

Но все это, конечно, не могло заслонить главное. Советские партизаны тогда вместе с регулярными частями Красной Армии боролись, прежде всего, против общего врага, который напал на Родину. Оценивая же в целом вклад партизанского движения в Карелии и Заполярье, можно сказать, что оно на самом деле реально являлось важным военным фактором в развитии боевых действий на Карельском фронте на протяжении всей войны.

Партизан при этом в советском руководстве строго рассматривали как диверсантов, ведущих боевые действия главным образом против войск противника. Когда, в частности, Финляндия уже потерпела поражение и запросила у СССР мира, то сразу же от дальнейшего развития партизанского движения в Карелии было решено отказаться. Это происходило даже несмотря на то, что немецкие войска еще продолжали оставаться на севере Финляндии. Уже 5 сентября 1944 г. по приказу Ставки ВГК Карельский фронт прекратил боевые действия против Финляндии. Это касалось и партизанских отрядов, они также были выведены с территории Финляндии. Более того, 15 октября 1944 г. партизанские отряды и штаб партизанского движения были расформированы как выполнившие свои задачи. Причем большая часть партизан (1224 человека из 1504) была направлена в действующую армию и теперь продолжала сражаться на фронтах Великой Отечественной войны.

В целом в условиях, когда в последние годы в общественном мнении России формируется готовность к восприятию всей многообразной и неоднозначной информации о возникновении и развитии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, не следует все же перечеркивать то, что было сказано и написано о партизанах за прошедшие десятилетия. В данном случае мы имеем возможность, прежде всего, уточнить и прояснить многие аспекты этой героической страницы

нашей отечественной истории. Бесспорно, роль партизанского движения в разгроме противника должна рассматриваться активно и всесторонне.

---

¹ STT — Juha Raippalinna. Partisaanisodassa surmattiin 176 siviiliä // Warkauden lehti. 2002. 16. tammi Kuuta.

² *Erkkilä V.* Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Hels., 1999.

³ Ibid. S. 20, 54.

⁴ Ibid. S. 109, 224.

⁵ Ibid. S. 224, 266.

⁶ *Erkkilä V.* Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki, 2011.

⁷ «МК» в Карелии. 2011. 23–30 ноября. С. 14.

⁸ *Лайне А.* Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 43.

⁹ *Rosen G.* Suomalaisina Itä-Karjalassa. Sotahallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta, 1941–1944. Juväskylä, 1998. S. 127.

¹⁰ *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. С. 75.

¹¹ Позже, в 1943–1944 гг., на эту деревню были совершены еще несколько нападений уже партизанскими группами (см.: *Дащинский С. Н.* Советские партизаны в финской Лапландии // Север. 1995. № 2. С. 115).

¹² *Куприянов Г. Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975. С. 47–48.

¹³ *Авдеев С. С.* Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2001. С. 12.

¹⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). ФКРО. Оп. 1. Д. 115-а. Л. 45–46.

¹⁵ *Дащинский С. Н.* Советские партизаны в финской Лапландии. С. 117.

¹⁶ НАРК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9–10.

¹⁷ *Авдеев С. С.* Первый партизанский год: По материалам НКВД // Карелия. 2002. 11 июля. С. 12.

¹⁸ Архив УФСБ РФ по РК. ФКРО. Оп. 1. Д. 115-а. Л. 31–33.

¹⁹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 9–10.

²⁰ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 74.

²² По другим источникам – 11 отрядов.

²³ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 122.

²⁴ НАРК. Ф. 213. Оп. 1. Д. 620. Л. 25.

²⁵ Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. /Под ред. А. И. Бабина. М., 1984. С. 174.

²⁶ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 125.

²⁷ Куртиянов Г. Н. За линией Карельского фронта. С. 156–159.

²⁸ См.: Rauna on ainoa mahdollisuutemme: Partisaanisodan kansainvälinen solitusseminaari, Sodankylä 27–29.09.2002. Kemi 2004. S. 49–69.

²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. IV. Л. 30, 120.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. П. Векшин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВИД ГОРОДА НИЕНА И КРЕПОСТИ НИЕНШАНЦ

В период Северной войны русские войска завоевали в Ингерманландии две важные крепости на Невском водном пути, соединявшем Финский залив и Ладожское озеро. В октябре 1702 г. шведы потеряли Нотеборг в верховьях Невы. 1 мая 1703 г. на берегу Невы в устье реки Охты пала крепость Ньюенсканс (Ниеншанц, Канцы). До 1917 г. и позже в советское время эта крепость и город Ньюен (Ниен) не были достаточно актуальной темой, поскольку никак не вписывались в легенду о создании Петром Великим среди болот столицы Петербурга. В работах о Северной войне упоминался только факт об осаде и обстреле крепости русскими войсками, после чего «неприятель крепость сдал». О том, какова была эта крепость, не распространялись. Были опубликованы две фундаментальные работы, основанные на материалах из архивов Швеции и Финляндии¹. Все более поздние исследования основывались на этих работах.

По окончании военных действий в честь победы России в Северной войне архитектор Б.-К. Растрелли в 1721 г. по поручению Петра I подготовил модель памятника. Памятник должен был представлять собой Триумфальный столп, на котором были бы увековечены наиболее значительные военные победы. Последующей работой по отливке деталей руководил А. К. Нартов, механик и изобретатель, заведующий царской токарней. Монумент не был воздвигнут, но детали к нему сохранились и представляют собой цилиндры и медальоны круглой

формы, на внешней плоскости которых помещены барельефы, а также копиры, с которых отливали эти барельефы из бронзы. На большинстве барельефов были изображены панорамы конкретных городов и крепостей с эпизодами сражений. По краю барельефов расположены лаконичные фразы в стилистике «символов и эмблематов», с указанием географического пункта и года. Это своеобразный характер надписи, когда считалось, что «символ есть краткая надпись, состоящая в остроумном изречении немногих слов». В рукописном альбоме А. К. Нартова «Театрум махинарум»² помещены оригинальные рисунки к двенадцати барельефам-медальонам. С одного из шести рисунков, размещенных на листе 81 этой рукописи, возможно, был изготовлен литой бронзовый копир, хранящийся в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Этот копир неоднократно экспонировался на современных выставках, однако сюжет его не был детально раскрыт³. Не был назван и изображенный на нем город. В каталогах он значился в описаниях только как «небольшой город». Тем не менее рисунок и копир выполнены в память победы над Ниеншанцем, иконографическое изображение которого, как считалось, до нас не дошло. Рисунок уникален еще и тем, что сделан современником, который видел Ниеншанц, очевидно, до его разрушения. Рисунок выполнен неизвестным профессиональным художником карандашом и тушью на ватмане с тщательной проработкой мельчайших деталей, имеет круглую форму, диаметр 116 мм, вырезан и вклеен в трафаретную рамку.

Подтверждением тому, какой именно город изображен на рисунке, можно считать следующее: надпись на рисунке «И Нева не укрыла Канцов от Росиския пушки. 1703»; соответствие в расположении на нашем рисунке и на схематических рисунках на шведских планах и картах двух высотных доминант — слева шпиль немецкой церкви, справа — шведско-финской⁴. Еще одним подтверждением является описание, которое дает О. П. Беляев в книге «Кабинет Петра Великого» (СПб., 1800 г.). Он пишет: «Медаль (медальон. — А. В.) представляет осаду Канцова, с надписью: “и Нева не укрыла Канцова от Российския пушки”» и далее «При obleжании сия крепости, лежавшия при самой Неве реке, и служившия границею между Россиею и Швециею, военачальствовал Генерал-Фельдмаршал Шереметев... а флоти-

лиею... для недопущения шведских кораблей к Канцову, управлял Сам Государь Петр Великий, имея в то время чин Капитана Бомбардирского. И так, по непродолжительной осаде, крепость Ниеншанц или Канцова взята российским оружием на договор Апреля 23 дня, 1703 г.»⁵.

Теперь рассмотрим подробно, что именно изображено на рисунке. На первом плане мы видим группу из трех всадников во главе с Петром I. Он изображен со шпагой в руке. Вторым, скорее всего, является Б. П. Шереметев, который 26 апреля 1703 г. подошел к Ниену и начал осадные работы. Третьим, очевидно, можно считать А. Д. Меншикова, о котором О. П. Беляев не говорит. Губернатор Ингерманландии А. Д. Меншиков «поехал в путь в Ниен» 28 апреля и военачальствовал при осаде крепости. На рисунке справа от крепости мы видим контур нового земляного вала с тремя бастионами, показанный в виде двойной ломаной линии. Петр I дал высокую оценку новому укреплению: «Новый вал, ниже крепостного вала, сделан изрядною фортификацией, только дерном не обложен, а ободом больше Ругодива (Нарвы. — А. В.)»⁶. Медальон-барельеф, о котором пишет О. П. Беляев, не сохранился. В Эрмитаже хранится только копия. Между рисунком и копией существуют два отличия. Первое — это отсутствие на рисунке второй буквы «с» в слове «росские», второе отличие — это изображение на рисунке слева четырех туров⁷ рядом с пушками, где стоит солдат с пальником, чего нет на копии. То есть рисунок, скорее всего, являлся эскизом, который был «доработан» при изготовлении известного нам копия.

В правом верхнем углу рисунка — три мортиры стреляют залпом по крепости. Это видно по траектории полета снарядов. В точке их падения видны следы взрывов в виде языков пламени и клубов дыма. Верхнюю центральную часть изображения занимает крепость Ниеншанц. Мыс, образуемый при впадении реки Охты в Неву, был местом расположения шведской крепости в XVII в. (с 1611 г.) и до мая 1703 г. По-шведски крепость называлась Nyenskans, по-немецки — Nyenschants и Newaschanze, по-фински — Nevanlinna, по-русски — Канцы, Шанцы, Новые Канцы, Ниеншанц, по-голландски — Skanster Nyen. Под прикрытием крепости располагался город. Этот портовый купеческий город был нанесен на карты мировых

морских навигационных атласов (атлас И. Кейлена и атлас «Зеркало мореплавания» Л. Вагенера). Ежегодно в августе здесь проходила трехнедельная международная ярмарка. Купцы из Германии, Голландии, России, Дании, Англии съезжались сюда на кораблях со своими товарами.

На рисунке пространство за крепостью плотно застроено зданиями. Это город, который представлен в виде обобщенного образа. Показано порядка 12 домов разной высотности и два церковных шпиля. Основываясь на имеющихся описаниях города, мы знаем, что здесь находились немецкая и шведская церкви, здание ратуши, дом пастора, школьные здания, таможня, налоговая палата, две аптеки, почта, госпиталь, городской суд, а также частная застройка. На заднем плане — обширные не покрытые лесом земли, на которых представлены дикорастущие травянистые растения местной флоры, являющиеся индикаторами фенологической фазы весны. Мы смотрим на крепость с противоположного берега Невы, примерно с точки съезда с современного Большеохтинского моста. Река Нева показана в виде множества ровных, близко расположенных друг к другу волнистых линий. Стрелка указывает направление течения Невы. За рекой — крепость, которая прикрывает город. К нам обращены (слева направо) бастионы Мельничный, Гельмфельтов и рavelин Большой. С двух последних идет ответный огонь. Это видно по направлению клубов дыма, исходящих от орудий, которые стоят на барбетах (насыпных площадках). Основания валов защищены палисадом (хорошо виден частокол из заостренных кольев) и обрубом (обшивка, препятствующая размыву земляных крепостных валов), который представлен сплошной линией в основании палисада. Наверху по углам эскарпов бастионов видны сторожевые башни или, как их еще называли, «будки», о которых мы знаем из письма вице-адмирала Крейса Петру I из Амстердама за 1703 г., где он желает царю успеха в сражении за Ниеншанц и продолжает: «...дабы стандарт (т. е. штандарт — личное знамя царя) мог быть совершен и распущен с Невских башен и бастионов...»⁸.

Простой на вид сюжет рисунка наполнен многочисленной информацией. Время года — самый конец апреля — показано с помощью фенологических индикаторов. По фенологическому календарю начало весны принято считать с появления

определенных видов дикорастущих травянистых растений. Такие растения мы видим там, где показана суша и, в частности, на переднем плане под ногами всадников. Это представители местной весенней флоры Северо-Запада России. Поражает, с какой точностью показаны «*Tussilago farfara* L.» (мать-и-мачеха обыкновенная) в фазе цветения, «*Arctium lappa* L.» (лопушник большой) и дикие злаки семейства *Poaceae* с ланцетными листьями. Они нарисованы в той фазе развития, которая в ботанической терминологии имеет название «пробуждение весны» и в Северо-Западном регионе наступает в конце апреля — начале мая, когда и происходила осада крепости. Сам факт включения растений-индикаторов в сюжет немаловажен, поскольку во время создания рисунка интерес к фенологическим наблюдениям основывался на прямом указании Петра I проводить такие наблюдения по всем регионам России и вести записи, собирать гербарий растений в соответствующей фазе, а собранные данные пересылать в Петербург.

Композиция рисунка имеет определенную символику. Некоторые предметы, изображенные на рисунке и на рельефе, численно представлены в количестве трех единиц. Число «три» эквивалентно множеству и может символизировать «большое число» (скопление) — три пушки, три мортиры, три ядра — этим условно сказано, что в осаде крепости принимало участие большое количество орудий и было выпущено много снарядов. Одновременно выпущенные из мортир снаряды свидетельствуют о том, что стреляли залпами. Расположение батареи из трех пушек слева, трех мортир справа и трех снарядов в верхней части рисунка образует треугольник — универсальный символ. Это совокупность трех объектов, используемая в иконографии, чтобы показать тесно связанные идеи. «Три» часто воспринималось как знак удачи, как выход из противостояния (здесь — победа над противником).

Общеизвестно стремление Петра I сделать Россию похожей на Европу. Относилось это и к церковной архитектуре. Колокольня и шпиль Петропавловского собора в Санкт-Петербурге построены не в традициях русской церковной архитектуры. Очевидно, что Петр I, решив перенести город на новое место, хотел, чтобы колокольня Петропавловского собора стала наиболее яркой приметой города. Возможно, что и обобщенный

образ шведского города Ниена, который изображен на рассмотренном рисунке, был наиболее узнаваем современниками в XVII в. Отметим, что даже в первой половине XVIII в. в атласе И. Кейлена в дельте Невы имеется надпись «*Nyenskant ≥ of Petersborg*», где географическое название Ниеншанц написано более крупным шрифтом, чем название Петербург, и между ними стоит знак сравнения, означающий «больше или равно», а союз «of» в переводе с голландского означает «или», то есть «Ниеншанц или Петербург».

---

¹ *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 1, 2; *Bonsdorff С.* Nyen och Nyenskans: Nystorisk skildring. Helsingfors, 1891.

² РО РНБ. Эрмитаж-160. Л. 81. *Нартов А. К.* Театрум Махинарум. Рукопись. 1755.

³ Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 380; Путь Петра от Руси до России: Каталог выставки. СПб.; М., 2009. С. 3.

⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913.

⁵ *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отделение 1. Т. 1. С. 155.

⁶ *Шарымов А. М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 г.: Кн. исследований. СПб., 2004. С. 411.

⁷ Туры — высокие плетеные корзины без дна, укрепленные на кольях и наполненные землей. Использовались как защитное укрытие от пуль и снарядов.

⁸ *Шарымов А. М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 г. С. 407.

С. Е. Ивлева

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ
О СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
В КНИЖНОМ СОБРАНИИ ПРИНЦА
ПЕТРА ГЕОРГИЕВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО***

В 1923 г. в Русский музей из Государственного книжного фонда поступило собрание книг, о которых в передаточных описях было записано: «Из дворца принцев Ольденбургских». Среди них находились экземпляры, помеченные латинской литерой «Р» под герцогской короной — книги из личной библиотеки принца Петра Георгиевича Ольденбургского. В их числе было и несколько изданий, являвшихся яркими образцами иллюстрированной книги и тематически связанных с вопросами изучения культурного и научного пространства Северной Европы.

Имя принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881) хорошо известно в истории России. Он был видным государственным и общественным деятелем, создателем одного из самых блистательных учебных заведений старой России — Училища правоведения¹. Его стараниями, и большей частью на его средства, были открыты несколько приютов для сирот, детская больница на Лиговском проспекте — ныне им. К. А. Раухфуса, — ряд учебных заведений. 40 лет стоял он во главе Мариинской больницы для бедных². Более 20 лет принц Петр Ольденбургский возглавлял ведомство учреждений

---

* Автор благодарит заведующую библиотекой Российского этнографического музея В. В. Нестерову за помощь в выявлении книг из собрания П. Г. Ольденбургского в фонде библиотеки Этнографического музея.

императрицы Марии, был попечителем Смольного и Екатерининского институтов, Александровского лицея и многих других учреждений. Огромную работу делал он «...не прибегая к шумной рекламе, а скромно и тихо творил великое дело добра»³. Сын немецкого принца Георга Ольденбургского и русской великой княжны Екатерины Павловны Петр (Константин-Фридрих-Петр) Ольденбургский родился 14 августа 1812 г. в Ярославле и «...взял от отца и матери лучшие их свойства. От отца он унаследовал немецкую солидность и правдивость, высокую честность. Родительница дала сыну своему чистоту души, доброе к нуждам и горестям чуткое сердце...»⁴. Принц рано остался без родителей⁵. Юные годы он и брат Александр, исполняя последнюю волю матери, провели в Ольденбурге у деда, герцога Петра — Фридриха-Людвига. Он дал внукам разностороннее образование. Принцы изучали естественные и гуманитарные науки, языки (Петр знал их 8), право в объеме юридического факультета Берлинского университета; кроме того, принц Петр проявлял большой интерес к изучению литературы, истории и географии.

В конце 1830 г. 18-летнего Петра Ольденбургского вызвал в Россию император Николай I⁶. Принц был определен на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, где, как представитель российского императорского дома, с рождения числился полковником. Его государственная и благотворительная деятельность в России подробно отражена в историографии XIX — начала XX вв. и в современных исследованиях⁷. Значительно меньше известно о художественных и книжных предпочтениях принца. А между тем культурные пристрастия Петра Георгиевича Ольденбургского позволяют не только лучше понять его личность, но и проследить некоторые тенденции формирования личных собраний, не предназначенных для широкого обнародования.

Петр Георгиевич Ольденбургский не был коллекционером в традиционном понимании. Он не занимался активной собирательской деятельностью, не стремился создать, как некоторые представители императорского дома, коллекции европейского или даже российского масштаба. Все его время и большая часть средств уходили на дела благотворительности. Судя по воспоминаниям современников⁸ и архивным документам, произведения искусства, находившиеся во дворце принца на набережной

Невы (Дворцовая наб., д. 2), в летнем дворце на Каменном острове, были необходимым и привычным фоном жизни дома Ольденбургских. Книжное собрание также не было объектом формального пополнения. Книги являлись важной частью повседневной жизни семьи. Собрание складывалось постепенно и, как любое личное собрание, характеризовало владельцев, их научные, общественные интересы, литературные вкусы и пристрастия самого Петра Георгиевича, его супруги принцессы Терезы⁹, младших Ольденбургских.

Согласно учетным документам, в библиотеке принца имелись труды по истории, географии, праву, в их числе собрание документов, относящихся к Великому княжеству Финляндскому. Были в ней издания по военному делу, например «Краткий очерк истории Лейб-гвардии Финляндского полка с иллюстрациями и портретами его героев» (СПб., 1846). Среди изданий по статистике значительное место занимали материалы о Прибалтийских губерниях и Финляндии. Кроме того, в библиотеке присутствовали книги художественные, на русском и иностранных языках, музыкальная литература, поэтические сборники, которые приобретались у комиссионеров-книгопродавцев или были подарены авторами. Библиотека пополнялась во время заграничных путешествий не только зарубежными книгами, но и обстоятельными путеводителями¹⁰. Кроме того, в библиотеке существовали иллюстрированные описания Стокгольма и Копенгагена. Причем Петр Ольденбургский, как почетный член многих обществ и фондов и как представитель императорского дома, получал специальные подносные экземпляры изданий, выполненные в очень ограниченном количестве.

Для библиотеки во дворце на набережной Невы было оборудовано специальное помещение. Но одновременно книжные полки располагались и во многих других частях дворца: в кабинетах принца и принцессы, в учебных комнатах и личных комнатах детей. Большая часть книг собрания переплеталась по специальному заказу в полукожаные переплеты. Издания иллюстрированные снабжались особо роскошными цельнокожаными переплетами с золотым тиснением. На книги был наклеен экслибрис, состоящий из фамильного герба Ольденбургских и надписи внизу: «№ шк. / №». Книги, принадлежащие самому Петру Георгиевичу Ольденбургскому и составлявшие

часть его рабочей библиотеки, имели штемпель с латинской «Р» под короной.

Такой владельческий штемпель имели более 100 книг, отмеченные в описях как «географические». В их числе и было несколько иллюстрированных изданий, связанных со скандинавской тематикой, что свидетельствовало об интересе к северо-европейским странам у знатока и любителя географии Петра Ольденбургского.

Одним из самых интересных «скандинавских» изданий «географической» части библиотеки принца был роскошный в цельнокожаном переплете размера фолио том с длинным, в духе времени названием «Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом, заключающий в себе Генеральную меркаторскую карту и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленных... вице-адмиралом Гавриилом Сарычевым» (СПб., 1812). Изданный по высочайшему повелению «Атлас» открывал гравированный резцом титульный лист с аллегорической виньеткой, выполненный известным гравером Клаубером, и ранее работавшим над гравюрами к книгам Сарычева. На виньетке властитель морей Нептун указывал на карту Балтийского моря со всем российским побережьем и Финляндией, которую держал в руках бог торговли Меркурий. Вдали волны Балтийского моря бороздили русские военные и торговые суда. В предисловии знаменитый адмирал — гидрограф и путешественник Гавриил Сарычев писал, что карты исправлены по новейшим данным. «Шведские берега и шхеры означены с новейших шведских карт... карты Копенгагена и Дании... с новейших датских. Курляндские берега с последних береговых описаний русских экспедиций». Кроме карт в «Атласе» были представлены виды самых знаменитых маяков Балтийского побережья и береговые очертания балтийских портов. Вполне вероятно, что, пользуясь этим «Атласом», изучал Скандинавские страны принц Петр, когда в 1839 г. проходил углубленный курс естественных наук со знаменитым ученым-натуралистом А. Ф. Постельсом, участником кругосветного плавания Федора Литке (1826–1829). Напечатанный в морской типографии «Атлас» стал «образцовым» для изданий подобного рода и кроме практической морской значимости был ярким образцом русского гравированного издания.

Среди «географических» книг принца находился комплект знаменитого французского иллюстрированного журнала «Magazine pittoresque», выходившего в Париже с 1833 г. Энциклопедией политипажей называл «Magazine pittorsque» Нестор Кукольник. Журнал оказал огромное влияние на развитие подобного типа журнальных изданий в России. На его страницах рассказы о Скандинавских странах присутствовали постоянно. Жизнь лопарей и гренландских эскимосов, рыбная ловля в Норвегии, архитектурные достопримечательности Стокгольма и Копенгагена были постоянными темами. Литературные очерки сопровождались иллюстрациями (гравюрами на дереве), выполненными в мастерской известного парижского ксилографа Беста. Эти же скандинавские сюжеты с русским текстом и снабженные такими же иллюстрациями, полученными в мастерской «Magazine pittoresque» у Беста: «Охота на тюленей», «Лопари с оленями», «Ловля форели в Норвегии», появлялись на страницах первого русского иллюстрированного журнала «Живописное обозрение» (журнал в Москве с 1835 г. издавал Николай Полевой, потом его брат Ксенофонт), номера которого также присутствовали среди «географических» изданий принца. Количественно иллюстрированные издания о странах Северной Европы составляли небольшую часть собрания Ольденбургского, но художественные их качества позволяют выделить их из общего числа прочих изданий.

Судьба книжного собрания принца характерна для революционной эпохи. До Февральской революции книги находились во дворце на Дворцовой набережной. В августе 1917 г. сын Петра Георгиевича — Александр — продал дворец со всем имуществом Временному правительству для размещения министерств. В 1917 г. вместо министерств в помещения дворца въехал Центральный педагогический музей (бывший музей Военно-учебных заведений). Библиотека музея была объединена с находившимся во дворце книжным собранием. На книги был дополнительно наклеен и экслибрис Центрального педагогического музея. В 1923 г. было решено «...не относящиеся к тематике музея книги и передать в Публичную библиотеку и ряд других учреждений...»¹¹. «Не подходящие по тематике» книги были вывезены из дворца Ольденбургских на склады Книжного и Музейного фондов.

В конце 1923 г., благодаря стараниям заведующего художественным отделом Русского музея Петра Ивановича Нерадовского, часть книг из собрания Ольденбургских, на русском и иностранных языках, со склада Книжного фонда поступила в Русский музей¹². В их числе и иллюстрированные издания о странах Северной Европы.

К большому сожалению, в Русском музее книги принца Петра Ольденбургского (достаточно формально) между библиотеками двух отделов музея: Художественного и Этнографического. И сейчас книги с экслибрисом Ольденбургских находятся в этих же библиотеках, но библиотеках уже разных музеев¹³.

---

¹ Императорское училище правоведения было открыто в 1835 г. Для Училища на средства принца П. Г. Ольденбургского был куплен дом на Фонтанке.

² Перед главным фасадом больницы, на Литейном проспекте, 5 (18) июня 1889 г. на народные пожертвования П. Г. Ольденбургскому был установлен памятник (скульптор И. Н. Шредер, архитектор А. О. Томишко), на постаменте была надпись: «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому». В 1929 г. памятник сняли и переплавили.

³ Мещанинов И. В. Памяти принца П. Г. Ольденбургского. Лекция, прочитанная в обществе «Маяк» перед советом общества. СПб., 1911. С. 44.

⁴ Молганов М. Полвека тому. Первые годы училища правоведения в Петербурге. СПб., 1892. С. 81.

⁵ Отец принца Петр-Фридрих-Георг, известный в России как Георгий Ольденбургский, принадлежал к Голштейн-Готторпской линии Ольденбургского дома. Был Тверским, Новгородским и Ярославским генерал-губернатором, Главным директором Департамента путей сообщения. Скоропостижно скончался 15 декабря 1812 г. Мать принца — великая княжна Екатерина Павловна (4 дочь Павла I) — после смерти мужа в 1816 г. вторично вышла замуж за принца (в дальнейшем короля) Вильгельма Вюртембергского. Скончалась в 1818 г., похоронена в Штутгарте.

⁶ В своем завещании императрица Мария Федоровна поручила Николаю I заботиться о детях Екатерины Павловны. После смерти в 1829 г. деда и брата Александра принц Петр остался круглым сиротой.

⁷ Основные работы: Шрейер Ю. О. 50-летний юбилей принца П. Г. Ольденбургского. СПб., 1881; Папков А. А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1885; Сюзор Г. Памяти друга человечества. К 100 годовщине со дня рождения принца П. Г. Ольденбургского (1812–1912). СПб., 1912; Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб., 1997; Анненкова Э. А., Голиков Ю. П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб., 2004.

⁸ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.

⁹ Терезия-Вильгельмина-Фредерика-Изабелла-Шарлотта (1817–1871), дочь Нассауского герцога Вильгельма. С 1837 г. — принцесса Ольденбургская.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 543. Д. 46.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 75. Л. 17.

¹² ОР ГРМ ВА ГРМ. Оп. 6. Д. 277. Л. 61.

¹³ В 1934 г. Этнографический отдел Русского музея стал самостоятельным музеем.

В. Г. Бурков

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЬВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ ФИНЛЯНДИИ

Изображение льва занимает видное место в эмблематике различных народов мира. Оно символизирует мужество и храбрость, жизнеспособность и могущество¹. На европейском континенте изображение льва появляется на дворянских и династических гербах владетельных особ и монархов в эпоху средневековья.

В государственной эмблематике Финляндии изображение льва появилось в XVI в. в связи с введением первого государственного герба Финляндии². В 1556 г. шведский король Густав I Ваза передал своему сыну Юхану юго-западную часть Финляндии в качестве Великого герцогства, а тот, добиваясь независимости, в 1557 г. ввел для своих владений герб и флаг³. На красном щите герба и красном полотнище флага находилось изображение золотого коронованного льва с занесенным мечом в правой передней лапе и попирающего задними лапами кривую саблю, а также девять стилизованных серебряных роз. Попранная восточная сабля символизировала победу христианства над язычеством, а окружающие льва розы — тогдашнее количество ляней (провинций) страны. Эти государственные символы Финляндии — герб и флаг — были признаны шведским королем Юханом III в 1581 г.⁴ Красный же флаг с гербовым львом использовался финнами во времена шведского владычества в качестве военного знамени вплоть до начала XIX в.⁵

В 1809–1917 гг., когда Финляндия входила в состав Российского государства, герб 1557 г. с изображением льва являлся официальным символом Великого княжества Финляндского и был титульным гербом Большого, Среднего и Малого государственных гербов Российской империи. Его правомочия были подтверждены 26 октября 1809 г. после завершения русско-шведской войны 1808–1809 гг. и подписания Фридрихсгамского мира российским императором Александром I⁶. В 1826 г. финляндский герб с изображением льва впервые появился на государственном знамени России во время коронации императора Николая I⁷.

После провозглашения независимости Финляндии 6 декабря 1917 г. старинный финляндский герб 1577 г. с изображением льва стал государственным гербом страны Суоми, а его изображение на красном прямоугольном полотнище — государственным флагом. 5 мая 1918 г. специальным актом был утвержден другой государственный флаг. Выполненный по рисунку Эеро Спельма и Бруно Туукканена, он представлял собой белое прямоугольное полотнище со скандинавским смещенным к древку прямым синим крестом, в перекрестии которого помещался все тот же государственный герб с изображением льва⁸. Затем, в связи с провозглашением 9 октября 1918 г. Фридриха Карла Гессенского (германский принц Фридрих Карл Гогенцоллерн) королем Финляндии и введением в стране конституционной монархии, над гербовым щитом со львом появилась королевская корона (соответствующие изменения произошли и с государственным флагом). 17 июля 1919 г. в соответствии с «Актом о форме правления», по которому Финляндия превратилась в президентскую республику, из государственного герба и государственного флага королевская корона была убрана, но золотой старинный лев в геральдическом красном щите остался и по сей день⁹. Изображение льва в государственном гербе, помещенном в перекрестии синего прямого креста на белом полотнище, находится и на президентском штандарте (флаге), и на военно-морском флаге Финляндской Республики.

С изображением льва, как одной из главных государственных эмблем Финляндии, неразрывно связана история формирования и развития наградной системы этой страны.

11 сентября 1942 г. для награждения гражданских лиц и военнослужащих «за заслуги перед страной» был учрежден орден Финского льва¹⁰. Эскиз ордена был разработан художником Оскаром Пилем¹¹. Орденским праздником считается 6 декабря — день независимости Финляндии. Орден Финского льва имеет пять степеней: Большой крест, Командорский крест первого класса, Командорский крест, Рыцарский крест первого класса и Рыцарский крест. Знаки ордена Финского льва Большого креста состоят из орденского креста, звезды и ленты. Знак ордена выполнен из золота в виде равноконечного креста со слегка расширяющимися лучами, покрытыми с лицевой и оборотной сторон белой эмалью с тонким золотым контуром. На лицевой стороне в круглом медальоне на красном фоне помещено позолоченное изображение геральдического льва Финляндии. Обратная сторона гладкая. Орденская звезда имеет пять лучей и выполнена из серебра с позолотой между лучами. В центре звезды на красном круглом поле помещено позолоченное изображение геральдического финского льва. Шелковая орденская лента темно-красного цвета. Знак ордена Большого креста носится на плечной ленте (женщины — на нагрудном красном банте).

Знаки ордена «Командорский крест первого класса» состоят из орденского знака, звезды и ленты. Знак ордена идентичен знаку ордена Большого креста, но меньшего размера. Пятиконечная орденская звезда такая же, что и у ордена Большого креста, но также меньшего размера и без позолоты. Орденский знак носится на орденской шейной ленте. Знак ордена «Командорский крест» состоит из орденского знака меньшего размера, чем у ордена «Командорский крест первого класса» и орденской шейной ленты. Знак ордена «Рыцарский крест первого класса» выполнен из серебра с тонким позолоченным контуром, а знак ордена «Рыцарский крест» — с тонким серебряным контуром. Оба носятся на нагрудной колодке, обтянутой орденской лентой и украшенной розеткой.

К ордену Финского льва примыкают крест Заслуг ордена Финского льва и медаль ордена Финского льва. Крест Заслуг ордена Финского льва был учрежден тогда же, что и орден Финского льва, — 11 сентября 1942 г.¹² Он также предназначен для награждения за гражданские и военные заслуги. По форме

он совпадает со знаком ордена Финского льва. Изготавливается из серебра (или бронзы), но не имеет белой эмали на лучах, как у ордена Финского льва. В центре его в красном круглом медальоне также помещено позолоченное изображение геральдического льва Финляндии. Обратная сторона гладкая. Носится он на нагрудной колодке, обтянутой темно-красной лентой ордена Финского льва.

Знаки ордена Финского льва и креста Заслуг ордена Финского льва, выдаваемые военнослужащим за храбрость и отвагу в военное время, имели скрещенные мечи. Медаль ордена Финского льва была учреждена 10 декабря 1943 г. для награждения деятелей культуры и искусств¹³. Она изготавливается из бронзы и по форме представляет собой правильный круг, окаймленный бортиком с лицевой и обратной стороны. На аверсе изображен геральдический лев. Медаль не имеет степеней и носится на нагрудной колодке, обтянутой орденской лентой ордена Финского льва.

К финским наградам, на которых есть изображение геральдического льва, относятся также медаль ордена Креста Свободы и две памятные медали: для иностранных добровольцев, принимавших участие в «зимней войне 1939–1940 гг.», и участников «войны-продолжения 1941–1944 гг.».

Медаль ордена Креста Свободы была учреждена в 1941 г. Она подразделяется на два класса — военный («За храбрость») и гражданский («За отличие»). Каждый класс подразделяется на две степени (первая степень — серебряная медаль и вторая — бронзовая медаль). На лицевой стороне медали изображена голова гербового льва с мечом в лапе, а по окружности надписи на финском и шведском языках: «За храбрость» или «За Отечество» (в зависимости от класса), разделенные двумя геральдическими розами. На оборотной стороне в венке из лавровых листьев — надпись: «От финского народа» и год учреждения медали — «1941». На медали, предназначенной для награждения медицинского персонала, в нижней части лицевой стороны помещается маленький красный крестик. Серебряная медаль военного класса носится на синей ленте с белыми узкими полосками по краям, а бронзовая — на красной ленте с желтыми узкими полосками по краям. Серебряная и бронзовая медали гражданского класса носят на зеленой ленте с широкой чер-

ной полосой в центре и двумя узкими красными полосками по краям. Существовала также медаль ордена Креста Свободы военного класса первой степени с розеткой. Такой медалью был награжден маршал К. Г. Маннергейм¹⁴.

Памятная медаль Зимней войны 1939–1940 гг., предназначенная для награждения иностранных добровольцев, была учреждена 2 августа 1940 г.¹⁵ Медаль изготавливалась из различных металлов: золота, серебра, бронзы и железа. По форме она представляет собой правильный круг, окаймленный бортиком с лицевой и обратной стороны. На лицевой стороне медали изображен финский солдат в зимнем маскировочном халате, стреляющий из винтовки. Вокруг его фигуры располагаются гербы провинций Финляндии. В нижней части медали — даты: «1939–1940», а в верхней — герб Карелии, переходящий в кольцо для крепления ленты. На оборотной стороне медали помещается всё тот же герб Финляндии с изображением коронованного льва с занесенным мечом в правой передней лапе и попирающего задними лапами кривую саблю. Вокруг гербового щита идет латинская надпись: «Summo in periculo fautoribus adiutoribus Finlandia memor» («В память защитников и помощников Финляндии в час величайшей опасности»). Медаль носится на левой стороне груди и при помощи ушка крепится к шелковой муаровой ленте черного цвета с двумя узкими красными продольными полосами. Кроме этого, награжденным вручались планки с названием мест сражений и родов войск¹⁶.

Памятная медаль «Война-продолжение. 1941–1944 гг.» была учреждена 24 мая 1957 г.¹⁷ Изготавливалась она из бронзы и имеет форму правильного круга. На лицевой ее стороне изображен государственный герб Финляндии со старинным изображением финского льва. На оборотной стороне — горизонтально расположенный меч, украшенный дубовыми листьями. Над мечом помещается надпись: «Isänmaa» («Отечество»), а под ним даты: «1941–1944». Существовал также вариант медали с надписью на шведском языке (как втором государственном). Медаль носится на левой стороне груди на темно-серой муаровой ленте с тремя узкими продольными полосами светло-желтого цвета.

Кроме этого, изображение гербового льва украшало и целый ряд памятных крестов. Среди них был и Почетный крест

Северного фронта. Им награждались военнослужащие финской и германской армий за участие в боях в Лапландии. Знак изготовлялся из томпака и представлял собой синий эмалевый восьмиконечный мальтийский крест с расширяющимися к концам лучами. Знак крепился к одежде с помощью штифта с гайкой. Между сторонами креста помещалась серебряная финская свастика, на ломаных лучах которой были выбиты названия финских регионов: «Petsamo — Salla — Kiestinki — Alakurtti». В центре креста — большой эмалевый медальон, окруженный венком из золотых дубовых листьев. На медальоне изображены государственные флаги Финляндии и Третьего рейха, над ними проставлены даты: «1941–1943», а ниже по окружности помещена надпись на финском и немецком языках: «Pohjoistrintama — Dia Nordfront» («Северный фронт»). В центре знака дан государственный герб Финляндии с изображением льва¹⁸.

Незадолго до начала «зимней войны», в 1938 г., для военноморских сил Финляндии был введен гюйс (флаг, размещенный на носу корабля) в виде белого квадратного полотнища с красным квадратом в центре, где давалось изображение государственного герба (то есть было и изображение льва)¹⁹.

В период Второй мировой войны государственный герб Финляндии с изображением льва был на знамени Финского добровольческого батальона СС, действовавшего в составе германской дивизии СС «Викинги» в 1941–1943 гг.²⁰ В качестве одной из основных государственных эмблем лев использовался и как знак различия в финляндских вооруженных силах²¹.

---

¹ Подробнее см.: *Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2004. С. 222–225.

² Некоторые исследователи считают, что герб Финляндии появился в 1284 г., когда страна Суоми стала герцогством в составе Шведского королевства.

³ *Геральдика мира.* Минск, 2008. С. 197.

⁴ *Бутромеев В. П., Бутромеев В. В., Бутромеева Н. В.* Символ власти. М., 2006. С. 558.

⁵ *Кильюнен К.* Государства и флаги. М., 2008. С. 55–56.

⁶ *Геральдика мира.* С. 197.

⁷ См.: *Голованова М. П.* Государственное знамя Российской империи // *Гербовед.* 1997. № 23. С. 140–147.

⁸ Laurla K. K. Suomen Lippu. Hels., 1999. S. 15.

⁹ В 1978 г. художником Олофом Эрикссоном был уточнен рисунок государственного герба, что, естественно, отразилось и на государственном, и военно-морском флаге Финляндии. 26 мая 1978 г. все изменения, связанные с государственными эмблемами, были утверждены (*Басов А. Н.* История военно-морских флагов. СПб., 2004. С. 255; *Laurla K. K.* Suomen Lippu. S. 15).

¹⁰ Подробнее см.: *Викторов-Орлов Н. В.* Награды Финляндии. Челябинск, 1992; *Потрашков С. В.* Ордена и медали стран мира. М., 2008. С. 262–263; *Castren K.* Les Ordres Nationaux de la Finlande. Hels., 1975.

¹¹ *Царева Т. Б.* Полная энциклопедия орденов и медалей Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 2010. С. 292.

¹² Там же. С. 294. (В Финляндии крест Заслуг ордена Финского льва считается аналогом британского Креста Виктории).

¹³ Там же. С. 295.

¹⁴ *Потрашков С. В., Лившиц И. И.* Награды Второй мировой войны. М., С. 224.

¹⁵ Там же. С. 227–228.

¹⁶ Места сражений: «Karjalan Kannas» (Карельский перешеек), «Lappi» (Лапландия). По родам войск: «Kenttaarmeija» (полевая армия, нестроевая служба), «Patriolustus» (войска ПВО), «Kotijoukot» (отряды самообороны (ополчение)).

¹⁷ *Потрашков С. В., Лившиц И. И.* Награды Второй мировой войны. С. 228.

¹⁸ Там же. С. 224–225.

¹⁹ *Басов А. Н.* История военно-морских флагов. СПб., 2004. С. 255.

²⁰ *Макдонелл Л.* Знаки различия и боевые награды Второй мировой. М., 2003. С. 14.

²¹ Там же. С. 172–173.

М. В. Шкаровский

ФИНЛЯНДСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1941–1944 гг. Западную Карелию, северные и северо-восточные районы Ленинградской области временно захватили финские войска, и религиозная жизнь там имела свои особенности. Православная церковь на территории Финляндии, после отделения этой страны от России, 11 февраля 1921 г. получила автономию от Московской патриархии. Но 6 июня 1923 г. она была принята с правами широкой автономии в Константинопольский патриархат. В межвоенный период Финляндская православная церковь значительно окрепла и выросла численно — с 55 тыс. верующих в 1920 г. до 81 тыс., в том числе 65 тыс. финнов, в 1940 г. она состояла из двух епархий — Карельской (16 приходов) и Выборгской (13 приходов), окормляемых 50 священниками, и имела 4 монастыря — Валаамский (200 монахов), Коневский (20), Печенгский (17) и женский в Линтуле (34 насельницы). Резиденция главы Церкви — архиепископа Германа (Аава) находилась в Сортавале (Сердоболе), там же в 1918 г. была открыта Духовная семинария. После советско-финской войны 1939–1940 гг. юго-восточные районы Финляндии отошли к СССР и 55 тыс. православных финнов из 18 приходов были вынуждены эвакуироваться в глубь страны, 3 монастыря из 4 оказались утрачены, их насельники также эвакуировались. Духовная семинария и Выборгский епископ переехали в Хельсинки, а архиепископ Герман в Куопио¹.

Отошедшие к СССР земли, включенные в состав созданной 31 марта 1940 г. Карело-Финской ССР, оказались почти безлюдными, и вследствие этого существовавшие на них храмы перестали действовать. Образованные органы советской власти оформили закрытие всех этих «бесхозных» церквей с передачей их зданий для использования различным государственным и общественным организациям. Так, например, временное управление Вийпури (Выборга) 12 сентября 1940 г. постановило, что, поскольку имеющиеся в городе храмы (русские церкви на Кирпичной ул. и у железнодорожного вокзала, кирка, католические церкви на площади и кладбище) пустуют и ни одного заявления от желающих использовать их для богослужений не поступило, необходимо просить СНК Карело-Финской ССР о закрытии церквей «с передачей их под культурно-хозяйственные нужды и потребности города». И вскоре республиканский Совнарком принял соответствующее решение. В самой же советской Карелии уже к началу 1940 г. не было ни одного служившего священника, а последние православные храмы оказались официально закрыты весной — летом 1941 г.: в Повенце — 14 апреля, а в Петрозаводске Екатерининская церковь — 3 июня и обновленческая Крестовоздвиженская — 15 июля².

Мирная передышка в советско-финляндских отношениях была недолгой. О планах архиепископа Германа накануне начала второй войны с СССР говорится в докладе немецкого священника Л. Зентрке из Турку в МИД от 13 сентября 1941 г. В нем священник передавал содержание двух своих бесед с Владыкой 13–14 июня 1941 г. Архиепископ Герман был уверен в скором начале войны и заявил, что в случае передачи Финляндии территории Карелии (где проживали, кроме русских, родственные финнам православные карелы) она, вероятно, будет подчинена Православной церкви Финляндии: «Этим нашей Церкви была бы поручена новая важная задача. Она должна помочь действительно включить это население в финский народ и вместе с тем возвысить его духовно и религиозно»³.

Как Православная, так и Евангелическо-Лютеранская церкви Финляндии благословили начало летом 1941 г. новой войны с СССР. 26 июня шесть финских лютеранских епископов обратились к пастве в связи с началом войны с совместным призывом, в котором говорилось: «Снова народ Финляндии

исполнен благодарности при мысли, что он опять призван выступить на защиту святой христианской веры и западной христианской культуры»⁴.

В первые месяцы войны финские войска заняли часть Карелии (с населением свыше 80 тыс. человек) и Ленинградской области. Архиепископ Герман вернулся в Сортавалу и приступил к осуществлению своих миссионерских и националистических планов. В сентябре 1941 г. миссионерская работа в Карелии уже велась 6 представителями православного военного духовенства и, кроме того, 30 священниками, монахами, диаконами и 6 обученными мирянами, также планировалось направить на занятые территории 250 православных учителей. Финская церковная газета «Ферзамлингсбладет» 18 сентября сообщила, что «Общество распространения Библии в России» выпустило 5000 православных молитвенников для раздачи советским военнопленным. Спрос на них оказался значительно выше ожидавшегося. К этому времени дважды в месяц стал выходить церковный листок на русском языке «Друг военнопленных» тиражом 7000 экземпляров, которые распространялись в лагерях⁵.

В некоторых из них были православные священнослужители из числа самих пленных. Так, например, с июня 1942 г. по август 1944 г. в лагере советских военнопленных в Лаппенранта проводил богослужения священник Иоанн Иаковлевич Сафронов. Он попал в плен к финнам, работал на строительстве оборонительных сооружений и получил от администрации лагеря официальное разрешение исполнять обязанности священника. После окончания войны отец Иоанн служил настоятелем Троицкой церкви селения Подгощи Шимского района Новгородской области и был арестован 29 марта 1949 г. по обвинению в проведении антисоветской агитации в период пребывания в Финляндии. 26 ноября 1949 г. Военный трибунал войск МВД Ленинградского округа приговорил священника к 25 годам лагерей, но 24 октября 1955 г. он был освобожден по амнистии, а в 1992 г. реабилитирован⁶.

В целом в Финляндии существовала большая разница по сравнению с Германией, где миссионерская деятельность среди советских военнопленных в основном запрещалась. Впрочем, у финнов имелся некоторый опыт еще со времен

войны 1939–1940 гг. Уже тогда советские военнопленные читали в лагерях Евангелие, и значительное их число участвовало в регулярно проводившихся богослужениях. Перед тем как финские войска по мирному договору оставили передаваемый под советскую военную базу полуостров Ханко, они положили в каждый дом Новый Завет на русском языке⁷.

Евангелическо-Лютеранская церковь Финляндии тоже старалась вести активную работу в Карелии. Один из руководителей этой Церкви епископ Тампере М. А. Летонен в ноябре 1941 г. посетил занятые финскими войсками территории и увидел там большое поле для деятельности по преодолению последствий атеистического воспитания. Согласно газетной статье о поездке епископа, его особенно поразила реакция двух молодых женщин на вопрос: «Знают ли они, кто был Иисус Христос?» Женщины ответили: «Мы это не знаем, во всяком случае, он жил не в этой деревне»⁸.

В газетной статье участвовавший в «деле евангелизации» доктор П. Вирккунен в январе 1942 г. назвал подобную деятельность важнейшим полем работы для Церкви в настоящее время: «Сегодня в разгар войны перед нами стоит огромная задача — снова сделать здесь финских людей душевно свободными... Мы хотим теперь с Божией помощью спасти эту молодежь для Евангелия». Уделяла внимание Евангелическо-Лютеранская церковь и лагерям советских военнопленных. Иногда это приводило к конфликтам с заключенными, однажды даже был убит секретарь Финляндского архиепископа пастор Кунила в Турку при душепопечительном посещении тюрьмы. В «Известиях Германской Евангелической церкви» от 1 марта 1942 г. сообщалось: «Убийца не проявляет никаких следов раскаяния, напротив, он цинично заявил, что ему как убежденному коммунисту совершенно безразлично, что он сам убил своего благодетеля»⁹.

Часть финских православных общин на утраченных в 1940 г. территориях была воссоздана. Так, приехавший в январе 1942 г. в Карелию православный священник Пааво Саарикоски посетил возрожденную церковь с. Массила. В другом селе, Виелярви, он по приглашению жителей крестил их детей, во многих карельских деревнях на прежней советской территории раздавал крестьянам иконки, назидательные поучения и нашел, что, «не смотря на безбожие большевиков, народ остался верующим».

В сообщении Католической информационной службы «Кипа» от 29 июня 1942 г. говорилось, что население Выборга составляет 100 тыс. человек, и различные религиозные общины города провели собрания с целью открытия церквей, до недавнего же времени лютеране Выборга были вынуждены использовать для богослужения зал в жилом доме¹⁰.

В дальнейшем в городе открылась Петропавловская кирка. Подобная ситуация была и у православных. В 1942 г. в Выборг вернулся протоиерей Леонид Хоманен, до марта 1940 г. служивший настоятелем финского православного прихода, и возобновил богослужения в Ильинской церкви. Деревянный храм Успения Божией Матери на кладбище был отремонтирован в 1942–1943 гг., и в нем также начались службы. Кафедральный же собор Преображения Господня был занят под склад советского трофейного оружия и, таким образом, не действовал (с 1940 по 1948 г.).

В Кексгольме (Приозерске) открылись два православных храма — собор Рождества Пресвятой Богородицы и кладбищенская церковь Всех Святых. В Сортавале архиепископ Герман летом 1943 г. освятил восстановленную городскую Никольскую церковь, в этот день на торжественное архиерейское богослужение прибыли богомольцы из различных районов Карелии. Кроме того, в Сортавале возобновились богослужения в Никольской церкви на Валаамском подворье и домовом храме Духовной семинарии. Открывались храмы и на оккупированных «старых» советских территориях. Так, в Петрозаводске вновь стали действовать две недавно закрытые церкви — Екатерининская и Крестовоздвиженская, в последней служил иеромонах Павел (Олмари, до 1927 г. — Гусев) — будущий преемник архиепископа Германа в качестве предстоятеля Финляндской православной церкви. В Олонце также открылись два храма — Успенская кладбищенская церковь и Никольский собор, в них служил местный уроженец иеромонах Савва (Саханов). В числе других населенных пунктов Карелии богослужения возобновились в Ладве, Шелтозере, Соломенном, Кондопоге, а в Ленинградской области — в Важинах и Гимреке. Правда, порой финские войска устраивали в православных храмах гарнизонные лютеранские кирки. Таким образом они поступили с Олонецкой Смоленской церковью «на острове», православным храмом в селении Хевро-

ньино на реке Свирь и др.¹¹ В Александро-Свирском монастыре в период оккупации находился финский военный госпиталь, но достоверных сведений о проведении лютеранских или православных богослужений в монастырских храмах нет.

Ни один из трех закрытых в 1940 г. монастырей Финляндской православной церкви полностью возрожден не был, хотя в отношении Валаамского и Коневского такие попытки предпринимались. Монахи ушли с Валаама 19 марта 1940 г., и на нем были устроены школа юнг и военная база. 19 сентября 1941 г. советский гарнизон оставил архипелаг, и 21 сентября финские войска заняли его без боя, что спасло монастырские храмы от разрушения. Через месяц несколько бывших насельников монастыря во главе с настоятелем игуменом Харитоном совершили поездку на острова. 20 октября они осмотрели почти неповрежденное подворье в Сортавала и 21 октября прибыли на Валаам. На следующий день монахи отслужили молебен преподобным Сергию и Герману Валаамским и Божией Матери в соборе, использовавшемся ранее под клуб советской военной базы. 28 октября 1941 г. насельники покинули острова, вернувшись к остальной братии, проживавшей в местечке Папинниеми. Находившийся относительно недалеко от линии фронта Валаам занимали финские войска, и поэтому обитель не была возрождена во время войны. Правда, летом 1942 и 1943 гг. 7 монахов все же приезжали на остров и периодически служили в монастырских храмах.

Насельники Коневского Богородице-Рождественского монастыря на острове Коневец покинули свою обитель также в марте 1940 г. Осенью 1941 г. часть иноков снова прибыла на остров, пытаясь возродить монашескую жизнь. К тому времени все храмы, кроме Никольской церкви, сильно пострадали (их иконостасы были выломаны), и богослужения возобновились только в ней (с августа 1942 г.). В 1944 г. у алтаря Богородице-Рождественского собора был погребен, согласно завещанию, умерший 12 февраля в Финляндии (в г. Куопио) настоятель обители игумен Маврикий (Сережин). 19 августа 1944 г. последние насельники навсегда покинули о. Коневец, причем при эвакуации погиб наместник иеромонах Адриан. В дальнейшем, после нескольких лет скитаний, 32 коневских инока обосновались в усадьбе Хиекка коммуны Кейтеле, где

монастырь просуществовал до середины 1950-х гг. 31 августа 1956 г. девять последних насельников во главе с иеромонахом Дорофеем (Беляковым) переехали в Ново-Валаамский монастырь в Папинниemi, взяв с собой чудотворную Коневскую икону Божией Матери¹².

В целом к концу 1943 — началу 1944 г. в Карелии открылось около 40 православных храмов (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 г. в списке действующих числилось 18 церквей). Однако богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 православных храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские священники, в том числе военные, и иеромонахи Валаамского монастыря. На богослужениях они поминали архиепископа Германа и президента Финляндии Рюти¹³.

В январе 1942 г. в оккупированной части Карелии действовали уже 150 учителей христианских народных школ и молодых священников. Все это делалось с санкции и при поддержке военной администрации. Так, в газетной статье священник Пааво Саарикоски писал: «Православная церковь Финляндии готова оказать помощь этим братьям по вере всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Финская военная администрация поддерживает эти устремления»¹⁴.

Аналогичный вывод можно сделать и на основе донесения командования советского Карельского фронта: «При Военном управлении Восточной Карелии имеется отдел просвещения, который через окружные и районные управления осуществляет контроль и руководство школьными и религиозными заведениями. В распоряжении отдела просвещения имеется группа попов, которая должна обслуживать население. В некоторых наиболее крупных населенных пунктах открыты церкви. Попам, служащим в финских частях, предоставлена также возможность обслуживать гражданское население, но это производится только по просьбе попов, состоящих в штате при Военном управлении»¹⁵.

Правда, согласно другому сообщению, финские оккупационные власти (вероятно, под воздействием немцев) указали, что

«среди населения не должно проводиться никакой религиозной агитации. Тот, кто хочет... вступить в религиозную общину, должен сделать выбор совершенно свободно по своим убеждениям, без уговоров и принуждения». По данным на 30 июня 1942 г., в оккупированной части Карелии насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 — в лютеранских. К этому времени в финских частях здесь служили 11 лютеранских военных священников и 14 их помощников, а также 6 православных и 7 их помощников. Все они имели воинские звания и вне храма носили мундир. Указанные 6 православных священников в основном были выпускниками Сортавальской Духовной семинарии: Серафим Филин, Михаил Куха, Олаф Петсало, Александр Казанко (Казанский), Пентти Хяркконен и Вильхо Патронен. Для местных карельских жителей они служили эпизодически и могли удовлетворять только первоочередные духовные потребности населения. Восстановления приходской жизни в полном объеме не произошло. «Восточная Карелия» не была окончательно включена в состав Финляндской Православной Церкви, руководство которой считало это неуместным до конца войны и заключения мирного договора. Поэтому архиепископ Герман не выезжал за границы 1940 г.¹⁶

Следует отметить, что, в отличие от карел, большая часть русского населения была заключена в лагеря. При этом многие деревни Карелии и Посвирья имели смешанное население, и решение жителей, какой из них интернировать, а какой оставлять на месте, нередко принималось совершенно произвольно. Установленный в лагерях режим был очень жестоким, уже в первый год многие интернированные умерли от голода, болезней и непосильного принудительного труда. На второй год войны вмешался Международный Красный Крест, и условия содержания хотя бы немного изменились к лучшему. Большая часть лагерей находилась вблизи Петрозаводска. Там проживал единственный уцелевший в ходе репрессий 1930-х гг. заштатный священник Петр Макаров, и с конца 1941 г. он стал исполнять пастырские обязанности в четырех устроенных в лагерных бараках церквях (во 2, 3, 5 и 6-м лагерях). Только в июле — сентябре 1943 г. отец Петр совершил в них 53 службы, на которых присутствовало 11500 молящихся и 1692 причастника, 27 молебнов с 6895 молящимися, 103 крещения, 32 отпевания, 26 панихид,

55 заказных молебнов, 55 заказных панихид, 26 миропомазаний и 32 приобщения больных¹⁷. Все это утешало людей и давало им силы и надежду выжить в нечеловеческих условиях.

В составленной Ленинградским обкомом ВКП (б) в 1944 г. информационной записке «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в бывших оккупированных северных районах Ленинградской области и в районах Карельского перешейка» говорилось: «В северных районах Ленинградской области озверелые лахтари объявили все мирное население пленными. Целые семьи угонялись в рабство в Финляндию... Другую часть населения финны содержали в лагерях... До войны в Вознесенском, Подпорожском и Лодейнопольском районах проживало 86 676 чел., после освобождения районов от финских оккупантов на 20 июля учтено 1457 человек мирных граждан, бежавших из лагерей. В лагерях финские захватчики устанавливали режим голода и палки... Вследствие непосильного труда и голодного пайка... в лагерях была большая смертность. Только в одном Ильинском лагере от голода умерло 300 человек». Кроме того, финская армия в ходе боевых действий уничтожила несколько православных храмов, например две церкви в Лодейном Поле¹⁸.

О религиозной ситуации на неоккупированной территории Карело-Финской ССР весной 1943 г. свидетельствуют, в частности, документы советских руководящих органов в связи с праздником Пасхи. Из Москвы по линии НКВД в адрес республиканского руководства поступили специальные указания, которые затем направлялись для исполнения в районы. В них предписывалось не препятствовать духовенству в отправлении церковной службы в ночь с 24 на 25 апреля 1943 г. и отмечалось: «В нашей республике действующих церквей нет; возможно, верующие будут совершать религиозные обряды на квартирах или местах погребения. Совершение этих обрядов не запрещать. Разрешить в городах, объявленных на военном положении, в эту ночь беспрепятственное хождение граждан по городу, о чем договориться с начальниками гарнизонов воинских частей, ознакомив их с настоящим указанием. 25 апреля 1943 г. телеграфируйте о результатах выполнения настоящих указаний в НКВД КФССР»¹⁹.

В секретном телеграфном сообщении Наркомата внутренних дел Карелии в НКВД СССР от 27 апреля 1943 г. о выполнении

указанных директив говорилось: «Всем начальникам районных отделений НКВД своевременно были даны указания. С содержанием директивы ознакомлены руководители партийных органов и начальники гарнизонов воинских частей... Отправлений церковной службы не было, так как в республике действующих церквей нет. Случаев провокационных и хулиганских проявлений не выявлено»²⁰.

Вскоре в связи с изменением государственно-церковных отношений в СССР последовал секретный приказ командования Карельским фронтом от 10 сентября 1943 г.: «Учитывая большую культурно-историческую значимость памятников культуры народов СССР и необходимость дальнейшего их сохранения, в соответствии с указаниями начальника тыла Красной Армии, приказываю:

1. Начальникам тыла армий, начальникам гарнизонов во фронтовом районе, согласно прилагаемому при этом списку, немедленно через органы местной власти установить фактическое наличие в полосе армии фронта перечисленных в списке церквей, зданий и других сооружений как имеющих культурно-историческое значение и взять на учет и под охрану.

2. Выявленные, согласно списку, церкви и другие здания немедленно освободить, если они заняты, привести в порядок (очистить от мусора), забить двери и все здания замаскировать наравне с военными объектами.

3. В дальнейшем запретить занимать перечисленные в списке церкви и прочие здания под склады, гаражи, конюшни, а также для размещения военнослужащих. При выборе места для огневых точек избегать использования для этих целей указанные церкви и другие здания, а также избегать рытья траншей у стен зданий или под самими зданиями и расположения вблизи их артиллерийских батарей.

4. При наличии уже разрушенных исторических сооружений таковые также взять под охрану и не допускать расхищения кирпича, камня, железа и других строительных материалов, оставшихся после разрушения...»

К приказу прилагался список 56 культовых зданий — памятников архитектуры, истории и культуры, которые были взяты на учет и под охрану войсками Карельского фронта, в том числе Преображенский собор и Покровская церковь на острове

Кижы, Успенский собор в Кеми, Успенская церковь в Кондопоге, Петропавловская церковь в с. Вирма Беломорского района и другие²¹.

5 декабря 1943 г. управляющий делами Карело-Финской ССР И. Филимонов составил список действующих в советской Карелии храмов, включив в него лишь две часовни свт. Николая Чудотворца в Кемском районе: в деревне Гридино без священника и в деревне Летнерека, где служил священник Афанасий Мартынов. Но, вероятно, вскоре после окончания войны обе часовни были сняты с регистрации, так как в не подвергавшейся оккупации части Карелии в послевоенные годы ни одного храма или молитвенного дома не действовало²².

В июне — июле 1944 г. Карелия и северная часть Ленинградской области были освобождены. Почти все финские священники, избежав репрессий, ушли с отступавшими войсками, и большинство приходов осталось без духовенства. Впрочем, некоторые финские священнослужители все-таки подверглись аресту. Показательна в этом плане судьба иеромонаха Иоанна (в миру Петра Матси, 1906–1960). Он состоял в братии Валаамского монастыря, учился в Сердобольской (Сортавальской) Духовной семинарии, в 1935 г. принял монашеский постриг в Сербии, но в начале советско-финской войны 1939–1940 гг. был призван в Финляндию в действующую армию в качестве полкового священника с приписанием к братии Коневского монастыря, затем с 20 декабря 1941 по 16 июня 1944 г. служил районным священником на полуострове Заонежья. С июня 1944 г. отец Иоанн некоторое время был священником при лагере советских военнопленных в Финляндии, но в 1945 г. оказался арестован МГБ и осужден. До июля 1955 г. он отбывал срок в воркутинских и мордовских лагерях и только 7 августа 1955 г. был освобожден и выслан в Финляндию после вмешательства финского правительства (в дальнейшем о. Иоанн служил в русских храмах Франции, где и скончался)²³.

Вопрос о дальнейшей судьбе открытых в годы финской оккупации православных церквей решился далеко не сразу. Войска Карельского фронта 28 июня 1944 г. освободили Петрозаводск, и его верующие жители сразу же обратились с ходатайством в местные органы власти о регистрации функционировавшей с начала войны общины Крестовоздвиженской церкви.

31 августа 1944 г. Совнарком Карело-Финской ССР направил председателю Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпову заключение по вопросу открытия Крестовоздвиженского храма. В нем отмечалось, что правительство республики считает возможным удовлетворить ходатайство верующих. В конце сентября 1944 г. Совет по делам Русской православной церкви вернул все документы по данному вопросу Совнаркому Карело-Финской ССР, разъяснив, что, согласно инструкции Совета от 5 февраля 1944 г., в отношении функционировавшей церкви не требовалось принимать решения о ее открытии, и предложил зарегистрировать общину, что и было сделано 31 октября 1944 г. Лишь 5 июля 1945 г. был зарегистрирован приход Екатерининской церкви в Петрозаводске, еще позднее общины Успенской церкви в Олонце и Никольской в Сортавале, храма в пос. Соломенное и четырех сельских церквей²⁴.

Впрочем, богослужения в столице республики продолжались непрерывно. Священник П. Макаров до 27 июня 1944 г., окормлявший лагерь интернированного русского населения, не ушел с финнами, и с разрешения председателя Петрозаводского горсовета со дня освобождения города стал служить в Крестовоздвиженской церкви, хотя его назначение временно исполняющим обязанности настоятеля произошло только 9 июля 1945 г. Затем отец Петр 3 января 1946 г. был уволен за штат, 14 мая того же года арестован и 10 августа 1946 г. приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей. На его место митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), с 5 сентября 1944 г. временно управлявший Олонецкой епархией, назначил нового священника. Желая спасти храмы Карелии от закрытия, Владыка старался по возможности быстро замещать вакантные места настоятелей. Так, 9 июля 1945 г. он назначил настоятелей двух церквей в Петрозаводске и храма в селении Ладва, 3 января 1946 г. — в церковь селения Шелтозеро и др. Однако большинство храмов были официально закрыты, как не функционирующие за неимением священников (только в Олонецком районе — 6). Таким образом, к середине 1947 г. в Карельской республике осталось лишь 9 действующих православных церквей, а 85% функционировавших в период войны храмов вновь оказались закрытыми²⁵.

Финляндская православная церковь после окончания войны вновь переживала тяжелый период, связанный с размещением на новом месте эвакуированных прихожан и монахов (теперь и Трифоно-Печенгского монастыря). Во второй половине 1940-х гг. шли переговоры о ее возвращении в юрисдикцию Московского патриархата, но в конце концов они закончились неудачей, и Финляндская православная церковь ослась под окормлением Константинопольского патриарха.

---

¹ Bundesarchiv Berlin (BA). R 901/62300. Bl. 36–42.

² Бовкало А. А., Галкин А. К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора» // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 265–266, 373, 375.

³ BA. R 901/62300. Bl. 36–44.

⁴ Ibid. NS 15/552. Bl. 14.

⁵ Ibid. R 901/62291. Bl. 228–231, 234.

⁶ Справка Управления ФСБ РФ по Новгородской области от 30 июня 1994 г.

⁷ BA. R 5101/22415. Bl. 39.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. R 901/69292. Bl. 149; R 901/69302. Bl. 81; NS 15/552. Bl. 2.

¹⁰ Ibid. NS 15/552. Bl. 27, 30.

¹¹ Бовкало А. А., Галкин А. К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 267–268; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 209, 229.

¹² Берташ А. Коневский Богородице-Рождественский мужской монастырь на о. Коневец // ЖМП. 2003. № 5. С. 43.

¹³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 95, 115.

¹⁴ BA. R 901/69292. Bl. 149.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 81.

¹⁶ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229, 262; Бовкало А. А., Галкин А. К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 267–268.

¹⁷ Бовкало А. А., Галкин А. К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 267, 275; Вестник Мемориала. 1993. № 2 (6). С. 33–34.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 89. Л. 178–180.

¹⁹ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 295.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ *Детгуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С. 107–108.

²² *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 269.

²³ *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 230–231.

²⁴ *Детгуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). С. 109–110.

²⁵ Там же; *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора». С. 269.

В. Г. Макуров

**О РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ФИННАМИ
ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ. 1941–1944 ГГ.**

Проблемы религии и религиозной жизни в СССР и, в частности, в Карелии в годы войны нашли определенное отражение в отечественной историографии, особенно в последнее время¹. Однако религиозная ситуация на оккупированной финнами территории Карелии в 1941–1944 гг. до сих пор не являлась предметом специального исследования в отечественной исторической науке, что требует уже соответствующего научного исследования.

Как свидетельствуют документы, в 1930-е гг. гонения на Церковь и верующих в Карелии, как в Советском Союзе, тогда достигли особенно широкого размаха. В результате были закрыты или разрушены почти все действовавшие в начале XX в. молитвенные здания, многие священнослужители подверглись жестоким репрессиям, подавляющее большинство существовавших религиозных объединений прекратило свою деятельность².

С началом Великой Отечественной войны ситуация во многом изменилась. Религиозные общества, как и все другие и весь советский народ в целом, повсеместно начали проводить сбор средств, которые шли в Фонд обороны страны. На эти средства создавались танковые колонны, авиационные эскадрильи и другие боевые подразделения Красной Армии, воевавшие на всех фронтах Великой Отечественной войны. С одной стороны, такая патриотическая деятельность духовенства и верующих, с другой

стороны, понимание руководства страны о необходимости консолидации всех сил, чтобы отстоять свободу и независимость, стали прочной основой для нормализации государственно-церковных отношений, пришедших к концу 1930-х гг. в ту-пик³.

Своеобразие религиозной жизни в Карелии во многом обуславливалось тем, что в 1941–1944 гг. большая часть территории республики, на которой проживало свыше 80 тысяч человек, оказалась оккупированной финскими и немецкими войсками. О политике оккупационных властей в данной области свидетельствует целый ряд принятых ими официальных документов.

Так, в приказе главнокомандующего финской армии маршала Маннергейма от 24 апреля 1942 г. «Об организации религиозной жизни на территории Восточной Карелии» говорилось следующее:

«1. Каждый, кто относится к населению Восточной Карелии... может вступить в разрешенные на территории Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) религиозные общины или выйти из них. Разрешенными религиозными общинами, которые имеют право открыто совершать обряды, являются евангелическо-лютеранская и православная церкви, также другие религиозные общины, на деятельность которых на территории Восточной Карелии дает особое разрешение командир Военного управления;

2. В органах управления религиозной общины находят-ся представители Военного управления Восточной Карелии и подчиненные им должностные лица и служащие, которые назначаются командиром Военного управления...»⁴

Во исполнение приведенного выше приказа маршала Маннергейма командир Военного управления Восточной Карелии подполковник В. Котилайнен 5 мая 1942 г. издал свой приказ, в котором подчеркивалось: «...Главнокомандующий “армией Финляндии” считает, что на территории Военного управления Восточной Карелии среди населения не должно проводиться никакой религиозной агитации. Тот, кто хочет, в соответствии с данным вышеуказанным приказом имеет возможность вступить в любую религиозную общину, должен сделать выбор совершенно свобод-но по своим убеждениям, без уговоров и принуждения...»⁵

Однако из приведенных выше текстов приказов оккупационных властей нельзя не заметить, что так или иначе религиозная жизнь на территории Военного управления Восточной Карелии достаточно строго контролировалась и регламентировалась в соответствии с целями и задачами Финляндии (овладение северными территориями Советского Союза), которые она пыталась решить военным путем. Так, в приказе маршала Маннергейма на первое место ставилась евангелическо-лютеранская община, и это, видимо, говорит о том, что именно ей отдавались все возможные предпочтения и приоритеты в проведении оккупационной религиозной политики. Причем надо иметь в виду, что это было на первом этапе реализации оккупационных планов. В дальнейшем, очевидно, такие приоритеты должны были бы усиливаться и становиться абсолютно преобладающими в жизни населения «завоеванной» Карелии, что не состоялось, благодаря прочному единству фронта и тыла, всех народов и республик Советского Союза.

По официальным сведениям финского Военного управления Восточной Карелии, на 30 июня 1942 г. в оккупированных районах Карело-Финской ССР насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 человек, состоявших в евангелическо-лютеранских общинах. К концу 1943 г. ситуация изменилась и выглядела соответственно следующим образом — 30 632 и 2203 человек. То есть, по приведенным данным, прослеживается определенная тенденция, указывающая на резкое увеличение общей численности верующих почти в 7 раз. Кроме того, на что нельзя не обратить внимание, численность православных верующих возросла в 7,5 раза, а верующих-лютеран — в 3,3 раза (цифры округлены до десятых). Очевидно, из таких данных напрашивается вывод о том, что, несмотря на все усилия финских оккупационных властей по идеологическому, в данном случае религиозному, воспитанию, точнее перевоспитанию, населения Карелии, оно оставалось приверженным к своей традиционной вере — православию⁶.

Кстати говоря, из документов советских спецорганов следует, что во всех церквях в зоне оккупации, за исключением молитвенных помещений в концентрационных (трудовых и переселенческих, как они стали называться в 1943 г.) лагерях для русского гражданского населения, службы выполняли финские

священники, богослужения проводились на финском языке, в обязательном порядке вводились крещение детей и оформление церковных браков по лютеранским законам, а также активно проводились уроки Закона Божьего. В специально созданных религиозных школах для молодежи большое внимание уделялось ее идеологическому воспитанию «в национальном духе». Окончившие такие школы получали свидетельства и принимали лютеранскую веру, после чего могли принимать финское подданство⁷.

Таким образом, можно сказать, что религиозная жизнь на территории Военного управления Восточной Карелии достаточно строго контролировалась и регламентировалась в соответствии с политическими и военными целями Финляндии, но подавляющего вытеснения православия лютеранством тем не менее за трехлетний ортезок времени финские оккупационные власти осуществить так и не смогли.

---

¹ На пути к совести. М., 1989; Религия. Национальное согласие и возрождение России. М., 1993; *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991); Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. Т. 1–2. М., 1995; *Детгуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999; Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000 и др.

² См. подробнее: *Детгуев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии С. 64–102.

³ См. подробнее: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 184–185; Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000.

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁵ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 228–229.

⁶ Sota – arkisto. 2870/12; 9727/1; По обе стороны Карельского фронта. С. 262, 413.

⁷ Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия. Ф. 287. Оп. 2. Д. 27. Л. 82–92; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 124–129.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Татьяна Анатольевна, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Балашов Евгений Александрович

Барышников Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Белозеров Борис Петрович, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургской академии управления и экономики

Бурков Владимир Германович, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Васара Виена-Тули, Санкт-Петербургский государственный университет

Вассоевич Андрей Леонидович, канд. ист. наук, д-р филос. наук, профессор, РИСИ

Векшин Алексей Павлович

Веригин Сергей Геннадьевич, канд. ист. наук, доцент Петрозаводского государственного университета

Возгрин Валерий Евгеньевич, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Геуст К.-Ф., д. н., Военно-историческое общество Финляндии

Дубинко-Гуца Елизавета Олеговна, Датский институт международных исследований

Дубровская Елена Юрьевна, канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Журавлёв Дмитрий Александрович, канд. ист. наук, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей

Кент Найл, д-р наук, профессор университета Кембридж

Кривдина Ольга Алексеевна, канд. иск., Государственный Русский музей

Кривошеев Ю. В., д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Кротов Павел Александрович, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Лайдинен Эйнар Петрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ПетрГУ

Лебедев Алексей Анатольевич, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Макуров Василий Григорьевич, канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН

Моляров Велерий Николаевич, д-р ист. наук, профессор Военного инженерно-технического университета

Мусаев Вадим Ибрагимович, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Партала Михаил Анатольевич, канд. воен. наук, доцент Военно-морского института радиоэлектроники им. А. С. Попова

Славнитский Николай Равильевич., канд. ист. наук, Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Уйтто Антеро, д-р наук, Военно-историческое общество Финляндии

Фокин Владимир Иванович, д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Шкаровский Михаил Викторович, д-р ист. наук, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Шкваров Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, Университет Хельсинки

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bazarova T.A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science

Balashov E.A.

Baryshnikov V.N., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Belozеров B.P., PhD in History, Saint-Petersburg Academy of management and economics

Burkov V.G., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Vasara V.-T., Saint-Petersburg State University

Vassoevitch A.L. *candidate of historical science*, PhD in Philosophy, professor

Vekshin A.P.

Verigin A.G., candidate of historical science, associate professor of Petrozavodsk State University

Vozgrin V.E., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University

Geust K.-F., PhD., Military-historical association of Finland

Dubinko-Guscha E.O., Danish institute of international researches

Dubrovskaya E.Y., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science

Zhuravlyov D.A., candidate of historical science, Saint-Petersburg Military-Medical museum

Ivleva S.E., the State Russian Museum

Kent N., PhD., the Cambridge University professor
Krivdina O.A., candidate of historical science, the State Russian Museum
Krivosheev Ju.V., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Krotov P.A., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Laidinen E.P., candidate of historical science, higher senior officer of Petrozavodsk State University
Lebedev A.A., Saint-Petersburg State University of cinema and television
Makurov V.G., candidate of historical science, Karelian scientific centre of Russian Academy of Science
Molyarov V.N., PhD in History, professor of military engineering - technical university
Musaev V.I., PhD in History, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science
Partala M.A., candidate of military science, associate professor of the Naval Radio Electronic institute named after A.S. Popov
Slavnitskiy N.R., candidate of historical science, State Historical museum
Uitto A., PhD., Military-historical association of Finland
Fokin V.I., PhD in History, professor of Saint-Petersburg State University
Shkarovskiy M.V., PhD in History, Saint-Petersburg Central State Archives
Shkvarov A.G., candidate of historical science, University of Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Preface	9
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ	
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	11
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	
Профессор-скандинавист Н. И. Барышников — ученый и человек	12
<i>В. И. Фокин</i>	
Основатель научной школы новейшей истории российско-финляндских отношений	23
<i>Б. П. Белозеров, В. Н. Моляров</i>	
Доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Барышников	34
<i>А. Л. Вассоевиг</i>	
Научное завещание профессора Н. И. Барышникова	46
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА	
И ПОЛИТИКА	55
<i>П. А. Кротов</i>	
Ретраншемент Петра I на поле Полтавской битвы	56
<i>Н. Кент</i>	
«Эра свобод» и российско-шведские отношения	74

<i>В. Е. Возгрин</i>	Исчезнувшие острова (скандинавская Вест-Индия)	81
<i>А. Г. Шкваров</i>	Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений	109
<i>В. И. Мусаев</i>	Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920)	120
<i>В.-Т. Васара</i>	«Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны	131
<i>Д. А. Журавлёв</i>	Лечебные учреждения Ленинграда после окончания советско-финляндской войны: уроки и просчеты	148
<i>В. И. Мусаев</i>	Роль Карельского укрепленного района в обеспечении безопасности Ленинграда в 1930-е гг.	158
<i>С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен</i>	Финское население Карелии в начальный период Великой Отечественной войны	170
<i>В. Н. Барышников</i>	Оценка в финской армии советского наступления на Карельском перешейке 10–20 июня 1944 г.	178
<i>Е. О. Дубинко-Гуца</i>	Трансформация доктринальных основ внешней политики Дании во второй половине XX — начале XXI вв.	191
<i>В. И. Фокин</i>	Северная Европа и новый мировой порядок	209
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:		
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ		219
<i>А. А. Лебедев</i>	«А как военное время наступило, то и... матросы... обучение получают»: проблемы боевой подготовки русского парусного флота на Балтике	220
<i>Н. Р. Славнитский</i>	Укрепления Кронштадта и их подготовка к обороне от шведского и английского флотов в 1720 г.	231

<i>М. А. Партала</i>	
Деятельность русского командования по организации разведки на Балтийском морском театре в июле 1914 г. с привлечением судов частных пароходных компаний	240
<i>А. Уйтто</i>	
Полуостров Ханко как роковой вопрос в 1939–1941 гг.	250
<i>К.-Ф. Геуст</i>	
Мины — на Кронштадт, бомбы — на Турку	259
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ	267
<i>Т. А. Базарова</i>	
Письма В. Л. Долгорукого из Копенгагена вице-канцлеру П. П. Шафирову в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.	268
<i>О. А. Кривдина</i>	
Русско-шведский аспект «Записок о войне с Наполеоном в 1807 г.» Л. Л. Беннигсена	280
<i>Е. Ю. Дубровская</i>	
«Суровое прошлое» и «героические» образы времени: представления жителей Карелии о событиях Гражданской войны и иностранной интервенции	287
<i>Е. А. Балашов</i>	
Роль Сергея-Йохана Фабрициуса в создании «линии Маннергейма»	295
<i>В. Н. Барышников</i>	
Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией	309
<i>С. Г. Веригин</i>	
Рейды партизан Карельского фронта на территорию Финляндии в 1942–1944 гг.: два взгляда на одну проблему . . .	323
НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	341
<i>А. П. Векшин</i>	
Исторический вид города Ниена и крепости Ниеншанц	342

<i>С. Е. Ивлева</i>	
Иллюстрированные издания о странах Северной Европы в книжном собрании принца Петра Георгиевича Ольденбургского	348
<i>В. Г. Бурков</i>	
Изображение льва в государственной символике Финляндии	355
<i>М. В. Шкаровский</i>	
Финляндская православная церковь в годы Второй мировой войны	362
<i>В. Г. Макуров</i>	
О религиозной ситуации на оккупированной финнами территории Карелии. 1941–1944 гг.	376
Краткие сведения об авторах	380
Information about authors	382

CONTENTS

Preface	9
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	11
<i>Krivosheev Ju. V.</i> Professor N. I. Baryshnikov, Scandinavian countries researcher – the scientist and the man	12
<i>Fokin V. I.</i> The founder of scientific school of the new history in Russian-Finnish relations	23
<i>B. P. Belosero, V. N. Molyarov</i> PhD in History, Professor Nikolai Ivanovitch Baryshnikov	34
<i>A. L. Vassoevitch</i> Scientific will of Professor N. I. Baryshnikov	46
ECONOMICS, WAR AND POLITICS	55
<i>P. A. Krotov</i> Peter the First retrenchment in the Poltava Battle field	56
<i>Kent N.</i> «The era of freedom» and Russian-Swedish relations	74
<i>Vozgrin V. E.</i> Disappeared islands (Scandinavian West-India)	81

<i>A. G. Shkvarov</i>	Population of Finland and Russian military reservations during the First World War (1914–1918): the problems of cooperation . . .	109
<i>V. I. Musaev</i>	Petrograd as the centre of «red» Finnish emigration (1918–1920)	120
<i>V.-T. Vasara</i>	«New» activism in Finland in the years of the First World War . . .	131
<i>Zhuravlev D. A.</i>	Leningrad's Medical institutions after finishing the Soviet-Finnish war: advantages and disadvantages	148
<i>V. I. Musaev</i>	The role of Karelian fortified region providing safety for Leningrad in 1930s.	158
<i>S. G. Verigin, [E. P. Laidinen]</i>	Finnish population in Karelia in the beginning of the Great Patriotic War	170
<i>V. N. Baryshnikov</i>	Assessment of Soviet attack on Karelian Isthmus 10–20 June 1944 in Finnish army.	178
<i>E. O. Dubinko-Guschya</i>	Transformation of doctrinal basis of Danish foreign policy in the second half of the XX –in the beginning of XXI centuries. . .	191
<i>Fokin V. I.</i>	Northern Europe and new global order	209
THE BALTIC SEA:		
COOPERATION AND CONFRONTATION		219
<i>A. A. Lebedev</i>	«As war time comes...then sailors get lessons...»: the problems of battle training of the Russian sailing fleet in the Baltic Sea	220
<i>N. R. Slavnitskiy</i>	Fortified region in Kronshtadt and preparation for defense from Swedish and English navy in 1720	231
<i>M. A. Partala</i>	Russian command activity on organizing intelligence on the Baltic theatre of naval operations in June 1914 attracting water crafts of private shipping companies	240

<i>A. Utto</i>	
Peninsula Hanko as fatal issue in 1939–1941	250
<i>Geust K.-F.</i>	
Mines on Kronshtadt, bombs on Turku	259
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS	
AND ESTIMATIONS	
	267
<i>Bazarova T. A.</i>	
Letters by V. L. Dolgorukiy from Copenhagen to vice-chancellor P. P. Shafirov in Scientific-Historical Archives of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science	268
<i>Krivdina O. A.</i>	
Russian-Swedish aspect in «Notes on Napoleon war in 1807» by L. L. Benningsen	280
<i>Dubrovskaya E. Y.</i>	
«Severe past» and «heroic» images of time: ideas of Karelian citizens about the events of the Patriotic war and foreign intervention	287
<i>Balashov E. A.</i>	
Sergei Johan Fabricius' role in forming «Mannerheim line»	295
<i>Baryshnikov V. N.</i>	
Correspondence between General Headquarters of the Red army and Leningrad military command as a source on the issue of preparation of the USSR in autumn of 1939 to the war with Finland	309
<i>Verigin S. G.</i>	
Guerillas raids of the Karelian front to Finnish territory in 1942–1944: two points of view to the same question	323
SCIENCE, CULTURE	
AND RELIGION	
	341
<i>Vekshin A. P.</i>	
Historical view of Nien and Fortress Nienshanz	342
<i>Ivleva S. E.</i>	
Illustrated edition about North European countries in bibliotheca of Prince Petr Georgievitch Oldenburgskiy	348
<i>Burkov V. G.</i>	
Depicting of lion in state symbols of Finland	355

<i>Shkarovskiy M. V.</i>	
Finnish orthodox church during the Second World War	362
<i>Makurov V. G.</i>	
On religious situation on the Karelian territory occupied by Finns 1941–1944	376
Information about authors	382

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы Тринадцатой ежегодной
международной научной конференции

Художник *О. Д. Курта*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 22.03.2012.
Формат 60 × 84^{1/16}. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,50. Тираж 500 экз.
Заказ № 73

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-97-91,
email: editor@rchgi.spb.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Литография»,
191119, С.-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8